Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая — Марксизм-ленинизм и социал-фашизм 1

И. Митин — Материалистическая диалектика — философия пролетариата . . 10

А. Максимов — Марксизм и естествознание 50

П. Липендин и С. Николаев — О философском развитии Маркса (Маркс до 1844 года) 74

О. Штейн — Программный документ марксизма 110

Г. Кровицкий — Маркс о пролетарской партии 133

М. Шукарь — Маркс как историк 161

Н. Бобровников — Маркс об уничтожении противоположностей между умственным и физическим трудом 188

Обращение ЦС СВБ, ЦБ СНР, ЦБ ВАРНИТСО ко всем научным обществам и институтам, ко всем работникам науки и техники 213

А. Бах — За внедрение теории материалистической диалектики в естествознание 216

И. Е. Тамм — О работе философов-марксистов в области физики 220

В. Егоршин — Как И. Е. Тамм критикует марксистов 232

От редакции 261

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. Остерман — Великая годовщина и французские социал-фашисты . . . 264

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. Б—ен — Письмо в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» 278

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1933 г. МАРТ — АПРЕЛЬ № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Марксизм-ленинизм и социал-фашизм (1). **И. Митин** — Материалистическая диалектика — философия пролетариата (10). **А. Максимов** — Марксизм и естествознание (50). **П. Липендин и С. Николаев** — О философском развитии Маркса (Маркс до 1844 года) (74). **О. Штейн** — Программный документ марксизма (110). **Г. Кровицкий** — Маркс о пролетарской партии (133). **М. Щукарь** — Маркс как историк (161). **Н. Бобровников** — Маркс об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом (188). Обращение ЦС СВБ, ЦБ СНР, ПБ Варнитсо ко всем научным обществам и институтам, ко всем работникам науки и техники (213). **А. Бах** — За внедрение теории материалистической диалектики в естествознание (216). **И. Е. Тамм** — О работе философов-марксистов в области физики (220). **В. Егоршин** — Как И. Е. Тамм критикует марксистов (232). От редакции (261). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. **Э. Остерман** — Великая годовщина и французские социал-фашисты (264). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. **В. Б—ев**—Письмо в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» (278).

Марксизм-ленинизм и социал-фашизм

К пятидесятой годовщине со дня смерти К. Маркса — великого теоретика и борца пролетарской революции — коммунистическое движение, основанное и организованное им, охватило весь современный мир. Марксизм одержал гигантскую победу. Теория научного коммунизма, овладев массами, превратилась в грозную экономическую и политическую силу. Не менее четверти миллиарда людей на земле, освобожденных первой большевистской революцией в России и связанным с ней революционно-освободительным движением в Китае, организованных под знаменем Советов, при поддержке передовых революционных рабочих и идущих за ними миллионных масс трудящихся в капиталистических странах под руководством III коммунистического интернационала открыто противостоят умирающему, разлагающемуся, охваченному глубочайшим всеобщим кризисом капиталистическому миру.

Молодая советская социалистическая система хозяйства в СССР в течение ряда лет уже на практике показала все преимущества перед обанкротившейся капиталистической системой. Принцип научного социализма, провозглашенный 85 лет тому назад Марксом в «Манифесте коммунистической партии», одержал практическую победу во всех сферах советской экономики как в области промышленности и сельского хозяйства, так и торговли. Пролетариат Советского союза добился успехов всемирно исторического значения в деле организации и развертывания социалистического производства. Он превратил отсталую аграрную, мелкокрестьянскую страну в индустриальную, вооруженную передовой техникой. В итоге первой пятилетки создана прочная экономическая база социализма как в городе, так и в де-

ревне. Создан материальный фундамент для окончательного уничтожения всех остатков капитализма и классов вообще.

Продукция социалистического производства за первую пятилетку дала гигантский скачок вверх. Она, как указывал т. Сталин в докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), возросла в 1932 г. более чем в т р о е по сравнению с довоенной и более чем в д в о е по отношению к продукции 1928 г., в то время как об'ем промышленной продукции во всех без исключения капиталистических странах катастрофически сократился и продолжает снижаться и в 1933 году.

Гигантский рост социалистической промышленности в СССР вынуждена признать и Лига наций в своих недавно опубликованных экономических бюллетенях. По данным Лиги наций, индекс советской промышленности за период 1925—1932 гг. (принимая уровень 1929 г. за 100) поднялся с 43 до 145 при огромном снижении соответствующих показателей для всех капиталистических стран.

Эти убийственные для господствующей империалистической буржуазии факты вынуждена открыто признать в печати та часть представителей буржуазии, которая не окончательно еще утратила способность видеть и понимать явления действительности,—она говорит теперь о поразительных успехах Советов и все более растущем параличе капиталистического хозяйства.

«Советские республики заняли положение «острова», изолированного от растущего паралича мирового хозяйства» — гласит один из последних обзоров Вестминстерского банка по поводу экономических таблиц Лиги наций. И такого рода убийственные для хваленой капиталистической системы оценки стали теперь массовым явлением. Значительно большая часть мировой буржуазной печати полна аналогиями и сравнениями двух методов хозяйствования и двух противоположных систем хозяйства—социалистической и капиталистической. Представители умирающего капитализма полны зависти и злобы в отношении успехов молодой, полной жизнеспособности советской социалистической экономики, они в страхе перед стихийным бушующим экономическим кризисом капиталистического хозяйства, в отчаянии перед этой гибнущей системой, не выдержавшей исторического испытания. Современная реакционная буржуазия проявляет глубочайшую тревогу и нервозность перед предстоящей исторической развязкой, о которой говорил т. Сталин на январском пленуме ЦК ВКП(б).

«Капиталистические страны чреваты пролетарской революцией»— сказал т. Сталин.

«Итоги пятилетки,—говорил он,—показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма,— это советская система хозяйства» (И. Сталин, «Итоги первой пятилетки»).

Истекшие несколько месяцев 1933 г. не только не принесли смягчения кризиса, но наоборот, за это короткое время самое мощное звено в импе-

риалистической цепи, САСШ, получило новые удары. Мартовский массовый крах американских банков, крушение золотого доллара и дальнейшее сокращение промышленного производства свидетельствуют не только о продолжающемся углублении кризиса в САСШ, но и о новом обострении кризиса всей системы капитализма, о дальнейшем усилении и обострении всех капиталистических противоречий и приближении новых, еще более серьезных экономических и политических потрясений. В это же время советское хозяйство одержало новые победы как в промышленности, так и в особенности в сельском хозяйстве на весенних полях совхозного и колхозного сева. Большевики-ленинцы добились решающего перелома в деле качественного укрепления колхозного строя. Позиции единоличного хозяйства уже преодолены во всех основных районах СССР, и полная победа колхозного строя в деревне обеспечена. Социализм в СССР крепнет и развивается в условиях окружающего капиталистического хаоса и разрушения, моря нищеты, отчаяния и одичания.

Все более обостряющийся экономический кризис на фоне всеобщего кризиса капитализма расшатывает до самого дна систему мирового империализма, ежечасно угрожая ей новыми потрясениями и глубочайшими взрывами. Безработица, нищета, голод и недовольство трудящихся масс своим положением в странах капитализма растут изо дня в день, а вместе с этим все выше поднимается и волна революционного возмущения масс против капиталистической системы, поставившей огромное большинство человечества на край гибели.

Величайшие успехи первой социалистической пятилетки в стране диктатуры пролетариата, растущее благосостояние масс, ликвидация безработицы, уничтожение остатков паразитических классов, полная уверенность трудящихся СССР в завтрашнем дне, величайший энтузиазм в строительстве социализма и несокрушимая вера строителей новой жизни в окончательную победу своего дела ставят перед угнетенными и придавленными капиталистической системой массами рабочих и крестьян все резче и резче вопрос о выборе пути между двумя мирами: быстро растущим, крепнущим социализмом и гибнущим, гниющим капитализмом.

Империалистическая буржуазия начинает отчетливо сознавать и видеть, что массы делают выбор *не в ее пользу*, что коммунизм становится неотразимой притягательной силой, вызывающей величайшее сочувствие, восторг и восхищение великой советской стройкой угнетенных всего мира.

«*Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма*,— таков неоспоримый факт» (Сталин). Империалистическая буржуазия чувствует, что приближается ураган социальной революции, в то время как материальная и политическая база ее былого могущества с каждым днем становится все более шаткой, противоречивой, неустойчивой, угрожая полным крахом.

Буржуазия бессильна обуздать стихийные экономические силы капитализма, бессильна остановить с гигантской быстротой нарастающие экономические, политические и военные столкновения между отдельными импе-

риализмами, задыхающимися в тисках бушующего кризиса и раздираемыми изнутри ожесточенной классовой борьбой.

Ходом всего экономического и политического развития последних лет капиталистический мир поставлен перед новым туром революций и войн. Буржуазия ищет выхода из тупика в войне; эта война фактически уже идет на Дальнем Востоке между Японией и Китаем. Она бешено готовится к новой империалистической войне для нового передела мира и к интервенции против СССР, пытаясь предупредить нарастающие пролетарские революции и раздавить их.

Эти планы империалистической буржуазии полностью разделяет ее передовой контрреволюционный отряд, реакционная ее агентура в рабочем движении—социал-демократия II интернационала. Она предлагает буржуазии осуществить планы спасения капитализма на путях буржуазной демократии и войны (под прикрытием пацифизма) против революции, против коммунизма. Такова была до сих пор программа дня всех партий II интернационала, какими бы пацифистскими фразами они ее ни прикрывали, какой бы туман из лицемерных «марксистских» слов они ни напускали. Однако хозяева этих верноподданных лакеев, учитывая создавшуюся обстановку революционного возмущения масс, вынуждены искать путь для реализации своего плана в сочетании войны и фашизма против революции. И социал-демократия, решившая до конца итти в ногу с капиталистической системой, всеми корнями сросшаяся с ней, волей-неволей должна примириться с решением своего хозяина: мириться с фашистской диктатурой, срабатываться с ней, ибо об'ективно общие цели их на сегодняшний день едины (сохранение и укрепление капитализма и диктатуры буржуазии), расхождение же лишь во второстепенном — в различии методов разрешения одной и той же цели, т. е. в тактических выводах. Именно в этом заключается глубочайший смысл последних событий в Германии, которая сейчас больше, чем какая-либо капиталистическая страна в мире, беременна революцией в силу исторического ее положения в системе послевоенного капитализма.

Фашистский переворот в Германии и переход германской социал-демократии на сторону фашизма — вот два исторических факта наших дней, которые об'ективно означают, что империалистическая буржуазия Германии в страхе перед коммунистической революцией решила на этот раз бросить последние свои отряды против быстро нарастающих сил революции с целью ее разгрома и с целью подготовки к империалистической войне и интервенции в СССР. Это вместе с тем означает, что спасение капитализма периода всеобщего кризиса является общей целью и социал-фашизма и фашизма. Заявление Вельса, сделанное 24 марта фашистскому правительству Гитлера, о полной поддержке вождями германской социал-демократии политической и прежде всего внешнеполитической программы германского фашизма и голосование с.-д. фракции 17/V за декларацию Гитлера еще раз неопровержимо доказывают, насколько коммунисты были правы, расценивая современную социал-демократию как социал-фашизм.

Разве вожди и теоретики немецкой с.-д. в лице Каутского, Гильфердинга и других в течение последних лет не проповедывали одну и ту же про-

грамму с фашистами в отношении к коммунизму и СССР? Разве тот же взбесившийся контрреволюционный буржуазный «демократ» Каутский не заявлял систематически в каждой статье, что главным врагом буржуазной демократии является не фашизм, а коммунизм, разве не он писал в декабре прошлого года в журнале «Кампф», смущая своей наглой циничной откровенностью стыдливого социал-фашиста М. Адлера, что у современной демократии «главный враг сидит в Москве»? Разве не он доказывал в бесчисленных своих статьях и трудах, в особенности в своей последней книге «Война и демократия», что всякое революционное вооруженное насилие, всякая насильственная революция, подготовка к ней и вооружение пролетариата преступны и что историческое право на вооружение и на войну могут иметь только ныне господствующие классы.

Чем же эта программа военного разоружения и разгрома пролетариата отличалась от гитлеровской политики разгрома компартии и революционных организаций немецкого пролетариата, если разобраться по-марксистски, научно, вскрыв об'ективно классовое содержание призывов взбесившихся Каутских, Вельсов и т. п. «социалистов»? В основном и главном политическая программа социал-фашизма и фашизма одна и та же: она выражает интересы реакционной немецкой империалистической буржуазии. Как приход Гитлера к власти, так и новое, еще более циничное, чем в 1914 г., предательство германской социал-демократии—открытый переход ее на сторону фашизма, полная капитуляция перед ним — не является для коммунистов чем-то неожиданным. Компартия давно научно определила социал-демократию как социал-фашизм, который неизбежно всей своей политикой подготовляет в Германии приход фашизма. Иного нельзя было ожидать от социал-демократического руководства, уже не раз специализировавшегося на предательстве и разгроме революции, на разоружении и расстрелах рабочих.

Германская социал-демократия своим открытым переходом на сторону фашизма показала дорогу и остальным социал-фашистским партиям II интернационала. Когда в этом будет необходимость, они несомненно все по примеру немецкого социал-фашизма окажутся открыто на стороне фашистской диктатуры, террористической диктатуры своей отечественной империалистической буржуазии. А пока что французская, бельгийская, польская, чешская и другие с.-д. партии предпочитают на словах отмежеваться от своих германских соратников, лицемерно клеймя их за измену и выход из II интернационала. Такая тактика диктуется им империалистической буржуазией их собственных стран, предписывающей с.-д. партии выступать под «демократическим» флагом против фашистской Германии, требующей равноправия в вооружениях, возврата колоний и ревизии версальской системы. Французские, бельгийские, чешские и другие социал-фашисты волей-неволей вынуждены поддерживать единый фронт со своей отечественной буржуазией против революционного пролетариата под знаменем «демократии», под этим же «демократическим» флагом борьбы с прусской реакцией. Они подготовляют фашизацию своих государств, новую империалистическую вой-

ну и интервенцию против СССР. В деле дальнейшего одурачивания идущей еще за социал-демократией части обманутых рабочих между расползающимися и гниющими частями бывшего II интернационала в данный период установилось именно указанное своеобразное разделение труда. Но рабочие массы в такие периоды истории, в периоды нарастания особенно острых классовых противоречий, просвещаются быстро.

На этот раз обмануть массы не удастся. Никакие маневры со стороны социал-фашистов не помогут воскресить гниющий труп II интернационала. Он фактически больше не существует как международная организация.

Кровавая струя, которая легла с первых дней империалистической войны между двумя лагерями в современном рабочем движении: между большевизмом как революционным марксизмом, с одной стороны, и социал-шовинизмом (социал-империализмом) — с другой, в течение последующих, послевоенных, революционных годов расширялась из года в год и превратилась в реку рабочей крови, пролитой изменниками социализма по указке современной контрреволюционной буржуазии.

Сейчас социал-демократия впряглась с фашизмом в общую колесницу контрреволюционной империалистической буржуазии, чтобы окончательно растоптать, задавить рабочее движение, физически истребить революционный авангард коммунистического пролетариата во имя спасения немецкого и, как они хвастают, общеевропейского и мирового капитализма.

Таким образом к 50-летию со дня смерти учителя научного коммунизма пропасть между двумя расколовшимися полюсами в интернациональном рабочем движении обозначилась с такой резкостью и ясностью, что остается уже немного времени ожидать, когда обманутые социал-демократические рабочие массы столкнут в эту пропасть своих вырывших ее социал-фашистских вождей, предателей и убийц рабочего класса, изменников единого интернационального коммунистического движения.

В свете последних германских событий — нового отвратительного предательства рабочих германскими социал-демократическими вождями, кровавого фашистского террора против героической КПГ и революционного германского пролетариата и открытого Гитлером «крестового похода» против марксизма—знамя Маркса более чем когда-либо становится знаменем борьбы за большевизм, за коммунизм, ибо коммунизм является единственной силой, которая сможет похоронить единый реакционный фронт всех отрядов империалистической буржуазии, начиная от остатков средневековья — помещиков, духовенства — и кончая продуктами разлагающегося империализма— фашизмом и социал-фашизмом, как с его правым каутскианским, так и «левым» стыдливым крылом в лице М. Адлеров, Отто Бауэров, Троцких и т. д.

Озверевшая немецкая буржуазия, окончательно потерявшая голову перед ростом коммунизма в Германии, не замечает того, что, передав власть Гитлеру для уничтожения и истребления марксизма, она бессознательно, помимо своей воли, работает на революционный марксизм. Фашисты разжигают на улицах Берлина костры из марксистской и даже социал-фашистской и радикальной буржуазной литературы, организуют в центре Германии кон-

центрационные лагери для десятков тысяч революционных рабочих, коммунистов и социал-демократов. Об'явив компартию вне закона, загнав ее в подполье, они сажают в тюрьмы и расстреливают руководящих работников партии, уничтожают легальную коммунистическую печать, громят профсоюзы и все организации рабочего класса. Они организуют истязания коммунистов и евреев по всем правилам и методам средневековья, рекламируют знамя средневековой мистики, оголтелого национализма и антисемитизма против науки и научного коммунизма, изгоняют в шовинистическом угаре из университетов крупнейших буржуазных ученых и литераторов с мировым именем. Но сегодняшняя гитлеровская Германия не замечает того, что своими зверскими террористическими методами господства она лучше и быстрее заставляет социал-демократических рабочих, беднейших крестьян и лучшую часть мелкобуржуазной радикальной интеллигенции Германии усваивать современный научный марксистский метод действия и революционную марксистскую науку, но на этот раз уже не по социал-фашистским учебникам Каутского и М. Адлера, а под руководством компартии на живом опыте классовой борьбы самих масс, на фактах из действительной жизни, в огне развертывающейся гражданской войны.

Революционный под'ем в Германии вопреки фашистскому террору будет неизбежно нарастать, ибо фашизм, так же как обанкротившаяся реакционная буржуазная демократия, в побежденной стране в условиях углубляющегося экономического кризиса не в состоянии разрешить ни одной из демагогически выдвинутых им проблем и неизбежно ведет и приведет страну к катастрофе. Отпор масс фашизму не может не расти. Фашистская политическая диктатура открытого террора, провокации и голого кнута неизбежно разобьет все демократические иллюзии в массах, развеет социал-демократическую веру в святость и неприкосновенность буржуазного государства, социальной, хозяйственной и прочей буржуазной демократии, вызовет революционную ненависть к фашизму и ускорит темп развития Германии к пролетарской революции.

Именно сейчас, когда не только в Германии, но в большинстве стран Европы фашизм и социал-фашизм являются последними резервами контрреволюционной буржуазии, выдвинутыми на первую линию огня против революционного пролетариата, — резервами, призванными быть последней плотиной против пролетарской революции, теория и тактика революционного марксизма-ленинизма в деле подготовки пролетарской революции и завоевания диктатуры пролетариата приобретает самое актуальное, боевое практическое значение, ибо только она дает мировому пролетариату и угнетенным и задавленным нуждою трудящимся массам перспективу выхода из пучины капиталистического кризиса, из империалистических войн, из угнетения и рабства.

Господствующие классы уже не первый день «искореняют» и «уничтожают» марксизм. Вся история буржуазии с начала рабочего движения и с момента возникновения революционного учения Маркса есть непрерывная война с марксизмом всеми методами и средствами, которыми она распола-

гала как экономически и политически господствующий класс. В этой борьбе закалялся, вырос и победил марксизм, в этой борьбе он превратился в гранитную коммунистическую скалу, о которую разобьется капиталистический строй.

В условиях домонополистического капитализма буржуазия использовывала преимущественно буржуазно-либеральную и мелкобуржуазную агентуру в рабочем движении, пытаясь убить марксизм изнутри путем выхолащивания его революционной сути—материалистической диалектики, путем бесчисленных его извращений, разбавления марксистской теории старой буржуазной идеологической дрянью, путем приспособления марксистской политики к интересам буржуазии, отказа от революционной тактики, отрицания марксовой теории классовой борьбы, пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Вся вторая половина XIX в. и первое десятилетие XX в. полны непрерывной, самой непримиримой борьбы революционного марксизма со всеми течениями оппортунизма, ревизионизма, мелкобуржуазного анархо-синдикализма в рабочем движении.

С началом империалистической войны ревизионизм привел к расколу в социализме, превратившись в социал-шовинизм, социал-империализм. Из орудия политики буржуазного либерализма и радикализма он превратился в орудие реакционной империалистической буржуазии. И наконец в эпоху пролетарских революций он эволюционировал в социал-фашизм.

В России ревизионизм был разбит еще в 1903 г.; в период первой революции 1905 г. он в лице меньшевизма позорно капитулировал перед буржуазией. Без этой идейной победы большевизма над меньшевизмом и другими формами ревизионизма и оппортунизма не было бы победы русской революции в марте и тем более в октябре 1917 г.

На Западе, где буржуазия значительно сильнее, она смогла глубже развратить верхушку рабочего класса и верхи партийного и профсоюзного чиновничества. Международный оппортунизм II интернационала был там господствующим идеологическим течением вплоть до 1914 г., пока не потерпел краха и поражения, превратившись в отряд реакционной буржуазии в социализме.

Большевизм—революционный марксизм—вновь вышел из этой борьбы победителем, еще более идеологически закаленным и вооруженным. Он заложил основу III коммунистического интернационала и его секций во всех странах мира, дал им образцовую программу и тактику борьбы, всюду разбивая, вытесняя открытых реформистов и центристов в рядах с.-д., разоблачая контрреволюционную роль II интернационала.

Только в этой борьбе вырос и закалился ленинизм как революционный марксизм нашей эпохи, обогащенный новым опытом классовой борьбы пролетариата; только в истребительной войне с ревизионизмом, реформизмом и всеми видами международного оппортунизма и социал-фашизма выковалась теория и тактика большевизма — самое страшное, что когда-либо могла видеть буржуазия.

Недаром же перед этой силой затряслись колени фашистских «храбрецов»: Гитлера—Розенберга—Геринга—Геббельса. Со страха и отчаяния они сейчас заметались с зажженными факелами по всей Германии, пытаясь убить коммунистическую мысль, а вместе с ней и все достижения мировой литературы и науки точь в точь, как обреченные русские крепостники Фамусовы перед своей исторической смертью проектировали: «Собрать все книги бы да сжечь».

Представители обреченных на гибель исторических классов в последние свои часы всегда могли играть на исторической сцене лишь роли озверевших палачей и опасных авантюристов. Такова сейчас миссия фашизма как партии крайне реакционной империалистической буржуазии.

Марксизм нельзя убить ни фальсификацией его, ни подтасовками, а тем более при помощи бензина и огня, потому что существо марксизма заключается не в мертвых, застывших формулах, а в его действенном революционно-критическом методе, в живом действии борющихся классов, революционном действии масс.

Марксизм как наука есть лишь теоретическое выражение великого практического движения революционного пролетариата, идеологическое обобщение условий, приемов его классовой борьбы с врагами, программа и тактика этой борьбы.

Марксизм есть критически-революционный вывод, обобщение всех достижений предшествующей и современной науки, всего богатства в истории развития человечества.

Поэтому марксизм так же многосторонен и богат, как сама действительность, жизнь, откуда он черпает свою силу.

Марксизм так же неистребим, как неистребима историческая действительность, научным отражением которой он является.

Материалистическая диалектика — философия пролетариата *)

М. Митин

I

Отношение марксизма в целом, диалектического материализма как его составной части к предшествующим идейным течениям определяется тем, что марксизм представляет собой идеологию пролетариата, класса, который, как говорили об этом Маркс и Энгельс, есть «разрушительная сторона капиталистического способа производства», класса, на который выпала великая историческая роль построить коммунистическое общество. Вопрос об отношении марксизма к предшествующим идейным течениям имеет не только исторический интерес в смысле происхождения и возникновения марксистского учения, в смысле выяснения того, как марксизм с боя брал каждый свой шаг, каждую свою позицию. Этот вопрос имеет крайне важное и актуальное значение и для настоящего периода. Дело в том, что марксизм представляет собой живое развивающееся учение. Перед пролетариатом стоит задача построения социалистического общества, задача, которая включает в себя не только коренную перестройку техники, производительных сил, общественных отношений, но означает также перестройку всей науки на новых основах — на основах диалектического материализма. Поэтому этот вопрос имеет крайне важное, актуальное, злободневное значение. И именно как раз в этом пункте мы встречаемся с целым рядом совершенно неправильных установок, ревизующих и вульгаризирующих существо марксистской теории.

Единственными марксистами, которые дали и дают правильное разрешение этого вопроса, были не кто иной, как В. И. Ленин и продолжающий дело Ленина т. Сталин.

Если выразить вкратце существо того, что по этому вопросу говорил Ленин, то оно сводится к следующему: Ленин все время, когда он характеризует марксистскую теорию, подчеркивает то обстоятельство, что марксизм был невозможен без самого полного, самого детального, самого тщательного и самого глубокого овладения всем знанием, накопленным человечеством до Маркса. Ленин все время подчеркивает, что марксизм как теория научного коммунизма, как учение о законах возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства был невозможен без самого тщательного, самого подлинного, самого детального изучения не только всего того, что было накоплено человечеством в области экономики, но и того, что было накоплено в области философии, естествознания и в целом ряде других областей науки.

---

*) Стенограмма доклада на научной сессии Института философии Комакадемии, посвященной 50-летию со дня смерти Маркса.

Однако, подчеркивая это обстоятельство, Ленин неоднократно в целом ряде своих произведений (и это коренным образом отличает его от «теоретиков», ревизовавших, вульгаризовавших, извращавших марксистскую теорию) подчеркивал, что марксизм означает не простое овладение всем предшествующим знанием, а критический пересмотр его.

Однако есть критический пересмотр и «критический» пересмотр. Ведь несомненно Гегель критически пересматривал все то, что давал в области философии, скажем, один из его предшественников—Кант. Несомненно, что Кант пересмотрел критически то, что давалось до него предшествующей философией. То же самое можно сказать и относительно крупнейших представителей политэкономии и т. д. Существенное отличие критического пересмотра марксизма по отношению ко всему предшествующему знанию состояло в том, что марксизм означал критический пересмотр всего старого идейного наследства с точки зрения интересов и задач рабочего класса, он означал критический пересмотр старого идейного наследства с точки зрения последовательного материализма и борьбы за коммунистическую революцию, с точки зрения задачи создания бесклассового коммунистического общества. И именно этот характер критического пересмотра старого идейного наследства придает марксизму то значение, что он действительно смог выйти за узкие рамки, которыми были ограничены даже самые умные, самые крупные представители буржуазной науки в различных областях, поскольку они оставались на почве старого общества. Именно это обстоятельство и дало возможность Марксу создать такую научную теорию, такое учение, которое не имеет равного себе во всей мировой истории.

Ленин все время подчеркивал это обстоятельство, говоря о задачах марксистов в деле овладения наукой, техникой. Касаясь нашего подхода ко всему буржуазному наследству, к буржуазной науке в эпоху диктатуры пролетариата, в процессе социалистического строительства, Ленин подчеркивает, что марксист должен уметь овладеть всем знанием, всей буржуазной культурой и т. д. Однако, говоря об овладении всеми знаниями и всей культурой предшествующих эпох, Ленин в то же самое время указывает на то, что коммунист должен уметь при этом «вести свою линию», должен уметь бороться за свою линию, должен уметь «отсекать реакционные тенденции», «бороться со всей линией враждебных нам сил и классов».

Это чрезвычайно важное обстоятельство нужно иметь в виду, когда мы подходим к существу материалистической диалектики как философии пролетариата. Нет возможности в этом докладе подробно останавливаться на всем ходе формирования взглядов Маркса и Энгельса как взглядов диалектического материализма. Это—тема специального доклада. Думаю, что целый ряд товарищей в наших прениях восполнит этот момент. Надо здесь остановиться на некоторых узловых вопросах идейной эволюции Маркса и Энгельса для того, чтобы понять, что означало в области философии критическое преодоление старой философии, критическое преодоление, с одной стороны, идеалистического характера гегелевской диалектики и, с другой стороны, ограниченного характера фейербаховского материализма.

Несомненно, что самыми высшими пунктами в развитии буржуазной философии в ту эпоху, когда она находилась в расцвете своих сил, т. е. в ту эпоху, когда буржуазия была прогрессивным классом, когда она представляла передовые тенденции в общественном развитии, когда она была революционным классом, являются идеалистическая диалектика Гегеля и метафизический созерцательный материализм, который одновременно с этим в области явлений общественной жизни означал

также идеализм. Говоря о материализме, надо иметь в виду, с одной стороны, направленный против религии, изобличающий, антипоповский, атеистический боевой характер материализма XVIII столетия, и с другой стороны — материализм Фейербаха.

Идеалистическая диалектика Гегеля—диалектика буржуазная в том смысле, что в гегелевской философской системе получило теоретическое выражение положение буржуазии на рубеже XVIII и XIX вв. в целом, и в особенности положение немецкой буржуазии. Идеалистическая диалектика Гегеля представляла собой самое глубокое, самое передовое учение о развитии. Гегелевская теория противоречий, гегелевская теория скачков, проблема исторического подхода ко всем вопросам как общего мировоззрения, так и вопросам общественной жизни и естествознания, историзм, который проникает всю гегелевскую философскую систему,—все это является идеологическим продуктом революционной эпохи, эпохи буржуазных революций.

Однако каковы же основные черты и каков основной характер эпохи буржуазной революции, который не мог не получить отражения в идеалистической гегелевской диалектике?

Основная характерная черта буржуазной революции состоит в том, что мы имеем постепенное развитие новых экономических отношений, вызревающих в недрах старого строя. Задача, которая стоит перед буржуазной революцией, значительно отличается от той задачи, которая стоит перед революцией пролетарской. Задача здесь состоит только в том, чтобы снять путы, мешающие этим уже развившимся в недрах феодального строя новым экономическим отношениям. Перед буржуазной революцией стоит задача замены одной эксплоататорской группы другой эксплоататорской группой. Перед буржуазной революцией стоит задача смены одной формы эксплоатации другой формой эксплоатации. Ясно, что буржуазная революция в силу этой своей природы, в силу того, что она заменяет одну форму эксплоатации другой формой эксплоатации, не может пахать в общественном смысле так глубоко, как пашет пролетарская революция. Ясно, что буржуазная революция в силу ее природы не может на более или менее длительный срок об'единить вокруг себя действительно широкие трудящиеся массы. Напряженность, обостренность классовой борьбы, которые характерны для эпохи буржуазной революции, вовсе не такие, какие мы имеем в эпоху пролетарской революции, которая ставит перед собой задачу создания бесклассового общества. Теоретическое отображение, идеологическое выражение этих процессов, которые характерны для буржуазной революции, неизбежно должны были быть ограничены и не могли не быть ограничены такими рамками, о которых я только что говорил. Идеалистическая диалектика Гегеля, явившаяся наиболее передовой буржуазной теорией на этом рубеже, вместе с тем заключала в себе целый ряд моментов, которые показывают всю ее ограниченность. Эта ограниченность ярко обнаруживается, даже если взять наиболее революционную сторону этой философии—ее учение о противоречиях. Нет возможности здесь подробно охарактеризовать ограниченность всей философской системы Гегеля, да это и не входит непосредственно в задачу этого доклада. Я хочу здесь остановиться только на учении о противоречиях в гегелевской системе для того, чтобы показать с одной стороны, классовую ограниченность разрешения этих вопросов, которая была у Гегеля, и, с другой стороны, для выяснения того качественно нового шага, который мы имели в работах Маркса и Энгельса.

Каковы основные ограниченности теории противоречий Гегеля как идеалистической теории противоречий, как идеалистической диалектики? Как раз этот вопрос получает в работах Маркса, в частности в «Критике фило-

софии права» Гегеля, глубокое освещение. Не случайно то обстоятельство, что Маркс дает освещение этого вопроса именно в «Критике» гегелевской «Философии права», в критике того произведения, в котором он (Гегель) пришел к самым крайним реакционным выводам. В этой критике работы Гегеля Маркс дает нам наряду с критическим разбором его правовых взглядов также и раскрытие ограниченностей гегелевского учения о противоречиях, дает критическое освещение того, чем является гегелевская диалектика как диалектика идеалистическая.

Маркс указывает, что у Гегеля, в его разрешении проблемы противоречий мы имеем ту ограниченность, что Гегель ставил перед собой задачу о п о с р е д о в а н и я п р о т и в о р е ч и й, которое, по выражению Маркса, получает у него несгибаемое выражение, становится как бы «святым таинством». Маркс подчеркивает, что разрешение противоречий, которое пытается дать Гегель в своей системе,—это разрешение в сфере мыслей. Такое разрешение есть только и л л ю з о р н о е разрешение. Ибо нет и не может быть только в сфере мысли действительного разрешения противоречий, а тем более разрешения борьбы противоречий. Маркс показывает, что Гегель в своей теории противоречий не понимает противоположностей как действительных крайностей. В этой связи Маркс говорит, что основная ошибка Гегеля заключается в том, что он противоречия явлений понимает как единство сущности и идеи, между тем как указанное противоречие имеет своей сущностью нечто более глубокое, а именно — с у щ е с т в е н н ы е п р о т и в о р е ч и я.

Маркс в этой же работе, критикуя политические взгляды Гегеля, его политические реакционные выводы, которые он делает вопреки своему методу, указывает, что Гегель не добирается до резкости действительных противоречий, что резкость действительных противоречий в действительном материальном об'ективном мире он считает чем-то вредным и считает нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайность, между тем как раз такое «превращение означает их самопознание и одушевление к решительной борьбе».

Таким образом на этом примере можно показать, что, несмотря на то, что диалектика Гегеля представляла собою самое полное, самое последовательное для своего времени учение о развитии, все же в силу своего классового характера, в силу своего гносеологического характера она конечно не могла дать действительного разрешения этих вопросов. Гегелевская диалектика страдала чрезвычайно важными и существенными недостатками.

Между тем точка зрения пролетариата, точка зрения коммунистической революции, точка зрения борьбы за эту революцию, которая характерна для Маркса и Энгельса, совершенно по-новому поставила проблему противоречий, проблему борьбы противоположностей.

В «Святом семействе» Маркс, касаясь вопросов о противоречиях и в частности о противоречиях капиталистического способа производства, писал следующее: «Пролетариат и богатство—это противоположности. Как таковые, они образуют единое целое, они обе—порождение мира частной собственности. Дело идет о том, какое основное положение каждый из этих двух элементов занимает».

Дальше он об'ясняет, какое же место занимает в этом противоречии каждый из этих элементов. И он говорит: «В пределах самого противоречия таким образом частный собственник представляет собой консервативную сторону, пролетариат—разрушительную. От первого исходит действие, направленное на сохранение противоречия, от второго—действие, направленное на его уничтожение».

Маркс является идеологом пролетариата, и самая проблема противоречий, как мы видим, им заново поставлена; по-новому поставлена и задача

разрешения противоречий, задача понимания действительных крайностей, действительной борьбы.

На этом примере видно, что означала критическая постановка важнейших вопросов с точки зрения наиболее последовательно революционного класса, что означало критическое преодоление важнейших проблем предшествующей философии.

В качестве другого примера того, что означал качественно новый шаг вперед Маркса в деле преодоления ограниченностей предшествующей философии, надо рассмотреть взаимоотношение марксизма с материалистической философией Фейербаха. Я не буду касаться здесь всего того значения, которое имела материалистическая философия Фейербаха, давшая отставку «абсолютному духу» Гегеля. Не буду говорить также и о том значении, которое имела философия Фейербаха для развития философских взглядов Маркса и Энгельса. Это вопросы особого порядка. Сейчас важно только выяснить, что означала с точки зрения классовой, с точки зрения гносеологической философия Фейербаха в ту историческую полосу и что означало вместе с тем критическое преодоление ограниченности этой философии у Маркса, в результате которого он пришел к формулировке диалектического материализма.

Несомненно, что центральной проблемой материалистической философии Фейербаха является человек. Каков же человек Фейербаха и что он собой представляет, если подойти к характеристике этой проблемы с точки зрения раскрытия ее классового существа? На этот счет мы имеем в работах Ленина совершенно ясные указания. В XII ленинском сборнике мы имеем следующее место. Ленин приводит одно место из «Сущности христианства», в котором Фейербах так характеризует свой идеал: «Пусть нашим идеалом будет не кастрированное, лишенное телесности отвлеченное существо, а цельный, действительный, всесторонний, совершенный, развитой человек». Приводя это место о человеке Фейербаха, Ленин делает следующее замечание: «Идеал Михайловского лишь вульгаризированное повторение этого идеала передовой буржуазной демократии, революционной буржуазной демократии».

Действительно, философия Фейербаха, в частности центральная проблема его философии—его учение о человеке,—порождена несомненно идеологией буржуазной демократии или революционной буржуазной демократией накануне и в период революции 1848 г. Не случайно то обстоятельство, что один из видных представителей «истинного социализма» в Германии связывает свои взгляды по вопросу о социализме с философией Фейербаха. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс разоблачают существо взглядов немецкого истинного социализма, раскрывают их классовые и теоретические корни. Там же они критикуют Карла Грюна, который, говоря о философии Фейербаха, в своих работах писал, что «философия Фейербаха представляет собой итог всей работы философии вообще», что «философия Фейербаха означает самую высшую философию, что человек Фейербаха—это есть действительно последний результат всемирной истории».

По поводу этих положений, по поводу того, что Грюн связывает свое учение об «истинном социализме» с философией Фейербаха, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Вооруженный непоколебимой верой в результаты немецкой философии, как они даны у Фейербаха, а именно, что Человек с большой буквы, чистый, истинный человек есть конечная цель всемирной истории, что религия есть самоотчуждение человеческой сущности, что человеческая сущность есть человеческая сущность и мера всех вещей, вооруженный прочими истинами немецкого социализма, гласящими, что и деньги и заработная плата есть самоотчуждение человеческой сущ-

ности, что немецкий социализм есть осуществление немецкой философии и теоретическая истина иностранного социализма и коммунизма и т. д.,—вооруженный всем этим господин Грюн уезжает в Брюссель и Париж со всем самодовольством истинного социализма» (т. IV, стр. 486).

Маркс теоретически высмеивает этого «Человека» с большой буквы, показывая вместе с тем ту связь, которая существует в этих мелкобуржуазных взглядах немецкого «истинного социализма» с теоретическими взглядами Фейербаха, с его пониманием человека.

Маркс в той же «Немецкой идеологии» дает развернутую критику фейербаховского понимания человека, дает развернутую критику всей ограниченности фейербаховской философии. В «Немецкой идеологии» Маркс окончательно преодолевает ограниченность созерцательного материализма и дает законченное изложение диалектического материализма, законченное изложение материалистического понимания истории. Разоблачая в этой книге всю никчемность немецких идеологов, растворяющих действительность в фантастических порождениях своей головы, разоблачая никчемность взглядов тех, кто, по его выражению, «своим блеянием лишь философски воспроизводят представления немецких буржуа», Маркс указывает отличие с в о е й точки зрения от всех предшествующих точек зрения и в том числе от эпигонов Гегеля, отличие ее также от ограниченной точки зрения Фейербаха.

«Предпосылки, с которых мы начинаем, непроизвольны. Они не догматы, это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении, это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как находимые ими уже готовыми, так и созданные их собственной деятельностью» (т. IV, стр. 10).

Разоблачая недостаточность материализма Фейербаха, его ограниченность, разоблачая то, что материализм и история у Фейербаха разошлись в разные стороны, Маркс и Энгельс вместе с тем показывают, какое громадное значение имеет материалистическая точка зрения в применении к явлениям общественной жизни. Открытие материалистического понимания истории означало действительное, подлинно последовательное разрешение и общих философских проблем, вопросов теории познания. Проблема соотношения суб'екта и об'екта, проблема понимания человека, она, так сказать, в философии Маркса поднята на огромную теоретическую высоту. Маркс подошел к рассмотрению этого вопроса с точки зрения того, что «человек — это историческая природа», что он имеет перед собой «природную, естественную историю». Маркс подошел так к вопросу о соотношении суб'екта и об'екта именно потому, что им было сформулировано и материалистическое понимание истории. Этот историзм, диалектическая точка зрения, примененные к решению этих проблем, поднимают на новую высоту все эти проблемы. Суб'ект Маркса — это уже не абстрактное родовое существо Фейербаха. Суб'ект Маркса—это исторический суб'ект. Человек Маркса—это уже не абстрактное родовое существо, которое характерно для философии Фейербаха. Человек Маркса—это человек классового общества, это человек общества, в котором происходит классовая борьба. Таким образом классовая деятельность людей, их революционная практическая деятельность органически входит в самую проблему теории познания. Об этом, как я дальше буду говорить, Ленин неоднократно писал.

Все эти обстоятельства показывают, какая существует глубокая внутренняя связь между материалистической диалектикой как философией пролетариата и научным коммунизмом, между философией и теорией пролетарской революции, какая органическая связь существует между гносеологией марксизма, между его разрешением, казалось бы, самых абстрактных

теоретических проблем философии и учением о революционных задачах пролетариата, учением о диктатуре пролетариата.

Именно поэтому Энгельс писал, что, «поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку и, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические отношения Англии и Франции».

В другом месте он писал, что «материалистическое понимание истории в его специальном применении к классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией было возможно только при помощи диалектики».

Вот, товарищи, на этих примерах, как Маркс преодолевает с точки зрения задач и интересов пролетариата ограниченность гегелевского идеалистического характера диалектики, идеалистический характер постановки им проблемы противоречий, а также—ограниченность, созерцательный характер материализма Фейербаха, для нас становится ясным, что означают ленинские указания относительно отношения, которое существует между марксизмом и предшествующими ему идейными теориями.

Как ни велика и значительна философская система такого гиганта мысли, каким является Гегель, она относится к диалектическому материализму Маркса, как алхимия к современной химии. Гегелю на путях своего абсолютного идеализма, на путях умственной спекуляции удалось сделать величайшие открытия в порядке гениальных догадок. Диалектический метод Гегеля, глубочайший историзм, примененный им к вопросу о происхождении знания, к истории человеческой мысли и форм сознания, к истории философии, права, эстетики, религии, ко всей вообще человеческой истории, базируется у него на ложном исходном пункте, на антинаучных, произвольных основах—на его идеализме. Это как раз и превращает философию в алхимию. Поэтому сколь ни значительны его открытия, сколь ни велика его историческая роль для развития всей науки, сколь бы высоким научным достижением *для своей эпохи* его философия ни была, все же для того, чтобы его открытия из области гениальных догадок превратились в область подлинно *научного знания*, для этого потребовалось «перевернуть Гегеля с головы на ноги», для этого требовалась такая гигантская сила мысли, какая была у основоположников научного коммунизма—Маркса и Энгельса.

В той же записной тетради Маркса, в которой находятся его знаменитые тезисы о Фейербахе, в которых Маркс так блестяще раскрыл всю ограниченность созерцательного материализма, находятся заметки Маркса о Гегеле, в частности о его «Феноменологии духа», в которых не менее блестяще раскрываются ошибочность гегелевского построения и вместе с тем то рациональное зерно, которое имеется в его учении.

Маркс о гегелевской конструкции «Феноменологии» писал: «1) Самосознание вместо человека. Суб'ект—об'ект. 2) Различия вещей не важны, потому что субстанция понимается как саморазличение или потому что само различение, полагание различий, деятельность рассудка понимается как существенное. Гегель дал поэтому в рамках умозрения действительные, схватывающие суть дела определения (Distinktionen)» (т. XIV, стр. 589).

«Действительные, схватывающие суть дела определения» у Гегеля, гениальная постановка ряда крупнейших вопросов, но данная «в рамках умозрения»,—вот на что обращает внимание Маркс. Поставив Гегеля «с головы на ноги», Маркс дал в рамках материализма, материалистического понимания истории действительное, а не иллюзорное разрешение коренных проблем философии.

Всякого рода апологеты капитализма, ненавидящие марксизм, его противники, начиная со Струве и Бердяева и кончая социал-фашистами Максом Адлером и Зигфридом Марком, одним хором кричат о том, что материа-

изм и диалектика — несовместимые вещи, что это неестественное или сверхестественное соединение. Своим классовым антипролетарским нутром они чувствуют, где и в чем непреодолимая сила марксизма, его разящая мощь.

Маркс создал качественно новый вид материализма, отличающийся самым резким образом от старого материализма. Это ему удалось, потому что к основным вопросам общефилософского мировоззрения им был применен диалектический метод. Это ему удалось, потому что материалистическое понимание истории, находящееся в органической и неразрывной связи с общефилософским мировоззрением, само в свою очередь являлось основой для совершенно иного, чем в предшествующей философии, разрешения вопросов о бытии и мышлении, о суб'екте и об'екте, о теории и практике, о познаваемости мира и т. д.

Маркс в тезисах о Фейербахе писал: «Главный недостаток предшествующего материализма (включая и фейербаховский) заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме об'екта или созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, практика; не суб'ективно. Поэтому деятельная сторона в противоположность материализму развита идеализмом, но развита абстрактно, так как последний не знает действительной чувственной деятельности как таковой» (т. XIV, стр. 589).

Раскрывши таким образом ограниченность предшествующих философских систем, Маркс в этих же тезисах набрасывает гениальной рукой основы диалектического материализма. Он показывает, что означает действительно-общественный подход к коренным философским проблемам. «Всякая общественная жизнь по существу практична. Все мистерии,—пишет он,—которые заводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» (т. XIV, стр. 591).

Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, возникшие на базе развития рабочего движения, возникшие в тот период, когда рабочий класс выходил на арену политической борьбы как самостоятельная сила в середине XIX столетия, представляют собой его острое боевое оружие, которое дает возможность понимать мир, изучать его и вместе с тем изменять, революционно преобразовывать.

II

В течение двух лет после решения ЦК партии о журнале «ПЗМ» проделана известная теоретическая работа по выяснению и популяризации ряда вопросов ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Нам надо на этой сессии подвести в этом отношении некоторые итоги работы, осветить ряд неясных для многих и вызывающих возражение моментов для того, чтобы добиться полной ясности и уверенно двигаться дальше вперед по разработке вопросов марксистской философии.

Прежде всего надо остановиться на том огромном теоретическом значении, какое имеют работы т. Сталина для постановки, разработки, понимания и развития ленинизма в целом, всех его составных частей и в том числе ленинского этапа в развитии марксистской философии. Нужно прежде всего остановиться на том классическом понимании ленинизма в целом и ленинского этапа в развитии диалектического материализма, которые даны т. Сталиным в его работах, посвященных Ленину.

Красной нитью по всем работам т. Сталина, и в частности по его классической работе «Основы ленинизма», проходит глубокое понимание и развитие ленинского учения об эпохе империализма и пролетарской революции,

глубокое понимание основных противоречий новой эпохи и дальнейшее развитие этого учения. Через все работы т. Сталина проходит глубокое выяснение того, что представляет собой оппортунизм, какова его основная линия, каковы его классовые корни, каковы основные моменты, характеризующие его взгляды. Тов. Сталин занимается особенно четко выяснением того обстоятельства, какое международное значение имела борьба Ленина, борьба большевизма на всех этапах его развития со всякого рода оппортунизмом, начиная с оппортунизма скрытого, центристского, и кончая оппортунизмом открытым, оппортунизмом типа Бернштейна и др. Огромная теоретическая заслуга т. Сталина состоит в том, что им положено в основу выяснения теоретического существа взглядов Ленина глубокое понимание новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции, и тех задач, которые стояли перед рабочим движением этой эпохи, как эти задачи (практические и теоретические) формулировались, разрешались, проводились Лениным.

Тов. Сталин глубочайшим образом раскрывает перед нами всю разницу, которая существует между домонополистическим капитализмом и капитализмом монополистическим. Можно сказать, что именно непонимание этой разницы является одной из важнейших теоретических основ антиленинского характера всякого рода оппозиций, выступавших против нашей партии. Это обстоятельство как раз обнаруживало их глубоко ревизионистский, меньшевистский, социал-демократический характер. В своей работе «Еще раз о социал-демократическом уклоне» т. Сталин писал: «В чем состоит основная ошибка оппозиции в вопросе о победе социализма в отдельных капиталистических странах? Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает или не хочет понять всей разницы между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим, она не понимает экономической сущности империализма и смешивает между собой две различные фазы капитализма — фазу доимпериалистическую с фазой империалистической» [1]).

Подойдя ко всему огромному наследству Ленина не с догматической, а с единственно правильной, синтетической, творческой точки зрения, рассматривая это наследство в свете новой исторической эпохи и революционных задач пролетариата в эту эпоху, т. Сталин раскрыл все международное значение ленинизма.

Именно глубокое выяснение международного значения ленинизма, его корней в международном рабочем движении и в специфических условиях России, когда она была узлом противоречий империализма, дали возможность т. Сталину, как никому другому, выяснить всю глубину пропасти, отделявшей ленинизм от всего международного меньшевизма.

Выяснение же международного значения истории большевизма, его источников и корней, его огромной исторической задачи и роли перед всем мировым пролетарским революционным движением дало возможность с исключительной прозорливостью ставить и разрешать боевые вопросы теории и практики пролетарской революции в России. Отсюда ясно то значение для выяснения развития метода материалистической диалектики, данного Лениным, какое имеют для нас работы т. Сталина.

В своей книге «Вопросы ленинизма», в главе о методе ленинизма т. Сталин писал:

«К чему сводятся требования этого метода?

Во-первых, к проверке теоретических догм II интернационала в огне революционной борьбы масс, в огне живой практики, т. е. к восста-

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 511.

новлению нарушенного единства между теорией и практикой, к ликвидации разрыва между ними, ибо только так можно создать действительно революционную пролетарскую партию, вооруженную революционной теорией.

Во-вторых, к проверке политики партий II интернационала не по их лозунгам и резолюциям (которым нельзя верить), а по их делам, по их действиям, ибо только так можно завоевать и заслужить доверие пролетарских масс.

В-третьих, к перестройке всей партийной работы на новый, революционный лад, в духе воспитания и подготовки масс к революционной борьбе, ибо только так можно подготовить массы к пролетарской революции.

В-четвертых, к самокритике пролетарских партий, к обучению и воспитанию их на собственных ошибках, ибо только так можно воспитывать действительные кадры, действительных лидеров партии.

Таковы основы и сущность метода ленинизма» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 15. 1931 г. Изд. 4-е.

Анализируя затем, как Ленин применяет этот метод к актуальнейшим вопросам пролетарской революции, т. Сталин показывает, что в результате этого применения к обстановке эпохи империализма и пролетарских революций Ленин дает дальнейшее развитие материалистической диалектики.

Ряд вопросов, связанных с проблемой ленинского этапа в развитии философии марксизма, уже более или менее освещен в нашей философской литературе. Сейчас необходимо остановиться на ряде проблем, требующих дальнейшего освещения.

Для того чтобы понять то новое, что дал для развития материалистической диалектики Ленин, для того чтобы понять направление, по которому шло это развитие, надо понять основные закономерности, которые характерны для новой исторической эпохи, нужно понять всю сложность отношений классов и классовой борьбы, которые мы имели в новый исторический период.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин дал прекрасную характеристику того, как возник и развивался большевизм. Ленин показал, что большевизм возник на гранитной теоретической базе марксизма. Ленин показал, что большевизм проделал (если считать до 1917 г.) пятнадцатилетнюю практическую историю, которая по богатству опыта, как он говорил, не имеет себе равной в мире. «Ибо,— говорит далее Ленин,— ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта» (Ленин, т. XXV, стр. 175).

Ленин говорит об эпохе до 1917 года. Мы знаем, что следующее 15-летие—от 1917 г. по 1932—1933 гг.—это эпоха не менее бурная. Эта эпоха, представляющая собой еще большее богатство, разнообразие форм классовой борьбы, развитие этих форм в условиях господства диктатуры пролетариата, еще большее богатство различных оттенков, вопросов, проблем, задач борьбы с различными отклонениями от правильного понимания марксистского учения, от правильного понимания ленинского учения, от генеральной линии нашей партии и т. д. Естественно, что применение мате-

риалистической диалектики ко всем этим процессам должно означать также и дальнейшее теоретическое обогащение самой диалектики и ее категорий.

В противовес всем «теоретикам» социал-демократии, отрицавшим марксистскую философию, считавшим, что марксизм нуждается в каком-то гносеологическом обосновании, считавшим, что марксизм требует для себя новой философии, что в марксизме нет своей философии, нет своего мировоззрения,— в противовес всем этим теориям Ленин с самых первых своих работ, начиная от «Что такое друзья народа» и кончая его последними выступлениями, высоко поднимает знамя марксистской философии, высоко поднимает знамя материалистической диалектики как философской науки марксизма.

Задача пролетарской борьбы в новую историческую эпоху потребовала в области философии восстановления, очищения и дальнейшего теоретического развития философско-гносеологических основ марксизма, потребовала развернутой борьбы за материализм. Но конечно это была борьба не просто за материализм, а борьба за диалектический материализм. Эта задача борьбы за диалектический материализм на протяжении новой исторической эпохи, задача развертывания и дальнейшего теоретического развития гносеологических основ марксизма, задача борьбы за материалистическую диалектику как науку, это обстоятельство часто недопонимается. Существует путаница в этом отношении, идущая по следующим линиям: противопоставляют иногда то, что сделано Лениным в деле развития закона борьбы противоположностей как ядра диалектики, тому, что сделано Лениным в деле развития материалистической диалектики как философской науки. Это все вместе противопоставляют тому, что сделано Лениным в области развития вопросов о единстве теории и практики, и т. д. Часто многие сбиваются на следующие схоластические споры: суть ленинского этапа в развитии диалектического материализма не в тождестве диалектики, логики, теории познания, *а* в законе единства противоположностей, не в ядре диалектики, *а* в единстве теории и практики и т. д.

Для того чтобы правильно представить себе задачи, которые ставил рабочий класс на фронте теории, на фронте философии в новую историческую эпоху, в новый исторический этап, нужно проанализировать своеобразие этой эпохи, нужно проанализировать своеобразие этой обстановки. Борьба за диктатуру пролетариата требовала от партии пролетариата, от его вождей развития всех составных частей марксистского учения, в том числе развития философии марксизма в определенном направлении. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» неоднократно останавливается на своеобразии задач, которые стояли в области философии в новую историческую эпоху перед пролетариатом. Он там следующим образом характеризует эту обстановку. Эти места настолько важны для понимания этого вопроса, что их следует здесь напомнить. Вот что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал: «Маркс с Энгельсом и Дицгеном выступили на философском поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, и в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно, что не на повторение старого обратили свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т. е. на достраивание здания материалистической философии доверху.

Совершенно естественно, что они ограничивались в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера (см. у И. Дицгена), подчеркиванием того, чего этим наиболее распространенным и популярным в рабочей среде писателям особенно недоставало, именно: диалектики...»

Далее он говорит: «Если представить себе сколько-нибудь конкретно эти исторические условия философских произведений Энгельса и И. Дицгена, то совершенно ясным станет, почему они больше отгораживались от вульгаризации азбучных истин материализма, чем защищали самые эти истины» (Ленин, т. XIII, стр. 199).

В другом месте, касаясь этого вопроса и своеобразия тех задач в области философии, которые стояли перед рабочим классом, Ленин писал: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали больше внимания на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. Поэтому Маркс и Энгельс больше подчеркивают диалектический материализм, чем диалектический материализм; больше настаивали на историческом материализме, чем на историческом материализме. Наши махисты, желающие быть марксистами, подошли к этому в совершенно отличный от этого период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху» (Ленин, т. XIII, стр. 270).

Эти характеристики имеют чрезвычайно важное значение для понимания тех задач, которые ставила классовая борьба на фронте философии перед рабочим классом в деле очищения, восстановления и дальнейшего развития марксистской философии, в деле дальнейшего развития гносеологического фундамента марксизма, дальнейшего развития философии марксизма как науки. Высоко подымая знамя диалектического материализма в новой обстановке, диалектического материализма как науки, Ленин все время подчеркивает в своих работах боевой творческий характер марксистской философии, боевой творческий характер, связанный с тем, что она дает подлинное единство теории и практики.

Ленин очень много занимается вопросом о том, что представляет собой материалистическая диалектика как философская наука, что представляет собой существо, характер, содержание, предмет материалистической диалектики как философской науки, тесно увязывая эти проблемы со всем анализом вопросов экономических, политических, стратегических, естественно-научных, какие вставали в эту историческую эпоху. Широко известна ленинская постановка вопроса относительно материалистической диалектики как теории познания. На этом вопросе надо здесь остановиться подробнее, ибо по этим вопросам часто встречается у нас в нашей пропагандистской и преподавательской работе большая путаница. Часто встречается непонимание существа того, что Ленин давал по этим вопросам.

Путаница эта идет по двум линиям. Прежде всего мы имеем путаницу в понимании этого вопроса по такой линии, когда ленинская постановка о тождестве диалектики, логики и теории познания трактуется в том смысле, будто бы здесь речь у Ленина идет о тождестве суб'екта и об'екта, о тождестве об'ективной и суб'ективной диалектики, т. е. о тождестве диалектики об'ективного мира и диалектики понятий, отражающих закономерности развития об'ективного мира. При такой постановке вопроса Ленину по существу приписывается совершенно гегельянское, чистокровно гегельянское, в духе меньшевиствующего идеализма решение вопроса о предмете материалистической философии и всех основных проблем, которые она в себя включает.

Другой вид непонимания и путаницы, который существует по вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания, идет по линии отрыва, противопоставления диалектики и теории познания. Правда, мы не имеем

если не считать литературы механистов и деборинцев, непосредственно литературных выступлений такого порядка, которые бы прямо так, как это было в свое время написано в работах Деборина, Луппола и других, писали относительно того противопоставления, которое надо делать между диалектикой, логикой и теорией познания. Однако такой разрыв и противопоставление часто имеют место и выражаются примерно так. Говорят: диалектика это есть нечто, присущее только об'ективному миру, термин диалектика означает только законы развития самого об'ективного мира; термины же логика и теория познания означают диалектику суб'ективную. Часто говорят так: диалектика, логика, теория познания — это различные оттенки одного и того же; существует между ними определенное различие и т. д. Между тем многие товарищи никак не хотят действительно положить в основу понимания этого вопроса ленинское указание о том, что не надо трех слов, что это одно и то же.

Каким образом мы должны давать отпор, с одной стороны, гегелевскому онтологизированию в этом вопросе, гегелевскому отождествлению диалектики об'ективного мира с диалектикой познания, отождествлению суб'ективной и об'ективной диалектики и по форме и по существу, а с другой стороны, кантовскому разрыву, идущему по линии противоставления диалектики и теории познания, по линии противопоставления теории и практики? Ответ на этот вопрос мы получаем в работах Энгельса и Ленина. Несмотря на то, что Ленин не знал «Диалектики природы» Энгельса, в философских тетрадях Ленина, в его «Материализме и эмпириокритицизме» по всем этим проблемам мы имеем часто почти буквальное совпадение в целом ряде постановок с положениями Энгельса. Мы имеем развитие и продолжение энгельсовских положений по философии марксизма. Это указывает на то внутреннее единство, которое существует во взглядах Ленина и Энгельса по кардинальным вопросам марксистской философии, в частности и по этому вопросу.

У Энгельса в «Диалектике природы», а также и в «Анти-Дюринге» мы имеем следующие положения. Энгельс говорит относительно двух рядов законов: законов диалектического развития, которые присущи об'ективному миру, и законов диалектического развития, которые присущи нашему мышлению, которые являются отражением этих законов развития об'ективного мира. Энгельс указывает, что мы имеем в нашем познании во втором ряде законов аналог действительности. Именно поэтому эти законы могут быть орудием познания и изменения действительности.

Энгельс указывает, что тут мы имеем законы диалектики, тождественные по существу и различные по форме. Это различие по форме не следует понимать в смысле внешнего различия. Различие по форме надо понимать в том смысле, как вообще марксизм подходит к форме, рассматривая ее не в отрыве от содержания, а как существенный момент. Различие по форме состоит в том, что одни законы, как указывает Энгельс, стихийно развиваются в об'ективном мире, в то время как другие законы есть сознательное отображение в суб'ективном об'ективного мира.

Вот эти мысли Энгельса по вопросу о соотношении между суб'ективной и об'ективной диалектикой Ленин развивает, конкретизирует, в частности в своей знаменитой статье «К вопросу о диалектике», где он указывает, говоря о законах диалектики, что речь идет о законах развития об'ективного мира и о законах познания. В этой же связи Ленин указывает, что диалектики и есть теория познания и что именно этого-то обстоятельства Плеханов не понял.

Когда мы говорим о материалистической диалектике как теории познания, о тождестве диалектики, логики и теории познания, надо прежде всего

распроститься с тем взглядом, который как раз и критикует Ленин, показывая, что нет тут каких-то трех отдельных наук. Как раз важнейший момент того переворота в области философии, того качественно нового, что дал марксизм в понимании, в постановке проблем философии, состоит в том, что разорванные части, которые были у представителей различных теорий и течений, им были воссоединены. Однако они не были воссоединены на манер гегелевский, на манер идеалистический.

У Гегеля мы тоже имеем тождество диалектики, логики и теории познания, но на идеалистической основе. Три крупнейших гегелевских работы посвящены по существу обоснованию тождества диалектики, логики, теории познания. Я имею в виду его «Историю философии», «Феноменологию духа» и «Науку логики». В «Истории философии» Гегель подошел к развитию философских систем не как к какому-то случайному сборищу философских произведений и имен, к паноптикуму, а с точки зрения раскрытия внутренних логических закономерностей этого развития. Он рассмотрел весь ход развития философии под углом зрения того, как в этой истории происходит формирование логических категорий, как каждая последующая философская система является высшим синтезом по отношению к предыдущим. Единство исторического и логического лежит в основе его анализа. Однако идеализм у него выражается в том, что историческое подчинено логическому, что весь анализ ведется для доказательства того, что сама гегелевская философия есть достижение абсолютной истины.

Другой разрез в обосновании этой проблемы мы имеем в «Феноменологии духа». Здесь Гегель занимается анализом смены форм сознания, различных его явлений. Им дана эволюция форм сознания, в результате которой сознание приходит к абсолютной идее. Наконец третий разрез дан в его «Науке логики» в анализе чистых логических форм, логических категорий, являющихся сущностью всякого развития, всякого диалектического процесса. Последовательно и до конца проведенная точка зрения идеализма — вот что характерно для всего этого замечательного теоретического построения.

Материалистическая точка зрения в этих вопросах, материалистический историзм — вот что является основой нашего разрешения вопросов диалектики, логики, теории познания. Недаром Ленин писал, что «продолжение дела Гегеля и Маркса состоит в диалектической обработке истории науки и техники». Ленин подчеркивает, что, когда мы говорим, что материалистическая диалектика и есть теория познания, мы в данном случае имеем в виду материалистическую диалектику, как философскую науку, предметом которой являются законы развития природы, мышления, законы развития «всех природных, социальных и духовных вещей» (Ленин).

Каковы же важнейшие пункты, характерные для ленинской постановки вопроса о тождестве диалектики, логики, теории познания? Это прежде всего глубокий материалистический историзм, который проводит Ленин по всем этим вопросам, понимание практики как органической составной части гносеологических проблем и проблема отражения.

Вот на этих трех моментах я хочу сейчас вкратце остановиться для того, чтобы понять, какое глубокое содержание кроется в ленинских положениях, весьма кратко сформулированных, о тождестве диалектики, логики, теории познания, в положениях, в которых Лениным дано дальнейшее развитие того содержания, которое мы имеем в работах Маркса и Энгельса.

Ленин неоднократно указывал, что наша задача при рассмотрении теории познания заключается в том, чтобы рассматривать, как из незнания рождается знание, чтобы рассмотреть, как вещи в себе становятся вещами

для нас, как мы движемся через относительные истины к абсолютной истине, никогда ее вместе с тем не достигая. Рассмотрение познания как диалектического процесса, рассмотрение познания как процесса, который происходит путем борьбы, путем противоречий, — важнейший момент, который характеризует ленинскую точку зрения. Недаром он все время в своих сборниках подчеркивает, что изучение пути познания — в этом главное при подходе к этому вопросу. История развития познания, отчеканенная в логических категориях, выражающих закономерности этого развития,— вот на что нужно обратить внимание, вот по какой линии надо материалистически перерабатывать Гегеля, беря все то ценное, что у него есть, много раз подчеркивает Ленин.

В «Материализме и эмпириокритицизме», касаясь вопроса о практике в своей главе о критерии практики в теории познания, Ленин указывает следующие положения. «До какой степени,— пишет он,— не новы эти усилия выделить практику, как нечто не подлежащее рассмотрению в гносеологии для очистки места агностицизму и идеализму, показывает следующий пример из истории немецкой классической философии». И тут он останавливается на примере относительно Шульца Энезедема, который стоит на дороге между Кантом и Фихте. Ленин здесь подчеркивает, что практика и именно как общественная практика человека, практика как критерий истины является органически составной частью марксистской философии. Практика является моментом, который должен быть важнейшим пунктом для понимания проблем гносеологии марксизма, для понимания материалистической диалектики как философской науки.

Теория отражения, получившая большое развитие в работах Ленина, не есть новый принцип в философии марксизма, введенный или установленный Лениным. Маркс и Энгельс стояли на точке зрения теории отражения. Можно даже сказать так, и это неоднократно подчеркивает Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», что и Фейербах стоял на точке зрения теории отражения. Вообще понимание нашего познания как отражения в сознании об'ективного мира есть точка зрения материализма вообще. Но однако теория отражения Маркса коренным образом отличается от фейербахианской тем, что здесь мы имеем диалектическую теорию отражения. Она отличается тем, чем отличается вообще диалектический материализм от материализма созерцательного. Только это обстоятельство дает возможность иметь последовательную до конца точку зрения на познание. Применение диалектики к вопросам теории отражения и дальнейшее развитие этого плодотворного пункта мы имеем у Ленина.

В чем же основные положения ленинской трактовки этого вопроса, чрезвычайно важного вопроса, без понимания которого разобраться в вопросах материалистической диалектики невозможно?

Можно установить следующие основные моменты, характеризующие существо ленинской трактовки этой проблемы. Ленин рассматривает познание как отражение, причем это отражение он рассматривает как противоречивый диалектический процесс. «Отражение природы в мыслях человека,— писал он,— надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [1]). Следовательно процесс отражения есть противоречивый диалектический процесс, процесс, происходящий в результате борьбы противоречий, в результате разрешения этих противоречий.

---

[1]) Лен. сб. IX, стр. 227.

Дальше Ленин указывал, что процесс отражения надо понимать не только в узко эмпирическом смысле слова, как многие пытались трактовать Ленина, как об этом писали и представители механицизма и меньшевиствующего идеализма. Процесс отражения не ограничивается ощущениями, представлениями. Отражение дано не только в ощущениях, отражение об'ективного мира в нашем познавательном процессе дано и в мыслях, в абстрактных понятиях. По этому поводу Ленин говорит: «Познание есть отражение человеком природы, но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования законов, понятий и т. д.» [1]).

При этом Ленин указывает, и в этом пункте им дается чрезвычайно четкая характеристика диалектико-материалистического понимания соотношения эмпирического и рационального в познании, что процесс познания и движение его от ощущения к мысли совершаются в результате противоречий, в результате скачка. Ленин говорил о том, что многие не понимают скачка, который происходит в движении познания от ощущения к мысли, от представления к понятию. Понимание этого перехода как скачкообразного перехода, как перехода в результате противоречий, понимание вместе с тем единства ощущений и мышления, но единства диалектического — вот чрезвычайно важный момент, характеризующий существо ленинской теории отражения.

В самом деле, в чем ограниченность сенсуалистического эмпиризма? В том, что им вырыта пропасть между ощущением и понятием. В чем ограниченность рационалистических направлений в философии, идеалистических школ вплоть до Гегеля? В том, что ими понятие оторвано от ощущения. Только диалектический материализм, рассматривающий познание как процесс, дает подлинное разрешение этих проблем.

Следующий момент, чрезвычайно важный для понимания теории отражения и ее развития, которое дал Ленин,— это понимание самого отражения. Отражение — это образ, копия, снимок, дающий правильное отображение действительности. Однако это правильное отображение действительности получается в процессе развития, в процессе общественной практики. При этом Ленин, подчеркивая это обстоятельство, направлял этот пункт и заострял его против агностицизма, в какой бы форме он ни проявлялся. Известно, что в XII сборнике Ленина мы имеем очень интересный материал для понимания существа этого вопроса. Ленин там говорит: если бы у нас было больше органов чувств, могли ли бы мы познать больше? И указывает, что нет. Отвечая таким образом, Ленин считал, что в нашем распоряжении имеется достаточно средств для правильного понимания об'ективного мира, что всякие агностические теории, рождающие сомнения, скепсис по отношению к нашему познанию, должны быть категорически отвергнуты и разоблачены. Однако само познание не дает нам какой-либо законченной абсолютной картины, процесс познания идет через относительные истины к абсолютным.

Наконец нужно обратить внимание еще на один важный пункт, характеризующий ленинскую теорию отражения,— это на вопрос о том, как Ленин понимает само ощущение. Как раз вокруг этого пункта развертывалась большая борьба против Ленина еще тогда, когда вышел «Материализм и эмпириокритицизм», со стороны Аксельрод-Ортодокс и затем со стороны Макса Адлера, который в своем учебнике «Материалистическое понимание истории» критикует по этим вопросам Ленина. И механисты и меньшевист-

[1]) Лен. сб. IX, стр. 203.

вующие идеалисты также извращали существо марксо-ленинского подхода к вопросу о том, как понимать ощущение с точки зрения диалектического материализма. Ленин по этому вопросу высказывает следующие соображения.

Ощущение, по Ленину,—это прежде всего результат воздействия материи на наши органы чувств. Ощущение — это «превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания». В этой связи встает чрезвычайно интересный вопрос, нужно сказать недостаточно в нашей литературе освещенный, несмотря на то, что у Ленина мы имеем по этому поводу совершенно ясные высказывания. Это вопрос о том, как же относятся ощущения как образ, ощущения как снимок, как отображение к тому, что отображается? В каком смысле здесь можно говорить о схожести, о похожести отображения с отображаемым, копии с оригиналом? Для того чтобы разобраться в этом пункте, проанализируем чрезвычайно интересные высказывания Ленина по вопросу о соотношении цвета и света.

Цвет есть результат воздействия физического об'екта, т. е. света, на нашу сетчатку. Цвет однако не есть иероглиф, символ по отношению к свету — к об'ективному процессу, воздействующему на нашу сетчатку. Цвет не есть нечто исключительно суб'ективное, как это пытались представить некоторые из механистов, в частности Сарабьянов, Аксельрод и др. Он отражает в суб'ективном об'ективную истину. Цвет похож на свет, как на об'ективный процесс, но относительно, ибо только в процессе развития относительных истин мы идем к познанию абсолютной истины. Вот важнейший пункт, характеризующий вопрос о том, что представляют собой ощущения как образ, характеризующий существо подлинного материалистического подхода к вопросу. Это важнейший пункт, который необходимо иметь в виду для характеристики, для понимания ленинской трактовки этой проблемы.

По этому вопросу Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», критикуя махистов, богдановцев, писал: «А раз вы допускаете такие независимые от моих нервов, от моих ощущений физические об'екты, порождающие ощущение лишь путем воздействия на мою сетчатку, то вы позорно покидаете свой «односторонний» идеализм и переходите на точку зрения «одностороннего» материализма! Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то значит лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение света. Значит вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущения того или иного цвета. Так именно и смотрит естествознание. Различные ощущения того или иного цвета оно об'ясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» [1]).

В другом месте Ленин пишет: «Цвет есть результат воздействия физического об'екта на сетчатку, ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств».

Таким образом мы видим, что Ленин не отождествляет цвет и свет. Но не отождествляя цвет и свет (а это можно сказать и по отно-

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 44.

шению к другим нашим органам чувств и другим видам наших ощущений), Ленин вместе с тем дает подлинно материалистическую, исключающую всякие элементы агностицизма, трактовку этого вопроса. Повторяю, что именно в этом вопросе мы имели восстановление и развитие богдановского суб'ективизма в работах некоторых механистов.

III.

Разрешите перейти к вопросу, который является центральным вопросом материалистической диалектики, — к вопросу о законе борьбы противоположностей.

Нередко у нас можно встретить противопоставление Ленина Марксу и Энгельсу, точку зрения, что якобы только у Ленина мы имеем понимание этого закона как центрального закона, как ядра диалектики. Это конечно неверное представление. Стоит только указать на анализ Маркса в «Капитале» двойственного характера труда, стоит только указать на анализ процесса обмена, на анализ процесса создания прибавочной стоимости, на анализ превращения денег в капитал, на анализ кризисов в «Капитале», чтобы понять, что этот закон проходит красной нитью по всему «Капиталу», чтобы понять, что он составляет действительное ядро диалектики в работах Маркса и Энгельса.

Всем известны высказывания Энгельса по этому вопросу, которые мы имеем и в «Анти-Дюринге» и в «Л. Фейербахе». Известно, что этот вопрос получил развитие в работах Маркса и Энгельса как центральный вопрос материалистической диалектики. Однако из этого вовсе не следует делать тот вывод, что в этот вопрос Ленин не вносит ничего нового, не развивает марксизма. Ленин не вносил новых принципов и в этот вопрос, однако Ленин дальше развивает материалистическую диалектику в этом вопросе.

Для того, чтобы понять, по какой линии здесь идет развитие, в чем сущность того нового, что вносит Ленин в закон борьбы противоположностей, для этого надо прежде всего понять, почему этот закон как важнейший закон развития об'ективного мира и как закон познания приобрел особую остроту, особое значение в новую историческую эпоху. По этому вопросу Ленин очень много писал в целом ряде своих работ. Если взять «Империализм», «Государство и революцию», эти крупнейшие произведения Ленина, в которых дан анализ отношения государства и революции, анализ проблемы диктатуры пролетариата, в которых дан анализ новой эпохи, то мы увидим, что они построены с точки зрения применения всех категорий материалистической диалектики к этому анализу. Особое значение для понимания всего этого ленинского анализа новой эпохи и ее коренных проблем имеет закон единства и борьбы противоположностей. Ленин указывает, что проблема противоречий капитализма в монополистической стадии его развития представляет собою коренную задачу критики империализма. Ленин пишет: «Вопросы о том, возможно ли реформистское применение основ империализма, вперед ли итти к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазная оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистических странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противо-

поставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозиции, а напротив, слился с ней практически» [1]).

Ясно, что вопросы о том, как понимать теорию противоречий, как применять закон материалистической диалектики к анализу империализма,—это коренные вопросы критики империализма. По этой линии идет водораздел между большевизмом и оппортунизмом всякого порядка. По этой линии идет водораздел между подлинным революционным пониманием материалистической диалектики и теми, кто материалистическую диалектику пытался сводить к теории притупления противоречий. Ленин указывает: «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия капитализма: противоречия между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, противоречия между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью — с другой, и т. д.» [2]).

Оппортунисты всякого толка, отходящие от марксовой диалектики, замазывают также основные противоречия между рабочим классом и капиталистами, противоречия между империалистическими государствами, противоречия между национальными, колониальными странами и империалистическими государствами и т. д. и т. д. Все эти вопросы являются коренными вопросами анализа и критики империализма. Понятно теперь, что в эту эпоху не мог не встать, не мог не получить чрезвычайно большого заострения вопрос о законе борьбы противоположностей в его теоретической трактовке. Естественно, что этот вопрос должен был получить у Ленина дальнейшее теоретическое развитие. В своих замечаниях и подготовительных работах к «Империализму» Ленин неоднократно на полях отмечает важность именно теоретической, т. е. философской, разработки закона единства и борьбы противоположностей.

Если взять «Государство и революцию» Ленина, то несомненно, что основной пункт, основная линия, по которой построена эта работа, — это линия выяснения развития марксистской точки зрения о государстве как о продукте непримиримости классовой борьбы, классовых противоречий в противовес социал-демократическим, социал-фашистским оппортунистическим учениям о государстве как о продукте примирения классов. Таким образом и здесь основной вопрос методологического порядка—это вопрос о борьбе противоположностей. Все эти обстоятельства имеют чрезвычайно важное значение для того, чтобы понять, каковы классовые корни, почему в эпоху империализма этот закон как ядро диалектики получил такое важное значение. Под этим углом зрения чрезвычайно интересно проследить, как Ленин развивает учение марксизма по линии раскрытия своеобразия типов противоречия, которые встречаются в новую историческую эпоху.

В частности здесь необходимо остановиться на двух вопросах, которые показывают, как Ленин понимает закон борьбы противоположностей, и вместе с тем показать, каково своеобразие тех форм борьбы противоречий, которые встали в эпоху империализма.

Чрезвычайно важное значение для понимания всей тактики большевизма, характера движущих сил нашей революции имеет вопрос о соотношении между буржуазно-демократической и социалистической революцией.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 160—161.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 166.

Ленинские «Письма о тактике» в 1917 г., посвященные анализу той обстановки, которая сложилась у нас после Февраля, после свержения царизма, его работы, посвященные анализу двоевластия, дают чрезвычайно богатый материал для понимания материалистической диалектики, закона единства противоположностей; для понимания того, как Ленин им оперирует, его применяет; для понимания того, каким боевым оружием этот закон у него является, для анализа соответствующей обстановки.

Известно, как Каменев ставил вопрос относительно того, что Февральская революция и переход власти в руки буржуазии отнюдь не означают еще окончания буржуазно-демократической революции. Ибо, говорил он, по представлениям, какие выдвигались большевиками в 1905 г., буржуазно-демократическая революция заканчивается только революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Как возражает Каменеву в этих письмах Ленин? Он указывает, что старые большевистские лозунги целиком оправдались, в общем оказались правильными. Однако конкретная действительность, конкретные дела сложились иначе, чем кто-либо мог предполагать. При этом Ленин высказывает целый ряд глубочайших соображений по вопросу о соотношении формул, лозунгов и конкретной жизни. Он указывает, что тогда, когда в жизнь вводятся формулы, лозунги, когда эти формулы облекаются в конкретной действительности плотью и кровью, когда они реализуются, то тогда они тем самым и видоизменяются, получают свое определенное, конкретное выражение.

Под углом зрения подлинно конкретного подхода к анализу обстановки Ленин и критикует метафизический, абстрактный подход Каменева. Он говорит: «Вопрос о законченности буржуазно-демократической революции неверно п о с т а в л е н. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, обстановка, которая н е соответствует об'ективной действительности. Кто ставит т а к вопрос, кто спрашивает т е п е р ь — «закончена ли буржуазно-демократическая революция», и т о л ь к о, тот лишает себя возможности понять чрезвычайно сложную, по меньшей мере «двухцветную» действительность. Это в теории, а на практике это означает: тот сдается беспомощно м е л к о б у р ж у а з н о й р е в о л ю ц и о н н о с т и. В самом деле. Действительность показывает нам и переход власти к буржуазии («законченная буржуазно-демократическая революция обычного типа») и существование рядом с настоящим правительством, которое представляет из себя «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже правительство» с а м о уступило власть буржуазии, с а м о привязало себя к буржуазному правительству. Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «Буржуазно-демократическая революция не закончена»? Нет, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее» [1]).

Этот материал показывает всю глубину подлинно диалектического анализа обстановки у Ленина, показывает, что означает понимание диалектики как теории познания, что означает понимание подлинных об'ективных противоречий действительности, чрезвычайно сложного сочетания, которое они получают. Ясное дело, что практика, дальнейший ход революционного движения, блестящая тактика, проводившаяся нашей партией в период от Февраля до Октября и в период Октябрьской революции, являются величайшим практическим подтверждением всей глубины этого диалектического анализа, который дан был Лениным в этот период. Это показывает, какое острое оружие представляет собой материалистическая диалектика, если правильно ее понимать, если уметь применять ее к анализу об'ективной действительности

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XX, стр. 105.

и дальше ее теоретически развивать. Первое письмо об оценке момента Ленин как раз и начинает ссылкой на марксистский метод. Он говорит: «Марксизм требует от нас самого точного, об'ективно проводимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия», так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать общие задачи, необходимо видоизменяемые конкретной экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического процесса» [1]).

Ленин часто указывал, что всякий оппортунизм любит затушевывать конкретное абстрактным, подменять конкретный анализ данной ситуации, этой определенной исторической полосы, данного соотношения классов, таких-то определенных конкретных тактических задач общими формулами, абстрактными лозунгами. Ленин указывал, что подлинная задача диалектического анализа обстановки состоит в умении раскрыть все своеобразие противоречий данной обстановки, особый, специфический характер в расположении классовых сил на данной исторической ступени и тех задач, которые стоят перед пролетариатом. В этом отношении марксистская диалектика, ее учение о противоречиях, ее требование конкретного анализа противоречий представляют собой боевое оружие пролетариата.

Приведем еще один образец материалистической диалектики, образец применения закона единства противоположностей к важнейшим, кардинальным вопросам революции, это — подготовительные работы Ленина к «Государству и революции», опубликованные в XIV ленинском сборнике. Эти подготовительные работы Ленина являются прекрасным введением и дополнением по своему содержанию к важнейшей работе Ленина «Государство и революция». Они являются дополнением еще и потому, что они дают нам лабораторию мысли Ленина, лабораторию того, как он на основе анализа работ Маркса и на основе анализа конкретной действительности приходил к тем выводам, какие были им сформулированы уже в «Государстве и революции». В частности чрезвычайно важное значение имеет тот анализ, который Ленин дает по вопросу о соотношении между демократией и диктатурой, о характере диктатуры пролетариата, об отмирании государства и т. д. Что по этому вопросу Ленин дает в своих подготовительных работах и что не вошло затем непосредственно в таком виде в «Государство и революцию»? Что мы имеем в этих подготовительных работах, какое там содержание, характеризующее мысль Ленина, характеризующее применение им законов материалистической диалектики, применение закона борьбы противоположностей? Ленин приводит одно место Маркса из «Критики Готской программы», где Маркс говорит о «будущей государственности коммунистического общества». Ленин по этому поводу пишет: «Итак, даже в коммунистическом обществе будет государство! Нет ли тут противоречия!».

Как же Ленин отвечает на этот вопрос? «Нет, противоречия тут нет». Почему тут нет противоречия? Далее он разбирает существо марксистской постановки этого вопроса. Можно считать, что это классический образец применения и развития закона единства противоположностей к этим чрезвычайно важным, кардинальным вопросам пролетарской революции. Он пишет:

«В капиталистическом обществе государство в собственном смысле». А сбоку: «Государство нужно буржуазии». Во-вторых: «переход (диктатура

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 100.

пролетариата) государство переходного типа (не государство в собственном смысле)». Это, говорит он, такое государство, которое «нужно пролетариату». Затем, в-третьих, «коммунистическое общество: отмирание государства Государство не нужно, оно отмирает».

Для себя он указывает: «Полная последовательность и ясность». «I— демократия лишь в виде исключения, никогда не полная... II — демократия почти полная, ограниченная только подавлением сопротивления буржуазии, III—демократия действительно полная, входящая в привычку и потому отмирающая... Полная демократия равняется никакой демократии. Это не парадокс, а истина!» [1]).

Лениным дан этот анализ в чрезвычайно ясной, заостренной форме. Этот материал является прекрасным образцом того, как материалистическая диалектика, представляя собой науку о развитии об'ективного мира, вместе с тем есть теория познания, дающая возможность перестраивать мир.

Эти примеры показывают, во-первых, всю сложность отношений, которую мы имеем в эпоху империализма, которая конечно превосходит сложность напряженной классовой борьбы, форм противоречий, которые характерны для эпохи домонополистического капитализма. Эти примеры показывают, что для того чтобы понять эту сложную действительность, все эти сложные формы классовой борьбы, нужно было дальше двигаться по линии развития самих категорий диалектики, по линии развития ядра диалектики— закона единства противоположностей. Под этим углом зрения попытаемся несколько обобщить, синтезировать ленинские высказывания по вопросу о единстве противоположностей.

Ленин прежде всего несомненно развивает и конкретизирует, и это связано со всей новой исторической эпохой, вопрос о соотношении элементов или моментов единства и борьбы противоположностей в понимании самого этого закона. Вспомним известное ленинское положение относительно абсолютности борьбы и относительности единства, тождества, совпадения противоречий.

Ленин в связи с глубоко конкретным подходом к анализу всей обстановки новой эпохи теоретически развивает диалектику в том смысле, что подчеркивает необходимость конкретного анализа противоречий и различного типа противоречий. В самом деле, мы имеем в эпоху империализма противоречия в крайнем своем выражении между рабочим классом и капиталистами, между империалистическими государствами, между метрополиями и колониальными странами. Это все разного типа противоречия. Надо также указать на противоречия между рабочим классом и крестьянством: противоречия между рабочим классом и крестьянством в эпоху до победы пролетарской революции, противоречия между пролетариатом и крестьянством в эпоху пролетарской революции. Мы имеем наконец своеобразную конкретную постановку вопроса о соотношении между пролетарской и буржуазно-демократической революцией, когда разрешение задач буржуазно-демократической революции является побочным продуктом пролетарской революции, и т. д. Вся совокупность этих проблем, которые встали в области общественной науки, в области научного обоснования политики, несомненно явилась базой для дальнейшего теоретического развития вопроса о материалистической диалектике и законе единства и борьбы противоположностей, конкретизации его, выяснения различного типа противоположностей и т. д.

Сейчас мы не можем подробнее остановиться на тех новых явлениях, которые происходили в области естествознания. Но и здесь, в области естествознания, в связи с новейшими открытиями мы имеем целый ряд проблем.

[1]) Лен. сб. XIV, стр. 267.

которые потребовали дальнейшего теоретического развития самих категорий материалистической диалектики. У нас в порядке дня сессии специальный доклад о марксизме и естествознании, в котором докладчик вероятно остановится на характеристике тех новых моментов, которые мы имеем в области естествознания в эпоху монополистического капитализма.

Особое внимание Ленин посвящает вопросу о переходе противоположностей друг в друга. В IX и XII ленинских сборниках мы имеем ряд указаний о том, какое огромное значение имеет переход. Понимание перехода противоположностей Ленин однако не сводит к одноцветному представлению, к однотипному процессу. И в этих вопросах новая эпоха дает совершенно различные моменты, огромное своеобразие в типах превращения противоположностей, перехода их друг в друга.

Вопрос о материалистической диалектике в работах т. Сталина—это тема, требующая специальной разработки, специальной большой работы. Основное, что надо отметить, когда мы говорим относительно материалистической диалектики как орудия познания, орудия изменения действительности в работах т. Сталина,—это подчеркивание боевого творческого характера марксизма, марксистской философии, боевого творческого характера марксистского учения в целом.

В этом отношении чрезвычайно важны высказывания т. Сталина во время борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Вспомним анализ, который давал т. Сталин в борьбе с зиновьевцами, в борьбе с троцкистской оппозицией вопросу о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Тов. Сталин, борясь с догматическим пониманием марксизма, подчеркивает то обстоятельство, что Энгельс в своей работе «Принципы коммунизма» указывал на целый ряд мероприятий, характеризующий возможность коммунистической революции только в мировом масштабе. Тов. Сталин показывает, что это мнение Энгельса было правильно для эпохи домонополистического капитализма, однако эта правильная для эпохи домонополистического капитализма формула должна быть изменена, если следовать действительно духу марксизма, а не его букве, в эпоху империализма и пролетарской революции. В то время как Зиновьев, Троцкий и вообще социал-фашизм, беря эти формулы, превращая их в обветшалые догмы, направляли их против ленинской теории победы социализма в нашей стране, т. Сталин вскрывает боевой, не догматический, а творческий характер марксизма, требующий изменения формул, исходя из марксистского учения.

Вот в этой связи он бросает чрезвычайно глубокое замечание. Говоря об Энгельсе, он говорит: «Но одно все же ясно, что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия в условиях домонополистического капитализма неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране в условиях империализма».

И затем идет следующее место. «Конечно,— говорит он,— если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старые формулы, а наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формы. Да здравствует победоносная революция в СССР!» [1]).

Это место прекрасно вскрывает, как глубоко развивает ленинизм т. Сталин. Тов. Сталин дает нам во всех своих работах непревзойденные образцы применения диалектики к анализу обстановки всеобщего кризиса капитализма и развернутого наступления социализма по всему фронту. Стоит указать на подлинно диалектический анализ, который был дан т. Сталиным в характеристике двойственного характера торговли в условиях первого периода нэпа, в характеристике того двухстороннего процесса, который происходил в первые периоды нэпа, когда мы имели процесс развития капита-

[1]) Сталин, Об оппозиции, стр. 379.

лизма, как указывал т. Сталин, и развития социализма, того противоречивого процесса борьбы, при том условии, когда элементы социализма борются с капиталистическими элементами, побеждают, вытесняют, ликвидируют эти капиталистические элементы. Взять хотя бы анализ т. Сталиным всех вопросов, связанных с проблемой колхозного движения, для того, чтобы увидеть, как этот боевой творческий характер марксистского учения применяется т. Сталиным, исходя из того, как эти вопросы были развиты Марксом и Энгельсом и как они были развиты Лениным.

Материалистическая диалектика представляет собой острое боевое оружие пролетариата в его борьбе за диктатуру, за построение бесклассового коммунистического общества. Материалистическая диалектика, как и марксизм в целом, органически сочетает в себе самую строгую научность и самую последовательную пролетарскую партийность. Материалистическая диалектика как наше мировоззрение, как испытанный метод представляет собой теоретическую основу генеральной линии нашей партии.

IV

Среди представителей современного социал-фашизма, вождей и теоретиков II интернационала существует известное разделение труда. В то время когда одни «теоретики», выполняя важнейший «социальный заказ» буржуазии, занимаются идейным разоружением пролетариата, другие — «практики» — пресмыкаются перед фашизмом, перед гитлеровской контрреволюцией. Существует глубокая внутренняя связь между адлеровскими писаниями по всем абстрактным вопросам философии и позицией Вельса, пресмыкающегося под сапогом Гитлера. Существует внутренняя органическая связь между писаниями Брауналя, Вандервельде по вопросам марксизма и злобными интервенционистскими выступлениями Карла Каутского. Писания, которые мы имеем сейчас в связи с марксовским юбилеем со стороны представителей социал-фашизма, дают яркую картину того, что представляют собой так называемые социал-фашистские «теории», они дают яркую картину того, что нет разницы по существу между их взглядами, их позициями как в вопросах философии, так и в вопросах понимания общественных отношений по основным, коренным политическим и тактическим вопросам между ними и любыми буржуазными теориями.

Известное различие, которое имеется, состоит только в том, что они пытаются выдавать буржуазное контрреволюционное существо своих взглядов под флагом марксизма, под знаменем марксова учения. Остервенелый интервенционист Каутский написал за последнее время помимо своего труда «Материалистическое понимание истории» еще одну книгу — «О войне и демократии». В этой книге Каутский занимается целым рядом крупнейших вопросов, связанных с демократией и диктатурой. Основная задача этой книги состояла в том, чтобы доказать, что только на путях демократии возможен социализм, что демократия является верной гарантией против войны и что, поскольку в Советском союзе нет демократии, надо основную борьбу вести против Союза. Эта книга вышла за несколько месяцев до гитлеровского переворота. Гитлер воочию показал, чего стоят все эти социал-фашистские «демократии». В своих последних писаниях, посвященных пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса, Каутский занимается одним вопросом: основной враг, по его мнению, сидит в Москве. Все его писания направлены на то, чтобы подготовить интервенцию против Советского союза. Он призывает рабочих всех капиталистических стран бить по этой линии.

Между Каутским, Гитлером и Розенбергом существует в этом вопросе трогательное единство. Гитлер, собственно говоря, проводит последовательную «каутскианскую» линию, посылая своих эмиссаров в Лондон для сговора

с твердолобыми по вопросу об интервенции против страны пролетарской диктатуры.

В статье «Маркс и марксизм», напечатанной в марксовском номере «Гезелльшафт», Каутский обращается к капиталистам, магнатам капитала, с указанием на то, что они неправильно ведут свою экономическую политику. Неправильность этой экономической политики усиливает кризис капитализма. Для того, чтобы они могли преодолеть этот кризис, для того, чтобы выйти из него, требуется, по мнению Каутского, изучение «Капитала». «Изучайте «Капитал» Маркса» — с таким лозунгом обращается Карл Каутский к магнатам капитала, это даст возможность вам преодолеть кризис, выйти из того состояния, в котором находится сейчас капиталистический строй. Таковы политические писания К. Каутского, таково их существо.

Посмотрим теперь, что дает современный социал-фашизм по вопросам философии, что дает один из наиболее видных представителей социал-фашистской философии — Макс Адлер.

Макс Адлер написал к марксовскому юбилею специальную статью в венском журнале «Дер Кампф» под названием «Мировоззренческое в марксизме». Эта статья крайне характерна, она дает картину того, что представляют собой в настоящее время взгляды социал-фашизма по вопросам философии.

Основные положения этой статьи могут быть сведены к следующим четырем моментам:

1) марксизм не есть мировоззрение;

2) социальные, общественные отношения — это духовные отношения;

3) материализм — случайно оброненное словечко у Маркса;

4) нет различия между молодым и зрелым Марксом — между Марксом периода формирования его взглядов и Марксом периода, когда он писал «Капитал». Последний тезис нужен Максу Адлеру для того, чтобы обосновать положение, что, собственно говоря, гуманизм Маркса, который он видит в его первых работах, проходит красной нитью в последующих работах Маркса.

Приведем теперь некоторые высказывания Макса Адлера по этим пунктам из его статьи. Он пишет: «Сам по себе марксизм не есть мировоззрение. И только отчетливое усмотрение и постоянное удержание в сознании этого обстоятельства делает возможным действительное понимание марксизма, ибо мировоззрение всегда есть философия и даже метафизика».

Развивая положение о том, что марксизм не есть мировоззрение и что тот, кто действительно хочет понять марксизм, должен отказаться от мировоззрения, он пишет дальше следующее: «Подобно тому, как естествознание есть учение о законах и явлениях природы, так марксизм есть учение о законах общественных явлений. Он, стало быть, так мало относится к миру, что имеет своим предметом только маленький сектор, крошечный кусочек этого мира. Из явлений, происходящих на земле, на которой мы живем, он берет только маленький кусочек — не явления органической жизни и не явления человеческой жизни вообще, а одни только общественные явления и события. Поэтому в строгом смысле слова не может быть марксистского мировоззрения».

Вот как разоружает пролетариат, рабочее движение этот, с позволения сказать, «теоретик»! Идейный и политический смысл отрицания пролетарского мировоззрения у «теоретиков» социал-фашизма состоит в том, чтобы подчинить пролетариат буржуазии и ее мировоззрению, ее философии.

Вот что например пишет Адлер по вопросу о «Немецкой идеологии: «Но так как духовно-научная природа марксизма все снова и снова затушевывалась и затушевывается материалистическим непониманием, то для бо-

лее последовательного понимания новизны и своеобразия марксистской точки зрения ни одно событие за последние 50 лет не имело, быть может, такого выдающегося значения, как последовавшее лишь в 1927 г. опубликование той части «Немецкой идеологии», которая занимается критикой Фейербаха. Ибо здесь мы имеем такое всеохватывающее и ясное изложение основных идей материалистического понимания истории на не-«материалистический» манер, но вместе с тем с решительным отвержением тех идеалистических конструкций и всяческой метафизики, какого позднее Маркс не имел больше случая дать с подобной полнотой».

Этот прохвост от социал-фашизма не гнушается никакой софистикой или жульничеством для того, чтобы выхолостить революционное и материалистическое содержание марксизма. На том основании, что Маркс в «Немецкой идеологии» борется против ограниченностей материализма Фейербаха, он пытается доказать, будто Маркс борется против материализма вообще.

Как Адлер понимает социальное? Как он понимает те общественные отношения, которые, по его мнению, и являются единственным предметом изучения для марксизма? По этому вопросу он говорит: «Марксистская социология как мыслительное построение впервые создала все те элементы мысли, которые привели нас к новой концепции исторического мира, отличающегося от простого, природного мира. Здесь господствуют столь же строгие, но совершенно иные причинности, и отсюда получается новое понятие духовной природы наряду с природой физической. А поэтому также возможно и духовное научное мировоззрение наряду с чисто естественно-научным мировоззрением».

Таким образом сугубо идеалистическое существо социологических взглядов Макса Адлера, как они выражены в этой его статье (а эта статья является выводом из всех его многочисленных писаний по вопросам социологии, по вопросам марксистской философии), получает здесь, как вы видите, ясное выражение.

В том же номере «Дер Кампф», в котором Макс Адлер излагает свои взгляды и по вопросам философии, социологии и по вопросам о молодом и зрелом Марксе, напечатана другая статья, статья небезызвестного Генриха Демана, который когда-то был соратником Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но потом стал одним из представителей ревизионизма, который написал книгу, получившую в свое время большое распространение и известность на Западе, — «Психология социализма».

Основная тенденция автора этой книги Генриха Демана заключается в том, чтобы освободить рабочее движение от марксизма, освободить его от распространяющейся в нем и имеющей для него значение материалистической диалектики. Что же в упомянутой статье Генрих Деман пишет? В длинных периодах и длинных рассуждениях Демана заключается определенный смысл. Этот смысл состоит в том, что «ересь в марксизме»,— читай, опошление марксизма,— необходимо требуется самим развитием марксизма.

Он пишет: «ибо смысл ереси состоит не в том, чтобы отрицать систему мысли, но в том, чтобы освободить ее от того, что уже отмерло, и снова и снова ее обновлять путем оживления вновь ее коренных первичных импульсов». Он считает, что тот, кто хочет обязательно быть еретиком по отношению к марксизму, должен обязательно вступить в конфликт с марксизмом, ибо это вытекает из той цели, к которой стремился сам Маркс. Вот писания другого представителя социал-фашистской теории в номере, посвященном Марксу в связи с пятидесятилетием со дня его смерти. Вот омерзительная картина опошления марксистского учения, которая дается социал-фашистами в дни великой годовщины.

Наконец надо сказать еще об одном из плодовитых писателей социал-фашизма и по вопросам социологии, и по вопросам экономическим, и по вопросам философии — о Браунтале. В статье, посвященной шестидесятилетию со дня рождения Макса Адлера, он распоясался во-всю и дал нам полную картину того, что представляют собой взгляды Макса Адлера, и вместе с тем, чем пробавляется в настоящее время социал-фашистская философия. Брауналь в этой статье считает, что основная и важнейшая заслуга Макса Адлера перед послевоенным поколением и социализмом состоит в том, что он бросил лозунг «Назад от материализма к марксизму». Брауналь занимается на целом ряде страниц выяснением того, какая опасность грозит марксизму, если марксизм будет материалистическим. Он занимается выяснением того обстоятельства, что якобы материалистический характер марксизма не дает возможности действительно понимать существо политических процессов, существо социальных отношений, которые имеют место. Поэтому Макс Адлер, который-де освободил марксизм от материализма, который-де бросил этот знаменитый лозунг — «Назад от материализма к марксизму», выполнил огромную историческую задачу.

Вместе с тем он говорит, что Макс Адлер указал на тот узел, который связывает марксизм с кантовской философией и который только и дает возможность по-настоящему подойти к пониманию социальных отношений, к пониманию социального как духовного, к пониманию социального как априорного, трансцендентного. Он вместе с тем указывает, что Макс Адлер на основе этих своих, так сказать, новооткрытий пришел благополучно к трансцендентальному господу богу и т. д. и т. п. Вот еще одна статья, характеризующая существо взглядов современного социал-фашизма по философским проблемам, по вопросам материалистической гносеологии, по вопросам материалистического понимания истории.

Нужно сказать, что точка зрения, которая развивается в работах социал-фашистов, в статьях, вышедших в самое последнее время, является не чем иным, как изложением и переложением того, что по этому поводу пишется в целом ряде непосредственно буржуазных, левобуржуазных сборников, статей, журналов. Взять хотя бы статью в журнале «Die Stimme der Vernunft», органе Немецкого союза монистов, статью Беге «Гносеологические основы марксизма». Вот что Беге, касаясь гносеологических основ марксизма, писал: «Понятие «материалистический» означает у Маркса то же самое, что антиметафизический (особенно антиспиритуалистический), обращенный к действительности, т. е. реалистически опирающийся на опыт, т. е. позитивистический. Его понятие «материалистический» не имеет ни малейшего отношения к натурфилософскому материализму, к материализму в собственном смысле слова. Поэтому было бы правильнее обозначать основные научные установки Маркса не как материализм, но — как это предлагает Макс Адлер — как реалистический позитивизм»

Разделавшись столь легким способом с материализмом, с гносеологическими основами марксизма, Беге занялся другим вопросом: как бы разделаться и с диалектикой Маркса? Вот что он пишет по поводу диалектики: «Понятие «диалектика» сильно отдает метафизикой. Для научных целей, т. е для реальной и ясной обработки опытного знания, она не только не имеет никакой ценности, но даже хуже того — соответствия с этим, а также с вышеприведенными соображениями против употребления «материалистический». Нужно несомненно отказаться от термина «диалектический материализм» для обозначения системы мыслей Маркса».

Эта невежественная и контрреволюционная болтовня о невозможности диалектического материализма, о том, что диалектический материализм означает совершенно незаконное, неестественное сочетание, что диалектика

и материализм находятся, так сказать, в незаконном браке, перекликается с «точкой зрения», недавно развивавшейся небезызвестным Бердяевым в статье, посвященной вопросам философской борьбы в Советском союзе. Бердяев в этой статье доказывал, что диалектика и материализм — это совершенно незаконное сочетание, что тот, кто настаивает на диалектике, тот неизбежно должен притти к идеалистическим выводам, тот неизбежно, обязательно должен стать на идеалистическую точку зрения, ибо диалектика-де не может быть иной, кроме как идеалистической. Тот же, кто, с точки зрения Бердяева, настаивает на материализме, тот обязательно должен притти к фатализму, к механицизму, ибо нет иного материализма, кроме как материализма механистического. Исходя из этого, Бердяев утверждает, что точка зрения диалектического материализма совершенно незаконна.

Таким образом мы видим, что в одной компании с Бердяевым и другими буржуазными философами находятся и Макс Адлер, и Каутский, и Вельс, и пр.; все они выступают единым фронтом, несмотря на все отличия, которые между ними существуют внутри, единым фронтом, направленным против марксизма.

Напрасны однако все их усилия! Марксизм живет, развивается, празднует гигантские победы. Под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина идет вперед международное рабочее движение к окончательной победе над капитализмом! К пятидесятой годовщине со дня смерти Маркса его учение получило свое воплощение в Коммунистическом интернационале, в нашей великой коммунистической партии, в диктатуре пролетариата, в успешном строительстве социализма на одной шестой земного шара!

Заключительное слово т. Митина.

Товарищи, наша сессия собралась через два с лишним года после решения ЦК о журнале «Под знаменем марксизма». Для всех известно, какое огромное значение имело и имеет это решение ЦК для всей работы на философском участке теоретического фронта, и не только на философском, а на всем участке идеологической борьбы. Ясно, что обсуждение вопросов материалистической диалектики как философии пролетариата, обсуждение этих проблем под углом зрения того, как в нашей теоретической работе отразились директивы, данные ЦК нашей партии, должно было и действительно привлекло большое общественное внимание и интерес со стороны всего нашего философского актива.

Если дать общую характеристику выступлений и прений, которые были по первым двум докладам, то надо будет отметить следующее. Прежде всего, со стороны всех выступавших не встретили принципиальных возражений основные установки докладов и тезисов. Во-вторых, мы несомненно можем констатировать теоретический рост наших кадров. Крайне положительным фактом является то обстоятельство, что целый ряд товарищей диференцировали свои выступления, брали отдельные проблемы и в пределах своей темы использовали большой материал, ставили и рассматривали отдельные вопросы. Для более углубленной работы над вопросами марксистской философии надо дальше двигаться в этом направлении.

Вместе с этим необходимо отметить и целый ряд недостатков, который выявился в прениях и вообще в ходе всей работы сессии по этому докладу. Эти недостатки прежде всего идут по линии еще недостаточного теоретического уровня нашей работы, того уровня, который бы нам хотелось иметь, того уровня, который требует от нас партия, требует от нас размах социалистического строительства. Несомненно, и это отмечалось некоторыми выступавшими, мы можем отметить продолжающееся еще известное отставание в теоретической работе наших кадров от актуальных вопросов, от прак-

тики социалистического строительства. В качестве одного из крупных недостатков обсуждения первого вопроса следовало бы указать еще и на такой момент, как недостаточно развернутая критика и самокритика целого ряда вопросов, которые за эти два года имели место на философском фронте, на недостаточность теоретического обсуждения, теоретической дискуссии. Речь идет о серьезном товарищеском обсуждении теоретических проблем, о деловом, серьезном обсуждении тех или иных назревших неясных или спорных вопросов, ибо только в процессе такой подлинно коллективной, подлинно товарищеской деловой работы возможно наше дальнейшее движение вперед.

Такова общая характеристика работы нашей сессии по первому вопросу. Разрешите теперь перейти к характеристике отдельных выступлений и тех вопросов, которые в этих выступлениях были поставлены.

В первую очередь надо отметить имевшие место на нашей сессии выступления представителей механицизма и меньшевиствующего идеализма. Несомненно, выступления, с одной стороны, т. Сарабьянова, с другой — т. Подволоцкого и т. Деборина с указанием на необходимость полного разоружения, с развернутой критикой своих ошибочных позиций, с критикой этих ошибочных позиций не как отдельных ошибок, а как концепций, как уклонов, как неправильных линий представляют собой шаг вперед в деле консолидации философских кадров на принципиально ясной основе по сравнению с тем положением, которое мы имели до этой сессии. Эти выступления свидетельствуют об огромной силе нашей партии, о правильности теоретической борьбы, которую проводит партия, о сугубой правильности той линии, которую партия проводит на теоретическом фронте в борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории под руководством т. Сталина. Эти выступления свидетельствуют также о правильности линии, проводимой в частности на философском участке кадрами, которые партия поставила на этот участок социалистического строительства, в деле выполнения решения ЦК о журнале «ПЗМ». Отмечая общий характер этих выступлений, надо перейти к более подробной характеристике каждого из них в отдельности.

Если говорить о выступлении т. Сарабьянова, то надо отметить партийный характер его выступления, искреннюю и честную критику своих ошибок и ошибок своих коллег по механицизму. Несомненно, т. Сарабьянов в своем выступлении обнаружил твердое желание продумать итоги борьбы, твердое желание перестроиться, включиться в общую работу. Таков общий характер его выступления. Однако вместе с тем его же выступление показало, что в смысле пересмотра своих позиций, своих теоретических установок, которые были на прошлом этапе его теоретической и практической работы, ему предстоит еще довольно большая работа. Во-первых, т. Сарабьянов и здесь в своем выступлении допустил целый ряд ошибок, свидетельствующих об элементах вульгаризации, которые у него имеются, свидетельствующий о том, что механистические позиции, механистическая точка зрения им до конца еще не преодолена.

Тов. Сарабьянов ставил здесь вопрос о процессе познания,— а ведь этот вопрос для правильной материалистической и не просто материалистической, а для правильной диалектико-материалистической трактовки имеет чрезвычайно большое значение. В чем основной недостаток его подхода к этому вопросу даже здесь, на нашей сессии? Основной недостаток получил яркое выражение в целом ряде отдельных примеров, которые он приводил, вроде примера с босой ногой и отпечатком этой босой ноги и т. д. Тов. Сарабьянов правильно понял вопреки своим прежним позициям, что мы должны рассматривать познание не как мертвое отражение, а как процесс. Это хорошо. Однако этого еще недостаточно. Тов. Сарабьянов не

понял еще (во всяком случае этот момент не получил своего отражения в его выступлении) того обстоятельства, что этот процесс мы должны рассматривать как процесс общественного человека, как процесс познания, происходящего в исторической практике человека, и т. д. Вот этот момент, чрезвычайно важный для понимания того, как материалистическая диалектика трактует эти вопросы, получил недостаточное выражение в выступлении т. Сарабьянова. Можно было бы привести целый ряд цитат из его выступления на сессии, подтверждающих мою критику, но я думаю, что этого вовсе и не требуется. Каждый, кто хочет в этом убедиться, должен только более подробно ознакомиться с его выступлением. Во всяком случае для нас ясно, что это был один из очень крупных недостатков в трактовке им данного вопроса.

Второй крупный недостаток в его выступлении, свидетельствующий о том, что т. Сарабьянову еще надо работать над преодолением своих прежних ошибочных установок,— это элементы суб'ективизма, которые имелись в его выступлении здесь, на сессии. Мы знаем, что по линии суб'ективизма т. Сарабьянов в свое время грешил очень основательно. Мы знаем его постановку вопроса о суб'ективности качества, суб'ективности случайности, мы знаем его по существу богдановскую постановку вопроса относительно суб'ективности истины и т. д. Элементы суб'ективизма в его анализе «диалектики внутреннего мира» и ощущений получили свое отражение и в его выступлении на сессии.

Наконец третий момент, который необходимо отметить, если характеризовать выступление т. Сарабьянова,— это то, что он по существу и к настоящему моменту дальше диалектики количества и качества не пошел. Правильное понимание закона единства противоположностей, применение этого закона к процессу познания, правильное понимание процесса познания как противоречивого процесса и т. д.— этот момент не получил несомненно в выступлении т. Сарабьянова достаточного отражения. Наконец надо указать, что здесь т. Сарабьянов недостаточно раскрыл политическое значение механистической ревизии марксизма. Однако все эти недостатки отнюдь не снимают той общей характеристики выступления т. Сарабьянова, которую я выше дал.

Особенно важно отметить ту часть выступления т. Сарабьянова, в которой он призывал других «вождей» механицизма, своих бывших соратников Тимирязева и Варьяша, притти на сессию и заявить об ошибочности своих позиций, о своем отношении к решению ЦК о «ПЗМ» и также включиться в общую работу. К сожалению, приходится констатировать, что они не вняли его призыву и продолжают занимать свою нелепую, по существу антипартийную позицию, состоящую в том, что, по их мнению, решение ЦК о «ПЗМ» к ним не относится, так как их фамилии в нем не упомянуты. Из этого следует, что Тимирязев и Варьяш продолжают упорствовать в своих механистических позициях, что они ничему не научились и ничего не поняли, что дальнейшая борьба с механистической ревизией марксизма как главной опасностью является важнейшей нашей задачей.

Перейдем к выступлениям т. Подволоцкого и т. Деборина. Тов. Подволоцкий, несмотря на общий и декларативный характер своего выступления, правильно отмечал чрезвычайно важные моменты. Тов. Подволоцкий говорил о том, что он вкупе с другими меньшевиствующими идеалистами очень горячо, с большим жаром и пылом работал в свое время, когда шла борьба с механицизмом, и что этого жара и пыла у них нет сейчас, когда речь идет о проведении в жизнь решений ЦК партии. Тов. Подволоцкий делал совершенно правильно, призывая себя и других представителей меньшевиствующего идеализма сейчас в деле исправления

своих ошибок, в деле реализации решений ЦК на философском фронте в деле реализации указаний т. Сталина и в дальнейшей разработке всех вопросов материалистической диалектики работать с таким же жаром и пылом, с каким они в свое время извращали материалистическую диалектику.

На выступлении т. Деборина мы вынуждены остановиться более подробно.

Выступление т. Деборина на нашей сессии, так сказать, не единственное после решения ЦК партии. Решение ЦК партии состоялось в январе 1931 г. Прошло два с четвертью года после этого решения ЦК партии. Для нас чрезвычайно интересно посмотреть, как в течение этих двух с четвертью лет т. Деборин реагировал на это решение ЦК, что он за это время проделал, как он развивался, какую работу он проводил в деле выполнения этого решения.

Тов. Деборин правильно указывал, что для каждого члена партии решение ЦК есть такая вещь, которая не может быть принята формально, что это есть директива, указание, как работать, которое необходимо повседневно в своей деятельности проводить. Посмотрим, что за два с половиной года сделал в этом отношении т. Деборин.

Мы знаем, что целый год после решения ЦК т. Деборин размышлял и наконец через год после этого решения он написал заявление, которое было напечатано в «Правде». В этом своем заявлении, написанном и опубликованном буквально через год после решения ЦК, т. Деборин сделал известный шаг вперед к признанию своих ошибок, однако он в этом заявлении своем не говорил еще о концепции ошибок, а только указывал, что в ряде вопросов он, так сказать, переходил на позиции меньшевиствующего идеализма. Это заявление ничем дальше не было подкреплено. Оно в течение многих месяцев оставалось просто бумажным заявлением, свидетельствующим может быть о добром желании, но не подкрепленным никакими делами.

Через полтора года после решения ЦК т. Деборин написал в «Вестнике Академии наук» статью, посвященную критике академика Вернадского, который в том же номере журнала Академии наук выступил с открыто идеалистической статьей по вопросу о пространстве и времени. Для нас представляет несомненный интерес, как через полтора года после решения ЦК партии т. Деборин в своей статье отобразил это решение, как он понял и продумал все вопросы, которые были поставлены в ходе и в процессе борьбы с меньшевиствующим идеализмом, и как он эти вопросы реализовал потом, уже в процессе борьбы с открытым идеализмом. Надо сказать, что эта статья Деборина представляет собой прекрасное подтверждение того, что говорил т. Сталин. Тов. Сталин указывал, что представители меньшевиствующего идеализма будут кричать и шуметь против открытого идеализма, но мы отнюдь не должны закрывать глаза на то, что они вместе с тем будут протаскивать в завуалированной форме идеалистические установки. Посмотрим, что в этой своей статье, написанной, повторяю, через полтора года после решения ЦК, т. Деборин писал.

Академик Деборин в своей статье решил выдержать академический тон. Это придает статье беззубый характер. Прямой и открытый идеалист Вернадский выступает в 1932 г. с докладом в Академии наук и рассматривает религию как одну из «форм знания» наряду с научной философской формой знания, развивает идеалистическую концепцию времени, выражает согласие с французским идеалистом-мистиком Бергсоном и немецким идеалистом Зиммелем, отрицает кризис современной буржуазной науки, расписывает «непреодолимую мощь свободной научной мысли, величайшей творческой силы homo sapiens человеческой свободной личности» и т. п.

Ленин учил нас определенным образом бороться с поповщиной, фидеизмом, идеализмом всякого рода.

Академику Вернадскому, большому специалисту в своей области (биогеохимия), но стоящему на реакционных позициях в общефилософских вопросах, надо было дать такой ответ, которому учит нас во всех своих работах Ленин.

Вместо такого ответа т. Деборин ведет сонную академическую дискуссию с Вернадским. Таков общий тон ответа. Что же касается содержания, то здесь дело обстоит гораздо хуже. Имеющийся в статье т. Деборина неплохой материал по вопросу о происхождении и развитии понятий времени и пространства обесценивается в значительной мере тем обстоятельством, что Деборин по ряду основных вопросов повторил свои старые ошибки, доказывая тем самым, что он ничему не научился из итогов философской дискуссии. Вот например как он растолковывает Вернадскому различие между идеализмом и материализмом: «Всячески избегая, как полагается во всех приличных домах, самого термина материализм, автор (т. е. Вернадский) не видит того простого факта, что материализм тем отличается от идеализма, что он не ограничивается одним логическим анализом своих понятий, а подвергает их исправлению и изменению в соответствии с опытом и наблюдением, учитывая всю совокупность результатов научной мысли».

Под этим определением материализма Деборина подпишется любой позитивист, любой представитель эмпиризма, включая сюда и эмпириокритика Богданова. Под этим определением подпишется и любой кантианец. Ибо, как раз'яснил еще в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин, под понятием опыта и «соответствия знания с опытом» может крыться и материалистическая и идеалистическая линия. Деборин, как это ни странно, «забыл» дать тут основной коренной признак, отличающий материализм от идеализма.

Далее Деборин продолжает по существу свою прежнюю линию в отношении к Гегелю. Он пишет: «Любопытно, что правильные в основе научные положения относительно связи пространства и времени с материей и ее движением выдвинул не кто иной, как Гегель. У него же мы находим и новое понятие единства времени и пространства».

Действительно, Гегель в своей «Философии природы» развивает положение о единстве времени и пространства. Гегель дает диалектическую трактовку единства времени и пространства, однако как вся его концепция в целом, так и разрешение этих вопросов в «Философии природы»—идеалистические. Содержание, которое Гегель вкладывает в эти понятия, совершенно определенное, идущее по линии всей его системы.

В «Материализме и эмпириокритицизме» есть глава, специально посвященная проблеме пространства и времени, в которой дается блестящее изложение марксистской точки зрения на этот вопрос и критика всего лагеря махистов и идеалистов по этим проблемам. Деборин всего этого материала совершенно не использует, ленинской критики идеализма не понимает.

Ленин прямо и определенно указывает на идеалистический характер решения вопроса о пространстве и времени у представителей классического идеализма. Он пишет: «Не в том дело, чтобы Энгельс отвергал и необходимость и научное значение исследований об изменении, о развитии наших понятий о времени и пространстве, а в том, чтобы мы последовательно решали гносеологический вопрос, т. е. вопрос об источнике и значении всякого знания вообще. Сколько-нибудь толковый философский идеалист,—а Энгельс, говоря об идеалистах, имел в виду гениально-последо-

вательных идеалистов классической философии,— легко признает развитие наших понятий времени и пространства, не переставая быть идеалистом, считая например, что развивающиеся понятия времени и пространства приближаются к абсолютной идее того и другого и т. п.» [1]).

В IX сборнике Ленин, касаясь специально гносеологического вопроса о времени и пространстве, пишет: «Здесь только как будто Гегель высунул ослиные уши идеализма, относя время и пространство (в связи с представлением) к чему-то низшему против мышления... Здесь в понятии времени (а не в отношении представления к мышлению) — идеализм Гегеля» [2]).

Для того, чтобы выделить нашу позицию в этом вопросе, требуется ясное представление о том, «что наши развивающиеся понятия времени и пространства отражают об'ективно реальное время и пространство» (Ленин).

Деборин всего этого не «замечает», а принимает Гегеля целиком, без всякой материалистической переработки, как это он делал все время. Результаты философской дискуссии прошли мимо него.

Итак, несмотря на то, что т. Дебориным показаны основные открыто идеалистические позиции Вернадского, он сам по важнейшим вопросам марксистской философии в данной статье стоит по существу на замаскированно идеалистической точке зрения.

В статье разбросано немало типично деборинских двусмысленных замечаний и характеристик тех или иных философских вопросов, которые может принять и любой идеалист. И часто проводится отождествление, как это он все время делал в прежних своих работах, категорий, понятий с процессами об'ективного материального мира. Надо указать, что последний раздел статьи Деборина свидетельствует о его попытке увязать теоретические проблемы времени и пространства с практическими вопросами социалистического строительства. Эта увязка однако носит крайне академический, профессорский характер, так как посвящена философствованию о том, что значат наши темпы с точки зрения категорий пространства и времени, вместо того, чтобы показать, что идеалистическая трактовка проблем пространства и времени, как вообще идеалистическое мировоззрение, разоружает нас в борьбе за социализм, в то время как материалистическо-диалектический подход к этим вопросам является одним из существенных моментов, помогающих нам одерживать победы.

Так обстоит дело со статьей т. Деборина в «Известиях Академии наук».

Наконец мы имеем последнее выступление т. Деборина. Это выступление здесь, на нашей сессии, уже через два с лишним года после решения ЦК. Выступление Деборина можно разбить на две части, и надо о каждой из них сказать в отдельности.

Если говорить о первой части его выступления, то несомненно надо отметить, что т. Деборин сделал шаг вперед по сравнению с прежними его выступлениями в отношении признания своих ошибок. В этом смысле т. Деборин по-партийному поставил вопрос относительно необходимости полного разоружения. Несомненно т. Деборин правильно поставил вопрос и о том, что речь идет у него не об отдельных ошибках, а о концепции меньшевиствующего идеализма. И это обстоятельство мы не можем не отметить как шаг вперед т. Деборина, вызванный успешной борьбой нашей партии на теоретическом фронте.

Однако и здесь, в первой части, т. Деборин допустил ряд ошибок, мимо

---

[1]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 289.

которых пройти никак нельзя. Тов. Деборин говорил, что когда вышла в 1909 г. книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», то она оказала на него очень большое влияние. Правда, он указывал, что его книга «Введение в философию диалектического материализма» была написана до выхода в свет ленинской работы и поэтому это влияние не могло сказаться. Надо прежде всего напомнить т. Деборину, что его книга «Введение в философию диалектического материализма» вышла через несколько лет после ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм». Во-вторых, пусть т. Деборин ответит на вопрос, как могло сказаться влияние ленинской работы на него, в этой книге, если даже в последних работах это влияние при самом внимательном чтении трудно было бы обнаружить. Далее, ведь как раз вопрос о недооценке и непонимании ленинского философского наследства — основной недостаток меньшевиствующего идеализма.

А затем т. Деборин вероятно помнит и знает,—и эти документы имеются в «Доме Плеханова»,—переписку свою с Плехановым, относящуюся как раз к тем годам, в которых дается характеристика Ленина, ленинских философских работ, политической позиции большевизма и т. д. Этих документов у меня сейчас под рукой нет, но эти документы представляют собой совершенно безобразные, позорные меньшевистские документы, направленные против Ленина. Тов. Деборину как члену нашей партии следовало бы, раз он уже коснулся этой темы, раз он уже занялся этими годами, следовало бы здесь об этом ясно и подробно сказать. К сожалению, он этого не сделал, ограничившись только общими указаниями о том, что книга Ленина произвела на него большое влияние (которого при всей тщательности анализа никак нельзя обнаружить).

Затем т. Деборин указал, что он впоследствии стал на точку зрения теории отражения. И здесь надо указать т. Деборину, что это неверно. Если бы т. Деборин стоял на точке зрения теории отражения, он бы давал материалистическую трактовку категорий диалектики. Как же он отождествлял суб'ект с об'ектом, как же он отождествлял категории диалектики с об'ективными закономерностями развития действительности, если принял теорию отражения. Все это непонятно. Деборин стоял не на точке зрения теории отражения, а на гегельянско-идеалистической точке зрения. Вот это обстоятельство свидетельствует, что еще много неясностей есть у т. Деборина, что ему еще много надо работать над тем, чтобы свою общую декларацию о необходимости полного разоружения действительно реализовать. Такова первая часть выступления т. Деборина.

Теперь разрешите остановиться на второй части. Что касается второй части, то нужно сказать, что т. Деборин пообещал нам тут не только в пределах философского фронта, а в пределах, как он говорил, всей Коммунистической академии зажечь море. Он пообещал нам рассказать обо всех новых явлениях, которые имеют место на фронте идеологии «в международном масштабе». Между тем т. Деборин, касаясь этих вопросов, допустил грубейшие политические ошибки, которые должны быть нами самым строжайшим образом заклеймены.

Мне приходится прибегнуть теперь к стенограмме его выступления. Касаясь характеристики положения в Германии, т. Деборин давал следующую картину, он говорил: «Торжество фашизма сейчас в Германии означает отлив революции». Когда тут товарищи в аудитории начали возмущаться этим положением, он решил «углубить» эту свою, так сказать, постановку вопроса. Что же он по этому поводу дальше говорит? «Но что такое отлив? Отлив это есть только частный случай общего движения революции согласно чрезвычайно интересной теории т. Ленина и Сталина. Как это очень ярко сформулировал т. Сталин, это теория волнообразного характера революции, что революция никогда не развивается путем насту-

пления одной сплошной волны, она всегда развивается не путем прямолинейным, а путем зигзаг, путем отливов, приливов» и т. д.

И наконец последнее—подведение всего этого, как это полагается всякому доброму старому философу, под диалектическую категорию: «Хотя сейчас известный отлив, но этот отлив, диалектически понятый, будет означать накопление для нового под'ема и т. д. и т. д.».

Нужно сказать, что это место из выступления т. Деборина представляет собой глубочайшую политическую ошибку.

Голос из президиума: Смыкающуюся с социал-фашизмом.

Митин: Тут совершенно правильно товарищи подсказывают: политическую ошибку, смыкающуюся в оценке событий в Германии с социал-фашизмом. В самом деле, можно привести целый ряд высказываний Отто Бауэра, Адлера и других, которые таким же образом характеризуют положение в Германии, утверждая, что там торжество фашизма, отлив революции и контрреволюционная ситуация. Тов. Деборин некритически отнесся к тем высказываниям, которые он читал в этой литературе, и их здесь повторил. Между тем вчера как раз до его выступления были напечатаны в «Правде» тезисы Исполкома Коминтерна по вопросу о положении в Германии, которые исходят из совершенно другой, коренным образом отличающейся установки относительно характера тех событий, которые имеют место в Германии. Тезисы говорят о победе фашизма, о временном затишьи, которое имеет место, о нарастании вопреки фашистскому террору революционного под'ема, о непрерывном нарастании этого революционного под'ема, о движении Германии к пролетарской революции, о необходимости со стороны партии подготовки масс к решающим боям, к решающим революционным битвам за пролетарскую диктатуру, за советскую Германию. Ясно, товарищи, что эта оценка коренным образом отличается от той оценки положения дел в Германии, которую дал здесь своим выступлением т. Деборин.

Второе, что необходимо отметить в общей характеристике взглядов т. Деборина по вопросу о современной идеологии современной буржуазии «в международном масштабе»,— это следующее.

Тов. Деборин совершенно одноцветно, антидиалектически, насквозь метафизически, если брать методологическую сторону дела, охарактеризовал современную буржуазную идеологию. Он свел всю буржуазную идеологию к ее гитлеровскому выражению. Между тем для нас совершенно ясно, что идеология фашизма гитлеровского толка, совершенно средневекового и варварского типа, не покрывает всей современной фашистской идеологии. Вся современная фашистская идеология не покрывает всей современной буржуазной идеологии. Где известные относительные противоречия, которые имеются внутри господствующих классов? Где известное, правда, весьма относительное, но реально существующее различие, несмотря на все переплетение, которое имеет место между фашизмом и социал-фашизмом и их идеологией? Все эти моменты чрезвычайно важны для правильного диалектического понимания процессов, которые происходят «в международном масштабе». Эти все моменты т. Деборин упустил и, несмотря на то, что он ходил в «диалектиках», дал совершенно метафизическую картину процессов, которые имеют место в буржуазной идеологии.

Наконец надо отметить общий идеологизм всего построения т. Деборина. В его выступлении был дан анализ идеологии (если вообще тут можно говорить об анализе), но не было дано анализа классовой борьбы, которая лежит в основе всех этих идеологических построений. Недаром во время выступления т. Деборина тут были брошены реплики относительно того, что нужно исходить из того, что происходит на улицах, из классовой борьбы, которая там происходит, для характеристики и понима-

ния того, что происходит в идеологических сферах. Этих моментов мы в выступлении т. Деборина не имели.

Вот что нам дал т. Деборин после двух с лишним лет после решения Центрального комитета. Несмотря на то, что он в первой части своего выступления сделал шаг вперед по сравнению с прежними его выступлениями, несмотря на то, что в первой части было несомненно искренне звучавшее заявление в смысле своего отношения к решению ЦК, в смысле желания изжить свои ошибки и т. д., исправить их, несмотря на это, когда он перешел к положительному изложению некоторых вопросов, оказалось, что здесь он сохранил еще очень много из своего старого. В этом отношении необходимо отметить, что т. Деборину надо еще очень многое менять, очень многое пересмотреть, прежде чем он действительно сумеет стать на партийные позиции по всем этим вопросам.

В процессе обсуждения доклада, в ряде выступлений были подняты вопросы, связанные с пониманием формирования философских взглядов Маркса и Энгельса. Это — чрезвычайно положительное явление, ибо эти вопросы имеют, как совершенно правильно указывалось, не только историческое значение, но и крайне актуальный интерес. Выяснение всех этих вопросов несомненно углубляет наше понимание марксистско-ленинского наследства. Выяснение всех этих вопросов дает нам возможность бить социал-фашизм по всем его сплетениям, фальсификациям, извращениям, которые имеются как раз по этому вопросу. Выяснение всех этих вопросов настоятельно необходимо еще и потому, что за последние годы мы имеем опубликование целого ряда новых, неизвестных до этого времени, нигде еще ранее не публиковавшихся документов из наследства Маркс и Энгельса.

Совершенно правильно выступавшие здесь товарищи заострили свое внимание на необходимости разоблачения рязановских, меньшевистских, деборинских установок при подходе к вопросу о формировании философских взглядов Маркса и Энгельса. Совершенно правильно указывалось на то, что установка у Рязанова и Деборина была такая: философские взгляды молодого Маркса и Энгельса брались в отрыве от социально-экономической обстановки Германии конца 30-х и 40-х годов. Формирование философских взглядов рассматривалось как чисто философское развитие, оторванное от политической борьбы, которую вели Маркс и Энгельс, и т. д. и т. д. Совершенно правильно здесь товарищи критиковали известную плехановскую концепцию по вопросу о трех фазах в развитии взглядов Маркса и Энгельса.

Однако надо сказать, что в выступлениях некоторых товарищей, которые исходили из совершенно правильной линии борьбы против всяких извращений в этих вопросах, были и перехлестывания, которые могут приводить к вульгаризации этих вопросов, которые могут в итоге работы подвести нас к совершенно ошибочным позициям в этом отношении. Мы знаем, что в преподавательской работе нам часто приходится встречаться, а также и среди товарищей, изучающих эти вопросы, с такой точкой зрения, которая никак не может согласиться с тем, что Маркс и Энгельс на определенном этапе своего развития были идеалистами. Некоторые считают, что констатирование этого положения якобы снижает значение Маркса, что это есть нечто такое, что дает неправильное представление о Марксе, и т. д.

Обуреваемые самыми антиидеалистическими намерениями, некоторые товарищи считают, что мы по отношению к памяти основоположников марксизма делаем преступное дело, если говорим о гегельянстве, об идеализме, имевшихся на определенном этапе в развитии Маркса и Энгельса. Недоучитывается при этом то обстоятельство, что мы должны давать подлинную картину развития взглядов Маркса и Энгельса, выраставших в определенной исторической обстановке, что без такой подлинной картины мы будем извращать как происхождение, так и существо марксизма.

Действительный анализ первых работ молодого Маркса, периода самого конца 30-х годов, периода его философской диссертации, свидетельствует о том, что в этот период он был гегельянцем, идеалистом. И это, товарищи, ничуть не снижает значения Маркса как вождя, как идеолога пролетариата. Все это нам совершенно необходимо видеть для того, чтобы действительно понять тот процесс, который прошел Маркс в своем развитии, когда он буквально выстрадал свое мировоззрение, мировоззрение пролетариата. Надо добавить, что и до того, как он стал на гегельянскую позицию, Маркс прошел довольно большой процесс философского «линяния». Этот процесс получил свое изумительно яркое, красочное, гениальное освещение в его письме к отцу от 1847 г. Маркс пишет, что, занявшись изучением права, он понял, что нельзя разрешать никаких вопросов права без того, чтобы заранее не побороться с философией. Он создал для себя с самого начала целую метафизическую философию, написал целую метафизическую систему, примерно фихтеанско-кантианского толка. В этом письме, излагая процесс своих занятий по философии, Маркс писал о своих «борениях» по философии: «Здесь прежде всего внесло большую путаницу то самое противоречие между сущим и должным, которое свойственно идеализму; оно же породило дальнейшие неуклюжие и неправильные подразделения. Вначале у меня шла метафизика права, как я милостиво окрестил ее,—т. е. основоначала, размышления, определения понятий, отделение от всякого реального права и всякой реальной формы права: все это на манер Фихте, только у меня современнее и бессодержательней» [1]). Убедившись в полной неудовлетворительности своей системы, Маркс пишет другую систему. «От идеализма, который я, к слову сказать, сравнил и напитал кантовским и фихтевским идеализмом, я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности» [2]). В связи с этим Маркс начал изучать философию Гегеля и его учеников. Во время болезни он «познакомился с Гегелем от начала и до конца, включая большинство его учеников».

Вот какую большую предварительную работу еще в юношеском возрасте проделал Маркс по изучению немецкой классической философии, в результате которой он пришел к гегелевской философии. О том, что он был гегельянцем, идеалистом, об этом свидетельствуют его работы. Об этом свидетельствуют работы Ленина. Ленин писал по этому вопросу в своей статье «Карл Маркс». Обращаю внимание на библиографическую часть этой статьи, в которой Ленин дает характеристику отдельных работ Маркса. И вот там, в библиографической части, характеризуя докторскую диссертацию Маркса, Ленин писал: «В этой диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения. К 1842 году относятся статьи Маркса в «Рейнской газете» (Кельн), в особенности критика прений о свободе печати в шестом рейнском ландтаге, затем по поводу законов о краже леса, далее: защита освобождения политики от теологии и др. (вошли частью в «Литературное наследство»). Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» [3]).

Вот, товарищи, совершенно ясное свидетельство Ленина. Кто считает, что признание того, что Маркс в молодые годы был гегельянцем-идеалистом, в какой-либо мере снижает идейный облик Маркса, тот глубоко ошибается. Тот, кто думает, что он занимает революционные позиции, когда отрицает идеализм молодого Маркса, тот глубоко ошибается, извращает действительную картину вещей, извращает Ленина.

---

[1]) Маркс, Собр. соч., т. I, стр. 433.
[2]) Там же, стр. 436.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 32.

Есть еще другого типа непонимание вопроса, вульгаризаторское перехлестывание, которое, с моей точки зрения, тоже нужно отметить для того, чтобы наши теоретические работы и в этом отношении были на правильном пути. Некоторые товарищи считают, что Маркс с самого начала своих выступлений был уже идеологом пролетариата. Они отрицают, что Маркс был революционным демократом или демократом и т. д. Опять-таки, как нужно решать этот вопрос? Прежде всего надо проанализировать соответствующие работы Маркса того периода, рассмотреть классовую борьбу, социально-экономическую обстановку, условия того периода, посмотреть, что означал в этот период демократизм, революционный демократизм, каковы были его политические тенденции и т. д. и т. д.

И наконец дальше, что для нас является основным, решающим для этой работы — это ленинские указания. Что мы имеем по этому вопросу у Ленина? Ленин неоднократно подчеркивает, что Маркс был революционным демократом, потом перешел к коммунизму.

В своей статье «Фридрих Энгельс» Ленин писал: «Оба они (т. е. Маркс и Энгельс.— *Митин)* сделались социалистами из демократов, и демократическое чувство ненависти к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно». Таким образом и на этот счет мы имеем у Ленина неоднократные и недвусмысленные заявления. Верно то, что они были радикальными, революционными демократами, когда на очереди дня стояла еще буржуазная революция, когда радикальный демократизм выражал идеологию наиболее революционных элементов, в том числе и пролетариата. Их переход от революционного демократизма к социализму, к пролетарскому социализму, происходил на базе, на основе непрерывного роста пролетариата, роста пролетарской борьбы в Германии, в Англии, Франции, в решающих странах Европы того периода, на базе роста классового сознания пролетариата, причем именно Маркс формулировал дело пролетариата, научное осознание его положения, научную теорию коммунизма.

Несколько слов надо сказать также относительно влияния Фейербаха на Маркса. Нам надо бороться с таким представлением, которое считает, что после выхода в свет фейербаховской работы «Сущность христианства» в 1841 г. Маркс стал фейербахианцем и притом правоверным фейербахианцем, фейербахианцем в абсолютном смысле этого слова. Ясно, что такого периода в развитии Маркса не было. Однако вместе с тем неправы те товарищи (а тут было такое выступление т. Айзенберга), которые считают, что основное влияние Фейербаха на Маркса шло по линии отчуждения и т. д. Основное влияние Фейербаха на Маркса шло по линии материализма. Однако Маркс, став на материалистическую позицию, приняв материалистическую точку зрения, как это известно, ни на одном из этапов своего развития не был ортодоксальным фейербахианцем в том смысле, как это принято считать. Маркс коренным образом отличается от Фейербаха в том смысле, что он преодолевает с самого начала ограниченности абстрактного, созерцательного материализма Фейербаха.

О том, какое значение и притом политического порядка имеют вопросы правильного понимания формирования взглядов Маркса и Энгельса, свидетельствует хотя бы последняя статья Макса Адлера «Мировоззренческое в марксизме», о которой я говорил в докладе. Что пишет Макс Адлер о молодом Марксе? Надо, говорит он, «положить конец все снова и снова повторяемой легенде о различии в точке зрения «молодого» и «зрелого» Маркса». Зачем это нужно Максу Адлеру? Ему это нужно для того, чтобы «доказать», что идеализм и гуманизм, которые, по его мнению, имеются в работах молодого Маркса, далее целиком сохраняются у зрелого Маркса. Ему это нужно для того, чтобы извратить существо марксистского учения.

Необходимо еще сделать некоторые замечания в связи с выступлениями т. Досева и т. Пичугина. Тов. Досев привел одну выдержку из статьи т. Широкова в «Проблемах марксизма» и указал, что положение т. Широкова о том, что нельзя отождествлять суб'ективной и об'ективной диалектики, правильно, но что это положение в той формулировке, в которой оно дано у т. Широкова, звучит несколько односторонне, что тут надо вместе с тем указывать и то, что отмечали неоднократно Ленин и Энгельс относительно двух рядов, которые тождественны по существу, но различны по форме, и т. д. и т. д. Между тем т. Пичугин почему-то решил значительную часть огня своего выступления направить против т. Досева, хотя в выступлении т. Досева не было ничего такого, что должно было бы вызвать такую артиллерийскую стрельбу, которую т. Пичугин открыл.

Второе, что надо сказать, поскольку я уже говорю о выступлении т. Пичугина,— это следующее:

Тов. Пичугин касался также в своем выступлении и моей первой статьи «К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма», помещенной в № 7—8 «ПЗМ» за 1931 г., хотя он ее и не называл. Статья была написана года полтора тому назад. При правильности линии этой статьи в ней действительно имеются отдельные ошибочные формулировки, в частности там есть ошибочные формулировки по следующим вопросам: у меня в статье сказано, что суть ленинского этапа состоит в том, что Ленин у с т а н о в и л единство диалектики, логики и теории познания. Конечно эта формулировка неправильна, потому что из нее можно сделать вывод, будто единства диалектики, логики и теории познания у Маркса не было. И критика по этой линии совершенно правильна. Однако должен сказать, что в последующих статьях я эту ошибочную формулировку выправил, это было выправлено в ряде статей, в частности в другой статье, посвященной философскому наследству Ленина.

Что же касается того, что мною в той статье подчеркивалось значение гносеологического фундамента марксистской философии, подчеркивалось то значение, которое приобретала в новых условиях, в условиях империализма, разработка проблем материалистической диалектики как теории познания,—этот момент, на который было соответствующим образом обращено внимание в статье, являлся и является совершенно правильным. Этот момент я развивал здесь в своем докладе и в тезисах. Никто из выступавших товарищей ничего не возразил по этому вопросу. Между тем т. Пичугин счел нужным касаться статьи, ошибочной формулировки. Но вместо того, чтобы говорить прямо: речь идет о такой-то формулировке, речь идет о такой-то статье, вместо того, чтобы честно, как нам нужно, по-товарищески критиковать, выяснять ошибочные или спорные вопросы, т. Пичугин счел нужным отделаться различного рода намеками, указаниями, без того, чтобы по-большевистски прямо поставить то, о чем он хотел сказать. Получилось так, что бьет он, может быть помимо его желания, гораздо дальше, чем хотел. Зачем нам нужно культивировать такие методы работы? Нам нужны товарищеские методы работы на почве развернутой самокритики. Я думаю, что только таким образом нам надо поступать. Это даст нам возможность по-партийному вести чрезвычайно сложную теоретическую работу, чтобы реализовать решение ЦК и указания т. Сталина.

Основная задача, которая сейчас перед нами стоит на философском фронте,— это поднять к а ч е с т в о нашей теоретической работы. Несомненно, что за эти два года проделана известная работа, дана известная теоретическая продукция. Стоит только указать на учебники, вышедшие за эти годы, стоит только указать, как здесь и было констатировано, на рост наших журналов и т. д. Однако вместе с тем надо указать и на то, что качество нашей теоретической продукции и задачи, которые сейчас перед нами стоят,

требуют нашего усиленного к себе внимания. У нас совершенно ясная, четкая принципиальная линия,— она дана в решении Центрального комитета, она констатирована в указаниях т. Сталина.

У нас есть и выросли за эти годы свежие, молодые кадры. Неправы те товарищи, которые считают, что у нас нет кадров. Кадры имеются. Правда, рост этих кадров иногда не такой быстрый, как этого бы хотелось, но эти кадры имеются, и кадры выросли за эти годы, выросли в борьбе с меньшевиствующим идеализмом, в борьбе с механицизмом и т. д. Нельзя сказать, чтобы у нас не было условий и возможностей для развертывания работы. Наоборот, у нас прекрасные условия и огромные возможности работы.

Так в чем же дело? Почему же пока все-таки нет серьезных, фундаментальных работ по вопросам философии марксизма, почему мы еще имеем известное отставание от практики, от актуальных вопросов социалистического строительства, о чем я говорил вначале? Чего нехватает?

Нехватает еще умения учиться по-настоящему, нехватает еще умения по-серьезному подходить к научно-исследовательской работе. Наши кадры недостаточно претворяют в жизнь лозунги партии, лозунг т. Сталина об овладении наукой и техникой. Для теоретических работников этот лозунг имеет чрезвычайно большое значение. Особенное значение он имеет для философского фронта, на котором произошло огромное омоложение кадров. Был совершенно прав в своем выступлении в начале нашей сессии т. Адоратский, когда говорил о необходимости пронизать глубоким историзмом всю нашу работу, и в частности работу Института философии, на основе действительного изучения исторического процесса, дейсвительного изучения истории философии и т. д.

Нехватает у нас, товарищи, умения хорошо организовывать работу. Сессия несомненно показала сплочение наших сил на совершенно ясных принципиальных позициях. Сессия несомненно показала, что в этом отношении мы имеем единство наших кадров. В отношении дальнейшего сплочения сил нам нужно будет дальше вести дело после сессии, в этом направлении нам нужно дальше развертывать нашу работу. Нам нужно вместе с тем заклеймить тех, — а такие товарищи имеются, — которые отсиживаются, которые формально признают решение ЦК, но считают, что нужно посидеть пока в сторонке и посмотреть, не провалится ли кто-нибудь, и т. д. Нам нужно разоблачать таких обывателей, совершенно не по-партийному относящихся к решению ЦК, и полностью сплотить наши силы для решения тех больших, грандиозных задач, которые стоят перед нами на фронте философии.

При сплочении всех сил, под руководством нашей партии, под руководством нашего дорогого и любимого учителя т. Сталина мы несомненно продвинем вперед работу на философском фронте и создадим серьезные, фундаментальные исследовательские работы!

Марксизм и естествознание *)

А. Максимов

Пятидесятая годовщина со дня смерти Маркса для нас не просто повод к воспоминаниям о том, что давно прошло, а дальнейшая мобилизация наших сил на борьбу за победу марксизма и на фронте естествознания. Что актуального, мобилизующего наши силы на дальнейшую борьбу дает нам история борьбы пролетариата против представителей враждебных пролетариату классов в области естествознания?

Появление марксизма на исторической сцене в конце первой половины XIX в. неслучайно не только в отношении экономической и политической борьбы классов, но и в отношении естествознания. Марксизм вызван был к жизни ростом капитализма и явился, как писал Энгельс, «пониманием природы, условий и вытекающих из них общих целей ведущейся пролетариатом борьбы»[1]). Промышленный переворот обусловил не только рост буржуазии и пролетариата и развитие борьбы между ними, но и переворот во всех теоретических представлениях, в том числе и в естествознании. Этот переворот в естественно-научных представлениях, связанный с именем Канта, Лапласа, Ляйеля, Дальтона, Майера и др., явился одной из подготовительных ступеней к возникновению марксистского учения и послужил в руках Маркса и Энгельса орудием защиты созданного ими учения. Доказательство того, что все в мире развивается, что это развитие происходит на основе единства противоположностей путем перехода одних форм материи в другие, доказательство наличия революционных скачков в природе — все это, заключавшееся в теориях, созданных перечисленными естествоиспытателями, было вскрыто Марксом и Энгельсом и послужило в их руках опорой для их собственных взглядов. Таким образом эти учения, сами являясь результатом промышленной революции и развития капитализма, создали необходимую предпосылку для нового этапа в развитии материализма—для марксизма. Маркс и Энгельс, строя свое учение, действовали не на пустом месте, а опирались на всю сумму знаний, накопленных за предшествующий период развития, в том числе и на естествознание.

Роль естествознания особенно выделяется в том отношении, что оно в отличие от общественных наук было в основном материалистичным. Буржуазные ученые, проповедуя идеализм в вопросах общественного развития, «внизу», как выражались Маркс и Энгельс, по вопросам развития природы были материалистами. Задача основоположников марксизма облегчалась: им нужно было распространить материалистическое об'яснение явлений природы и на общество. Поэтому Ленин говорил, что, «углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества»[2].

---

*) Доклад, сделанный на научной сессии Института философии Комакадемии 11 апреля 1933 г. Доклад печатается в сокращенном виде. За недостатком места опущена последняя часть доклада, посвященная положению естествознания в СССР.

[1]) Ф. Энгельс, К истории «Союза коммунистов». Партиздат, 1933 г., стр. 14.

[2]) Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XII, ч. 2-я, стр. 56.

Однако отношение естествознания к марксизму не ограничивается тем, что естествознание являлось одним из моментов, подготовивших появление марксизма. Естествознание и в дальнейшем развитии марксизма играло и играет существеннейшую роль. Без естественно-научного обоснования невозможно не только философское, но и экономическое и историческое учение марксизма. Действительно, невозможно изучать развитие производительных сил, особенно техники и сельского хозяйства, без изучения естествознания. Маркс например особенно подчеркивал огромное значение агрохимии для понимания земельной ренты. Он говорил, что изучение агрохимии дало ему в понимании ренты больше, чем все экономисты вместе взятые.

Затем, если мы возьмем роль человека как общественного существа, то здесь мы не должны также забывать вопрос о том, что человек является определенным природным существом. В процессе общественного производства веществу природы человек противостоит как сила природы. Без изучения естествознания невозможно также понять проблему разделения труда. То же самое и в отношении процесса труда, так как последний есть в то же время и трата физических сил человека. Граница эксплоатации рабочего определяется не только условиями производства, не только всеми прочими общественными условиями, но также и физиологической природой организма рабочего. Рабочий не может работать, скажем, двадцать четыре часа, не отдыхая, не питаясь и т. д., т. е. не выполняя необходимых физиологических функций. Если к сказанному добавить, что естествознание в лице дарвинизма дает научную теорию происхождения человека, что воспроизводство человеческого рода есть определенный биологический процесс и т. д., то уже перечисленного будет достаточно, чтобы подчеркнуть ту мысль, что естествознание — не только предмет марксистской философии природы, но и орудие в построении всей марксистской теории в целом.

Но если естествознание служит одним из существенных моментов в построении марксистского учения, то в свою очередь научное понимание природы самого естествознания невозможно вне и без марксистской теории. Лишь марксизм дал научные основы для понимания истории естествознания, зависимости его от развития производительных сил, политической и идеологической борьбы. Без марксизма нельзя правильно понять даже самый предмет естествознания.

Критикуя Фейербаха, Маркс и Энгельс в одном месте «Немецкой идеологии» говорят: «Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Вишневое дерево, подобно всем плодовым деревьям, появилось в нашем поясе несколько веков тому назад благодаря т о р г о в л е и, таким образом, оно дано «чувственной достоверности» Фейербаха только благодаря действиям определенного общества в определенное время»[1]).

Особенное внимание Маркс и Энгельс уделяли рассмотрению теоретической стороны естествознания. Опираясь на всю историю развития естествознания и его конкретные достижения, марксизм явился самым последовательным, самым революционным мировоззрением и в учении о природе. Вскрывая исторические корни и дальнейшие тенденции развития естествознания, марксизм подверг жесточайшей и непримиримой критике идеалистические и метафизические учения, а также непоследовательность современных ему естествоиспытателей, на каждом этапе связывая теоретическую борьбу с практическими задачами борьбы пролетариата.

[1]) М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. IV, стр. 34.

Марксизм использовал естествознание в качестве оружия в своей борьбе за пролетарское мировоззрение на всех этапах своего развития. Марксизм давал на всех этих этапах принципиальную оценку положения на фронте естествознания. Поэтому история отношения марксизма к естествознанию является для нас сокровищницей ценнейших уроков, которые не потеряли своего значения и до сих пор.

То обстоятельство, что на исторической сцене действуют те же самые классы, которые действовали, когда возник марксизм, делает многое из того, что дано было марксизмом на предшествующих этапах развития, сохранившим свое значение и до сих пор, хотя расстановка классовых сил совершенно иная.

Буржуазная революция 1848 г. в Германии, не говоря уже о Франции и других странах, дала огромный толчок для развертывания борьбы на фронте естествознания. Буржуазия была кровно заинтересована в быстрейшем развитии естественных наук, в особенности физики и химии, и в практическом применении их выводов в области промышленности и сельского хозяйства. В качестве одного из отрядов буржуазии, идущего на штурм феодальных отношений, выступает буржуазная интеллигенция, в том числе и естествоиспытатели.

Такой крупный естествоиспытатель, как Либих, уже в предреволюционные годы — в 40-м, 41-м гг. выступает в печати против старого режима, вскрывает те тормозы, которые встают на пути развития промышленности и сельского хозяйства, требуя осуществления условий, которые обеспечили бы развитие науки и применение ее к развитию производительных сил. Либихом в ту пору был выпущен ряд весьма ярких брошюр, как например брошюра «О положении химии в Пруссии» и брошюра «О положении химии в Австрии», где он решительно защищал эти взгляды. В тот же период выступают на этом фланге радикально-либеральной буржуазии такие ученые, как Вирхов, Фогт, Молешотт и т. д. Именно они придают политическую физиономию значительной части естествоиспытателей этого периода. Однако уже на этом этапе мы имеем налицо разложение некоторых слоев буржуазной интеллигенции и отход части их на сторону пролетариата.

В этом отношении чрезвычайно важны те указания и прогнозы, которые давали Маркс и Энгельс в своих работах, в особенности в таком историческом документе, каким является «Коммунистический манифест». В этом документе они писали: «Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса внутри всего старого общества принимает такой сильный, такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату некоторая часть буржуазии, именно буржуа — идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»[1]).

И действительно, в этот же самый период мы имеем среди естествоиспытателей таких представителей, как Кугельман, как ряд врачей, участвующих в «Союзе коммунистов», которые выступают на стороне пролетариата. Однако не только этими двумя группами характеризуется политическая расстановка сил в этот период среди естествоиспытателей.

Наука и научные учреждения в тот период находились в тесной экономической зависимости от старого режима. Это можно иллюстрировать на истории Берлинского университета, который возник в 1809 г. Он был самым молодым из университетов и свои доходы имел от доменов, т. е. от

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 492—493.

феодальной земельной собственности. Этой экономической зависимостью обуславливается то контрреволюционное отношение некоторых слоев интеллигенции, которое проявилось в процессе революции. В 1848 г., когда в борьбе за те задачи, которые стояли в революции, в качестве орудия борьбы была применена агитация за невыплату налогов, то ряд ученых, в том числе и естествоиспытатели,— именно: 80 от Берлинского университета и 19 профессоров университета в Галле,— обратились к прусскому королю с адресом, в котором они писали об угрозе, по их мнению, жизни депутатов национального собрания, достоинству этих депутатов и их чести, свободе и т. д. Но основным движущим моментом в этом выступлении является тот самый отказ от уплаты податей, который подрывал материальные корни существования тогдашней науки.

Маркс и Энгельс в «Новой рейнской газете» самым решительным образом вскрывают политическое значение этого адреса и дают настоящую оценку этому выступлению. В номере от 19 ноября 1848 г. они писали: «Главное содержание обоих адресов — это неописуемое бешенство по поводу о т к а з а п л а т и т ь н а л о г и. Еще бы! Исчезнут налоги — и обанкротится привилегированная ученость. Достаточно малейшей угрозы кошельку этого жадного до денег профессорского отродья, чтобы вся наука стала метать громы и молнии. Их монополия коренится в королевской власти «божьей милостью». Они пишут королю верноподданнические адреса, т. е. они до смерти преданы своей собственной монополии. Если народ одержит окончательную победу, то, несмотря на всю «важность их научной профессии», эти господа сумеют быстро стать на сторону столь проклинаемого ими теперь народного суверенитета. Но народ крикнет им тогда: «Слишком поздно!» — и положит скорый конец всей мерзости привилегированной учености»[1]).

Уже из этих немногих примеров мы видим, что в эпоху революции 1848 г. естествоиспытатели и ученые вообще делятся по тем политическим лагерям, которые тогда существовали, разделяют судьбу своих классов и участвуют в политической борьбе.

После революции 1848 г. начинается быстрое развитие немецкой промышленности. С этого момента спадает либеральный костюм, отпадают радикальные фразы и у тех естествоиспытателей, которые выступали в период 1848 г. в той или другой степени на стороне революции и даже преследовались соответствующими правительствами. В период 1848 г. были изгнаны с кафедр: Фогт, Молешотт, Вирхов и целый ряд других естествоиспытателей. В позднейший период они делаются верными приспешниками капиталистического строя, лакеями фабрикантов и верно служат развитию производительных сил в условиях капиталистического строя.

Это лакейство сказалось на известном политическом деятеле и крупнейшем представителе тогдашнего механистического естествознания — Фогте. Маркс в своей известной книге «Господин Фогт» подробно разоблачил продажность, гнусность этого вождя буржуазии.

То, что мы видим в эпоху революции 1848 г., в новых условиях, по-новому повторяется и развивается дальше в следующих революциях. Уже в период 60 — 70-х гг. мы имеем знаменательные примеры того, как на сторону пролетариата отходят известные прослойки буржуазной интеллигенции. Возьмем известного химика-органика Карла Шорлеммера. Карл Шорлеммер вступает в тесное общение с Марксом и Энгельсом в 60-х годах и решительно выступает с той поры на стороне пролетариата. Мы, к сожалению, до сих пор слишком мало изучали биографию этого видного химика, которому и по сегодняшний день посвящена специальная комната

[1]) М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. VII, стр. 37—38.

в Оуэновском колледже в Англии. В течение 20 лет Шорлеммер нес важнейшие нелегальные поручения партии пролетариата. Он был, как говорил Энгельс на его могиле, завершенным коммунистом. В лице Шорлеммера мы имеем один из ярких примеров перехода на сторону пролетариата крупнейших естествоиспытателей уже в ту пору.

Точно так же эпоха и самые дни Парижской коммуны дают нам чрезвычайно много важного, ценного, что и сейчас может и должно служить уроком для естествоиспытателей, желающих бороться за диктатуру пролетариата, за создание таких условий для науки, которые обеспечат ее от всяких кривопутий и кризисов, и т. д. В дни Парижской коммуны мы встречаем такого врача, как Муален, с работами которого Маркс был знаком еще до Парижской коммуны, который падает под пулями контрреволюции при подавлении Парижской коммуны.

Маркс и Энгельс развернули в этот период борьбу против буржуазных и мелкобуржуазных естествоиспытателей. Они вскрыли политическую физиономию таких естествоиспытателей, как Гельмгольц и Вирхов, подчеркивая, что последние ограничиваются только ничтожной и зачастую позорной ролью, которую им приходится играть в условиях тогдашнего режима.

Особенное внимание было уделено по политической линии в этот период борьбе с представителем мелкой буржуазии — Евгением Дюрингом, проводником мелкобуржуазной идеологии в рядах социал-демократии.

Если перейти к более позднему периоду, к 1905 г., когда Россия делается узлом международных противоречий, когда она выдвигается на первое место в революционном движении, то мы снова встречаемся с таким отражением политических событий на фронте естествознания, которое дает нам весьма ценные уроки. Уже с самого начала развития рабочего движения в России часть естествоиспытателей примыкает к рядам пролетариата. К 1905 г. мы имеем в рядах партии рабочего класса таких крупнейших естествоиспытателей, как астроном Штернберг, который принимал участие в руководстве в период революции 1905 г. и 1917 г. боевой военной организацией большевистской партии. Мы имеем целый ряд большевиков, которые, являясь по своему образованию естествоиспытателями, или целиком отдаются борьбе за диктатуру пролетариата или сохраняют прочную связь со специальностью. Достаточно упомянуть имена тт. Кржижановского, Смидовича, Мархлевского, Воровского, Красина, Семашко, Затонского и т. д., чтобы убедиться, что история нашей партии дает ряд поучительных примеров и для естествоиспытателей, как солдат, которые поставлены на определенный участок фронта.

Помимо этой небольшой прослойки среди естествоиспытателей, которая бьется бок о бок, плечо к плечу с пролетариатом, мы видим в процессе развития политической борьбы отражение ее перипетий и на буржуазных и на мелкобуржуазных естествоиспытателях. В этом отношении революция 1905 г. дает чрезвычайно богатый и очень поучительный материал. Достаточно указать, не останавливаясь на подробностях, только на ту борьбу, которую сначала в рядах большевистской партии, а потом вне ее провел против партии врач Богданов, который конечно выступал прежде всего как политический деятель, но который отражал в то же время известные настроения и естествоиспытателей и определенное свое отношение к естествознанию делал до конца своих дней оружием борьбы с большевистской партией.

Годы после революции 1905 г. дают также богатейший материал, характеризующий позицию либеральной и просто монархической части естествоиспытателей. Особенно богата фактами история борьбы Столыпина и Кассо с наукой, с либеральной и революционной частями профессуры и сту-

денчества и тот раскол в стенах высшей школы, который привел к уходу из нее значительного числа профессоров. История студенческого движения за этот период также дает много ценного для политической характеристики различных отрядов интеллигенции.

Октябрьская революция и гражданская война дают нам еще больше в смысле политического опыта в применении к фронту естествознания, к расстановке сил на этом фронте и к пониманию тех процессов, которые происходят среди специалистов. Этот опыт чрезвычайно ценен. Он имеет и большое международное значение, так как в большинстве стран, где господствует еще капиталистический режим, тот опыт, который мы накопили по линии политической борьбы, борьбы за диктатуру пролетариата, является ценнейшим уроком и должен быть использован компартиями этих стран также и по линии отношения к специалистам. Особенно ценными являются работы Ленина, в которых последовательно и всесторонне разработана политика и тактика рабочего класса в отношении к специалистам.

Не останавливаясь сколько-нибудь подробно дальше на этом вопросе, необходимо подчеркнуть, что после завоевания власти в СССР пролетариатом, в период социалистической реконструкции, в эпоху завершения фундамента социалистической экономики, перестройки всего сельского хозяйства на основе коллективизации и механизации и т. д. начинают создаваться кадры специалистов из рядов рабочего класса. В то же время мы имеем политические сдвиги среди старых специалистов, которые отражают конечно общие сдвиги в стране. Тов. Сталин в ряде своих выступлений (в выступлении на конференции аграрников-марксистов, в известных всем 6 условиях и ряде других) блестяще обобщил этот политический опыт и сформулировал боевые задачи на фронте науки и техники.

Эти краткие замечания должны нам показать, что мы и по линии политической борьбы пролетариата за его диктатуру имеем богатейший опыт, который имеет чрезвычайно большое значение для того, чтобы правильно ориентироваться в том, что происходит и на фронте естествознания. Этот опыт показывает, что основная масса естествоиспытателей, будучи подчиненными отрядами классов буржуазии и мелкой буржуазии, проявляет присущие этим классам черты и взгляды. В то же время мы имеем наличие отхода незначительной части естествоиспытателей, например Кугельмана, Шорломмера, Штернберга и других, о которых говорилось выше, в ряды пролетариата. Этот опыт имеет актуальнейшее значение и для настоящего времени. Он облегчает нам понимание происходящих сейчас событий и указывает нам дальнейшие пути.

История развития марксистской теории вообще и философского учения в частности дает нам также богатые уроки применительно к фронту естествознания. Возьмем например борьбу Маркса и Энгельса с представителями буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в области естествознания. Уже в революцию 1848 г. мы имеем ясно выраженные философские партии, борьба которых распространяется и на область естествознания. Так как в германской революции 1848 г. очень большое значение в ее подготовке и во всем ходе принадлежало мелкой буржуазии, то именно поэтому идеологии этой мелкой буржуазии в этот период принадлежит большая роль и в области теоретической и философской борьбы, которая получила свое отражение и по линии естествознания. Но неустойчивость социально-экономической базы мелкой буржуазии, промежуточное ее положение между основными борющимися классами — все это обуславливает то, что в области идеологической она выступает крайне туманно, неопределенно, с различными мистифицирующими идеологическими теориями, воззрениями и т. д. Литература, характеризующая идеологию этой мелкой буржуазии, показывает, что последняя, будучи революционной на словах, реакционна по существу. Она не

может возглавить действительно революционный переворот и обеспечить дальнейшее развитие производительных сил. По этой же причине она не может возглавить и процесс дальнейшего развития в области науки.

Именно это бессилие мелкой буржуазии, обвеянное революционными настроениями, сказывается на идеологической литературе в период подготовки 1848 г. В этом отношении чрезвычайно интересны взгляды идеологов мелкой буржуазии и та критика, которую давали этим взглядам Маркс и Энгельс. Маркс и Энгельс в таких своих больших работах, как «Святое семейство», «Немецкая идеология», которые, к сожалению, до сих пор не изучались естествоиспытателями сколько-нибудь основательно, и в целом ряде других работ подвергают непримиримой и беспощадной критике и детальному разбору идеологию этой мелкой буржуазии. Эта критика относится и к тому, что эти идеологи мелкой буржуазии развивали по вопросам естествознания.

Штирнер в своей известной книге «Единственный и его собственность» касается и вопросов естествознания. Как политическая, так и идеологическая программа Штирнера была совершенно фантастической и должна была быть подвергнута самой решительной критике. Эту критику и дали Маркс и Энгельс.

Вот некоторые места из замечательной работы Маркса и Энгельса, которые характеризуют критику этой мелкобуржуазной идеологии. В одном месте они пишут:

«Повторение — мать учения. Святой Макс, изложивший свою историю «философии или эпохи» лишь для того, чтобы иметь случай дать несколько беглых этюдов о Гегеле, повторяет в заключение еще раз всю свою единственную историю. Он делает это, однако, с естественно-научным уклоном, что дает нам важные сведения о «единственном» естествознании и об'ясняется тем, что всякий раз, когда «миру» приходится играть у него важную роль, мир тотчас превращается в природу. «Единственное» естествознание начинается сразу же с признания своего бессилия. Оно рассматривает не действительное отношение человека к природе, как оно дано промышленностью и естествознанием, а провозглашает их фантастическое отношение. «Как мало может одолеть человек! Он вынужден предоставить солнцу двигаться по своему пути, морю — катить свои волны, горам — возноситься к небу» (стр. 122) — пишет Штирнер. И Маркс и Энгельс продолжают: «Святой Макс, который, подобно всем святым, любит чудеса, но способен сотворить только логическое чудо, недоволен тем, что он не может заставить солнце плясать канкан, он жалуется на то, что он не в силах привести море в состояние покоя, он негодует при мысли, что он вынужден предоставить горам возноситься к небу» [1]).

Маркс и Энгельс подробно разбирают ряд других мест в книге Штирнера, где он касается вопросов естествознания.

Во всех этих случаях Маркс и Энгельс очень умело и очень ядовито высмеивают все благоглупости Макса Штирнера, которые он позволяет себе в отношении естествознания, прикрывая их революционной фразой и изображая из себя крайнего революционера. Эта же критика мелкобуржуазной идеологии в отношении вопросов естествознания проводится Марксом и в отношении Бруно Бауэра и в отношении «немецкого», или «истинного социализма». Это последнее мелкобуржуазное течение, несмотря на все его отличия, характеризуется точно теми же самыми чертами, что и у Макса Штирнера. Бруно Бауэра и других идеологов мелкой буржуазии. Здесь та же самая напыщенность, голая фраза и то же бессилие дать что-нибудь конкретное.

В «Немецкой идеологии», в той части, которая написана Энгельсом,

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 166.

мы имеем блестящую критику этих «немецких социалистов» и по линии естествознания. Энгельс по поводу Грюна, представителя немецкого социализма, пишет:

«Господин Грюн удивляется, что Фурье, который исходит повсюду из склонности (следовало сказать: из притяжения), делает всякого рода «математические» опыты, почему он и называет его на стр. 203 «математическим социалистом». Даже оставив в стороне обстоятельства жизни Фурье, господин Грюн должен был бы внимательнее заняться притяжением: он тогда скоро убедился бы, что подобное природное отношение не может быть определено точнее без вычислений. Вместо этого он угощает нас беллетристическими, перемешанными с гегелевскими традициями филиппиками против числа, где встречаются такого рода места: Фурье «вычисляет молекулы твоего ненормальнейшего вкуса» — воистину чудо! — и далее: «Столь жестоко преследуемая цивилизация основывалась на бессердечной таблице умножения... число не есть нечто определенное... Что такое единица? Единица не знает покоя, она становится двумя, тремя, четырьмя», — словом она похожа на немецкого деревенского пастора, который тоже «не знает покоя», пока не обзаведется женой и десятью детьми... «Число убивает все существенное и действительное. Что означает половина разума, треть истины?» С таким же успехом он мог бы спросить: что такое зазеленевший логарифм?..» [1]).

Из этих примеров мы видим, как решительно и резко Маркс и Энгельс критиковали представителей мелкобуржуазной идеологии за их легкомысленную трактовку теоретических вопросов естествознания. Надо сказать, что уроки этой идеологической борьбы не потеряли своего значения и до настоящего времени. И в теперешних условиях, хотя и при иной обстановке, мы имеем налицо те же самые классы, и некоторые мелкобуржуазные черты, которые проявлялись еще в 1848 г., находят отрыжку себе и в настоящее время.

Критику буржуазных идеологов, выступавших по вопросам естествознания, Маркс и Энгельс ведут по линии Фогта, Бюхнера, Молешотта. Эти естествоиспытатели были гораздо сильнее, крепче представителей мелкой буржуазии в их отношении к естествознанию. По отношению к идеологам мелкой буржуазии Маркс и Энгельс подчеркивают, что они стояли, несмотря на их словесный радикализм, ниже буржуазии. Но и упомянутые представители буржуазной идеологии, которые являлись действительно естествоиспытателями, в их теоретической позиции представляли из себя непоследовательных, вульгарных материалистов. Они не стояли на уровне действительного развития всей науки. Крупнейшие открытия Канта, Лапласа и т. д., которыми ознаменовался переворот в естественно-научных воззрениях при переходе от XVIII к XIX в., требовали такого теоретического обобщения, которого эти представители буржуазной идеологии не смогли дать. Они развивали механистический материализм, примитивный, метафизический, антиисторический, они тянули тем самым естествознание к уже пройденной ступени. Именно по этой линии Маркс и Энгельс подробно вскрывают суть их теоретической позиции в отношении естествознания и подвергают эту позицию беспощадной критике.

Критикуя философские позиции буржуазных и мелкобуржуазных идеологов по вопросам естествознания, Маркс и Энгельс вскрывают во всей глубине те проблемы, которые стояли перед тогдашним естествознанием. Подвергая решительной критике фразу Штирнера, Грюна и К°, упрощенчество и вульгаризаторство Фогтов, Бюхнеров и Молешоттов, Маркс и Энгельс сами двигали материализм вперед и по вопросам естествознания. Однако они никогда не переоценивали выводов естествознания и всегда боролись против перенесения их на общественные науки. В этом отношении мы имеем чрезвы-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 510—511.

чайло ценный опыт борьбы Маркса и Энгельса с теми ошибками, которые допускал например Подолинский — естествоиспытатель, распространявший значение закона сохранения энергии и на общественные явления. Большое значение и по сей день имеет критика Марксом и Энгельсом оппортуниста Ланге, который пытался дарвинизм превратить во всеобщую методологию, имеющую значение также и для общественных наук. Маркс например в одном из писем писал: «Господин Ланге сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе «struggl for life», «борьба за существование» (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении или, скорее, о перенаселении. Таким образом вместо того, чтобы анализировать борьбу за существование, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «борьба за существование», а эту фразу — под мальтусовскую фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод — для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысли» [1]).

Очень большое значение имеет для нас также и та борьба, которую Маркс и Энгельс провели, начиная с 70—80-х гг., по отношению к активизирующемуся и все более усиливающемуся оппортунистическому крылу немецкой социал-демократии, которое в дальнейшем завоевало решающее значение и привело к тому, что мы в последние годы XIX столетия в немецкой социал-демократии имеем налицо господство оппортунизма. Не останавливаясь на этом подробно, необходимо подчеркнуть, что блестящим примером этой борьбы является «Анти-Дюринг» Энгельса.

Огромный опыт борьбы по линии теоретического фронта Маркс и Энгельс обобщили в целом ряде своих философских сочинений, которые являются плодом многолетней работы. Маркс в течение не менее 20 лет изучает (используя для этого то время, которое у него оставалось от работы над «Капиталом») математику и естествознание. Свой опыт Маркс и Энгельс обобщили в рукописях, которые появились в свет только уже в наше время в «Диалектике природы» Энгельса и математических рукописях Маркса.

Опыт, накопленный Марксом и Энгельсом по линии теоретической борьбы по вопросам естествознания и математики, был продолжен Лениным в условиях империализма.

Лениным был дан тот анализ положения в теоретическом естествознании, которое создалось в эту эпоху. Он показал, в чем суть того кризиса, который потрясает, начиная с конца XIX в., естествознание. На основе революции, происходящей в естествознании, некоторые группки естествоиспытателей, являющиеся меньшинством, развивают идеалистические взгляды, скатываются в идеализм. В результате материализм подменяется идеализмом. Все это обуславливает тот кризис, который характеризует естествознание конца XIX и начала XX вв. Ленин провел большую исторического значения борьбу по линии теоретических вопросов естествознания, которая нашла отражение в его работах «Материализм и эмпириокритицизм», «О значении воинствующего материализма» и в целом ряде других работ, в которых он так или иначе касается вопросов естествознания [2]).

Ленин показал, что борьба философских партий в естествознании отражает классовую борьбу. Поэтому нельзя ничего понять в борьбе, происходящей на фронте естествознания, не рассматривая ее под углом зрения партийности. Центр внимания «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина

[1]) К. Маркс, Письма к Кугельману.

[2]) См. подробнее о ленинском анализе кризиса естествоиспытания в книге автора «Ленин и естествознание», Г. Т.—Т. И., 1933 г.

посвящен борьбе с философским оппортунизмом Богдановых, Базаровых и К°, сделавших философскую борьбу орудием борьбы с большевизмом. В этом отношении работа Ленина не только не потеряла своего значения, но приобретает особенное значение в условиях развертывания борьбы с социал-фашизмом во всем мире. Мы должны учесть все эти уроки как политической борьбы пролетариата за диктатуру, а также идеологической, философской борьбы с тем, чтобы сделать их орудием борьбы за дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата в СССР, орудием политической и идеологической борьбы, которая развивается во всех странах. Учитывая весь этот опыт, мы должны его применить к теперешним условиям, в которых происходит развитие естествознания. На основе его мы должны разрешить те проблемы, которые встают в настоящее время перед естествоиспытателями за границей, а также в СССР.

Чем определяется современное положение на фронте естествознания в капиталистических странах? Основной определяющей силой является экономическое и политическое положение. Всеобщий кризис капитализма в эпоху империализма и настоящий экономический кризис, успехи рабочего движения и борьбы за завоевание диктатуры пролетариата, бешеное сопротивление буржуазии и ее попытки путем открытого, принимающего самые зверские формы насилия остановить неизбежное развитие исторических событий и приход к власти пролетариата — все это находит свое отражение в области науки и в естествознании. Острота политической борьбы, разгул реакции находят свое отражение в походе против науки, в усилении борьбы между лагерями материализма и идеализма. Основным противоречием, потрясающим современное естествознание, является противоречие между конкретными достижениями естествознания, между возможностями дальнейшего его развития, которыми оно располагает, и той экономической и идеологической обстановкой, в которой происходит развитие естествознания в капиталистических странах.

Естествознание теснейшим образом связано с развитием производительных сил. Рост производительных сил в эпоху империализма, дальнейшая концентрация производства и создание крупнейших исследовательских лабораторий при производственных предприятиях и их об'единениях, создание таких средств исследования, которые дают возможность проникнуть в тончайшую структуру вещества и вселенной,— все это обусловило тот поток открытий, ту революцию в естествознании, которая характерна для естествознания с начала XX в. Эта революция в естествознании продолжается и по сей день и приводит ко все большему противоречию с теми условиями, в которых она совершается в капиталистических странах.

Революция в естествознании началась в области учения о строении вещества с открытия радиоактивности, с создания электронной теории, с установления квантовой теории Планка. Период до 1913 г. заполнен рядом открытий в области изучения радиоактивных элементов, борьбой с метафизическим воззрением о неизменности элементов, доказательством наличия самопроизвольного превращения одних элементов в другие. В этом отношении очень большое значение приобрело изучение превращения урана в свинец и других превращений. На этих открытиях уже было показано, хотя словами это и не было ясно выражено, что и здесь мы имеем диалектический процесс, т. е. то, что раньше было вскрыто и показано Марксом и Энгельсом в отношении молекулярных превращений. На этот же период падает развитие учения об электричестве. Если во времена Фарадея и Максвелла особое внимание было обращено на поле; на те процессы, которые совершаются в окружающем заряженное тело пространстве, то теперь, с конца XX в., главное внимание сосредотачивается на изучении малейших отрицательно и положительно заряженных частичек, их поведении в электрическом

и магнитном поле. Доказывается отношение заряда к массе электрона, определяется величина самой массы и заряд электрона и т. д. Эти исследования распространяются и на положительные частицы, и развитие этих методов исследования в применении к радиоактивности дает возможность установить массу и заряды тех частиц и природу альфа, бэта и гамма лучей, которыми сопровождается радиоактивный процесс.

Очень большую роль также сыграло открытие и дальнейшее исследование рентгеновских лучей и применение их к исследованию структуры кристаллических решоток, что в свою очередь привело к дальнейшему более глубокому изучению природы самих рентгеновских лучей. Больших успехов достигает также за этот период исследование спектров и изучение закономерностей, которые характеризуют их строение.

Все эти открытия создали к 1913 г. возможность уже не только в форме догадки, существовавшей и раньше, а в форме разработанной математической теории раз'яснить теорию строения атома. Такова предистория теории строения атома Бора. Эта теория дала возможность синтезировать ранее раздробленные данные о строении материи, а также раз'яснить явления, имевшие место в спектрах, непонятные до того: строение спектров, взаимодействие между светом и веществом и т. д.

В результате всех этих открытий ряд понятий, являвшихся основой физических и химических представлений, был потрясен. Атом оказался сложным и способным к самопроизвольному разложению и к превращению из одного в другой, а материя оказалась не чем-то мертвым и инертным, а содержащим колоссальные запасы энергии, которые несравнимы ни с чем ранее известным.

Понятие массы оказалось в старом виде неудовлетворительным, так как величина массы у электрона оказалась зависимой от скорости его движения, и т. д.

Это потрясение старых понятий произошло также и по другой линии.

Теория относительности подвергла коренному пересмотру ньютоновские представления о времени и пространстве. Пространство и время, существующие, по Ньютону, вне материи и разорванно между собой, теория относительности поставила в зависимость от распределения материи; она установила синтез пространства и времени в движении и, вольно или невольно, подтвердила положение диалектического материализма о том, что движение, пространство и время — формы существования материи.

Вместе с тем теория относительности подвергла критике старое, метафизическое понятие массы как неизменного атрибута материи, потрясла старое ньютоновское, метафизическое представление о тяготении как неизменной силе и непонятной сущности, определяющей законы движения астрономических тел, и поставила тяготение в связь с движением.

Установив относительность понятия массы, теория относительности в то же время вскрыла метафизичность понятия движения, энергии вне массы, доказав, что и энергия обладает массой. Последнее положение вместе с учением о тяготении привело к утверждению существования отклонения луча света в поле тяготения, доказанное в дальнейшем экспериментально.

Наконец теория относительности выдвинула ряд принципов, касающихся строения вселенной и зависимости потока времени от поля тяготения. Несмотря на гипертрофированное раздувание отдельных моментов, учение Эйнштейна и в этом вопросе произвело коренной переворот в старых взглядах.

Другой большой областью, в которой совершается такой же бурный поток открытий, является астрономия и космогония. И в этой области совершается бурный рост нашего знания. Даже по отношению к солнечной системе, хорошо исследованной и сделавшейся предметом особого внимания еще со

времен Коперника, делаются поражающие открытия. В 1930 г. открывается после долгих поисков планета Плутон, находящаяся далее Нептуна, который считался наиболее отдаленной планетой. Детально исследовано наличие атмосфер на различных планетах, температуры их поверхностей; исследован гораздо более точно, чем это было раньше, возраст земли, солнца и т. д.

Однако основной поток новых знаний относится к строению всей вселенной в целом, включая не только солнечную систему, но и ту звездную, так называемую галактическую, систему, к которой принадлежит наше солнце. Ученым удалось исследовать, что эта наша галактическая звездная система простирается на пространство в 220 тыс. световых лет, считая за световой год расстояние, которое проходит луч света, движущийся со скоростью 300 тыс. километров в секунду, в течение одного года. Эта система включает около 400 миллиардов звезд. Когда-то считали, что у каждого человека есть своя «планида». Теперь на основании этого исследования можно сказать, что на каждого жителя приходится по крайней мере по 100 «планид».

Эта уймища звезд, туманностей, звездных скоплений основательно изучена с самых различных сторон, начиная от возникновения, развития звезд до их распада, разложения в мировом пространстве в результате превращения вещества в излучение. Больше того, изучено внутреннее состояние звезд.

Можно пожалуй без всякого преувеличения сказать, что мы о возникновении, развитии и строении звезд знаем более достоверного, чем о возникновении живого вещества, хотя с последним мы имеем дело повседневно и для изучения его нет нужды простирать свой взгляд в далекое пространство.

Но и на изучении этой галактической системы не остановился победный путь астрономии и космогонии. Если пределы этой галактической системы доходят до 220 тыс. световых лет, то вообще пределы, которых достигла современная астрономия, определяются примерно в 140 млн. световых лет.

Необходимо отметить, что современная астрономия, весьма основательно изучив вселенную с фактической стороны, более научно, чем когда-либо ранее, строит свои теории о происхождении изучаемых ею об'ектов. В основном главная мысль Канта о возникновении вселенной из первобытной газообразной туманности сохранила свое значение до последнего времени. Из рассеянного, находящегося в газообразном состоянии вещества в результате притяжения создается центр, вокруг которого начинает строиться новая звездная вселенная. Это не солнечная или аналогичная система, а это колоссальная туманность, которая в дальнейшем распадается на такие звездные образования, как наша галактическая система. В этой системе идет дальнейшее внутреннее развитие, которое приводит к созданию тех разнообразных форм космических тел, которые нам известны.

Во всех этих процессах огромная, даже решающая на некоторых этапах, роль принадлежит свету, вернее,— излучению энергии. Если Кант знал отталкивание лишь как свойство газообразных молекул, как механическое отталкивание этих молекул, то теперешняя космогония знает значительно более мощный фактор рассеяния вещества и энергии — излучение. В этом отношении чрезвычайно важны также те данные, которые современная астрономия и космогония дают нам о рассеянии вещества, составляющего звезды, и т. д., о превращении этого вещества в другую форму. Вещество по существу не исчезает совсем даже как весомое вещество, но отличается от обычной формы вещества рядом характерных и существенных отличий, которые присущи излучению. В этом отношении чрезвычайно важно также и то, что сейчас известно о так называемых космических лучах, которые являются лучами, идущими не от солнца, не от звезд, а из самого мирового

пространства и по характеру своему говорящими о том, что в этом пространстве совершаются процессы чрезвычайно большого значения, процессы, которые, по мнению ряда ученых, сводятся к синтезу элементов из простейших частей — из фотонов, протонов, электронов и т. д.

Именно излучение дает современным астрономам возможность заглянуть во внутреннее строение звезд, так как оно является сигналом процессов, происходящих в самой глубине материи. Отсюда делается ясно, почему такую большую роль у современных астрономов и космогонистов играет учение о строении материи. Можно положительно утверждать, что без современного учения о строении материи и о тех энергетических процессах, которые происходят внутри ее невозможно было бы современное учение о строении вселенной, возникновении, эволюции и гибели звезд.

Изучение вселенной и процессов, происходящих в звездах, дает много и физику, так как оно раскрывает ему процессы, которые на земле или трудно осуществимы или совсем не осуществимы. В настоящее время физика и астрономия, как физика и химия, как астрономия, физика и геометрия, взятые вместе, слиты в одно неразрывное синтетическое целое.

В заключение этого краткого обзора успехов современной физики и астрономии приведем еще несколько штрихов, рисующих положение наших физических знаний за последние 8 — 10 лет. Победное развитие теории Бора с 1913 г. совершалось без особых помех примерно до 1923 г. Около этого года те предпосылки этой теории, которые лежали в ее основе и которые были неясны по своей сути, привели к тому, что о них заговорили. Прежде всего физиков не удовлетворяло то, что им ряд основных положений теории Бора приходилось применять, как рецепт, не спрашивая и не понимая того, что говорят эти положения, почему например одна орбита для электрона возможна, а другая нет, почему при падении электрона с более высокой орбиты на более низкую испускается лишь один квант энергии и притом определенной частоты, и т. д. Вместе с тем эта теория оказалась неспособной вполне удовлетворительно об'яснить строение уже таких атомов, как атом гелия, неспособна до конца об'яснить происхождение дуплетов, триплетов и т. д. в спектральных сериях и т. д.

Все это показывало, что в самых основных положениях теории Бора что-то не соответствует действительности, что они недостаточны для того, чтобы дать правильное об'яснение уже известных, изученных явлений. В результате всех этих трудностей в изучении строения атома была сделана попытка, б е с с о з н а т е л ь н о пошедшая по пути, неоднократно избиравшемуся физиками. В свое время, к началу XX в., учение о свете, базировавшееся на представлении о волновом характере света и на непрерывности лучеиспускания источниками света и строения самой световой энергии, натолкнулось на ряд трудностей, которые не удавалось решить на основе старых представлений.

Вот тогда (правда, уже не впервые в истории физики) и был сделан революционный шаг Планком, который перешагнул через ограниченное представление о непрерывности световых процессов и ввел понятие квант действия, т. е. решение трудностей нашел в обращении к другой диалектической противоположности (непрерывность — прерывность), которая до тех пор метафизически опускалась из виду.

То же произошло и с теорией Бора, но лишь в обратном порядке — в смысле перехода от одной категории к другой. Решение трудностей, ставших перед теорией Бора, физики стали искать в применении к теории атома представления о н е п р е р ы в н о с т и. Результаты не замедлили сказаться и ознаменовали собой новый этап в развитии физики. Первые шаги по новому пути были проложены французским физиком Луи де-Бройлем во второй половине 1924 г.

Основная руководящая мысль его сводилась к тому, что подобно тому, как трудности, вставшие в свое время перед геометрической оптикой, были решены волновой оптикой, так же и трудности корпускулярной теории атома, оперировавшей старым понятием частицы и ее движения, могут быть решены применением волновых представлений. Основанием для такого убеждения послужила и та аналогия, которая существует между математическими законами классической механики и геометрической оптики.

Начиная с этого момента, мы вступаем в новый период бурного развития физики, приведший к новой теории строения атома и к новым открытиям. Эта теория развивается далее теоретически Шредингером, Гайзенбергом и другими и получает блестящее экспериментальное подтверждение в обнаружении волновой природы процессов, сопровождающих полет частицы материи-электрона. Сначала Девиссоном и Джермером, а затем Г. П. Томсоном, сыном J. J. Thomson'a, была доказана волновая природа процессов движения электрона — так называемая диффракция электрона.

Поэтому частицы и корпускулы не только не исчезли из обихода физиков, но сохранились наряду с волновыми представлениями.

Успехи учения о строении атома не остановились на кратко и неполно перечисленных нами этапах. В годы после только что упомянутых открытий (1927 — 28 гг.) учение о строении атома от изучения процессов, происходящих в электронных оболочках, окружающих ядро атома, все более и более переходит и сосредотачивается на изучении процессов, происходящих в самом ядре. Так, нашему советскому физику Гамову удалось создать теорию, об'ясняющую суть радиоактивного распада.

Самый последний год и даже месяцы ознаменовались открытиями, имеющими большое экспериментальное и теоретическое значение и доказывающими, что физики в ядре атома имеют дело с целым сложнейшим миром явлений, который теперь начинает открываться, вытесняя упрощенные абстрактные представления.

До сих пор думали, что есть два рода мельчайших элементарных частиц: отрицательно заряженные электроны и положительно заряженные ядра водорода — протоны.

Однако это простое и скудное хозяйство физиков по части элементарных частиц довольно неожиданно обогатилось. В 1932 г. Чадвику удалось доказать существование нейтронов, т. е. незаряженных ядер водорода, обладающих благодаря этому чрезвычайной способностью к проникновению в ядро атома и к разрушению его, что и было вскоре же экспериментально применено и положительно увенчалось.

Совсем недавно, в 1933 г., тому же Чадвику, Блэкетту и еще одному исследователю удалось доказать существование антипода электрона — антиэлектрона, т. е. положительно заряженного электрона.

Было бы ошибкой думать, что физики в создании новой теории просто-напросто кинулись из одной крайности в другую. Ранее всё об'ясняли, исходя из корпускулярных представлений, а теперь всё стали об'яснять волнами материи. Надо сказать, что попытки свести все дело метафизически к волнам делались тем же самым Бедройлем и они были оставлены, так как сила фактов заставила физиков пойти по пути синтеза корпускулярных и волновых представлений.

Несомненно, что этими открытиями не заканчивается победное движение современной физики. Больше того, они обещают нам ряд дальнейших открытий.

Вот в самом кратком, неполном, беглом обзоре то, что знаменует собой последний этап развития физических знаний.

Какие выводы мы можем сделать из рассмотрения того, что произошло в науке на этом этапе?

Вывод первый. Наши познания о строении вещества и вселенной двинулись далеко вперед по сравнению с предшествующим периодом и укрепили доказанную всем предшествующим ходом развития естествознания материалистическую картину мира. Лишь слепой, классово слепой или замечтавшийся мелкий буржуа могут не видеть и не признавать, что вся цепь открытий в современной физике и астрономии подтверждает правоту диалектического материализма и еще более ограничивает возможность развивать в науке метафизические взгляды и строить на них идеалистические выводы.

Вывод второй. Мы имеем налицо бурный, невиданный ранее поток открытий. Мирное течение развития науки в XIX в. сменилось бурным ходом событий, говорящим о революции. Астроном Джинс сравнивает то, что происходит в науке в XIX в., с той горячкой, которая иногда имеет место при открытии новых золотоносных россыпей, — посыпались заявки на новые области, одним словом, начался такой процесс, который ничего общего не имеет по темпам с тем, что наблюдалось раньше [1]).

Вывод третий. В физике и в естествознании вообще происходит коренная ломка понятий, на которых строилось все старое естественно-научное мировоззрение, старые представления о материи вообще: например о ее инертности, о массе, учение об энергии, движении, пространстве и времени. Открыты новые методы исследования, открыты новые закономерности физических явлений, что поставило под пересмотр самые понятия о физической закономерности, как они существовали ранее.

Вывод четвертый. Перестройка этих новейших теорий идет в рамках диалектических противоположностей. Физические исследования привели физиков к признанию единства противоположностей, к признанию единства пространства и времени в движении, к признанию об'ективного существования диалектических противоречий корпускулы — волны, поля — и заключающихся в нем тел, массы, энергии и т. д. Даже ничего не знающие и не слышавшие о диалектическом материализме физики пишут о синтезе в едином мировоззрении, в единой теории познания и логике противоположных понятий и в этом видят выход из трудностей. Поэтому несомненно, что диалектический материализм давно стоит у дверей современной физики.

Но как обстоит дело с самими физиками? Стоят ли они у дверей, широко для них открытых диалектическим материализмом, видят ли они эти открытые двери и пользуются ли они этим входом?

Какое отношение занимают по отношению к философским выводам и современным открытиям современные естествоиспытатели?

Развитие физики за последние десятилетия, поставив физиков перед необходимостью пересмотреть все основные старые представления, выдвинуло перед ними ряд коренных проблем физического мировоззрения, без разрешения которых нельзя разобраться в происходящей в физике перестройке и дать путные ответы на вставшие перед физиками вопросы.

Первый и основной вопрос — это вопрос о философском понимании материи. У нас многие, даже партийцы-естественники, не понимают, что именно к нему сводятся, как к узлу, все те проблемы, которые встали перед современными физиками.

Основной вопрос, который стоит перед физиками,—это вопрос, есть ли материя нечто независимо и вне нас существующее и лишь отражаемое в нашем познании, нечто первичное по отношению к духу или, наоборот, за видимым миром действительности скрывается мир неведомых духовных сущностей, проявлением которых лишь и является материальный мир. Физики не ставят философски и так остро этот вопрос, но нетрудно убедиться, что

[1]) Джинс, Вселенная вокруг нас. ГТТИ, 1932 г., стр. 63.

именно вокруг него и идут бои. Если бы у физиков не было разногласий в этом основном вопросе, то в физике не было бы того кризиса, в котором она находится и из которого не может выбраться с начала XX века.

Действительно, что значат в философском смысле все споры о теории относительности, об абсолютном, метафизическом релятивизме движения, пространства и времени? Это не что иное, как споры о первичности сознания или мышления. Если нет ничего, что отражалось бы нашим сознанием как независимая от нас действительность, и все наши понятия — движения, пространства, времени — произвольны, то неизбежен вывод, что физическая картина мира и сам мир суть продукт нашего индивидуального духа. К такому выводу приходили и приходят некоторые физики.

То же самое относится и к вопросу о физической закономерности Если физическая закономерность есть свойство самой действительности и мы познаем эту закономерность, то на этом основывается наша возможность управлять явлениями природы и предвидеть их ход. Если же физическая закономерность есть лишь видимость, то мы должны отказаться от попыток познания природы дальше известных границ. При этом последнем ответе неизбежно представление об атомах и электронах как о каких-то духовных сущностях, обладающих свободной волей. И до этого вывода договариваются некоторые из современных физиков.

В борьбе по вопросу о массе и энергии, веществе и излучении и т. д речь также по существу идет о том, что первичное: материя или некоторая нематериальная сущность.

Как обстоит дело с решением этих проблем у современных физиков? Видят ли они, о чем идет спор, вокруг чего идет борьба?

Если говорить о большинстве естествоиспытателей, то они если и не видят с полной ясностью существа борьбы, то стихийно, несомненно, стоят на позиции материализма. Выражается это у них в том недоверии, с которым они встречают такие хитрые и модные философские течения среди философов и некоторых естествоиспытателей, как махизм, неокантианство и т. д., тысячекратно переряжающиеся, меняющие свои названия, подделывающиеся под настроения массы естествоиспытателей. Буквально общим воплем махистов является то, что масса естествоиспытателей так погрязла в тысячелетней «метафизике» материи, пространства и времени, что не хочет отказаться от этих, по их мнению, уже давно изжитых представлений и традиций. Они предлагают естествоиспытателям мыслить процессы природы, не употребляя понятий — время, пространство, причинность и т. д. Но естествоиспытатели пребывают в их «метафизическом» состоянии, т. е. стихийно убеждены в правоте материализма.

Что же касается более явных форм идеализма и поповщины, то масса естествоиспытателей видит здесь прямую угрозу «свободе» науки и научного исследования. До чего доходят мракобесы и попы в использовании науки для своих поповских целей, можно проиллюстрировать на докладе профессора теологии Фервейнена, сделанном недавно в Вене. Свой доклад он посвятил некоей Терезе Нейман, которая и ранее неоднократно делалась предметом обсуждений газет и журналов. Она играет роль святой в одной деревушке Южной Германии. Эта Тереза Нейман в последнее время вообще якобы отказалась сначала есть твердую пищу, а затем и жидкую. И профессор теологии Фервейнен разрешает в этом докладе такой важный вопрос: чем она в конце концов питается, и отвечает таким образом: можно например, говорит он, отказ в принятии твердой и жидкой пищи этой Терезы Нейман об'яснить себе так, что она питается космическими лучами! (Аминь! Дальше ехать некуда).

То, что в естествознании идет вопрос о борьбе материализма и идеализма, хорошо понимают те, которые стоят сейчас у власти. И поэтому они

совершенно открыто говорят о том, что материалистический характер естествознания должен быть обезврежен. В этом именно сущность конкордатов, заключенных рядом правительств в Германии, и в этом сущность воззваний и программ национал-социалистских министров «просвещения», в частности национал-социалистского министра просвещения в Тюрингии. Действительно одним из непременных основных пунктов конкордатов, т. е. договоров между католической церковью и правительством, является пункт о том, чтобы в каждом университете кафедра философии и истории была предоставлена кандидату, выдвигаемому церковью. В этом же смысл преобразования школы из светской в конфессиональную.

Насколько ясно представляют себе в этом отношении дело руководители кровавой диктатуры буржуазии, показывает воззвание к учителям тюрингского национал-социалистского министра «просвещения» Вехтлера, где последний говорит о борьбе за «Дейчтум», «Кристентум» и, само собой разумеется, добавляет к этому как неот'емлемое третье — самодержавие кровавого режима Гитлера. Он призывает к борьбе против материализма, в том числе и против материализма в естествознании.

С этой же целью существуют в Германии католические учебники, где сознательно вытравлено все материалистическое содержание из естествознания. Так например в одном из учебников прямо пишется, что учение о постоянстве видов Линнея более соответствует «истинам» религии, чем учение о происхождении видов.

Проводники кровавой диктатуры буржуазии в Германии ясно видят, что весь мир разделился на два лагеря, и совершенно правильно видят в Советском союзе мировой центр материализма. Но если налицо стихийный материализм естествоиспытателей, звериная ненависть к материализму со стороны проводников националистической и национал-социалистической диктатуры, то комичной и жалкой позицией является позиция мещанских фантазеров вроде проф. Филиппа Франка в Праге, который думает, что нашел какую-то особую позицию, которая не есть ни материализм, ни идеализм, а «выше» и того и другого. Но это лишь иллюзия мелкого буржуа, который свое межеумочное социальное положение, свои колебания хочет идеализировать и возвести на пьедестал, якобы разрешающий все противоречия философии, а на самом деле являющийся лишь гнусным лакейством перед той же самой поповщиной, которая несомненно не упустит случая обрушиться на проф. Филиппа Франка.

То, что Филипп Франк служит религии, он может прочитать из трудов своего обожаемого вождя, великого «философа» господина Карнапа, который еще в 1928 г. в своих трудах говорил о мирном отношении между религией и наукой.

Но как бы ни была сильна тенденция материализма в основной массе естествоиспытателей, по своей классовой природе они являются буржуазными и мелкобуржуазными учеными и всем своим экономическим положением связаны с условиями существования капитализма. Поэтому от них нельзя ждать, чтобы они в условиях диктатуры буржуазии и разгула поповщины выступили с последовательной защитой материализма или вообще с какой-либо открытой защитой материализма.

Решение коренных проблем, выдвинутых революцией, в современном естествознании в капиталистических странах идет поэтому самым противоречивым образом, причем естественно, что под давлением социальной обстановки особенно громко звучат идеалистические нотки. Свободная трибуна предоставляется за границей лишь тем естествоиспытателям, которые так или иначе выступают под флагом идеализма или делают уступки идеализму, так или иначе примиряются с религией и поповщиной.

Чтобы конкретно рассмотреть, каким образом пытаются разрешить коренные вопросы современного естествознания естествоиспытатели капиталистических стран, остановимся на одном вопросе — на проблеме причинности.

Исследование процессов, происходящих в атоме, привело физиков к выяснению целого ряда новых явлений, резко отличающихся от того, что было известно науке в классический период. В связи с этим подверглось пересмотру и такое основное понятие, играющее решающую роль в естествознании, как понятие причинности. Как понимали причинность естествоиспытатели до новейшей революции в естествознании, т. е. до XX века?

Существовавшее до этого момента понятие причинности сложилось, начиная с нового времени, под влиянием развития механики и той математической трактовки, которая ей придавалась. Механика рассматривала весь мир состоящим из материальных тел, резко ограниченных и находящихся в пространстве. Эти тела сами по себе инертны, но между телами действуют силы, которые приводят их в движение. Зная положение какого-либо тела на данный момент и зная силы, которые на это тело действуют, можно вычислить как прошлое, так и будущее положение тела. Ни о какой случайности речи быть не может. Случайное — это неучтенное нами действие, сила, исходящая от незамеченного нами тела.

И величайшим торжеством такого воззрения были успехи классической астрономии. Именно в астрономии, зная положение тела и действующие на него силы, однозначно определялось его прошлое и будущее положение. На этом основаны величайшие триумфы астрономии в ее раз'яснении строения солнечной системы, в предсказании затмений, в открытии на основании «возмущений» движения известных планет, существования еще неизвестных. Одним из заключительных звеньев цепи такого рода открытий были в XIX в. работы Адамса и Леверье, предсказывавших существование Нептуна на основе неправильностей в движении Урана, и т. д.

Именно на основе этих представлений и сложилось учение о причинности в период XVI — XVIII вв., унаследованное физиками XIX — XX веков.

В чем характерные черты понимания причинности, сложившегося за этот период?

Они сводятся прежде всего к определенному представлению о материи, пространстве и времени. Материя представляется состоящей из изолированных тел, говоря абстрактно-математически, — из материальных точек, резко отграниченных от окружающего пространства и других тел или материальных точек.

Пространство есть вместилище и арена, на которой происходят события, но оно никакого отношения к телам не имеет.

Далее, никакой истории, никакого развития это представление не признавало. Никакие случайности также не допускались. Отрицалась возможность образования каких-либо новых форм движения. Это закреплялось стремлением все неизученные формы движения свести к механическим формам движения. Каждое из отдельных взаимодействующих тел рассматривали как такое, которое может быть выделено из всей совокупности взаимодействия других тел и рассмотрено само по себе. На этом последнем представлении, связанном органически со всеми перечисленными выше, основывается понимание причинности как ряда последовательных причин и действий, которые могут быть прослежены для каждого отдельного тела.

Вот это именно представление о причинной зависимости подвергается в настоящее время коренному пересмотру и привело в цепи других старых понятий к кризису учения о причинности и к кризису естествознания вообще.

Нужно сказать, что, собственно говоря, уже открытия XIX в. поставили под вопрос старое понимание причинности и дали все необходимое для его пересмотра.

Так, закон сохранения и превращения энергии, наиболее последовательно из числа буржуазных ученых развитый в XIX в, Р. Майером и Грове, уже утверждал наличие качественно различных форм движения, несводимых к механической форме, наличие переходов от одной формы движения к другой и подрывал механистическое мировоззрение.

Учение Фарадея об эфире и силовых линиях отводило решающую роль именно пространству, рассматривая тела как узлы силовых линий, находящиеся в органической связи с силовым полем.

Наконец учение Дарвина и другие великие открытия конца XVIII и первой половины XIX в., ознаменовавшие переворот в механистическом, метафизическом естествознании, выдвинули например случайность как об'ективную категорию и т. д.

Однако это антимеханистическое, по существу стихийно-диалектическое, естествознание не получило своего оформления в новой, сознательно развитой теории познания, новой логике.

Все эти учения вошли в историю естествознания как учения о развитии, об эволюции.

Однако их уже было достаточно, чтобы в корне пересмотреть старое учение о причинности. Это и сделали Маркс и Энгельс и продолжил далее Ленин.

Но в головах буржуазных ученых уживались еще старые механистические воззрения наряду с новыми теориями естествознания, и если это не приводило к кризису в естествознании, то только потому, что до последней четверти XIX в. не только стихийным, но и, так сказать, официальным мировоззрением естествоиспытателей был материализм. Не то мы видим начиная с XX в. и особенно в последние годы.

Новейшие открытия поставили вопрос так: или старое понимание причинности и движение науки вспять, к уже пройденным этапам, или пересмотр в корне старого понимания причинности.

Этот пересмотр сейчас мы и наблюдаем.

К чему сводятся те возражения против старого понимания, которые выдвигаются современными физиками на основе новейших физических открытий и теорий?

Эти возражения сводятся к следующему:

Прежде всего современная физика отвергает старое понятие материальной частицы и ее движения. Согласно новым представлениям частица материи не есть нечто изолированное и строго отграниченное от пространства. Частица есть результат материальных процессов, которые могут быть рассматриваемы, так же как и волновые процессы, распространяющимися на всю область пространства.

Поэтому об изолированном действии и движении отдельного тела или частицы в новейшей физике не приходится говорить. Мы имеем взаимодействие. Это взаимодействие распространяется и на прибор, при посредстве которого исследуется явление.

В связи с этим отпадают старые представления о непроницаемости тел, о том, что в одном месте не могут находиться два тела, и т. д. Одновременно с ломкой старого представления о частице отвергается и старое понятие о движении как лишь простом переносе остающегося самому себе равным тела или частицы. Современная физика переносное движение частицы рассматривает лишь как результат весьма сложных, вернее бесконечно сложных, процессов *изменения*, которые происходят в изучаемом пространстве.

Но и самое понятие пространства, созданное классической механикой, подвергается коренному пересмотру. Вместо простого обычного трехмерного пространства, безразличного вместилища тел современная физика для трактовки тончайших процессов, происходящих в атоме, в ядре, электроне, пользуется многомерными, конфигурационными пространствами.

Наконец к перечисленным моментам общего порядка, приводящим к пересмотру старого понятия причинности, нужно присоединить еще один момент, и притом весьма большого значения. Этим производящим переворот моментом является учение о случайности.

Если в классической механике случайность исключалась и налицо была лишь метафизическая необходимость, то теперь, наоборот, физики в основе всех явлений видят совокупность бесконечного числа случайных явлений. То, что мы наблюдаем как обычное тело и простое механическое движение, при рассмотрении мельчайших деталей строения материи рассыпается у современных физиков на совокупность явлений, происходящих случайно и изучаемых посредством применения теории вероятности.

Ко всем перечисленным положениям, которые выдвинула новейшая физика против механистического мировоззрения, нужно добавить еще одно, игравшее также определенную роль в борьбе со старым пониманием причинности. Это положение сводится к тому, что еще согласно боровской модели атома, развитой далее Зоммерфельдом, частота испускаемого атомом кванта света определяется не только начальным положением, с которого начинает свой скачок электрон, но и конечным его положением, в которое электрон придет, испустив квант определенной длины волны. Электрон как бы заранее знает, на какой орбите он остановится.

Вот по всем этим линиям и происходит в настоящее время обстрел старого понятия причинности. Казалось бы, что это обстрел заслуженный и крайне необходимый. И это было бы так, если бы этот обстрел не сопровождался такими выводами, которые ставят под вопрос самое существование физики как науки. Вот эти-то выводы, по существу враждебные науке, и привели к тому кризису в естествознании, который ее потрясает и по сей день.

Ряд руководящих физиков, которым на данном этапе развития капитализма выпало на долю организовывать с открытой трибуны общественное мнение по теоретическим вопросам науки, не просто критикуют старое понятие причинности, но делают такие выводы, которые не могут не вызывать сомнений и глухого недовольства у самых широких слоев научных работников и которые тотчас же используются лагерем, враждебным науке.

Несомненно, что приход национал-социалистов к власти в Германии подготовили по идеологической линии также и те физики, которые подрывали самые основы науки — материалистическое мировоззрение.

Действительно, чем иным, как не услугой поповщине, является вывод о том, что самое понятие материи в физике есть нечто производное, что первичное — это те мысленные многомерные, конфигурационные пространства, которых в действительности, по мнению этих физиков, нет?

Разве не услугой поповщине являются рассуждения Гайзенберга, который на основе того, что между измеряемым явлением и измеряющим прибором существует взаимодействие, ограничивающее точность измерений определенной величиной, развил взгляды о принципиальной ненаблюдаемости и непознаваемости физических явлений и о том, что «разделение мира на суб'ект и об'ект» и есть причина трудностей в современной физике?

Точно так же услугой поповщине являются выводы современных физиков (Бор и др.) о том, что раз налицо случайность как об'ективная категория, то можно говорить о «свободе воли» электрона, о полной произвольности событий, лежащих в основе физических явлений.

Наконец для идеалистических выводов в свое время было использовано и то представление об излучении при перескоке электрона, о котором было сказано выше и по которому длина волны излучаемого атомом кванта определяется заранее конечным состоянием, т. е. якобы в духе ничем необ'яснимой, чисто поповски понимаемой телеологии.

Вот некоторые из идеалистических выводов, которые делаются современными физиками. Вместо необходимой критики старого понятия причинности отвергается самое понятие независимо от нас и вне нас существующего мира материи, отражаемого в нашем познании. Поэтому критика причинности превращается в критику материализма, в проповедь поповщины. Величайшие достижения и триумфы современной физики делаются исходным пунктом для распространения упадочных настроений.

Отличие мировоззрения современных руководящих буржуазных естествоиспытателей от мировоззрения времен Лапласа, Леверье, даже Менделеева, не говоря уже о французских материалистах XVIII в., заключается в том, что величайшие открытия естествознания, его триумфы не служат мобилизации общественного мнения против предрассудков, темноты, невежества, а приводят к таким выводам, которые способствуют сохранению этих предрассудков и невежества.

Реакционные и идеалистические выводы из новейших открытий в физике не остаются достоянием одних только физиков; нет, их стараются распространить и на другие отрасли знания, тем самым подкрепляя реакционные настроения, существующие в этих дисциплинах само по себе.

Недавно П. Иордан в ноябрьском номере журнала «Die Naturwissenschaften» (№ 45 за 1932 г.) поместил статью «Квантовая механика и основные проблемы биологии и психологии». В этой статье он, исходя из Юма и из выводов якобы современной физики, проповедует индетерминированность жизненных процессов и т. д.

Эти рассуждения П. Иордана являются лишь повторением того, что с некоторых пор начал проповедывать творец теории атома Нильс Бор [1]).

При рассмотрении положения современной физики в связи с проблемой причинности возникает в о п р о с: неужели при решении проблемы причинности нет никакого другого выхода и решения, как антинаучные, поповские выводы? Неужели нет попыток защищать науку от поповских выводов и нападок?

Самое поразительное в создавшемся положении, и это будет ответом на первый вопрос, является то, что правильный путь решения проблемы причинности был дан Марксом и Энгельсом еще полстолетия тому назад, т. е. еще задолго до того, как перед современными физиками встала эта проблема.

Именно Маркс и Энгельс в отличие от современных физиков, которые сегодня критикуют одно положение старого понимания причинности и скатываются в идеализм, завтра критикуют другое положение и снова скатываются в идеализм, послезавтра третье, и снова повторяется тот же самый конфуз, подвергли всесторонней критике проблему механистической причинности.

Маркс и Энгельс понимали, что проблема причинности—одна из нитей всего клубка проблем теории познания, метода, логики, и поэтому дали развернутую критику проблемы механической причинности на основе цельного, последовательно материалистического мировоззрения, дающего ответы и указывающего пути для получения других ответов решительно по всем вопросам. Они распутали и разрешили весь клубок проблем, на которых спотыкаются в идеализм современные физики.

Положения Маркса и Энгельса в дальнейшем были развиты Лениным.

---

[1]) N. B o h r. Licht und Leben, «Die Naturwissenschaften», H. 13, 31 März 1933.

Что говорил марксизм по вопросам, возникшим в связи с проблемой причинности?

Марксизм прежде всего подверг всесторонней критике механистическое понимание материи и движения. Основоположники марксизма-ленинизма вскрыли метафизичность понятия изолированного тела как какого-то простого, равного самому себе состояния, внешнего по отношению к пространству и другим телам. Они доказывали, что сами тела, материя вообще есть единство конечного и бесконечного материального движения, прерывного и непрерывного материального процесса.

Вместо механистического утверждения, что материальная точка есть нечто элементарное, простое, далее неразложимое, они доказывали бесконечную сложность материи, ее активность, т. е. единство материи и движения. Применительно к атомам особенно подчеркивалось, что атом, электрон, неисчерпаем. Ленин например в своих философских тетрадях, изучая Гегеля и цитируя его положение «единство конечного и бесконечного» и т. д., писал: «Применить к атомам, то же по отношению к электронам. Вообще бесконечность материи вглубь...» [1]).

Для основоположников марксизма не существовало метафизической, взаимоисключающей противоположности случайного и необходимого. Они подробно развили доказательства того, что случайное — это нечто об'ективно существующее и есть форма существования необходимости. Поэтому нельзя противопоставлять случайность необходимости и наоборот.

Точно так же и вопрос о свободе воли и необходимости нашел у них свое решение, и ими было показано, что свобода есть познанная необходимость.

На основе всех этих взглядов проблема причинности для Маркса, Энгельса и Ленина не являлась камнем преткновения. Более того, они подробно раз'яснили, что категория причинности есть лишь момент более общего понятия взаимодействия, связи. Ленин в том же философском сборнике писал: «Каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не суб'ективной, а об'ективной реальной связи» (стр. 163).

Наконец и проблема причинности и целесообразности также была основательно освещена и разрешена основоположниками марксизма. Отвергая поповское понимание целесообразности как божественного предопределения, как предназначения материального для служения духовным, божественным целям, являющимся якобы истинно движущей силой всего происходящего, они дали материалистическое понимание понятия цели.

Отвергая в применении к неодушевленным предметам понятия цели как духовного, суб'ективного фактора, они раскрывали значение дарвинизма, показавшего естественное происхождение целесообразности в мире животных и растений.

Что же касается целесообразной деятельности человека, то и здесь Маркс, Энгельс и Ленин доказывали, что «цели человека порождены об'ективным миром и предполагают его, — находят его, как данное, наличное» (IX, 215). То, что человеку кажется его свободной, целеполагающей деятельностью, является в действительности лишь результатом познания законов об'ективного мира. «Техника механическая и химическая,—писал Ленин,—потому и служит целям человека, что ее характер (состав) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)» (там же).

Как мы видим, у основоположников марксизма по всей линии вопросов, возникших у современных физиков в связи с проблемой причинности, уже была развернута критика механистического понимания причинности и дано положительное решение всех этих проблем.

[1]) Лен. сб. IX, стр. 75.

Правда, эти решения были даны в связи с вопросами, которые возникали в эпоху, когда действовали Маркс и Энгельс, когда действовал Ленин. Их решения не есть готовые рецепты, пригодные на все случаи жизни. Мы не можем считать решением проблем современной физики механическое повторение доводов и положений Маркса, Энгельса и Ленина. Но в их философских работах: в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы», в «Математических рукописях» Маркса, «Философских тетрадях» Ленина, а также во всем учении марксизма-ленинизма в целом заложен фундамент, на основе которого, продолжая дело Маркса, Энгельса и Ленина, мы можем и должны дать решение всех проблем, на которых современные физики скатываются в идеализм.

Таким образом мы видим, что путь, который избрал ряд ведущих физиков современности, не только не есть единственно правильный путь, но лишь путь, ведущий в болото, предающий науку поповщине. Путь же, выводящий науку из кризиса, из того тупика, в который ее заводят лакеи поповщины, был указан еще давно Марксом и Энгельсом и далее продолжен Лениным.

По всей совокупности этих вопросов Лениным была дана совершенно ясная, недвусмысленная позиция. Положение, которое мы имеем с вопросом о причинности, подтверждает полностью анализ Ленина, который был им дан по вопросу о кризисе естествознания в эпоху империализма.

Но возникает вопрос: неужели нет попыток защитить науку от поповщины хотя бы по линии этого вопроса причинности? Эти попытки есть, но мы должны сказать, что нет ничего более жалкого, как те попытки защитить причинность и материалистическое мировоззрение, лежащее в основе естествознания, которые мы сейчас имеем со стороны буржуазных ученых. Планк например в последней статье в мартовском номере «Scientia» за 1933 г. спасает понятие причинности самым курьезным образом. Он говорит: возьмем вопрос о погоде. Простой человек предскажет: завтра будет дождь, а в действительности будет ясная погода. У сельского хозяина в этом отношении более опыта, у метеоролога—еще лучшие представления. Представьте себе,—говорил Планк,—такой дух, который будет охватывать все в своем представлении, тогда для него будет ясно, какая будет погода завтра и в любое время. Конечно дух, который будет узнавать эту погоду,—добавляет Планк,—это не наш индивидуальный дух, а это дух, в которого можно только верить. Вот решение, которое дает по проблеме причинности такой крупнейший ученый, как Планк.

Вот положение, которое мы имеем по линии теоретического фронта в естествознании капиталистических стран. Мы должны сказать, что кризис естествознания не находит своего разрешения в капиталистических странах, и перед массой естествоиспытателей все с большей настойчивостью встает вопрос: куда итти? Этот вопрос встает перед ними с еще большей остротой в силу того политического положения, которое сейчас создалось, скажем, в такой стране, как Германия.

Достаточно проиллюстрировать это положение на судьбе Эйнштейна. Мы все знаем, что Эйнштейн решил переехать в Америку, но вероятно немногие знают, как Эйнштейна приняли в Америке. Патриотические, «истинно американские» организации подняли кампанию за недопущение Эйнштейна в Америку, потому что Эйнштейн «немецкий большевик», его теория непонятна и поэтому ненаучна и т. д. Больше того, Эйнштейну пришлось выдержать экзамен у американского консула, экзамен, который полагается выдержать каждому гражданину, желающему поселиться в Америке. Этот экзамен заключает следующие вопросы: во-первых, не двоеженец ли Эйнштейн, не душевный ли он больной, не анархист ли он, не коммунист ли он.

Печатные органы сообщают, что Эйнштейн сдал экзамен на «весьма», ответив на все вопросы одним: нет.

В числе этих фактов можно указать и на дело Гумбеля, профессора-математика, статистика, который известен и в Советском союзе. Оказывается Гумбель, в свое время участник империалистической войны, разоблачил махинации империалистов и то, что ими делалось в связи с «черным рейхсвером», за что он был исключен из университета. Но теперь, с приходом к власти национал-социалистов, исключают и тех, которые в свое время подписали протест против устранения Гумбеля.

Можно было бы привести много примеров, характеризирующих политическое положение в современной Германии, которое приводит к тому, что лево-настроенные буржуазные естествоиспытатели принуждены бежать из пределов Германии и задумываться относительно того, каким же путем им итти.

Надо сказать со всей ясностью, что путь только один. И когда такие естествоиспытатели, как Ф. Франк, подчеркивают, что они считают себя близкими материализму, близкими марксизму, и близость к марксизму видят в признании зависимости между социальными установками и философскими теориями, то они не понимают того, что это признание еще ничего не дает. Лишь признание необходимости бороться за диктатуру пролетариата дает выход, указывает путь, по которому должны итти современные естествоиспытатели.

И в этом отношении то, что происходит у нас в Советском союзе, является блестящим подтверждением правильности этого пути. Ученые Советского союза, в своей основной массе признавшие правильность этого пути, участвуют в социалистическом строительстве. Рост науки, исследовательских учреждений СССР, все то, что происходит у нас на теоретическом фронте, доказывает правоту анализа Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина в том отношении, что и для науки единственным правильным путем является борьба за диктатуру пролетариата, а после ее завоевания—борьба за укрепление этой диктатуры, за социалистическое строительство.

О философском развитии Маркса (Маркс до 1844 г.)

П. Липендин и С. Николаев

I

Одним из самых существенных пороков ревизионизма всех мастей и оттенков является отрыв теории от революционной практики. Рассматривая теорию как чисто логическое движение идеи, т. е. типично по-буржуазному, ревизионисты тем самым теоретически обслуживают практические интересы современной буржуазии. Они пытаются приспособить марксизм к политике буржуазии, превращая его в чисто логическое, тощее, мертво-академическое учение, находящееся в стороне от практической деятельности и борьбы классов. Буржуазные агенты в рабочем движении извращают, проституируют марксизм. Требуя от марксизма надклассовости и якобы «научной» об'ективности, ревизионисты в союзе с реакционными профессорами по сути дела под флагом марксизма протаскивают буржуазную науку и тем самым пытаются растворить его в буржуазном мировоззрении. В этом социальный смысл всей теоретической деятельности ревизионизма.

Ревизионистский принцип обработки марксизма под буржуазное мировоззрение наглядно обнаруживается также, когда ревизионисты об'ясняют процесс возникновения марксизма вообще, диалектического материализма в частности. Известно, что Бернштейн начал свою политическую карьеру с утверждения, что Маркс просто механически перенес в свое учение диалектику Гегеля и что именно она привела Маркса к теории неизбежности революционного краха капитализма. Бернштейн поэтому предлагал выбросить диалектику Гегеля и вернуться назад к Канту. Совершенно ясно, что под флагом борьбы с гегельянством Бернштейн нападал на материалистическую диалектику, революционную душу марксизма, пытаясь заменить ее насквозь примиренческим буржуазно-кантианским мировоззрением.

Характерно, что Каутский, выступая против Бернштейна (в брошюре «Анти-Бернштейн», сыгравшей в свое время известную положительную роль), споря с ним по ряду вопросов, тем не менее был с ним целиком согласен относительно того, что Маркс якобы действительно механически перенес в свое учение гегелевскую диалектику. Каутский только делал несколько отличные от Бернштейна выводы. Будучи от'явленным механистом, Каутский уже тогда не придавал существенного значения философскому обоснованию марксизма и потому считал возможным об'единить марксизм не только с философией Канта, как это предлагал Бернштейн, но с любой буржуазной философией: юмизмом, эмпириокритицизмом, эмпириомонизмом и т. д.

Этот факт для тогдашнего марксиста Каутского не является случайным. Даже в лучшие годы своей деятельности в брошюре «Маркс и его историческое значение» Каутский рассматривал марксизм не как монолитное и стройное пролетарское мировоззрение. Красной нитью через эту брошюру

проходит мысль, что марксизм — это простое соединение лучших итогов буржуазной философии и обществознания, достигнутых в результате капиталистического развития Англии, Франции и Германии. Несомненно, что источниками марксизма явились немецкая философия, французский социализм и английская политическая экономия, но марксизм не является их смесью, их простым соединением. Марксизм вылит из одного куска стали, ибо он отражает всемирно историческую революционную практику пролетариата, который по сравнению с буржуазией в лице своего передового авангарда поднялся до неизмеримо высокого познания процесса исторического развития и следовательно преодолел метафизически-идеалистическую ограниченность буржуазного знания. Марксизм есть принципиально новое самостоятельное, целостное революционное пролетарское мировоззрение.

Мы видим таким образом, что ревизионисты уже в самом начале своей теоретической деятельности об'ясняли процесс возникновения марксизма типично по-буржуазному. Стремление заменить марксизм буржуазным мировоззрением теперь, по мере перехода, превращения ревизионизма в социал-фашизм, приняло совершенно прямые и откровенные формы. Если ревизионизм на заре своего возникновения отрицал марксизм путем его отождествления с буржуазным обществознанием и философией, то теперь, в эпоху заката капитализма, социал-фашисты попросту отвергают марксизм, совершенно открыто пытаются доказать его теоретическую и политическую несостоятельность.

В этой связи очень важно уяснить себе, что даже такой марксист, как Плеханов, неоднократно и блестяще защищавший марксизм, никогда по-настоящему не понимал единства теории и революционной практики. Этот основной порок Плеханова наглядно обнаруживается при рассмотрении им процесса формирования философских взглядов Маркса.

В статье «Философская эволюция Маркса» Плеханов утверждает, что процесс формирования философских взглядов Маркса складывается из трех этапов: «первый этап — абстрактное гегелевское самосознание, второй этап—конкретно-абстрактный человек Фейербаха, и последний этап—реальный человек, живущий в реальном классовом обществе, в определенной общественно-экономической обстановке». Так Плеханов втискивает чрезвычайно сложный путь философского развития Маркса в прокрустово ложе пресловутой триады: тезис—гегельянство, антитезис—фейербахианство, синтез—диалектический материализм, т. е. соединение лучших сторон философии Гегеля и Фейербаха. Коренной порок этой точки зрения состоит в том, что процесс формирования философских взглядов Маркса рассматривается чисто логически, как движение идей, совершенно независимое от революционно-практической деятельности пролетариата.

В другом месте этот схематизм, логистика Плеханова при рассмотрении философского развития Маркса принимает такую чрезвычайно наивную форму: так как система Гегеля, говорит Плеханов, насквозь монистична и противоречит всякому дуализму, то «стоило лишить ее идеалистической базы, и не оставалось ничего другого, как заменить ее материалистической базой или вернуться к дуализму, противоречащему всему ее характеру» [1]).

Но рассматривая философское развитие Маркса абстрактно, формально-логически, не умея об'яснить возникновения диалектического материализма в тесной связи с экономической и политической борьбой рабочего класса, Плеханов нередко сбивался по сути дела на путь отождествления диалектического материализма с фейербаховским созерцательным материализмом, т. е. с мировоззрением радикальной демократии накануне революции 1848 г. в Германии.

[1]) «Летописи марксизма» № 1, 1930 г., стр. 166.

«Маркс и Энгельс,—говорит Плеханов,—навсегда остались, говоря вообще, единомышленниками Фейербаха в вопросах философии». «Гносеология Маркса,—говорит Плеханов в другом месте,—... и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» [1]).

И Плеханов утверждает, что тезисы Маркса о Фейербахе «вовсе не устраняют основных положений философии Фейербаха; они только исправляют эти положения и — главное — требуют более последовательного, чем у Фейербаха приложения их к об'яснению окружающей человека действительности, в особенности же его собственной деятельности» [2]) — так растворяет Плеханов диалектический материализм в фейербахианстве.

К плехановской абстрактной схеме философского развития Маркса примыкают и механисты и меньшевиствующие идеалисты, причем каждое из этих учений берет и развивает ту или иную сторону этой схемы.

Из механистов укажем на писания Л. Аксельрод. В своей книге «Маркс как философ» Аксельрод пишет: «Против идеализма вообще и идеализма Гегеля в частности выступил ученик Гегеля Фейербах. Прошедший через систему своего учителя и усвоивший диалектический метод мышления, Фейербах с поразительным мастерством воспользовался диалектическим оружием, с помощью которого разрушил идеалистические построения. Поистине замечательное знаменитое произведение Фейербаха «Сущность христианства», направленное против христианско-религиозного догматизма, уничтожает вместе с тем и основу идеалистических учений... И там, где закончил Фейербах, там только начал Маркс... Маркс всецело разделяет фейербаховскую критику идеализма». Короче: «Маркс создал высший синтез, выразившийся в сочетании диалектического метода Гегеля с материалистической основой учения Фейербаха» (стр. 25).

В сущности Л. Аксельрод здесь в чрезвычайно размазанной форме повторяет Плеханова, выдавая за диалектический материализм соединение фейербахианства с гегелевской диалектикой.

Эту же плехановскую мысль повторяет известный эклектик и механист Семковский. «В известном смысле, — говорит он, — можно сказать, что ...марксов диалектический материализм явился высшим синтезом философии Фейербаха с диалектическим методом, взятым из Гегеля» [3]).

Меньшевиствующие идеалисты так же, как и механисты, отправляются при рассмотрении этой проблемы от схемы Плеханова. В своей трусливо-ревизионистской книге «Людвиг Фейербах» Л. Деборин пишет: «Фейербах требует об'ективной диалектики, той диалектики материалистической, которая не удаляется от природы, а является выражением об'ективного процесса развития». И далее Деборин утверждает, что «диалектическим методом Фейербах пользовался мастерски, можно сказать, что его мысль была насквозь диалектична» [4]).

Деборин не выступает здесь прямо против оценки Фейербаха со стороны классиков марксизма. Но смысл этих высказываний в том, что Фейербах был диалектическим материалистом. Поэтому Деборин вслед за Плехановым вполне последовательно отождествляет диалектический материализм с фейербахианством. «Маркс в своих знаменитых тезисах о Фейербахе,—говорит он,—не отвергает основных принципов его учения, а дополняет, углубляет и тем самым, разумеется, видоизменяет их» [5]).

Деборину вторит Тымянский, утверждая, что Фейербах воспользо-

---

[1]) Плеханов, Собр. соч., т. XVIII, стр. 179 и 190.
[2]) Там же, стр. 197.
[3]) «Памяти Фейербаха», стр. 37—38.
[4]) Деборин, Л. Фейербах, стр. 351.
[5]) Там же. Разрядка наша.—Л. и Н.

вался «гегелевским диалектическим методом для построения материалистической философской системы» и что Маркс и Энгельс только «довершили его дело до конца»[1]). Вообще если взять в целом взгляды меньшевиствующего идеализма на процесс философского развития Маркса, то их надо определить так:

а) Гегель создал диалектику как метод и на основании его разработал все основные отрасли знания;

б) Фейербах создал новую форму материализма и по существу распространил его на общественную жизнь;

в) Маркс же как достойный и хорошо успевающий ученик «синтезировал», т. е. попросту об'единил, эти уже готовые две формы буржуазного мировоззрения. Там же, где Маркс выступал самостоятельно, он лишь уточнял отдельные положения учителей.

Итак, Плеханов, а вслед за ним и наши доморощенные извратители марксизма—механисты и меньшевиствующие идеалисты,—подобно старым откровенным ревизионистам, об'ясняют процесс формирования философских взглядов Маркса типично по-буржуазному. И те и другие сходятся в основном, принципиальном—в отрыве теории от революционной практики. Именно поэтому они догматизируют, умерщвляют марксизм, пытаются отождествить диалектический материализм с гегельянством или фейербахианством и тем самым совершенно извращают действительный процесс философского развития Маркса.

Для того чтобы действительно уяснить себе процесс формирования философских взглядов Маркса, необходимо исходить из правильно понятого единства теории и революционной практики, являющегося одним из самых существенных теоретических принципов как марксизма в целом, так и диалектического материализма в частности.

Диалектический материализм, будучи мировоззрением пролетариата, дает наиболее глубокое и научное обоснование единства теории и практики. Действительный ход исторического развития общества подтверждает правильность тех освободительных задач, которые ставит перед собою пролетариат как революционный класс; пролетариат ни в какой мере не заинтересован в том, чтобы в процессе познания извращать действительность, ибо вся история человеческого общества, практика Октябрьской революции и строительства социализма, неразрешимость тех противоречий, в которых запутался капитализм, особенно теперь, в эпоху своего загнивания,—все это практически и наглядно подтверждает правильность мировоззрения пролетариата— марксизм. Поэтому теория пролетариата, являясь открыто классовой партийной теорией, может давать и дает истинное познание, отображение материальной действительности. Партийность, классовая направленность, революционная действенность нашей пролетарской теории не исключают, а предполагают именно об'ективное познание материального мира, которое осуществляется в процессе революционной, производственной практики. Марксистская теория, будучи действительно научной, выросши из практики и проверяясь практикой, дает нам ясность перспективы и уверенность в деле преобразования мира.

И следует с особой силой подчеркнуть, что, только исходя из правильно понятого принципа единства теории и практики, можно уяснить себе, что именно марксизм может действительно научно продолжать теоретически-идейную нить культуры, созданной предшествующим историческим развитием.

Марксизму совершенно чужд апологетический либерально-об'ективистский подход к теоретическому наследию прошлого, ибо он умеет отсечь

[1]) «ПЗМ» № 10—11, 1924 г., стр. 236.

реакционную тенденцию (Ленин) буржуазного знания. Но марксизму также не менее чуждо и «зряшное», огульно анархическое отрицание буржуазной культуры, ибо «в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации» [1]). В марксизме находятся в неразрывной связи: с одной стороны, крайне резкое, революционное отрицание реакционной косности и эксплоататорских тенденций буржуазного знания и, с другой стороны, внимательный, обстоятельно-творческий отбор и критическая переработка из предшествующего мыслительного материала всего, что является действительно научным и потому способствующим нашей борьбе за социализм.

И вот такое действительно научное отношение к буржуазному знанию марксизм может установить, потому что опирается он на революционную практику пролетариата, которая ведет об'ективный ход исторического развития и одновременно выступает как решающий определитель того, что в духовном наследии прошлого является реакционным и должно быть обречено на слом и что в нем есть действительно прогрессивного и следовательно достойного жизни, сохранения и всестороннего развития.

Именно так подходят к критике буржуазного знания Маркс и Энгельс, и не только во всех своих марксистски зрелых произведениях, но и в тот ранний период своей теоретической деятельности, когда они, освобождаясь от идейных традиций гегельянства, формировали мировоззрение пролетариата—марксизм. Для правильного понимания того, как оформлялись философские взгляды Маркса, имеет исключительно решающее значение тот факт, что Маркс в самый ранний период своей деятельности органически включился в революционную практику оформляющегося тогда пролетариата и в процессе беспощадной последовательно-революционной критики капитализма убедился в теоретической несостоятельности гегелевской диалектики и ограниченности фейербахианского материализма, критически переработал все предшествующее ему буржуазное знание и таким образом создал принципиально новое, именно пролетарское мировоззрение — диалектический материализм.

Прежде чем более подробно проследить этот процесс оформления философских взглядов Маркса, мы должны охарактеризовать особенность той общественной обстановки Германии, в условиях которой молодой Маркс начал путь своего теоретического развития.

II

Экономика Германии к началу деятельности Маркса представляла собой сложное переплетение и борьбу нового со старым, борьбу ростков капитализма со старой, все еще устойчивой прусской системой крепостничества.

Начало капиталистической формы хозяйствования в Германии относится к началу XV в. Это был период, когда «место старой феодальной промышленности заняло городское цеховое ремесло, производящее на более широкие круги потребителей, даже на отдаленные рынки» (Энгельс), когда во всех областях социально-экономической жизни Германии начинает сказываться влияние торгового капитала. «Благодаря своей вековой морской монополии Ганза вывела из состояния средневекового варварства всю северную Германию» [2]). Жажда денег становится необходимой потребностью немецких помещиков, которые, все больше вовлекаясь в сферу влияния торгового капитала, переходят к производству на рынок и для этой цели учи-

[1]) Ленин, Три источника и три составных части марксизма, т. XVI, изд. 3-е, стр. 349.

[2]) Маркс и Энгельс, т. VIII, стр. 116.

няют жесточайшее закрепощение, насилие над крестьянством, лишают его свободы передвижения, прикрепляют к земле, доводят его работу на барщину до 5 дней в неделю, выжимают из него все увеличивающиеся оброки, десятины, цензы, военные, местные и общеимперские подати, лишают его права рыбной ловли и охоты, захватывают его общинные выпасы и леса и наконец отнимают у крестьянина его личность и «личность его жены и дочерей» (Энгельс).

На спину крестьянина ложилась всей своей тяжестью вся иерархия общественного здания тогдашней Германской империи. Князья, дворянство, попы, патриции, «все официальные сословия империи жили за счет эксплоатации крестьян» [1]). Кто мог защитить крестьянство? В судах сидели юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги, которые «использовали церковные догматы и библейские тексты как орудие закабаления крестьянства».

Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона, ибо «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» [2]).

Поэтому революционная борьба крестьянства против крепостнического гнета идеологически облеклась тогда в религиозную форму. В эпоху крестьянских войн в Германии вопросы о том, как использовать религиозно-библейские тексты, являлись формой реальной борьбы классов, борьбы крестьянства против системы крепостнического хозяйствования. Официальному христианству, стоящему на защите незыблемости крепостничества, крестьяне противопоставили учение ранней христианской религии о всеобщем равенстве. «Из равенства сынов божьих она выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ» [3]). Уравнение прав дворянства с крестьянством на владение землей, отмена барщины и оброков, поземельных цензов и налогов, уничтожение наиболее кричащих имущественных различий—вот те требования, под знаменем которых выступало в эпоху реформации немецкое крестьянство на борьбу с крепостничеством. И несмотря на то, что крестьянские движения эпохи реформации были раздавлены с беспощадной жестокостью, все же им удалось пошатнуть крепостничество, ибо в результате их было подорвано и совершенно уничтожено экономическое господство монастырских имений. Но крестьянство не только не получило земли и свободы, но, наоборот, было закрепощено в еще большей степени, чем это было до реформации. Развитие тогдашней Германии шло, хотя и очень медленно и вяло, в сторону провинциальной централизации, т. е. подчинения всех остальных сословий власти князей. Поэтому в результате крестьянской войны могли выиграть только князья» [4]). Они секуляризировали монастырские имения в свою пользу, наложили на города огромные контрибуции, поставили помещиков в более прочную зависимость от своей власти и наконец еще свирепей, чем это было до реформации, закабалили немецкое крестьянство.

В результате реформации Германия была раздроблена примерно на 300 самостоятельных государств. Крепостнический порядок, сковывая развитие капиталистической промышленности, влачил свое жалкое существование вплоть до наступления Великой французской революции.

Но несмотря на то, что французские революционные армии разрушили Священную Римскую империю, образовав из нее большие государства, не-

[1]) Маркс и Энгельс, т. VIII, стр. 126.
[2]) Там же, стр. 128.
[3]) Там же, стр. 130.
[4]) Там же, стр. 195.

смотря на то, что они навсегда разрушили крепостничество на левом берегу Рейна и окончательно уничтожили там допотопный лес христиано-германского общества, все же в целом крепостническая форма хозяйствования оставалась господствующей в Германии вплоть до революции 1848 г., а остатки его сохранились вплоть до 1876 г. Система крепостнического землевладения почти повсюду оставалась господствующей. Крепостные повинности у крестьян сохранились почти во всей своей полноте за исключением левого берега Рейна, незначительной территории тогдашней Германии. «Дворянство, которое не было независимо, но находилось под властью какого-либо короля, епископа или князя, обыкновенно относилось к народу с бо́льшим пренебрежением, чем к собакам, и выжимало возможно больше денег из труда своих крепостных, ибо рабство было тогда обычным делом в Германии» [1]).

Эти крепостнические отношения на протяжении всей первой половины XIX в. занимали господствующее положение в тогдашней экономике Германии и находили свое политическое выражение в абсолютно монархической форме государственного правления, известной под именем Германского союза, который возник в результате разгрома наполеоновских армий. Если во время своего победоносного шествия французские революционные армии очистили левый берег Рейна от феодального мусора и смогли укрепить железное ярмо своей диктатуры на шее крепостнической Германии, то теперь, когда главные силы наполеоновской армии замерзли в российских снегах, немецкие крепостники воспрянули духом и поспешили окончательно освободиться от наполеоновской диктатуры. Они призывали все классы немецкого населения на борьбу с Наполеоном, обещая «свободу и признание за всеми сословиями права на голос в делах государственных».

Немецкая буржуазия откликнулась на этот призыв и выступила против Наполеона, ибо эту борьбу против Франции она пыталась использовать в интересах национального об'единения Германии. Немецкое крестьянство, движимое фанатизмом рабства, недовольное ломкой древних обычаев, традиций, национальности и религии, также откликнулось на призыв крепостников и помогло им окончательно расправиться с Наполеоном. В результате напряженная борьба между французской революцией и реакционными силами, почти четверть века наполнявшая Европу громом оружия, наконец завершилась падением Наполеона. Но вместо обещанной свободы немецкая буржуазия и крестьянство получили разделение Германии на 34 абсолютно монархических государства, об'единенных в Германский союз, внешним выражением которого был так называемый Союзный сейм.

Деятельность Союзного сейма—этого аппарата абсолютно монархической диктатуры—целиком сводилась к необходимости укрепления абсолютизма против каких бы то ни было либеральных стремлений. Поставленные лицом к лицу с надвигающимся переворотом в крепостнических отношениях, перепуганные бурным развитием идей, начало которым положила Великая французская революция, крепостники, заседавшие в Союзном сейме, все силы свои употребляли на то, чтобы приостановить всякое дальнейшее развитие, задержать в Германии всякий, даже самый незначительный, экономический и политический прогресс. «Слышно, что Союзный сейм хочет,—иронизировал Бернс,— ограничить в Германии свободу печати. Любопытно, как это он примется за ограничение того, чего не существует. Где нет ничего, говорит пословица, там и король теряет свои права» [2]). Примерным образцом, по которому Союзный сейм стремится организовать крепостническую диктатуру во всех государствах Германского союза, являлась Пруссия, государственный аппарат которой был построен по принципу строгой бюрократиче-

[1]) Маркс и Энгельс, т. VIII, стр. 8.
[2]) Бернс, т. V, стр. 19.

ской иерархии. Это была жестокая «диктатура полуфеодального, полубюрократического монархизма» (Маркс). Теоретически эту систему государственного устройства обслуживали главным образом представители так называемой романтической школы.

Но романтики не ограничивались только теоретической защитой крепостничества. Они требовали от крепостников еще бо́льшей реакционности, ибо они мечтали «о германском императоре в короне и порфире, со скипетром и со всеми остальными атрибутами власти, не исключая длинной седой или рыжей бороды,— императоре, окруженном собранием сословий, между которыми духовенство, дворянство, мещане и крестьяне распределены надлежащим образом» [1]).

Деятельность представителей романтической школы отражала собой ту политическую реакцию, которую проводило прусское правительство после победы над Наполеоном.

Прикрываясь чистотой, независимостью, так сказать беспартийностью своих взглядов, на деле оправдывая существование крепостнического прусского государства, романтическая школа пыталась целиком восстановить средневековье во всех областях общественной жизни. В противовес робким демократическим требованиям, идущим со стороны либеральной буржуазии, романтики, особенно при помощи религии и художественной литературы, доказывали необходимость возрождения папско-иезуитского мирового государства. В противовес бурному под'ему боевой публицистической литературы, растущей из недр «Молодой Германии», романтическая школа пыталась восстановить средневеково-христианское искусство во всех формах его проявления. Прогрессивной стороне гегелевской философии, которая в руках младогегельянцев превратилась в оружие теоретической критики религии, романтики об'явили беспощадную борьбу, пытаясь спасти религию при помощи шеллинговой философии откровения. Романтическая школа повела наступление на Гегеля и его радикальных учеников широко развернутым фронтом, начиная от бессодержательных, но плодовитых писателей, «колеблющихся между сентиментальной слезой и похотливой непристойностью» (Меринг), и кончая главным теоретиком школы—Шеллингом, которого прусское правительство пригласило в Берлин для борьбы с Гегелем и его левыми последователями как раз в то время, когда появились одна за другой такие произведения, как «Жизнь Иисуса» Штрауса, «Критика синоптиков» Бруно Бауэра и «Сущность христианства» Фейербаха.

Таким образом к концу 40-х годов, в период, когда в Англии и Франции бурно развивался капитализм, в Германии вновь восторжествовала крепостническая реакция в экономике, политике и идеологии.

С этим засилием крепостничества в Германии немецкая буржуазия оказалась неспособна повести сколько-нибудь решительную, непосредственно практическую революционную борьбу. Об'ясняется это тем, что немецкая буржуазия была слишком слаба и интересы развития капитализма в Германии были тесно связаны с крепостничеством. Капиталистический эмбрион Германии не мог оторваться от пуповины, связующей его с крепостнической экономикой.

Само собой разумеется, что общая линия развития капитализма в Германии принципиально не отличалась от линии развития капитализма в других странах. Германия, так же как и другие страны, прошла извилистый путь развития капитализма от ремесла через домашнюю промышленность к мануфактуре, к капиталистической фабрике. Но все эти стадии в развитии немецкого капитализма складывались на очень узкой основе первоначального накопления, и в этом одна из существенных особенностей в развитии капи-

[1]) Маркс и Энгельс, т. V, стр. 22.

тализма в Германии. Отдаленность Германии от Антлантического океана, этой великой дороги мировой торговли, могущественная конкуренция английского купеческого капитала, многочисленные войны, которые на протяжении трех столетий перманентно разыгрывались на территории Германии,— все это обусловило до чрезвычайности медленное первоначально-капиталистическое накопление и тем самым ослабило прогрессивное значение и экономическую мощь торгового капитала в феодальной Германии. Если в Англии торговый капитал, возникший на основе многочисленных источников первоначального накопления, быстро и окончательно разложил старое цеховое ремесло, организовал капиталистический способ производства, при помощи которого беспощадно расправлялся с традиционными земледельческими порядками, «ассимилировал себе все условия, прогрессивно изменил до основания исторические предпосылки деревни, строения и людей» [1]), то торговый капитал Германии, возникший на узкой базе первоначального накопления, не обладал достаточной силой для того, чтобы быстро и до основания разложить средневековой строй ремесленного производства, который сохранил все свои особенности вплоть до начала XIX в.

Поэтому типичной формой организации капитализма в предреволюционной Германии являлась так называемая домашняя промышленность. Эта форма промышленности в Германии, представляя собой простое соединение торгового капитала с разлагающимся ремеслом, чрезвычайно медленно преобразовывала примитивную механическую основу ремесленного производства и следовательно не могла действительно революционно преобразовать крепостническое хозяйство в немецкой деревне. Правда, континентальная блокада, действующая как система защитительных пошлин против английской конкуренции, дала значительный толчок развитию промышленности Германии, но после падения Наполеона английские товары широкой волной хлынули на германский рынок, подрывая и без того слабое влияние немецкой промышленности в деле преобразования крепостнической экономии вообще, экономии немецкой деревни в частности.

Капитализм чрезвычайно медленно проникал в немецкую деревню. Он развивался там при сохранении и под руководством крупных помещиков, которые к тому времени были втянуты в сферу влияния торгового капитала, вели торговлю зерном, шерстью, спиртом, льном, словом постепенно капитализировались, становились на путь постепенного приспособления к развитию капитализма, на путь постепенной замены крепостнической кабалы капиталистической эксплоатацией. Это был прусский путь развития капитализма, при котором интересы буржуазии переплетались с интересами дворянства. Это и было основной причиной политической слабости немецкой буржуазии, основным об'яснением того, почему она никогда практически-революционно не боролась, а, наоборот, реформистскими способами приспосабливалась к условиям капитализирующихся крепостнических производственных отношений.

Именно переплетением интересов экономически слабой немецкой буржуазии с интересами крепостничества можно об'яснить ту политическую трусость, которую проявила она в 1848 г. Этим же самым об'ясняется и тот факт, что в Германии вплоть до самой революции не было сколько-нибудь сильного протеста со стороны немецкого либерализма против крепостнической диктатуры. «Каждый день изумляюсь я,—писал Бернс,—той апатии, с которой либеральные депутаты в палате относятся к выходкам и действиям наших министров. Они даже не сознают в себе обязанности отвечать. Их добронравность, сентиментальность совершенно губят их. Они так проник-

[1]) Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1-я, стр. 199.

нуты теоретическим энтузиазмом к добру, что теряют способность дать ему практическое применение» [1]).

И действительно всю многолетнюю мышиную возню немецких либералов против крепостничества можно, так сказать, вместить в одну политическую программу, которая чрезвычайно робко, в заискивающей форме излагала их политические требования. Речь идет о памфлете, написанном в 1841 г. кенигсбергским врачом Якоби, где доказывается, что теперь уже прошли времена патриархальных правительств, для которых народ состоит из массы несовершеннолетних, и что государство поэтому не может притеснять граждан, которые пред'являют законное требование на участие в делах государственных. В заключение Якоби просит правительство о том, чтобы оно выполнило свои конституционные обещания, данные в момент борьбы с французскими революционными армиями. Этот пример раболепия немецкой буржуазии является вплоть до революции 1848 г. самой высокой формой ее политического протеста против крепостничества. Застойная, в смысле сохранения старых общественных отношений, капиталистически незрелая немецкая действительность накладывала на немецкую буржуазию печать политической слабости, делала ее неспособной практически-революционно изменять мир.

Эта слабость немецкой буржуазии, ее экономическая и политическая сдавленность обусловили собой тот факт, что ее лучшие представители, величайшие люди эпохи, окрыленные идеями французской революции, бежали от жалкой немецкой действительности в область чистого умозрения, в сферу чисто мыслительной деятельности. Если во Франции накануне 1789 г. экономические интересы революционно-деятельной буржуазии нашли соответственное теоретическое выражение в форме воинствующего материализма, то в Германии произошел отрыв теоретического выражения интересов от самих реально-экономических интересов, произошло превращение реально-практической воли французского буржуа в «свободную волю»,—в чисто мыслительное самоопределение воли, культивируемое немецкими мыслителями. В результате мы видим в Германии неповторимую в истории и грандиозную по размаху активную деятельность идеологов «чистой мысли», стремление теоретиков оттолкнуться от философски убогих интересов немецкой буржуазии с тем, чтобы уйти в чисто мыслительную сферу и там обрести себе независимость и свободу критики.

Но естественно, что немецкие мыслители не могли выйти за пределы интересов своего класса, и поэтому свободу и независимость критики крепостнических порядков надо рассматривать как «кажущуюся независимость теоретиков от бюргеров, кажущееся противоречие между формой, в которой эти теоретики выражают интересы буржуа, и самими этими интересами» [2]). Отделение, отрыв деятельности немецких теоретиков от реальных интересов своего класса, их бегство в сферу чисто мыслительной критики крепостнических порядков должны были дополняться сознанием слабости, неспособности свергнуть эти порядки только теоретическим оружием. Вот почему для немецкой теории возникла необходимость вернуться назад к тому, от чего она прежде отталкивалась,—к реальным интересам немецких бюргеров, которые были очень далеки от действительной борьбы с крепостничеством. Они «знали, что Германия — только навозная куча, но они хорошо чувствовали себя в тепле, окруженные навозом» [3]).

Вот почему величайшие мыслители и художники Германии, страстно и резко критикуя крепостническую экономику и идеологию, неизбежно должны были на практике примиряться с немецкой действительностью, теоретически оправдывать ее, приспосабливаться к ней. В дореволюционной Германии не

[1]) Бернс, т. V, стр. 235.
[2]) Маркс, Святой Макс, Госиздат, стр. 160, изд. 1920 г.
[3]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 77.

было ни одной сколько-нибудь крупной системы буржуазного просвещения, которую не раз'едали бы поистине кричащие противоречия.

Двойственность и противоречивость пронизывают собой все произведения первого крупнейшего представителя немецкого просвещения—Лессинга. На Лессинге лежит печать двойственности и половинчатости социально-экономических позиций немецкой буржуазии, ибо для него характерны беспощадно ироническая критика феодальной религии и в то же время бережное к ней отношение.

Лессинг не мог подняться до атеизма, до прямой и решительной критики современного ему общественного строя, до беспощадного разоблачения той роли, какую играла религия в укреплении и сохранении этого строя. Лессинг не мог быть последовательным в своей борьбе с религией. Он критикует религию и в то же время сохраняет ее, преклоняется перед ней. «Я вовсе не хочу,—говорит он,—сохранить в ванне старую воду, уже давно никуда не годную, но только я не хочу выливать ее раньше, чем не найдется чистая вода» [1]).

Эта мысль Лессинга, что феодальная религия — старая грязная вода, но что мы не должны выплескивать эту воду, ибо нет еще новой чистой воды, новой религии,—эта мысль является центральной в его главном произведении «Натан Мудрый», в котором он устами мудрого еврея, с одной стороны, решительно отрицает феодальную религию, с другой стороны, утверждает более утонченную форму религии, призывает к тому, чтобы люди нравственным смирением терпеливо доказывали истинность своей религии.

Такую же двойственность мы находим в очень характерном произведении Лессинга «Диалоги для масонов». Здесь он проводит ту мысль, что «всякий государственный порядок является исключительно человеческим изобретением», но именно поэтому он и доказывает необходимость такого государственного порядка, в котором «сумма отдельных благополучий всех членов образует благополучие государства». Выразив таким образом идею буржуазного равенства, Лессинг подвергает резкой критике крепостническую диктатуру за то, что она во имя интересов кучки «тиранов» жертвует интересами всех членов общества. Казалось, что из такой постановки вопроса Лессинг должен был бы сделать вывод о необходимости практически-революционного изменения условий общественной жизни тогдашней Германии.

Но он делает неожиданный поворот от критики крепостничества к его оправданию с тем, чтобы отсюда перейти к утопическим разговорам о будущем идеальном устройстве всемирно массового братства.

Такая же, по своему социальному смыслу, двойственность и противоречивость пронизывают собою философию Канта. Прогрессивно великое неизменно дополняется у него обывательским и реакционным, зародыши диалектики — неверием в силу познания, критика религии — ее теоретическим оправданием.

Величие Канта как буржуазного просветителя заключается в том, что он впервые в условиях крепостнически-феодальной Германии поднял знамя борьбы против религии и тем самым теоретически выразил экономические интересы тогда еще чрезвычайно слабого немецкого капитализма. Но эта борьба Канта против религии не являлась борьбой против всякой религии: он отрицал только грубую феодальную форму религии с тем, чтобы на ее месте утвердить более утонченный буржуазный тип религии, основанный на свободе нравственного убеждения.

В «Критике чистого разума» Кант со свойственной ему последовательностью шаг за шагом отвергает онтологическое доказательство бытия бога, которое из понятия о боге делает заключение о его существовании, космоло-

[1]) Из переписки Лессинга.

гическое доказательство, которое от факта существования мира догматически переходит к утверждению существования бога, и физико-теологическое доказательство, которое от закономерного порядка в природе выводит существование разумного, целеставящего существа. В итоге Кант переходит к заключению о невозможности теоретически доказать существование бога. Но отвергая феодальные способы доказательства бытия бога, Кант не подвергает сомнению самый факт его существования, ибо, по его мнению, практический разум совершенно независимо от всякого опыта, на основании только нравственно-категорического закона может поручиться нам за существование бога. Теоретически нельзя, говорит Кант, доказать существование бога, но он существует, ибо есть безусловная вера в него, основанная на законе нравственности. Вера учит нас понимать нравственный закон как основу существования бога. Если в «Критике чистого разума» Кант «штурмовал небо», то в «Критике практического разума» он «снова оживляет труп деизма, убитого теоретическим разумом» (Гейне).

Не менее резко, чем у Канта, двойственная природа немецкой буржуазии проявляется и в просветительской деятельности Фихте, которая также была главным образом направлена на борьбу с феодальной идеологией. В своих «Материалах к исправлению суждений публики о французской революции» (1793 г.), отмежевываясь от крайностей революции, Фихте выступает против религии как составной части крепостнического государства. Он требует отделения церкви от государства. Он утверждает, что между миром чувственным и миром религиозным, сверхчувственным, нет никакой связи. Между государством, являющимся представителем земного, чувственного мира, и церковью, которая представляет собой сверхчувственный мир, не может быть никаких взаимоотношений. Церковь должна быть изолирована от государства, ибо никто, и церковь в том числе, не может заставить соблюдать религию.

Но требуя отделения церкви от государства, выступая в защиту идеи буржуазного равенства, резко критикуя феодальную религию, отвергая ее, Фихте одновременно выступает решительным противником атеизма, доказывает существование бога. Фихте признает особый род кантианской религии, основанной на свободе нравственного убеждения. С одной стороны, Фихте наносит жестокие удары откровенно поповской религии, а с другой стороны, он пытается обосновать утонченный тип религии, всячески защищая ее от атак французского материализма.

С этой же специфически немецкой двойственностью мы встречаемся у великого Гете, деятельность которого, так же как и деятельность всех немецких просветителей, вырастала на гнилой почве деляческих интересов немецкой буржуазии. «Гете в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени. Он враждебен ему; оно противно ему, и он пытается бежать от него, как в «Ифигении», и вообще во время итальянского путешествия; он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькой насмешкой Мефистофеля. Или он, напротив, дружит с ним, примиряется с ним, как в большинстве его «Кротких Ксений» и во многих прозаических произведениях, прославляет его, как в «Маскараде», защищает его от напирающего на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он говорит о французской революции» [1]). Филистерские, деляческие интересы немецкой буржуазии просачивались широкой струей в творчестве Гете, топили в нем гениального поэта, толкали его на примирение с жалкой немецкой действительностью.

Если Шиллер, бурно осуждая немецкое общество, пытался бежать от него в идеально-кантианское царство свободной воли, то «Гете был слишком

[1]) Соч. Маркса и Энгельса, т. V, стр. 142.

универсален, слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его силы, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка. Перед этой дилеммой—существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать,—перед этой этой дилеммой Гете находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт... перед незначительным веймарским министром» [1]).

Гете разделял печальную участь всех больших немецких просветителей. Отсталая крепостническая действительность Германии раздавила в Гете мыслителя и поэта так же, как раздавила она грандиозное, действительно научное достижение немецкой мысли—гегелевскую идею развития.

На Гегеле также лежит печать двойственности его класса, ибо гегелевская идея развития, выражающая собой революционный порыв французских буржуа, дополняется трусостью и практическим бессилием немецких бюргеров. С одной стороны, Гегель наиболее полно формулирует идею развития, а с другой стороны, утверждает, что прусско-помещичье государство является идеальной формой государственного устройства, абсолютным пределом развития.

Революционную сторону своей философии, т. е. идею развития, Гегель сформулировал в самом раннем своем произведении «Феноменология духа», которое, по словам Маркса, «является истинным истоком и тайной гегелевской философии». В «Феноменологии духа» Гегель формулирует поистине гениальную мысль, возвышающую его над всеми предшествующими мыслителями, мысль о том, что знание есть исторически развивающийся процесс, ведущей силой которого является борьба знания и природы. Но тот же Гегель кастрирует, уничтожает эту мысль, ибо он пытается доказать, что знание в процессе своего исторического развития овладевает предметом, уничтожает его, убеждается, что природа есть нечто внешнее, отдельное, эмпирически случайное и что следовательно предметом знания является само абсолютное знание. «Сознание убеждается, что оно есть сущность предмета. Поэтому оно сосредотачивается в самом себе и делает себя своим предметом» [2]).

Гегель пытается уничтожить природу, утвердить истинность идеализма, доказать, что истинно достоверной действительностью является чистое знание. Это чистое знание, составляющее, по Гегелю, сущность природы, исследуется им в его «Логике», в которой так же, как и в «Феноменологии», великое, прогрессивное переплетается с реакционным.

Прогрессивное, действительно научное значение гегелевской «Логики» состоит в том, что она внутренне осуществленные противоречия об'явила источником, движущей силой всякого развития.

Но Гегель мог правильно, прогрессивно только поставить проблему существенных противоречий, решил же он ее реакционно как идеалист, теоретически обслуживающий социальные устремления немецкой буржуазии, которая практически, в жизни приспосабливалась к крепостническим порядкам. Гегель по существу теоретически скатывался к примирению противоречий. Как идеалист он не мог понять борьбы противоположностей как их непримиримую абсолютную борьбу, ведущую к разрушению данного единства. Гегель говорит о борьбе противоположностей, но он утверждает одновре-

[1]) Соч. Маркса и Энгельса, т. V, стр. 142—143.
[2]) Гегель, Философия духа, стр. 206, перевод Чижова.

менно, что каждая из противоположностей является одним и тем же, т. е. мыслью, и потому они в процессе борьбы как бы убеждаются в необходимости и возможности взаимопроникнуть друг в друга до абсолютного тождества. В процессе борьбы противоположностей все более и более абсолютируется их тождество, а их борьба угасает, сглаживается. Таким образом Гегель в своей «Логике» формулирует проблему существенных противоречий, обуславливающих развитие, а с другой стороны, он примиряет противоречия, сглаживает их борьбу, абсолютизирует их тождество. В этом примирении противоположностей выразилась экономическая связь немецкой буржуазии с крепостничеством, выразилась слабость ее социально-экономической позиции, слабость, которая в конечном счете обусловила появление гегелевской «Философии права», теоретически оправдывающей крепостническое государственное устройство тогдашней Германии.

Если в «Феноменологии духа» и «Логике» вследствие отвлеченности этих произведений реакционная сторона гегелевской философии обнаруживается не так отчетливо, то в «Философии права» Гегель вынужден открыто кастрировать идею развития, пытается задержать, остановить реальный процесс исторического развития.

Гегель в своей «Философии права» исходит из того идеалистического положения, что семья, гражданское общество и государство суть выражения развития об'ективного духа, выступающего в форме всеобще-нравственного духа народа. Государство, по Гегелю, является политическим организмом, представляющим собой единство всеобще нравственного духа народа с особенными его проявлениями в интересах отдельных суб'ектов, членов гражданского общества. Деятельность государства «должна уравнивать направление и деятельность отдельных лиц, которые стремятся сделаться самостоятельными центрами, и с этой целью оно должно своей властью ограничивать подчиненные ему сферы и сдерживать их в своем субстанциональном единстве» [1]).

Правительство является таким образом «душой», выразителем «воли» народного духа, и следовательно его действительность должна испытываться гражданами не как внешнее, принудительное, а как обнаружение их свободы, их собственной разумной нравственной сущности. Отсюда Гегель совершенно догматически утверждает необходимость безусловного добровольного повиновения всех граждан своему правительству. Всякое неповиновение правительству со стороны граждан рассматривается им как преступление, суть которого состоит в том, что гражданин во вред самому себе нарушает, извращает свою собственную нравственно-духовную сущность. Так при помощи правительства Гегель устанавливает единство всеобщего народного духа с особенными интересами граждан. Иначе: играя схоластически произвольными определениями общего и особенного, устанавливая якобы их реальное единство, Гегель на деле философски обслуживает здесь крепостническую диктатуру.

Это прислужничество Гегеля перед крепостнической диктатурой особенно ярко обнаруживается, когда он переходит к характеристике монарха и гражданских сословий. Гегель определяет монарха как «личность государства», право которой основано на божественном авторитете. Если в начале своей «Философии права» Гегель говорит, что государство является единством особенных интересов граждан со всеобщим нравственным духом народа, то теперь он определяет государство «только как одно лицо монарха». Отсюда вытекает с полной очевидностью утверждение Гегеля, что монарх привлекает сословия к государственному управлению не потому, что он сам не может выразить всеобщий дух народа, а потому, что в этом привлечении

[1]) Гегель, Философия духа, стр. 336, перевод Чижова.

нужно осуществить формальную всеобщность, видимость свобод народа. Следовательно всеобщая свобода народного духа и равенство граждан являются по существу мнимыми, иллюзорными: гражданин гегелевского государства, впоследствии скажет Маркс, «является мнимым членом воображаемого суверенитета». Мы видим таким образом, что Гегель разделял участь двойственности и половинчатости всего предшествующего ему немецкого просвещения.

На примере краткого разбора произведений немецких великих мыслителей мы показали, что в Германии того времени не было ни одной сколько-нибудь крупной системы буржуазного просвещения, на которой не лежала бы печать двойственности и противоречивости немецкой буржуазии. Всем им свойственны, с одной стороны, критика немецкой действительности, отталкивание от нее, стремление спастись от нее в идеальном царстве чистых мыслей, а с другой стороны, примирение с немецкой действительностью, приспособленчество к ней, теоретическое оправдание крепостнических порядков тогдашней Германии.

III

Нам необходимо было так относительно подробно охарактеризовать экономическую и теоретическую двойственность немецкой буржуазии, ибо без этого невозможно понять действительное философское развитие Маркса.

Деятельность молодого Маркса по своему социальному и теоретическому содержанию с самого начала далеко выходила за пределы немецко-буржуазного просвещения; ей не были свойственны типичные черты всех крупнейших немецких просветителей — двойственность и половинчатость. Чрезвычайно важно уяснить себе, что Маркс с самого начала своей теоретической деятельности отправлялся от революционной стороны гегелевской философии, совершенно отбрасывая при этом реакционные выводы в политике — приспособленчество к крепостничеству. Преодолев реакционную сторону гегелевской философии, выступая как последовательный революционный левогегельянец, Маркс даже в самый ранний период своей деятельности стоял значительно выше Гегеля, а также выше всего предшествующему ему немецко-буржуазного просвещения. Маркс, хотя и был идеалистом-гегельянцем, но никогда не находился в плену реакционно-политических выводов гегелевской философии.

Поэтому, когда многочисленные извратители диалектического материализма во главе с Рязановым пытаются доказать, что Маркс в ранний период своей деятельности решительно ни в чем не шел в своих революционных выводах дальше левогегельянцев, а в политике являлся буржуазным радикалом, они попросту клевещут на великого мыслителя пролетариата. Маркс в ранний период своей деятельности сходился с левогегельянцами «в стремлении сделать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы»[1]) и в отрицательном отношении к правому гегельянству, пытавшемуся обосновать философией Гегеля старые церковные традиции.

В остальном же деятельность молодого Маркса по своему социальному и теоретическому характеру отличается от деятельности левогегельянцев, ибо Маркс, усваивая наиболее драгоценное достижение теоретической мысли Германии — гегелевскую идею развития, — привлекает в сферу своей критики значительно более широкий круг политических вопросов. Идея развития, т. е. рациональное зерно гегелевской философии, нужна была Марксу не сама по себе, а затем, чтобы, как впоследствии будет показано, с ее по-

[1]) Ленин, Карл Маркс, стр. 5.

мощью обосновать боевые вопросы тогдашней эпохи — политику, право и государство.

Этого совсем нельзя сказать о младогегельянцах. Они хотя и возражали против правого гегельянства, но все же по своей классовой и теоретической сущности не могли выйти за пределы немецкого просвещения и в частности за пределы философии Гегеля. Младогегельянцы по примеру предшествующих им немецких просветителей ограничивались в своей деятельности только теоретической критикой религии, об'являя ее основной причиной всех социальных зол, совершенно не понимая того, что религия так же, как и все реакционные формы сознания, может быть уничтожена не оружием критики, а критикой оружия—революционно-практическим переворотом в социально-экономических условиях общественной жизни.

«Вся немецкая философская критика,—говорит Маркс,—от Штрауса до Штирнера ограничивается критикой религиозных представлений, выступая с притязанием быть абсолютной искупительницей мира от всякого зла». Причем следует иметь в виду, что эта критика религии со стороны младогегельянцев продолжала специфически немецкие традиции буржуазного просвещения. С одной стороны, решительная критика религиозных догматов, попытка научно обоснованного отрицания мифа о Христе, с другой—обывательское преклонение перед религией, беспомощная попытка доказать, что религия — «именно христианство — тождественна с высшей философской истиной» (Штраус). С одной стороны, стремительное, доходящее до атеизма, отрицание религии, с другой — самый бесшабашный идеализм, обожествление человеческой мысли, превращение ее в мистическое «самосознание», которое в форме «критики творит историю» (Бруно Бауэр). С одной стороны, критическое отрицание, разоблачение мистического божества, с другой—обожествление человека, утверждение, что «человек есть бог человека» (Фейербах). С одной стороны, самое последовательное отрицание всего божественного—утверждение, что «для эгоиста не существует настолько возвышенных и независимых об'ектов, которые могли бы заставить его обожать их, жить исключительно для них, жертвовать собой ради них», с другой—абсолютизирование, обожествление эгоизма, насквозь религиозное утверждение, что «я, так же, как бог, ничто всего другого, так как я мое... все, я—единственный. Я—ничто в смысле пустоты, но творческое ничто, то, из которого я сам, как творец, все создаю» (Штирнер).

Все младогегельянцы в той или иной мере находились в плену гегелевской системы, ибо, как говорит Маркс, «ни один из этих новейших критиков не пытался даже выступить с обстоятельной критикой гегелевской системы... Их полемика с Гегелем и друг с другом ограничивается тем, что каждый выдергивает какую-нибудь сторону гегелевской системы и направляет ее против всей системы, как и против выдвигаемых другими авторами сторон. Вначале извлекали чистые, фальсифицированные гегелевские категории, как например субстанцию и самосознание, впоследствии осквернили эти категории более светскими именами, как например «род», «единственный», «человек». Единственным результатом этой философской критики являются некоторые, да и то односторонние исследования по истории возникновения христианства. Вся критическая деятельность младогегельянцев ограничивалась борьбой «только против фраз», при совершенном непонимании того, что, борясь против фраз данного реального мира, они совершенно не борются с этим миром» (Маркс).

Тот факт, что младогегельянцы ограничивались половинчатой борьбой, проводя ее только в чистой сфере религиозных идей, показывает, что они, эти «овцы, которые считали себя волками», всей шумихой своей теоретической деятельности только облекали «в философский жаргон представления немецких бюргеров» (Маркс) и следовательно по примеру всего предшествую-

щего им немецко-буржуазного просвещения отражали слабость, двойственность социально-экономических позиций немецкой буржуазии. Поэтому тот, кто, утверждая, что Маркс был левогегельянцем, одновременно не выявляет, не вскрывает расхождений его с левогегельянцами, должен был бы доказать, что молодой Маркс вместе с ними разделял целиком слабость, половинчатость, свойственные всем буржуазным просветителям тогдашней Германии. Но так как доказать это невозможно, то Рязанов, этот скатившийся к предательству меньшевиствующий историограф марксизма, вынужден в своих работах не доказывать, а попросту декретировать, будто бы Маркс был учеником вождя левогегельянцев [1]) Бруно Бауэра и буржуазным радикалом.

Известно, что Маркс родился и вырос в Рейнской провинции и что капитализм на родине Маркса, окончательно освобожденный наполеоновскими армиями от пут крепостничества, нисколько не отставал от развития французского капитализма. Следовательно теоретические и политические взгляды Маркса оформлялись не в зависимости от типично двойственной прусской экономики, а в зависимости от революционного умонастроения эпохи Великой французской революции. Маркс легко воспринимал революционные идеи французской революции еще и оттого, что воспитывался он в такой семейной атмосфере, где сильны были традиции атеизма, где обычным материалом для чтения являлись произведения французских просветителей.

Поэтому Маркс входил в политическую жизнь своей эпохи, вооруженный принципами равенства и свободы, которые он почерпнул из революционного умонастроения эпохи Великой французской революции. Политические запросы молодого Маркса стояли неизмеримо выше политических желаний немецкой буржуазии. Она не могла их воспринять и тем более практически осуществить.

Но дело в том, что и французская буржуазия к тому времени совершенно открыто игнорировала свои прежние «общечеловеческие» принципы, воспринятые Марксом. То была эпоха, когда совершались огромные социальные сдвиги, массами гибло мелкое производство, когда резко обнаруживалась противоположность между нарастающей крупной капиталистической собственностью и образованием нищеты на другом полюсе, словом, эпоха, когда оформлялся и осознавал свою силу пролетариат. Теперь носителем действительного равенства и свободы мог быть только этот незрелый, стихийно оформляющийся класс.

К тому времени, когда молодой Маркс выступил на арену общественно-политической деятельности, буржуазные революции во Франции и Англии завершили процесс своего развития, феодализм был разрушен победой буржуазных отношений. Но вместе с победой буржуазного общества развивался и присущий ему антагонизм: буржуазия порождала своего могильщика — пролетариат. Борьба пролетариата с буржуазией начинается с момента появления буржуазного способа производства; вначале эта борьба проявляется лишь в единичных актах, нередко направленных против машин, а не против существующих буржуазных отношений, не против буржуазии как носительницы этих отношений.

Однако к началу деятельности молодого Маркса история рабочего движения передовых стран уже имела несколько блестящих страниц классовой борьбы пролетариата, когда он выступал не только против феодалов, но и против буржуазии. Первые проблески этого мы имеем в июльской революции 1830 г. во Франции. Лионское восстание в 1831 г. имеет уже более острое политическое содержание, а массовое движение английских пролетариев под

[1]) Рязанов, Очерки по истории марксизма, стр. 27.

названием чартизма поднимает на еще более высокий уровень сознание противоположности классовых интересов пролетариата интересам буржуазии.

Пробуждение классового самосознания германского пролетариата начинается с момента восстания силезских ткачей. Рабочий класс Германии в своем социальном и политическом развитии значительно отстал от рабочего класса Англии и Франции. И тем не менее немецкий пролетариат того времени в чрезвычайно короткий срок смог стать в авангарде интернационального движения рабочих всех стран. Почему? Во-первых, потому, что немецкий пролетариат, как позднее выразился Маркс, «страдал не только от развития капитализма, но и от недостаточного его развития». Двойной гнет, т. е. вся система крепостничества и капиталистическая эксплоатация, жестоко давил на спину немецкого пролетариата и тем самым ускорял развитие его классового самосознания. Во-вторых, потому, что это развитие классового самосознания немецкого пролетариата опиралось на весь предшествующий опыт рабочего движения: оно оплодотворялось всем политическим и теоретическим опытом революционной борьбы английского и французского пролетариата.

Но к тому времени, когда молодой Маркс выступил на арену общественно-политической деятельности, немецкий пролетариат окончательно еще не отдиференцировался от ремесленного производства и стоял еще на очень низком уровне понимания своих классовых задач. Это был не сложившийся, но уже складывающийся класс.

Индивидуальное развитие Маркса находилось под влиянием этого оформляющегося класса. Конечно молодой Маркс в начальный период своей деятельности не мог теоретически осмыслить этот факт. Он был идеалист и думал, что защищает разум всеобщих гражданских интересов. Но это нисколько не изменяет об'ективной сути дела, которая заключается в том, что Маркс с самого начала своей деятельности выступил как последовательный революционный демократ, пусть еще не осознанно воспринимающий влияние оформляющегося пролетариата.

Вот почему Маркс в отличие от младогегельянцев подходил к гегелевской философии с ее революционной стороны и в начале своей теоретической деятельности усвоил себе гениальное достижение немецкого буржуазного просвещения — гегелевскую идею развития, которая, как уже указано, была нужна ему не сама по себе, а затем, чтобы теоретически обосновать боевые вопросы эпохи — политику, право и государство.

Еще в 1837 г. девятнадцатилетний Маркс в письме к своему отцу рассказывает о том, что он вынужден обратиться к помощи философии для того, чтобы овладеть главным предметом своих занятий—историей права и государства. Маркс уже тогда пытается философски, методологически обосновать историю права и государства. На основе проработки огромного фактического правового материала он приходит к необходимости «провести некоторую систему философского права через всю область права. В качестве введения,—говорит Маркс,—я предпослал некоторые метафизические положения и довел этот злополучный opus почти в триста листов до публичного права»; но в процессе своих занятий Маркс обнаружил «фальшь всей системы, которая по основной своей схеме похожа на кантовское построение... И опять-таки,—говорит Маркс,—для меня стало ясно, что без философии мне не выбраться. И с чистой совестью я сызнова кинулся в ее об'ятия и написал новую метафизическую систему основоначал, в конце которой я сызнова вынужден был убедиться в непригодности как ее, так и всех моих прежних устремлений» [1]).

---

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 432 и 435.

Здесь важно подчеркнуть то, что «непригодность всех» своих «прежних устремлений», неумение дать области права философское обоснование Маркс об'ясняет тем, что не усвоил еще тогда диалектики Гегеля. Маркс выясняет, что все ошибки в построении философской системы права вытекают из применяемого тогда кантианского метода, который вносит противоречие «между сущим и должным». «Ненаучная форма математического догматизма,—говорит Маркс,—при которой суб'ект танцует около вещи, рассуждает и так и сяк, а сама вещь не развертывается во всем богатстве своей формы и жизни, была с самого начала помехой для усвоения истины» [1]). Молодой Маркс со свойственной ему ясностью формулирует здесь ту чрезвычайно важную мысль, что право и государство, как и все вещи на свете, надо рассматривать в процессе исторического развития и что следовательно суб'ект должен стремиться к тому, чтобы с максимальной полнотой выразить конкретное развитие изучаемого предмета.

Философия Канта, как и все философские системы до Гегеля, не могла дать сколько-нибудь удовлетворительного методологического обоснования для такого изучения предмета. И здесь мы являемся свидетелями очень важного события в развитии молодого Маркса. Для того, чтобы уметь об'яснить историческое развитие права и государства, показать их взаимодействие со смежными областями общественной жизни, Маркс обращается к Гегелю, причем не к Гегелю вообще, как это делали младогегельянцы, а к революционной стороне гегелевского учения — к идее развития.

Маркс показывает в своем письме, что он несколько раз пытался отбросить кантианско-догматический метод с тем, чтобы перейти к обстоятельному изучению Гегеля, и что в конце концов он пришел к бесспорному выводу, что догматический метод может быть применяем только в геометрии, где математик часто формально-логическим способом может доказывать различные истины. Но «совсем иначе,—говорит Маркс,—обстоит дело в конкретном выражении живого мира мыслей, каким является право, государство, природа, вся философия: здесь нужно присматриваться к самому об'екту в его развитии, здесь нельзя вносить произвольных подразделений: разум самой вещи должен здесь развертываться, как нечто в себе противоречивое, и найти в себе свое единство» [2]). И далее Маркс говорит, что для того, чтобы уметь усвоить идею в самой действительности, т. е. в данном случае для того, чтобы уметь исторически рассматривать право и государство, он еще раз погрузился в море гегелевской философии, но с определенным намерением обрести духовную природу (т. е. на тогдашнем языке—природу общества) столь же необходимой, конкретной и твердой, как и телесную.

Характерно, что Маркс и сам неоднократно говорил об этом принципиальном отличии его ранней теоретической деятельности от деятельности младогегельянцев. Мы уже приводили некоторые высказывания Маркса из «Немецкой идеологии», направленные против младогегельянцев. Но было бы неправильно думать, что Маркс понял это свое отличие от младогегельянцев только тогда, когда он стал уже диалектическим материалистом. Нет, Маркс и в ранний период своей деятельности, вскоре после письма к отцу, резко критиковал младогегельянцев за их неправильное отношение к гегелевской философии. Мы имеем в виду примечания Маркса к первой части его докторской диссертации, относящейся к 1840 г.

В своих примечаниях к первой части докторской диссертации Маркс открыто и резко критикует младогегельянцев за их неправильное, обывательское отношение к Гегелю и одновременно высказывает такие мысли, ко-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч. т. I, стр. 433.
[2]) Там же, стр. 433.

торые ясно показывают, как поистине глубоко и революционно понимал он гегелевскую философию даже в ранний период своего развития.

Маркс говорит, что младогегельянцы совершенно не умеют критически подойти к Гегелю. Находясь в плену реакционной стороны его философии, они попросту ругают Гегеля за его непоследовательность, пытаясь об'яснить ее приспособленческим характером Гегеля. Они, говорит Маркс, «то или иное определение системы его (Гегеля.—*Л.* и *Н.*) об'ясняют приспособлением и тому подобным, одним словом, об'ясняют морально» [1]). Такое отношение к философии Гегеля со стороны младогегельянцев молодой Маркс называет невежеством. Он едко высмеивает учеников Гегеля, которые взяли у него науку в готовом виде, отдались ей с наивным, некритическим доверием, а потом возмущаются безнравственным характером учителя, который будто бы является причиной непоследовательности, реакционности его философии.

Маркс требует действительно научного об'яснения непоследовательности Гегеля, такого об'яснения, которое являлось бы вместе с тем и условием для внутреннего критического преодоления реакционной стороны гегелевской философии в противоположность младогегельянцам. Уже тогда Маркс отлично понимал, что «возможность этого приспособления коренится в недостаточном принципе или в недостаточном понимании им своего принципа», т. е. в недостаточном понимании со стороны Гегеля основного принципа его философии — идеи развития. Конечно это еще не марксистское об'яснение интересующего нас вопроса, но важно то, что это об'яснение прогрессивно, ибо оно дает возможность Марксу критически преодолеть реакционную сторону гегелевской философии. В приводимом высказывании Маркс говорит, что Гегель не умел с достаточной последовательностью провести основной принцип своей философии — идею развития, что, об'являя прусскую конституцию идеальной формой государственного устройства, он тем самым изменил этому принципу. Отсюда Маркс делает вывод, что надо более последовательно, безгранично продолжить сформулированный Гегелем принцип развития и тем самым критически преодолеть реакционность его философии. При таком действительно прогрессивном отношении к философии Гегеля «заподозревается не личная совесть философа, но воссоздается существенная форма его сознания, она получает определенную форму и значение и тем самым развивается дальше».

Но Маркс уже тогда не ограничивался только таким общим раз'яснением необходимости «р а з в и в а т ь д а л ь ш е существенную форму сознания» гегелевской философии. Он более подробно анализирует те выводы, которые вытекают в результате этого развития. Маркс раз'ясняет, что продолжать принцип развития гегелевской философии—значит способствовать тому, чтобы философия осуществлялась в действительности, чтобы она являлась причиной дальнейшего развития действительности. Но отсюда следует, что сама философия неизбежно теряет свою прежнюю форму, ибо дальнейшее развитие основного принципа гегелевской философии неизбежно влечет за собой разрыв ее замкнутости, освобождение ее от системы, которая замыкала круг исторического развития. «Отношение ее (философии.—*Л.* и *Н.*) к миру,— говорит Маркс,— есть рефлективное отношение. Одушевленное стремлением осуществиться, оно вступает в конфликт с остальным. Внутреннее самодовление и цельность нарушены. То, что было внутренним огнем, превращается в пожирающее пламя, вырывающееся наружу. Таким образом получается результат, что проникновение мира философией в то же время становится обмирщением философии, что ее осуществление есть вместе с тем ее потеря» [2]).

---

[1]) М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. I, стр. 84.
[2]) Т а м ж е, стр. 85.

Этот процесс осуществления философии в действительности и в то же время «потеря» ею самой себя, это самоосвобождение гегелевской философии от своей собственной реакционной законченной замкнутости Маркс называет процессом об'ективным. Такова одна сторона, говорит он, если мы будем рассматривать вопрос чисто об'ективно как непосредственное осуществление философии. Но Маркс указывает, что эта об'ективная внутренняя логика критического самоотрицания философии имеет еще и суб'ективную форму своего проявления, т. е. «отношение осуществляющейся философской системы к ее духовным носителям, индивидуальным самосознаниям, в которых проявляется ее поступательное движение». И в этой связи Маркс высказывает,— правда, в зародышевой форме ту гениальную мысль, которая получит свою окончательную формулировку в «Тезисах о Фейербахе», но которая уже теперь дает ему возможность сделать действительно революционные выводы из гегелевской философии.

Маркс говорит, что «духовные носители философии», «индивидуальные самосознания», находятся в непосредственной энергии развития, т. е. практически осуществляют философию в действительности. Но двигая вперед философию, практически осуществляя ее в действительности, эти «индивидуальные самосознания» теоретически еще не освободились из плена старой философской системы, «в теоретическом отношении не пошли дальше той системы, которая держала их в оковах». Таким образом в развитии «индивидуальных самосознаний» возникает противоречие: с одной стороны, действуя практически, осуществляя философию, они вступают в противоречие с действительностью, а с другой стороны, они, естественно, стремятся разорвать круг замкнутости старой философской системы, они, как говорит Маркс, «испытывают противоречие с пластической устойчивостью системы». И отсюда молодой Маркс делает вывод, до глубины теоретически прогрессивного смысла которого никогда не поднимались младогегельянцы. «Из этого отношения,—говорит Маркс,—противостоящего самому миру в осуществлении философии, следует, что этим индивидуальным самосознаниям всегда присуще о б о ю д о о с т р о е т р е б о в а н и е: одно острие направлено против мира, другое — против самой философии». Поэтому «их освобождение мира из внефилософского состояния есть в то же время их собственное освобождение от философии, которая как определенная система держала их в оковах» [1]).

Маркс, будучи еще идеалистом, доводит здесь диалектику Гегеля до ее крайнего революционного выражения. Духовные носители философии должны практически действенно осуществлять философию в действительности, должны превратить философию в рычаг преобразования действительности, следовательно должны продолжать дальше развивать революционную сторону философии Гегеля и тем самым критически преодолевать замкнутость, реакционность ее системы. Таковы непосредственные выводы, которые делает Маркс в результате критического разбора гегелевской философии. Ясно, что эти полные прогрессивного значения выводы не мог сделать представитель буржуазии, так же как не мог сделать их какой-либо так называемый «свободный», пусть даже гениальный, мыслитель. Революционно-демократические убеждения Маркса, помноженные на его гениальность,— вот что позволило ему в ранний период своего развития сделать действительно революционные выводы из гегелевской философии. Именно тот факт, что молодой Маркс, являясь тогда революционным демократом, выражал интересы народных масс и формировавшегося тогда пролетариата, класса, который, революционно преобразуя действительность, вел вперед ход исторического развития,— именно этот факт является решающей причиной того, почему Маркс

[1]) М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. I, стр. 85.

с самого начала критически подошел к Гегелю, правильно поставил вопрос о необходимости дальнейшего развития революционной стороны философии Гегеля и следовательно правильно наметил пути преодоления замкнутости и реакционности гегелевской системы.

Последовательностью революционно-демократических убеждений Маркса об'ясняется также и то, почему он в последующий период своего развития, в период «Рейнской газеты», очень быстро убедился в несостоятельности идеалистической диалектики Гегеля. Да иначе и не могло быть, ибо в процессе политической борьбы совершенно ясно обнаружились слабость и беспомощность идеалистической диалектики в деле практически-революционного разрешения боевых вопросов эпохи права и государства.

* * *

Для всех статей Маркса, помещенных в «Рейнской газете», характерно, что в них он с революционно-демократической последовательностью стремится осуществить философию в действительности. «Философия,— говорит Маркс,—не витает вне мира, как и мозг не находится вне человека». «Тот же самый дух, который строит железные дороги руками ремесленников, строит философские системы в мозгу философов» [1]). Философия поэтому должна перестать стремиться «к уединению, к систематической замкнутости, к бесстрастному самосозерцанию» [2]). «Всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени». Современная философия, по словам Маркса, должна представлять собой живую душу всей культуры современного мира. Философия должна воплощаться во всем многообразии форм современной жизни. Маркс говорит, что она проникает «в салоны, в дом священника, в редакции газет... в сердца современников, возбуждая то ненависть, то любовь» [3]).

Но если философия является таким рычагом прогресса, если она в своем развитии воплощается в многообразных формах исторической жизни, то совершенно естественно, что она должна являться также основой государства. Поэтому реакционно-поповскому утверждению, что «только религия является основой государства и что поэтому «газеты» в христиано-германском государстве не должны обсуждать политику с точки зрения философии»,— этому утверждению Маркс противопоставляет свою революционную аргументацию. «Если религия,— говорит он,— становится политическим фактором, предметом политики, то, кажется, совершенно нечего говорить о том, что газеты не только могут, но и должны обсуждать политические вопросы. Само собой очевидно, что мирская мудрость философии имеет больше права интересоваться царством мира сего, государством, чем потусторонняя мудрость, религия». Философия должна открыто об'явить себя «газетным сотрудником». Она должна «сменить аскетическую, священническую рясу на легкую модную одежду газет». Это проникновение философии во все поры государственной жизни заставляет крепостников издавать дикие вопли «о помощи против пожара идей». Но «этот крик ее врагов имеет для философии такое же значение, какое имеет первый крик ребенка для тревожно прислушивающейся матери; это первый крик ее идей, которые, разорвавши установленную иероглифическую оболочку системы, появляются на свет как мировые граждане» [4]).

Что означает эта мысль Маркса о том, что философские идеи, осуществляясь во всех формах исторической жизни, преодолевая реакционность, замкнутость системы, выступают как мировые граждане? Она означает не

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 201.
[2]) Там же, стр. 200.
[3]) Там же, стр. 201.
[4]) Там же, стр. 201.

что иное, как требование того, чтобы философия осуществлялась в совершенно свободном государстве. Маркс поэтому еще и еще раз обрушивается на теоретиков из лагеря крепостников, доказывающих, что религия должна быть основой государства. Маркс говорит, что государство, которое не представляет осуществления разумной свободы, «есть плохое государство». «Государство должно строиться не на основе религии, а на основе разума и свободы». «Дело, которое выполняет философия», заключается в том, чтобы «строить государство согласно разуму человеческих отношений». Новейшая философия «рассматривает государство как великий организм, в котором должна осуществится правовая, нравственная и политическая свобода, причем отдельный гражданин, повинуясь законам государства, повинуется только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума» [1]).

Маркс доводит здесь гегелевскую идею развития до ее революционной крайности, поскольку она возможна в пределах идеализма. Если Гегель об'явил прусское государство пределом развития, а прусскую конституцию — идеалом государственного устройства, то молодой Маркс преодолевает эту ограниченность, это приспособленчество своего учителя и требует организации государства, которое выражало бы собой всеобщую свободу народного духа и как таковое являлось стимулом дальнейшего исторического развития.

Но Маркс вскоре убеждается, что требовать организации такого государства—значит заниматься утопическими иллюзиями. В процессе политической борьбы Маркс очень скоро приходит к выводу, что экономическо-классовые интересы неизмеримо сильнее теоретических рассуждений об идеально устроенном государстве; что ни право, ни нравственность, ни государство, как учил Гегель, не определяют собой процесса исторического развития, а, наоборот, законы развития общественного производства и связанная с этим борьба классов определяют собой формы государственного учреждения, правовые, религиозные, нравственные и всякие иные представления людей. Этот вывод совершенно неизбежно вытекал из внутренней логики противоречий между теоретическими принципами молодого Маркса и реальной действительностью, которая сплошь и рядом грубо игнорировала, опрокидывала, отвергала эти принципы.

В процессе своей деятельности в «Рейнской газете» Маркс поистине на каждом шагу обнаруживал это противоречие. Из теоретических посылок Маркса, что государство должно выражать всеобщую свободу народного духа, совершенно последовательно вытекает утверждение, что государственные законы — «это положительные, ясные общие формы, в которых свобода приобретает независимое от произвола отдельной личности существование». Государственный закон «не должен быть репрессивной мерой против свободы, так же как закон тяжести не есть репрессивная форма против движения». Законы государства должны «являться действительным бытием свободы человека». И Маркс еще и еще раз требует, чтобы разум и свобода практически реально осуществлялись в действительности.

Но в то же время Маркс видит, что в действительности получается совсем иначе, что действительность бесцеремонно опрокидывает это требование разума. В этих же статьях, помещаемых в «Рейнской газете», Маркс неоднократно и с предельной ясностью показывает нам, что в обществе, против которого он направил свою критику, не может быть государственных законов, выражающих всеобщую свободу народного духа. В обществе, говорит Маркс, в котором один орган (правительство) мнит себя единственным, исключительным обладателем государственного разума,— в таком обществе законы могут быть только уничтожающими равенство граждан пе-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 207.

ред государством, законами «не единения, а раз'единения»,— словом «законами одной партии против другой» [1]).

Это же противоречие между своими теоретическими принципами и реальной действительностью Маркс особенно ярко обнаруживает при обсуждении новой цензурной инструкции и связанного с этим вопроса о свободе печати.

Исходя из теоретических соображений, что государство и его законы должны выражать собой всеобщую свободу народного разума, Маркс требует полнейшего уничтожения цензуры и полнейшей свободы печати. «Свободная печать, — говорит он, — это открытый глаз народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, красноречивое звено, соединяющее отдельную личность с государством и с целым миром... Она — беспощадная исповедь народа перед самим собой... Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя... Она — светоч государственного разума, который может проникать во всякую хижину, который дешевле материального света... Она — идеальный мир, который, вырастая из реальной действительности, в свою очередь обогащает и одухотворяет эту действительность» [2]). С этой точки зрения закон о печати должен являться законодательным «признанием свободы печати». Действительно государственным законом о печати является тот закон, который «представляет собой положительное бытие свободы», который рассматривает свободу как «нормальное бытие, а печать — как бытие свободы».

Поэтому цензуру надо не исправлять, а совсем уничтожить, ибо «сущность цензуры вообще» основана не на свободе народного разума, а «на высокомерном представлении полицейского государства о его чиновниках». «Действительным радикальным изменением цензуры было бы ее уничтожение, ибо институт этот плох», ибо он «убивает государственный дух народа». «Закон о цензуре не есть следовательно закон, а полицейская мера». «Цензура есть критика, монополизированная правительством». Но «она настолько лишена критики, что принимает отдельное лицо («цензора») за универсальный ум, веления силы за веления разума, чернильные пятна за солнечные пятна... удары за убедительные аргументы» [3]).

Но, с другой стороны, от молодого Маркса, владеющего огромным историческим чутьем, не мог ускользнуть тот факт, что экономический интерес сильнее требований разума и что, опираясь на этот интерес, различные классы христиано-германского общества бесцеремонно насилуют всеобщую свободу народного духа, защищают специфически сословный дух своих привилегий.

Особенно ярко обнаруживает это Маркс на примере обсуждения вопроса о свободе печати в Рейнском ландтаге. Маркс говорит, что «нигде специфически-сословный дух не выразился яснее, определеннее, и полнее, чем в дебатах о прессе» [4]). Здесь «в лице различных ораторов, полемизирующих против свободы печати, полемизирует их особенное сословие».

Маркс начинает свою критику сословий с аргументаций оратора из княжеского сословия. Этот оратор, князь, гордый своим сословным величием, пытается доказать, что «цензура меньшее зло, чем распущенность прессы». Он исходит из убеждения, разделяемого всеми владетельными князьями, что так же, как «крепостная зависимость крестьян есть присущее крестьянам свойство быть зависимыми», так же «истинной, более благородной прессе» свойственно находиться в крепостной зависимости от цензоров. Князь требует жестокой цензуры, ибо свободная печать, являясь рас-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 120.
[2]) Там же, стр. 171.
[3]) Там же, стр. 165.
[4]) Там же, стр. 143.

садником злонамеренных идей, расшатывает сословные устои, подготовляет революцию в Германии.

Но еще решительнее этот оратор обнаруживает отрицательные стороны своего сословия в своих нападках на исторические формы свободы печати. «Он пред'являет требование к печати различных наций, чтобы она была печатью, выражающей его взгляды... чтобы она вращалась вокруг отдельных личностей, а не вокруг духовных планет, вокруг наций». Говоря кратко: «оратор из княжеского сословия... доказал несправедливость свободы печати на основании княжеских убеждений», он думает, что «более благородное, истинное развитие немецкого духа обусловлено стеснениями сверху» [1]).

Таким образом Маркс показывает нам, что оратор из лагеря феодалов в своей борьбе против свободы и разума узурпирует свободу печати, заставляет государственные законы обслуживать экономические интересы своего сословия.

То же самое узурпаторское отношение к свободе разума народа, к государственным законам и свободе печати обнаруживает Маркс и в речи дворянского оратора, этого «представителя христианско-рыцарского, современно-феодального, одним словом романтического принципа». Маркс ясно показывает, что аргументация рядового дворянина отличается от аргументации княжеского оратора не по существу, а только по форме, что «более аристократический, более небрежный и трезвый язык оратора из княжеского сословия превращается у нашего рыцаря в патетическую взвинченность и фантастически экзальтированную елейность».

«Свободную печать этот оратор называет дурной печатью, а ту печать, которая находится в оковах цензуры, он считает хорошей печатью». «Цель дурной печати заключается в наиболее широком распространении дурных идей и в возможно большем развитии дурных принципов». Она развращает умы, подрывает авторитет церкви, проповедует уничтожение аристократии. Само собой разумеется, этот оратор выступает яростным защитником цензуры и подцензурной печати, и этим он «бесспорно очень метко» выражает «исключительный интерес своего сословия». Дворянское сословие, так же как и сословие князей, в своей борьбе против свободы печати опирается на реальную силу экономических интересов, отвергает свободную печать и вообще отрицает идеальное государство, основанное на всеобщей свободе народного разума.

Оратор буржуазии также отвергает всеобщую свободу гражданской печати. Он не признает печати, которая выражала бы всеобщую свободу народного духа. Он доказывает необходимость существования такой печати, которая обслуживала бы экономические интересы немецкой буржуазии. Маркс говорит, что свободу печати он «называет просто промысловой свободой или свободой буржуазной собственности». Отмечая относительную прогрессивность этой точки зрения, Маркс очень ясно показывает, что она игнорирует действительную свободу печати и силой своих экономических интересов узурпирует всеобщую свободу народного духа. «Промысловая свобода,— говорит Маркс,— есть только промысловая свобода, и разве свободна та печать, которая опускается до уровня ремесла». «Делая из свободы печати только вид промысловой свободы, мы не защищаем, а убиваем ее до защиты».

Таким образом на примере разбора прений о свободе печати Маркс обнаруживает, что представители различных сословий в ландтаге, опираясь на силу экономических интересов, уродуют свободу народного духа, насильственно делают ее духом особенной свободы сословных привилегий, словом

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 149 и 150.

рассматривают государство как аппарат обслуживания своих экономических интересов.

Такое же банкротство своих идеалистических принципов Маркс обнаруживает на примере обсуждения закона о краже дров.

Исходя из идеалистических принципов разума и свободы, Маркс требует от законодательства безусловного оправдания нарушителей лесных правил, ибо, говорит он, «государство должно видеть и в порубщике леса человека, живого члена с горячей кровью, ...свидетеля, голос которого имеет значение для суда, члена общины, исполняющего общественные функции, отца семейства, существование которого священно, и наконец самое главное,— гражданина. Государство не может легкомысленно отрезать одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство калечит само себя, когда оно делает из гражданина преступника»[1]).

Но лесовладельцы рассуждают совершенно по-другому. Требуя безусловного осуждения бедноты, они «низводят государство на уровень средства для целей частного интереса». Опираясь на силу своих экономических интересов, лесовладелец рассуждает таким образом: «Это постановление закона хорошо, поскольку оно полезно для меня. Это постановление излишне, вредно, непрактично, поскольку оно из чисто теоретического каприза должно быть применено к обвиняемому». С точки зрения лесовладельцев «государство обязано опуститься до образа действий частной собственности»[2]).

Все дальнейшее изложение этой статьи Маркса обнаруживает, раскрывает перед нами содержание логики частного интереса, который состоит в том, чтобы превращать «государственную власть в прислужницу лесовладельца», чтобы весь аппарат государственной власти опустился «до роли орудия лесовладельца», чтобы все органы государства являлись «ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца слышит, подстерегает, оценивает, охраняет, хватает, бегает»[3]).

Но здесь очень важно следующее обстоятельство: в этой статье Маркс меньше всего требует от государства, чтобы оно выражало всеобщую свободу народного разума. Больше того. Он считает это совершенно бесполезным занятием. В этой статье Маркс обнаруживает ясное понимание того, что свобода и разум являются недостаточно острым орудием в борьбе с экономическими интересами привилегированных сословий, ибо этот интерес неизмеримо сильнее теоретических требований разумного государства и разумных законов, выражающих собой всеобщую свободу народного духа. К этому выводу Маркс неизбежно должен был притти, ибо его толкала на это практика политической борьбы, которую он вел, будучи редактором «Рейнской газеты».

За время своей работы в «Рейнской газете» Маркс неоднократно и обстоятельно доказывал, что природа государства состоит в том, чтобы выражать собой всеобщую свободу народного разума, но на практике политической борьбы он убеждался, что государство обслуживает экономические интересы помещиков и буржуазии. Маркс требовал разумных государственных законов, которые являлись бы бытием свободы всех граждан, но практика показала ему, что привилегированные сословия открыто используют законы для обслуживания своих экономических интересов. Маркс теоретически обосновывал необходимость совершенно свободной печати, требовал полнейшего уничтожения цензуры, но сословные представители в силу своих интересов отвергли свободную печать и ввели жесткую цензуру. Исходя из

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 233.
[2]) Там же, стр. 238.
[3]) Там же, стр. 242.

требований разума и свободы, Маркс доказывает, что порубщиков леса должно рассматривать как равноправных граждан государства, но практика показала обратное: государство открыто обслуживает интересы лесовладельцев и потому «горячее внимание государства к интересам ограниченной частной собственности по необходимости превращается в неограниченное пренебрежение интересами обвиняемого».

Таким образом практика политической борьбы как бы подсказывала Марксу неправильность идеалистической теории идеально разумного государственного права. В процессе политической борьбы Маркс убедился, что требование разумного государства, разумных и свободных законов является плохим и по существу негодным оружием в борьбе с помещичье-буржуазной государственно-правовой идеологией, опирающейся на силу экономических интересов.

И если в своих предыдущих статьях Маркс глубоко верит в силу свободы и разума, доказывает необходимость осуществления идеи разумного государства, то теперь в этой статье, написанной в связи с дебатами о краже дров, он считает это занятие непрактичной и вредной иллюзией, ибо, говорит Маркс, совершенно ясно, «что если частный интерес пытается низвести государство до уровня своего средства, то само собой разумеется, что представительство частных интересов, т. е. сословий, пытается и обязано деградировать государство до идей частного интереса». Если в прежних своих статьях Маркс твердо верит в возможность справедливого и беспристрастного отношения к преступнику со стороны государственных органов, то в этой статье он считает бесполезной тратой времени доказывать необходимость беспристрастного отношения к обвиняемому, ибо ясно, что суд должен обслуживать интересы лесовладельцев и что «судебный процесс есть только надежная охрана, которая должна проводить противника до тюрьмы, простое приготовление к экзекуции».

Маркс теперь совершенно отчетливо понимает, что государство выражает собой экономические интересы привилегированных сословий и потому не может не охранять и защищать эти интересы. В этой статье Маркс вплотную подходит к выяснению социально-экономической природы государства, и хотя в этот период он еще не может действительно по-марксистски об'яснить классовую природу государства, он все же двигается, идет по пути этого об'яснения, ибо отлично понимает, что деятельность государства находится в зависимости не от свободы и разума, а от экономических интересов привилегированных сословий и что следовательно теоретические протесты от имени всеобщей свободы народного духа совершенно беспомощны изменить что-либо в социальной механике государственного аппарата. Для Маркса теперь совершенно бесспорно, что экономические интересы неизмеримо сильнее теоретических требований свободы и разума и что поэтому, сколько ни требуй, сколько теоретически ни обосновывай необходимость осуществления идеи разумного государства, от этого реальное прусское государство не перестанет обслуживать интересы привилегированных сословий.

Но если ясно, что гегелевская идея развития, осуществляющая разум и свободу, терпит крах в борьбе с экономическими интересами, если ясно, что привилегированные сословия, опираясь на силу экономических интересов, узурпируют государство, пытаясь остановить развитие истории, то совершенно естественно, что перед Марксом возникла необходимость найти в самой действительности такую силу, которая смогла бы сломить сопротивление реакционных сословий и двигать вперед историческое развитие. И Маркс идет по пути отыскания этой силы. Он оставляет шаткие и неустойчивые позиции свободы и разума и переходит на совершенно конкретные позиции защиты экономических интересов бедноты. Если в прежних своих

статьях Маркс защищал всеобщую свободу народного разума, то здесь, в этой статье, он открыто переходит на «защиту интересов политически и социально неимущей массы». Центр тяжести спора, который вел Маркс с привилегированными сословиями, переносится теперь с вопросов чисто мыслительных, общеправовых на вопросы реально экономические, связанные с основным стержнем общественного развития — с частной собственностью.

Лесовладельцы, поддерживаемые делегатами от буржуазии, исходят из того, что всякое присвоение собственности есть кража. В противоположность этой точке зрения Маркс утверждает, что не всякое присвоение собственности есть кража. Кража совершается тогда, если от собственности насильственно отделяется ее часть. Вором является человек, который производит это насильственное отделение части собственности в свое пользование. При сборе валежника от собственности отделяется то, что уже само естественно отделилось от собственности, т. е. «при сборе валежника ничего не отделяется от собственности». Следовательно собирание валежника не есть кража, а собиратель валежника не является вором. И «если закон называет кражей леса действие, которое нельзя назвать даже проступком, то закон лжет и бедняк приносится в жертву узаконенной лжи».

Исходя из своего утверждения, что не всякое присвоение собственности есть кража, Маркс ставит перед привилегированными сословиями такой вопрос, сама постановка которого берет под сомнение их право владеть собственностью. «Если,—говорит Маркс,—всякое нарушение собственности без различия, без более точного определения есть кража, то не является ли всякая частная собственность кражей? Разве своей частной собственностью я не исключаю из владения ею всякого другого?» Уже одна постановка этого вопроса берет под сомнение право существования частной собственности. Это тот самый вопрос, для разрешения которого Маркс в будущем напишет «Капитал». И естественно, что сотрудник «Рейнской газеты», не освободившийся еще от идеализма, не может правильно решить этот вопрос—ему нехватало для этого, как впоследствии говорил сам Маркс, необходимого знания экономики. Но здесь важно не это.

В этой связи чрезвычайно важно уяснить себе, что, защищая экономические интересы бедноты, Маркс нащупал основной стержень всякого эксплоататорского общества и тем самым вынужден был спуститься с туманных высот гегелевской теории права на конкретную почву непосредственной борьбы экономических интересов. И хотя в новой обстановке, на новом поле битвы Маркс чувствует себя недостаточно опытным бойцом, но тем не менее и здесь он наносит блестящий удар противнику, ибо он обнажает противоположность между бедностью и богатством, добирается до самых существенных экономических корней, из которых вырастает эта противоположность.

Противоречия, существующие в обществе, Маркс образно сравнивает с противоречием, существующим в природе. «Сама природа,— говорит Маркс,— дает как бы образец противоположности между бедностью и богатством в сухих, оторванных от органической жизни, сломленных ветвях и сучьях, с одной стороны, и крепко сидящих, сочных деревьях и стволах, органически ассимилирующих для своего роста воздух, свет, воду и землю — с другой стороны» [1]). И так же, как крепко сидящие и сочные деревья питаются за счет воды, воздуха, света и земли, так и в «феодальном строе одна раса питается за счет другой расы вплоть до той, которая сама, подобно полипу, прикреплена к земле... чтобы срывать земные плоды для высших рас, сама питаясь прахом» [2]).

---

[1]) Там же, стр. 231.
[2]) Там же, стр. 227.

Маркс образно показывает здесь, что высшие расы, т. е. привилегированные сословия феодального общества, существуют за счет труда крестьян, этих питающихся прахом многочисленных тружеников земли.

И характерно то, что Маркс говорит не только об эксплоатации, относящейся к феодальному обществу. Он идет дальше. Он отчетливо понимает, что присвоение чужого труда свойственно не только привилегированным сословиям феодального общества. Маркс говорит о том, что «в духовном мире», следовательно и в капиталистическом обществе, существуют трутни, которые в противоположность тому, что совершается в органической природе, убивают рабочих пчел силой труда. «Если в естественном мире,— говорит Маркс,— трутни убиваются рабочими пчелами, то в духовном мире, наоборот, рабочие пчелы убиваются трутнями—и как раз именно с помощью труда» [1]).

Таким образом мы видим, что в этой статье, написанной по поводу дебатов о краже дров, Маркс ставит под сомнение существование частной собственности, обнаруживает источник противоположности между бедностью и богатством, словом, нащупывает экономическую основу эксплоатации труда. Если раньше, находясь на абстрактных высотах гегелевской диалектики, Маркс ограничивал свою борьбу с привилегированными сословиями тем, что критиковал их как насильников свободы народного разума, то теперь, защищая интересы бедноты, вынуждаемый спуститься в самую глубину общественной жизни, Маркс разоблачает привилегированные сословия как эксплоататоров труда бедняков, использующих для этого весь аппарат государственной власти. Отсюда один шаг к тому, чтобы окончательно преодолеть гегелевскую диалектику и следовательно показать, что не об'ективный дух, не разум и не свобода определяют собой процесс исторического развития, а наоборот, законы общественного производства и вытекающая отсюда борьба классов являются движущей силой истории, определяя собой формы государственных учреждений, правовые, религиозные, нравственные и всякие иные представления людей.

Этот шаг Маркс делает в последующий период своего развития, именно в период «Немецко-французских ежегодников» и «Критики «Святого семейства».

* * *

В период своей деятельности в «Немецко-французских ежегодниках» Маркс окончательно разоблачает теорию идеально разумного государственного права. В этот период Маркс более обстоятельно, чем он это сделал в своих прежних статьях, вскрывает сущность идеально разумного государства.

«Идеальное государство,—говорит Маркс,— всюду предполагает разум осуществленным. Но всюду же оно впадает в противоречие между своим идеальным назначением и реальными данными». Теоретически «государство устраняет различие в происхождении сословий, образования, профессий, когда провозглашает без всякого внимания к этим различиям всякого члена народа равноправным участником народного суверенитета». Но это теоретическое равноправие народа является по существу фантастической иллюзией, ибо «государство позволяет частной собственности, образованию, профессии действовать на свой лад и проявлять свою особую сущность как частную собственность, образование, профессию».

Поэтому государство как нравственно разумный организм есть абстракция, отвлечение в политическую область человека вообще, с тем чтобы фан-

[1]) Там же, стр. 228.

тастически об'явить его там равноправным членом гражданского общества. В идеальном государстве конкретный, классовый, практически действующий человек выступает в фантастически отчуждаемой форме «родового существа» и следовательно «является мнимым членом воображаемого суверенитета». Маркс таким образом разоблачает идеалистические принципы идеально разумного государственного права и показывает, что идеальное государство— абстракция, результат абсолютизирования, отчуждения в политическую область «родовой жизни человека».

И здесь в этом пункте самостоятельный путь развития Маркса, его теоретическая и политическая критика имеют точки соприкосновения с фейербаховской критикой религии, ибо если Маркс, разоблачая идеальное государство, показал, что оно есть отчуждение реального человека в политическую область, превращение его в «мнимого члена воображаемого суверенитета», то Фейербах сделал то же самое по отношению к религии: он показал, что религия есть обожествление человека, «вынесенная во вне человека сущность самого человека» (Фейербах).

Поскольку фейербаховская критика религии помогла Марксу разоблачить принципы идеалистической теории разумного государственного права, постольку Маркс примыкал к философским взглядам Фейербаха и выступал его решительным защитником от нападок крикливой идеалистической критики со стороны младогегельянцев. «Всемирно историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII в., особенно во Франции, был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» [1]). Известно, что критическому суб'ективизму абсолютной критики Маркс неоднократно противопоставлял «великий подвиг» Фейербаха, заключающийся в доказательстве того, что эта философия Гегеля есть не что иное, как выраженная в мыслях и логически систематизированная религия, в утверждении истины материализма и в провозглашении «основным принципом теории общественное отношение человека к человеку». И тем не менее правоверным фейербахианцем материалист Маркс никогда не был, т. е. никогда не разделял ограниченности фейербаховского материализма.

В примечаниях к своей философской диссертации, относящихся к 40-м годам, Маркс высмеивает Гегеля за то, что он «перевернул все теологические доказательства» бытия бога, т. е. отверг их, чтобы оправдать их. И Маркс дает свою критику доказательств существования бога. Он показывает, что бог есть абстракция, фантастически извращенное представление о человеческих и природных особенностях той или иной страны. «Приходи,— говорит Маркс,—со своими богами в страну, где существуют другие боги, и тебе будут доказывать, что ты страдаешь фантазиями и абстракциями. И справедливо. Если бы кто-нибудь привел древним грекам иноземного бога, то нашел бы доказательства несуществования этого бога». Следовательно, «чем известная страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще — областью, где его существование прекращается» [2]).

Мы видим таким образом, что вопросы критики религии Маркс пытался разрешить для себя раньше и независимо от Фейербаха, будучи еще идеалистом, хотя Фейербах дал более глубокую и более теоретически содержательную критику религии с точки зрения материализма, чем это было сделано в кратких замечаниях молодого Маркса.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 6.
[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 105.

Во-вторых, и это главное, Маркс не мог быть правоверным фейербахианцем в смысле принятия и ограниченностей фейербаховского материализма потому, что путь его развития по своему теоретическому и социальному смыслу принципиально отличен от того пути, по которому развивалась теоретическая деятельность Фейербаха. Маркс с самого начала выступает как крайне левый гегельянец и революционный демократ и в процессе политической борьбы критически преодолевает гегелевскую диалектику, переходя тем самым на позиции пролетариата. Совершенно иначе развивается Фейербах. Он отбрасывает гегелевскую диалектику, ограничивается только теоретической критикой религии и потому застревает на позициях радикального буржуазного демократизма, не может выйти за пределы предшествующего ему немецко-буржуазного просвещения. Так же, как все наиболее крупные немецкие просветители, Фейербах ограничивался только теоретической половинчатой критикой религии: с одной стороны, он разоблачал, отрицал мистическое божество, а с другой стороны, обожествлял человека, утверждая, что «человек есть бог человека».

И именно потому, что путь развития Маркса был отличен от пути развития Фейербаха, первый никогда не разделял и не мог разделять этой двойственной фейербаховской критики религии. Еще в 1842 г., будучи редактором «Рейнской газеты», Маркс разоблачал абстрактную, только теоретическую критику религии. Весь смысл теоретической деятельности молодого Маркса направлен против основного порока в фейербаховской критике религии, суть которого заключается в непонимании того, что корни религии могут быть уничтожены не теоретической критикой, а революционно-практическим переворотом в социально-экономических условиях общественной жизни.

Вот почему Маркс в письме к Руге, относящемся к марту 1842 г., положительно отзываясь о книге Фейербаха «Сущность христианства», оговаривает в то же время свое несогласие со способом ее изложения. «Я непременно должен буду говорить о сущности религии,— пишет Маркс,— причем я вступлю с Фейербахом в коллизию, касающуюся не принципа, но его изложения» [1]). Иначе говоря, Маркс соглашается с основным материалистическим принципом, сформулированным Фейербахом, но одновременно он не согласен с характером аргументации Фейербаха, с тем способом доказательств, которым обосновывал Фейербах материалистический принцип своей философии. Несомненно, что Маркс имеет здесь в виду пассивно-созерцательный характер фейербаховского материализма, ибо Маркс высказался об этом совершенно определенно в связи с появлением тезисов Фейербаха «К реформе философии». «Афоризмы Фейербаха,— пишет Маркс,— страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Между тем это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать идейной» [2]).

Таким образом мы можем сказать, что Маркс, разделяя основной принцип фейербаховского материализма — природа независима и абсолютна в своем существовании,— в то же время не был согласен с отвлеченностью, пассивной созерцательностью материализма Фейербаха. Материализм Фейербаха с его культом отвлеченного человека не выходил за пределы типично немецкого, двойственного буржуазного мировоззрения и следовательно не мог быть теоретическим знаменем борьбы оформляющегося пролетариата, интересы которого выражал молодой Маркс. В противоположность фейербаховской двойственной и только теоретической критике религии Маркс в са-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 522.
[2]) Там же, стр. 532.

мом начале своей деятельности выступает за идейно-действенную философию и на практике политической борьбы совершенно самостоятельно убеждается, что идеально разумное государство есть абстракция и следовательно не может быть причиной, движущей силой общественного развития.

Мы показали уже, как в процессе политической борьбы Маркс оружием своей критики разоблачил эксплоататорский характер прусского государства, сорвал с него либеральное облачение, освещенное гегелевской теорией государственного права, украшенное узорами разума, свободы, нравственности и морали, и в результате «пышный плащ либерализма спал и отвратительный деспотизм стал во всей наготе перед глазами всего мира». Задача состоит теперь в том, чтобы дать действительную критику этого деспотизма, и теперь эту критику Маркс ведет уже не с позиции разума и свободы, не с позиции теории идеально разумного государственного права.

Маркс меняет теоретическое оружие своей критики. Если раньше Маркс базировал свою критику на теоретическом основании идеально разумного государственного права, то теперь, особенно после опыта защиты интересов бедноты, он настаивает на необходимости «связать нашу критику с критикой политики, с интересами определенной политической партии, а стало быть связать и отождествить критику с действительной борьбой» [1]. Маркс совершенно отчетливо понимает теперь, что, только опираясь на «интересы определенной политической партии в процессе беспощадной критики старого мира», можно «найти новый мир», можно «сформулировать миру действительный лозунг борьбы», можно «показать миру, за что, собственно, он борется».

Но в чем же содержание и смысл борьбы нового мира? Маркс на тогдашнем своем языке формулирует смысл этой борьбы таким образом: «Эмансипация от купли, продажи и денег — в этом должна состоять эмансипация нашего времени», ибо все противоречия современного общества могут найти свое разрешение лишь в организации общества, которое уничтожило бы предпосылки купли и продажи. Эту эмансипацию общества от купли, продажи и денег Маркс называет общечеловеческой эмансипацией, и он противопоставляет ее политической, только частичной эмансипации, при которой мир «не был освобожден от собственности», а наоборот, «получил свободу собственности». И Маркс доказывает, что нужно бороться за общечеловеческую эмансипацию, за организацию общества без купли и продажи, т. е. по существу бороться за социализм. Так раз'ясняет Маркс миру действительный лозунг борьбы.

Но было бы неправильно думать, что Маркс периода «Немецко-французских ежегодников» ограничился только такой общей постановкой вопроса необходимости борьбы за социализм, по его тогдашней терминологии — за «общечеловеческую эмансипацию». Нет, Маркс диференцированно определяет задачи развития различных стран в зависимости от того, на каком этапе истории они находятся. Он учитывает сложившуюся обстановку крепостнической Германии и обстановку тогда передовых капиталистических стран и намечает конкретные перспективы их дальнейшего развития.

«В Германии,—говорит Маркс,—...начинают теперь с того, чем кончают во Франции и Англии. Старая ветошь, против которой теоретически восстали эти страны и которую они еще терпят так, как терпят цепи, приветствуется в Германии как восходящая заря прекрасного будущего. В то время как во Франции и Англии эта проблема гласит: «политическая экономия или господство общества над богатством»,— в Германии она гласит: «национальная экономия или господство частной собственности над национальностью» [2].

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 366.
[2]) Там же, стр. 403.

Следовательно «отрицание нашей (немецкой.—*Л.* и *Н.*) политической современности является уже покрытым пылью фактом в исторической кладовой новых народов», «борьба против немецкой политической современности есть борьба с прошлым современных народов» [1]).

Но все же, несмотря на это, в условиях немецкой общественной жизни Маркс выделяет один вопрос (гегелевскую философию права и государства), критическое разоблачение которого являлось в то же время критическим разоблачением государственных порядков в передовых капиталистических странах. Почему? Потому, отвечает Маркс, что «немецкая философия права и государства» есть «идеальное продолжение немецкой истории» и является «философским отражением» общественной жизни «современных передовых народов». Поэтому критика гегелевской философии права являлась для Маркса не только критикой немецких крепостнических порядков, но также и критикой развитого уже в то время английского и французского капитализма.

Критику гегелевской философии права, являющейся наиболее совершенной государственной теорией капитализма, Маркс проводит уже в основном с позиции пролетариата как пролетарский революционер, и поэтому он теперь значительно глубже понимает зависимость теоретической критики от практическо-революционной борьбы. Маркс пишет, что «решительный противник прежней формы немецкого политического сознания, критика спекулятивной философии права протекает не в себе самой, а в задачах, для разрешения которых имеется одно только средство — практика». «Оружие критики,— говорит он в другом месте,— не может конечно заменить критики оружия, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [2]).

Но Маркс периода «Немецко-французских ежегодников» не ограничивается абстрактным определением массы, на которую должно опираться «оружие критики». Нет. В тот период Маркс — убежденный пролетарский революционер, хотя тогда еще он не понимал подлинно по-марксистски законов общественного развития, в частности закона классовой борьбы. Когда Маркс говорит о массе, то он подразумевает под этим пролетариат. Следующие места из «Критики гегелевской «Философии права» подтверждают нашу мысль: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту наивную народную почву, совершится и эмансипация немцев в людей» [3]).

И пытаясь более конкретно выяснить пути эмансипации немцев и людей, Маркс ставит вопрос: «В чем же заключается положительная возможность немецкой эмансипации? Ответ: в образовании класса, связанного радикальными цепями, класса гражданского общества, который не представляет собой никакого класса гражданского общества; сословия, которое являет-собой разложение всех сословий; сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое особое право, ибо над ней совершается не какая-нибудь особая несправедливость, а несправедливость вообще; которая уже не может ссылаться на историческое, а еще лишь на человеческое право; которая находится не в какомнибудь одностороннем противоречии с результатами немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с основами этого строя, наконец, сфера, которая не может себя эмансипировать, не эмансипировав

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 400 и 402.
[2]) Там же, стр. 406.
[3]) Там же, стр. 412.

себя от всех других сфер общества и вместе с тем все другие сферы общества; которая, одним словом, представляет полную потерю человека и следовательно может себя обрести лишь полным новым возрождением человека. Это разложившееся общество как особый класс есть пролетариат»[1].

В «Критике» гегелевской «Философии права» Маркс недвусмысленно апеллирует к пролетариату, становится на его позицию. В «Критике» следовательно в общем оформляется переход Маркса с позиций революционного демократа на позиции пролетарского революционера, здесь оформляется также процесс критического отрицания, преодоления гегелевской диалектики, процесс возникновения диалектического материализма.

Прочно утвердившись на позициях пролетариата, Маркс дает неизмеримо более глубокую, чем это сделал Фейербах, критику гегелевского идеализма. Особенность гегелевского идеализма заключается в том, что он в качестве истинной действительности утверждал идею как всеопределяющую сущность, которая в своем выступательном движении проявляется в природе и истории. «Действительность провозглашается (Гегелем.—*Л.* и *Н.*) не такой, как она есть, а как другая действительность. Обыкновенная эмпирия повинуется законам не своего собственного духа, а чужого... Действительное отношение семьи и гражданского общества к государству понимается, как внутренняя, воображаемая деятельность идеи... ставится на голову. Действительные суб'екты, гражданское общество, семья... становятся здесь недействительными, означающими нечто другое, — об'ективными моментами идеи»[2].

Если материализм, опираясь на данные науки, утверждает, что всякая идея есть продукт деятельности человеческого мозга и, как таковая, будучи обусловлена движением материи, является в то же время отражением материального мира, то у Гегеля получается наоборот: все формы материальной действительности являются отражением идеи; «у Гегеля условие делается обусловленным, определяющее — определяемым, производящее — продуктом своего продукта»[3]. Это превращение производящего—в продукт своего продукта удается Гегелю только потому, что он обыкновенно человеческую мысль отрывает от ее источника — человеческого мозга, выносит ее за пределы природы и там об'являет ее самостоятельной, мистически развивающейся сущностью всех форм материальной действительности. Все богатство и разнообразие форм материального мира растворяется таким образом в чисто логическом движении абсолютной идеи. Маркс говорит, что «вся мистика философии права и гегелевской философии вообще состоит в том, что «действительность» у Гегеля становится феноменом, но и идея не имеет никакого другого содержания, кроме этого феномена. Идея не имеет также никакой другой цели, кроме логической: «быть для себя бесконечным действительным духом»[4].

Но если логическое движение идеи утверждается как истинная действительность, если действительный, материальный предмет познания растворяется в абстрактном движении логических категорий, то совершенно естественно, что вместо действительного познания специфических законов материального мира мы имеем у Гегеля только видимость познания, догматическое скольжение по поверхности предмета. Смысл познания состоит, по Гегелю, в том, «чтобы в каждом элементе, будь то элемент государства, будь то элемент природы, снова найти «чистую идею», «логическую идею», действительные же суб'екты, как например здесь «политическое устройство», стано-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 411.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. 3-я, стр. 145.
[3]) Там же, стр. 146.
[4]) Там же, стр. 147.

вятся простыми названиями идеи, и мы в результате имеем только видимость действительного познания. Эти суб'екты суть и остаются непонятными, непостигнутыми в их специфической особенности определениями» [1]). При рассмотрении реальных предметов действительности Гегеля интересует не специфическая материальная жизнь этих предметов, их качества и свойства, их конкретное содержание и их отношения, их бесконечно многообразные связи с материальной действительностью—все это испаряется у Гегеля как неистинное, несущественное, ибо истинной действительностью является у него абстрактное самостоятельное движение логических категорий. «Философская работа Гегеля, — пишет Маркс, — направлена не на то, чтобы наполнить абстрактное мышление конкретным содержанием политических определений, а на то, чтобы испарить содержание существующих политических определений и превратить их в абстрактные мысли. Не логика дела, а дело логики является философским моментом. Не логика служит для оправдания государства, а государство для оправдания логики» [2]). «Гегель дает в своей логике политическое тело, но он не дает нам логики политического тела» [3]).

В «Критике» гегелевской «Философии права» Маркс с исключительной ясностью и глубиной вскрывает перед нами тот факт, что Гегель, будучи идеалистом, не может понять действительного процесса исторического развития, обусловленного непримиримой борьбой противоположностей. Но Маркс не просто отбрасывает, как это сделал Фейербах, диалектику Гегеля, а критически вскрывает ее основной порок, заключающийся в том, что она теоретически обосновала «дело логики» и уродовала, насиловала при этом «логику дела». Маркс неоднократно отмечает как положительный момент у Гегеля принцип развития и одновременно показывает, что развитие, по Гегелю, совершается только в логической сфере, в абстрактной области чисто логических сущностей. Гегель гениален тем, что сформулировал закон борьбы противоположностей как основной источник развития, но эта борьба происходит у него в сфере чистой мысли, и потому противоположности могут примиряться, взаимопропитываться, взаимопроникать друг в друга до абсолютного тождества. Эта система примирения противоположностей выступает у Гегеля наиболее ясно и отчетливо в его «Философии права», ибо здесь он открыто пытается остановить действительный процесс исторического развития.

В своей «Философии государственного права» Гегель пытается явным схоластическим путем примирить, опосредствовать монархическую власть и гражданское общество. «Если,— говорит Маркс,— князь связывается с гражданским обществом при посредстве христа этого гражданского общества — правительственной власти, то гражданское общество связывается с князем при посредстве своих жрецов — сословий». «Перед нами таким образом воинственно настроенная компания, которая еще слишком боится синяков, чтобы действительно вступать в драку между собой». «Эта система опосредствования принимает, однако, такую форму, что тот же человек, который хочет побить своего противника, вынужден, с другой стороны, охранять его от ударов других противников и благодаря этому двойственному положению не может выполнить ни одного из своих намерений» [4]).

Эту систему опосредствования Маркс неоднократно называет теоретическим прислужничеством Гегеля перед интересами немецкой буржуазии. И если Гегель, выражая интересы буржуазии, вынужден был извращать дей-

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. 3-я, стр. 149.
[2]) Там же, стр. 153.
[3]) Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. I, стр. 569.
[4]) Там же, стр. 608 и 610.

ствительность, примирять противоположности, пытаясь тем самым остановить ход истории, то Маркс, отражая интересы восходящего класса, может правильно отражать действительную борьбу противоположностей и тем самым обосновать бесконечный процесс исторического развития. Действительные крайности не могут быть опосредствованы, говорит он, именно потому, что они являются действительными крайностями, но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг другу и потому воодушевляются «к решительной взаимной борьбе». В противоположность гегелевскому примирению противоположностей Маркс утверждает борьбу противоположностей как источник действительного развития.

Таким образом Маркс в «Критике «Философии права» Гегеля выступает уже как убежденный пролетарский революционер. Укрепляясь на позициях становящегося диалектического материализма, он отвергает мысль Гегеля, будто бы идеальное государство определяет собой формы общественной жизни, разоблачает гегелевское примирение противоположностей и формулирует основной закон материалистической диалектики — единство противоположностей.

Но Маркс дает здесь только общетеоретическую формулировку этого закона. Здесь он еще не показывает закона единства противоположностей как материального закона развития действительности, проявляющегося во всем конкретном многообразии исторической жизни. Маркс сделает это позже в «Критике «Святого семейства» и особенно в «Немецкой идеологии».

Программный документ марксизма

(О марксовой «Критике Готской программы»)

О. Штейн

«Критика Готской программы» Маркса, вышедшая из печати в издании Ин-та Маркса—Энгельса—Ленина к 50-летию со дня смерти Маркса, представляет по богатству и насыщенности теоретических положений и принципов исключительно важный программный документ в общей сокровищнице марксизма. Эта работа имеет для нас особенно актуальное значение в данный момент, на рубеже первой и второй пятилетки, пятилетки построения бесклассового социалистического общества. Принципиальные установки марксовой «Критики Готской программы», на которые целиком и полностью опирается наша партия, были блестяще развиты Лениным в его гениальном труде «Государство и революция». Свое дальнейшее развитие, обогащение и конкретизацию они получили в решениях партии и в работах т. Сталина, в условиях развернутого социалистического строительства по всему фронту, применительно к условиям классовой борьбы в период конца капиталистической стабилизации, в период перехода к новому туру революций и войн.

Коренные принципы марксизма, изложенные в этом документе и развитые дальше в ленинизме, находят свое конкретное воплощение в практических директивах партии и правительства и являются руководством для действия миллионных пролетарских и трудящихся масс нашей страны в борьбе за качественные и количественные показатели программы первого года второй пятилетки построения социализма.

Ленин подчеркивал огромное теоретическое значение «Критики Готской программы» для всего международного коммунистического движения. В этой работе, говорит Ленин, Маркс «подвел итог всему его революционному учению». Действительно, в «Критике Готской программы» намечена революционная программа мирового пролетариата для всего переходного периода от капитализма к социализму. С особенной силой сформулирован в этой работе основной тезис марксизма: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Понятно, что этот основной тезис марксизма не может не приводить в ужас и бешенство буржуазию и ее сторожевых псов — социал-фашистов.

«Угнетающие классы, — писал Ленин в 1917 г., — при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их

учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу» [1]).

Социал-фашист Каутский, этот приживальщик буржуазии, является одним из маститых мастеров именно такой обработки революционного учения пролетариата в целях обмана трудящихся и приспособления марксизма путем его обезвреживания к потребностям и задачам господства буржуазии.

Каутский, вытравляя из учения Маркса — Энгельса его революционное содержание, интерпретирует коренной тезис марксизма о диктатуре пролетариата в переходный период в изуродованном до неузнаваемости виде. «Чисто буржуазная власть в демократическом государстве, — писал Каутский в 1918 г., — отделена от чисто пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство, как общее правило, имеет форму коалиционного правительства» [2]).

Каутский ужом вертится, пытаясь доказать, что «благодаря демократии становится возможной мирная форма (пролетарской) революции, без кровопролития, без насилия» [3]).

В своих последних контрреволюционных выступлениях против советской власти («Демократия и диктатура», «Der Kampf» № 2 за 1933 г.) Каутский повторяет истасканные социал-фашистские фразы о демократии: «Я утверждаю, что не только никакой социализм невозможен без демократии, но и что нет никакого другого пути к социализму, кроме пути демократии» (стр. 45). «Диктатура вообще не является для нас путем к социализму, только демократия является таковым» (стр. 48).

Марксовой теории насильственного революционного свержения буржуазии, учению о необходимости разрушения буржуазного государства и создания диктатуры пролетариата Каутский противопоставляет социал-фашистскую «теорию» классового сотрудничества с буржуазией, теорию надклассовой демократии и мирного врастания капитализма в социализм. При этом у Каутского пресмыкательство перед буржуазией, преклонение перед государством класса капиталистов и помещиков сочетается с остервенелым призывом к кровавому походу против пролетарского государства, с призывом к прямой интервенции и к организации белогвардейских кулацких восстаний внутри СССР.

«Социалистический (!) рабочий (!) интернационал (!), — пишет Каутский, — не имеет ни малейшего основания и никакого права заранее заклеймить как реакционное начинание всякое восстание в русском народе против существующей диктатуры...» (стр. 56). «В Москве сидит враг... противоположность между Москвой и Социалистическим рабочим интернационалом... глубоко заложена в природе вещей и столь же неустранима, как и противоположность между диктатурой и демократией. Не крах диктатуры в России, но продолжение ее существования означает наиболее тяж-

---

[1]) Ленин, Государство и революция, Избр. произведения, т. IV, стр. 5.
[2]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 135.
[3]) Там же.

кую угрозу и наибольший вред для пролетарской освободительной борьбы нашего времени» (стр. 57).

Этот контрреволюционный призыв к свержению советской власти целиком уживается у Каутского с приспособлением к фашистскому режиму Гитлера, с полным отказом от массовых выступлений и какой бы то ни было борьбы против диктатуры фашизма (К. Каутский, «Что делать?», Бюллетень II интернационала — «Интернациональ информацион», «Правда» от 24/III 1933 г.).

Совершенно очевидно, что под маской демократии и прикрытием «марксизма» выступает заклятый классовый враг пролетариата и верный оруженосец фашистской диктатуры.

Ренегат Каутский, нынешний отец социал-фашизма, не зная меры лжи и клеветы на марксизм, способен на утверждение, будто тезис Маркса о диктатуре пролетариата в «Критике» является случайно оброненным «словечком» [1]), нигде больше не встречающимся у Маркса. Не стоит заниматься специальным опровержением этой наглой лжи, ибо каждый шаг жизненного пути Маркса и Энгельса, все их произведения посвящены тому, чтобы способствовать рабочему классу в его борьбе за освобождение от наемного рабства, в борьбе за диктатуру пролетариата, за торжество коммунизма.

Достаточно сослаться на заявление самого Маркса, сделанное им в июле 1850 г. [2]) в письме к фельетонисту одной немецкой газеты по вопросу о диктатуре пролетариата, разбивающее вдребезги контрреволюционные измышления Каутского. Маркс в этом письме указывает, что, начиная с самых ранних произведений, он разрабатывал как главное и решающее в своем учении теорию о диктатуре пролетариата, что линия на «уничтожение классов через диктатуру пролетариата» дана не только в «Коммунистическом манифесте», но и в «Нищете философии» и что руководящей нитью в «Гражданской войне во Франции» является продолжение той же позиции, которую он занимает в остальных произведениях.

Уже в «Немецкой идеологии», этом замечательном совместном произведении Маркса и Энгельса, написанном в 1845 г., в зародыше дана идея диктатуры пролетариата.

«Революция необходима не только потому, — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество» (стр. 60). «Каждый, стремящийся к господству, класс, если даже его господство обуславливает, как у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, должен прежде всего завоевать себе политическую власть» (стр. 23). Лишь коммунистическая революция «в конце концов устранит политические учреждения» (стр. 359).

В «Коммунистическом манифесте», этом всемирно историческом документе, написанном 85 лет тому назад (на 27 лет раньше «Критики Готской программы»), дана с исчерпывающей точностью марксова теория государства как орудия в руках господствующего класса, учение о господстве пролетариата как единственном правильном пути к уничтожению классов и построению социалистического общества. «Политическая власть, в собственном смысле слова, это — организованная сила одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя

[1]) К. Каутский, Материалистическое понимание истории, 1931 г., стр. 468.
[2]) Маркс, Собр. соч., т. VIII, стр. 7—8, изд. 1931 г.

в господствующий класс и в качестве господствующего класса силою упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он упраздняет условия существования классовой противоположности, ликвидируя классы вообще, а тем самым и свое собственное господство, как класса» (разрядка моя. — *О. Ш.*).

Учение Маркса проникнуто глубоким историзмом. Одной из важнейших особенностей марксизма, отличающих его от всех ревизионистских, социал-фашистских и оппортунистических теорий, является последовательное проведение единства революционной теории и практики на основе «точки зрения жизни», практики.

Марксизму враждебны всякие попытки открывать готовые истины в «последней инстанции», «сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя».

Марксизм — это живое развивающееся учение, получающее свое дальнейшее обогащение в ходе исторического развития, в процессе классовой борьбы пролетариата и освободительного движения всех трудящихся и эксплоатируемых.

«Учение Маркса,—писал Ленин в «Государстве и революции»,—...есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории подытожение опыта»[1]).

В «Нищете философии» и «Коммунистическом манифесте» — в этих замечательных документах марксизма, вышедших накануне революции 1848 г., — уже изложены важнейшие идеи марксизма о государстве как органе классового господства и дано доказательство того тезиса, что пролетариат не может свергнуть буржуазию, не завоевав сначала политической власти, не превратив государство «в организованный как господствующий класс пролетариат».

Но исторический опыт не давал еще Марксу и Энгельсу тогда материала для развернутой постановки вопроса о «диктатуре пролетариата», о необходимости «слома» буржуазной государственной машины, не ограничиваясь простым захватом ее. В этих работах еще нет конкретного ответа на вопрос о том, какую политическую форму будет и должна иметь разбитая буржуазная государственная машина.

Опыт великих годов революции 1848—1851 гг. дает возможность Марксу и Энгельсу обогатить свое революционное учение новыми приобретениями.

Подводя итоги революции 1848 — 1851 гг., Маркс в «18 брюмера Луи Бонапарта» писал: «Все перевороты усовершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее». Маркс в этой работе формулирует конкретно и чрезвычайно точно тезис о необходимости «слома» буржуазного государства и «делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим манифестом» (Ленин).

В известном письме Маркса к Вейдемейеру от 5/III 1852 г. особенно рельефно сформулировано коренное отличие марксизма от всех буржуазных, ревизионистских и оппортунистических теорий о классовой борьбе и учений о государстве.

Маркс писал, что не ему принадлежит заслуга открытия существования классов и их борьбы между собою, а то, что им было сделано нового, состояло в доказательстве следующего: «1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре

[1]) Ленин, Избр. произведения, т. IV, стр. 21.

пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов».

Подытоживая опыт Парижской коммуны 1871 г., Маркс делает существенную поправку к «Коммунистическому манифесту», состоящую в том, что Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим собственным целям» [1]).

Маркс в письме к К. Кугельману от 12/III 1871 г., как раз во время Коммуны, писал, что попытка геройских парижских товарищей состоит не в передаче из одних рук в другие бюрократической военной машины, как бывало до сих пор, а в том, чтобы сломать ее.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс подверг тщательному анализу опыт Парижской коммуны. В этой работе он отвечает на вопрос о том, чем заменить разбитую буржуазную государственную машину, и показывает, какие конкретные формы принимает новое пролетарское государство.

«Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывает, что она была в высшей степени гибкой политической формулой, между тем как все прежние формы правительства были по существу своему угнетательскими.

Ее настоящей тайной было вот что: она была по сути дела *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда...»

В своих заметках 1874 г. на книгу Бакунина «Государство и анархия» Маркс писал: «... покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, так как насилие — средство для управления; если он сам еще остается классом и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т. е. существование классов, они должны быть устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен» [2]).

Приведенные высказывания Маркса и Энгельса целиком и полностью опрокидывают пошлую клевету социал-фашиста Каутского на марксову теорию пролетарской диктатуры и полностью подтверждают ленинское единственно правильное понимание марксизма как революционной теории пролетариата.

И наконец в «Критике Готской программы» Маркс «подводит величественный итог всему его революционному учению» о диктатуре пролетариата, как мы указывали раньше.

Маркс в «Критике Готской программы» выдвигает круг неразрывно связанных между собой вопросов о политике и экономике переходного периода, подвергает научному анализу различие между низшей и высшей фазой коммунизма, дает конкретную программу действия для международного пролетариата, разрабатывая главное в марксизме — учение «о классовой диктатуре пролетариата» как необходимой ступени уничтожения классов и классовых различий. Маркс в «Критике Готской программы» дает обстоятельную критику мелкобуржуазных теорий равенства (уравниловки), подчеркивает значение борьбы за принцип общественной собственности, за осу-

[1]) Маркс, Гражданская война во Франции, стр. 46, Соцэкгиз, 1931 г.
[2]) «Государственность и анархия», Летописи марксизма, кн. II, стр. 93.

ществление при социализме учета и контроля над мерой труда и мерой потребления и т. д. и т. п.

Ясно, что представители всех враждебных марксизму ревизионистских и оппортунистических течений не могли не встретить в штыки этот замечательный революционный программный документ марксизма. Эти буржуазные течения в социализме не могли не извратить и не исказить в угоду буржуазии основного в «Критике Готской программы» — учения о диктатуре пролетариата, ибо только диктатура пролетариата несет смерть буржуазии и ее господству. Несмотря на гнусную оппортунистическую подделку этого документа Каутским и другими вождями германской социал-демократии, учение Маркса восторжествовало. Здесь больше всего подтверждаются слова Ленина о том, что «учение Маркса должно было с бою брать каждый шаг жизненного пути». За это учение ленинизм ведет борьбу со II интернационалом с самого начала своего идейного выступления на историческую арену, именно — с 1894 г., с первого литературного выступления Ленина против народничества, международного струвизма.

* * *

Весьма поучительным является ознакомление с той бешеной борьбой, которая развертывалась вокруг «Критики Готской программы» в рядах германской социал-демократической партии, с борьбой, которую приходилось выдерживать и непосредственно вести Марксу и Энгельсу в деле отстаивания основных принципов своего учения от опошления, искажения и фальсификации.

В конце 60-х и начале 70-х годов Марксу пришлось резко выступать против «лассальянских качаний вправо в Германии». К 1863 г. относится основание лассальянского «Всеобщего германского рабочего союза», возглавляемого до 1864 г. Лассалем, а затем фон-Швейцером, Газенклевером и др. Лассальянцы выпускали свою газету «Neuer Sozial Demokrat», которую в 1871 г. редактировал Гассельман. В противовес организованному лассальянскому союзу на общегерманском рабочем конгрессе в Эйзенахе в 1869 г. была создана социал-демократическая рабочая партия, руководимая Либкнехтом и Бебелем. Центральным органом эйзенахцев являлся «Volksstaat», редактировавшийся с 1869 г. Либкнехтом и его помощником Гепнером.

Одним из коренных политических расхождений между обеими партиями, вокруг которого развертывалась обостренная борьба, был вопрос относительно об'единения Германии. Он являлся решающим, «фундаментальным вопросом» классовой борьбы тогдашней Германии, коренным вопросом революции 1848 г., которая однако не разрешила этой общенациональной проблемы. В то время как Маркс и находящаяся под его идейным влиянием партия эйзенахцев вели борьбу за об'единение «снизу», за «плебейский» путь развития Германии к национальному единству через буржуазно-демократическую революцию, перерастающую в социалистическую, — лассальянцы, наоборот, вели политику, на деле способствующую «прусскому пути» об'единения Германии. Лассаль прямо играл наруку прусскому военно-бюрократическому, помещичьему правительству, вступив в переговоры с Бисмарком еще до основания «Всеобщего германского союза». Лассаль продался Бисмарку за чечевичную похлебку, за обещание Бисмарка дать всеобщее избирательное право. За эту измену рабочему движению Маркс пригвоздил Лассаля к позорному столбу истории и наложил на него клеймо «королевско-прусского социалиста».

Историческое развитие Германии сложилось таким образом, что ее об'единение совершилось «сверху», а не революционным «плебейским» пу-

тем. Немецкая буржуазия после 1848 г. бесповоротно бросается навсегда в об'ятия реакции, примиряется с ней, и внутри контрреволюционного помещичье-буржуазного блока первенствующая роль переходит к прусскому юнкерству. Выдвинувшийся из среды прусского юнкерства «железный» канцлер Бисмарк политикой «крови и железа» начал осуществлять национальное единство «сверху», которое было завершено рядом кровавых войн 1864, 1866, 1870—71 гг.

Маркс и Энгельс и под их непосредственным влиянием Либкнехт и Бебель до самой последней возможности вели борьбу за революционный путь об'единения Германии против бисмарковского пути, полагая, что существует еще почва для организации народной революции снизу. То обстоятельство, что победителем оказался в конце концов Бисмарк, нисколько не оправдывает холопства лассальянцев перед ним.

Эта борьба эйзенахцев — революционной с.-д. партии германского пролетариата — с реформистским лассальянским течением в рабочем движении вокруг вопроса о единстве Германии представляет яркую страницу подлинной революционной борьбы в истории германского рабочего движения. Сотни тысяч немецких пролетариев учатся и будут учиться на ней революционной стратегии и тактике и тому, как надо бороться с оппортунизмом.

Поскольку после 1871 г. отпало одно из важнейших политических расхождений между лассальянцами и эйзенахцами, всплыл вопрос об об'единении обеих партий. Маркс и Энгельс не были принципиальными противниками осуществления единого фронта, но они настаивали на проведении принципиальной революционной тактики и жестоко обрушились на оппортунистические тенденции в рядах эйзенахцев, стремившихся во что бы то ни стало, какой угодно ценой об'единиться с лассальянцами в ущерб кровным интересам партии, за счет отказа от основных революционных принципов марксизма. Особенно остро развернулась борьба в рядах эйзенахцев вокруг вопроса об отношении к лассальянцам в 1872—73 гг. Как раз начиная с 1871 г. руководящим влиянием в ЦК германской с.-д. рабочей партии пользовался бывший лассальянец Иорк, проводивший примиренческую линию по отношению к лассальянцам. Либкнехт и Бебель отбывали в это время двадцатидвухмесячное тюремное заключение в крепости. Гепнер, тогдашний редактор «Volksstaat», находившийся под влиянием Маркса, использовал центральный орган партии в борьбе с лассальянским засильем. В письме к Энгельсу он писал: «Иорк такой ограниченный лассальянец, что ненавидит все непохожее на «Neuer Sozial Demokrat»... Либкнехт со своим добродушием... не менее виноват в том, что Иорк так много забрал в руки» [1].

После ареста и высылки Гепнера Иорк попытался завладеть «Volksstaat», предлагая редакции не обострять полемики с «Neuer Sozial Demokrat». Попытки оппортунистического руководства к сговору с вождями лассальянцев увенчались успехом, ибо майский с'езд с.-д. партии в 1872 г. поручил ЦК партии предпринять попытку принципиального соглашения с «Всеобщим германским рабочим союзом» и предписал редакции «Volksstaat» немедленно прекратить всякую полемику против «Всеобщего германского рабочего союза» и его вождей.

Все эти обстоятельства вынуждали Маркса и Энгельса к решительным действиям. Энгельс в письме к Бебелю указывает, что события последнего времени заставляют «нас опасаться, что партийное руководство, к несчастью насквозь лассальянское, воспользуется вашим заключением для того, чтобы превратить «Volksstaat» в нечто вроде «честного» «Neuer

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 72, прим. к письму от 20/VI 1873 г.

Sozial Demokrat» [1]). Энгельс предупреждает Бебеля, чтобы он не позволил «сбивать себя с толку криками об об'единении», и требует решительной борьбы против примиренческой позиции гнилых элементов внутри эйзенахцев, проведения курса на изоляцию лассальянских вождей от масс.

Вожди эйзенахцев вопреки указаниям Маркса и Энгельса пошли на сговор с лассальянцами и состряпали проект об'единения, не известив об этом Маркса и Энгельса, поставив их таким образом перед совершившимся фактом. Как только Энгельс узнал об указанном «проекте», он тотчас же с присущей ему прямолинейностью резко осудил проект программы как никуда не годный хлам и предостерег эйзенахцев, «что в случае если она будет принята, Маркс и я ни за что не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте новой партии» [2]). Энгельс прямо заявил по адресу Либкнехта, который преднамеренно не поставил Маркса в известность о выработке проекта программы, что «дело приняло слишком уже скверный оборот, и мы решительно отказываемся итти вместе с ним по такому пути» [3]).

Перед Готским об'единительным с'ездом Маркс через Бракке посылает вождям немецкой с.-д. партии — Бебелю, Либкнехту, Ауэру и Гейбу — сделанные им «заметки на полях об'единительной программы» (документ, вошедший в историю под названием «Критики Готской программы»), предпослав им сопроводительное письмо, в котором в последний раз еще предупреждает, что если проект будет принят, они вынуждены будут пойти на разрыв: «Энгельс и я опубликуем после об'единительного с'езда... что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего...» [4]).

Несмотря на все меры воздействия и давления, оказанные Марксом и Энгельсом на вождей эйзенахцев в отношении выпрямления их оппортунистических шатаний в сторону беспринципной сделки с лассальянцами и предотвращения «капитуляции всего немецкого социалистического пролетариата перед лассальянцами» [5]), история внутрипартийного развития с.-д. Германии привела, чего так опасался Маркс, к компромиссу между двумя партиями на гнилой основе, на унизительных для эйзенахцев условиях. Состоявшийся 22—27 мая 1875 г. Готский об'единительный с'езд без каких бы то ни было существенных поправок принял эклектический «проект» программы, и вдобавок еще в состав правления новой партии вошло трое лассальянцев при двух представителях от эйзенахцев.

Несомненно, что главная вина в этом позорном падении германской с.-д. падает на Либкнехта, который положил под сукно марксову «Критику», не показывая ее даже Бебелю, и сознательно вел линию на соглашение во что бы то ни стало. Энгельс в письме к Бракке подчеркивает этот момент: «Мы вполне разделяем ваше мнение, что Либкнехт своим страстным желанием добиться об'единения, заплатить за него любой ценой, испортил все дело» [6]).

Но почему Маркс и Энгельс, несмотря на неоднократные обещания, все-таки отказались от своих первоначальных намерений открыто, публично выступить против Готской программы? Энгельс отвечает на этот вопрос: «Вся программа в целом в высшей степени неряшлива, сбивчива, бессвязна, нелогична и позорна», но «...безмозглые буржуазные писаки при-

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (IV), Письмо Энгельса Бебелю от 20/VI 1873 г., стр. 68.
[2]) Там же, от 28/III 1875 г., стр. 84.
[3]) Там же, стр. 86.
[4]) Там же, Письмо Маркса Бракке от 5/V 1875 г., стр. 88.
[5]) Там же, Письмо Энгельса Бебелю от 18/III 1875 г.
[6]) Там же, Письмо Энгельса Бракке от 11/XI 1875 г., стр. 89.

няли эту программу всерьез, вычитали из нее то, чего в ней нет, и истолковали ее в коммунистическом смысле. Рабочие поступают, повидимому, так же. Только это обстоятельство позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы. Покуда наши противники, а равно и рабочие, вкладывают в эту программу наши взгляды, мы имеем право о ней молчать» [1]).

После об'единения обеих партий Энгельс и Маркс, опираясь на революционное пролетарское ядро партии, продолжали борьбу за чистоту принципиальных положений программы с.-д. партии и развивали в рядах бывших эйзенахцев свою прежнюю линию на изоляцию вождей лассальянства и оппортунистической гнили. В новой обстановке и изменившихся условиях они ориентируют революционные элементы с.-д. на раскол: «об'единение носит в себе зародыш раскола, и я рад буду, если отпадут только неизлечимые фанатики, а не все их приверженцы,—писал Маркс,—...это будет зависеть от времени и обстоятельств, при которых произойдет это неизбежное событие» [2]).

Таким образом в Готский период развития германской с.-д. Маркс и Энгельс, не возражая принципиально против единого фронта с лассальянцами, выступали категорически против того единства, которое практически было осуществлено вождями эйзенахцев в Готе. Они считали такое единство «опрометчивым», пагубным и позорным для германской с.-д. Они боролись против сговора с вождями лассальянцев, против единства сверху за счет отказа от решающих принципов марксизма. Маркс и Энгельс стояли за единство снизу, с рабочей массой лассальянцев, на основе проведения развернутой борьбы против общего врага — помещичье-буржуазной диктатуры — и требовали решительной критики мелкобуржуазных теорий и практики вождей лассальянцев и примиренческих тенденций в рядах эйзенахцев. Маркс и Энгельс были убеждены, что только правильное применение единого фронта снизу дало бы ощутительные результаты и лассальянцы «сами пришли бы через полгода, но пришли бы, как дезорганизованная банда, без своих обанкротившихся вождей» [3]).

Сейчас, когда перед компартиями на Западе и каждым коммунистом в отдельности стоит остро вопрос об умении правильно, по-большевистски применять тактику единого фронта, т. е. вопрос о совместных действиях коммунистов и членов революционных профсоюзов с рабочими, принадлежащими к с.-д. партии, с рабочими реформистских союзов и неорганизованными рабочими против капитала, — весьма важным и ценным является изучение марксовой тактической линии в Готский период, представляющей яркий образец того, как надо проводить тактику единого фронта.

Весьма поучительным является сравнение марксовой тактики борьбы с оппортунизмом в Готский период за принципиально выдержанную революционную программу германской с.-д. с тактической линией Энгельса по отношению к американскому рабочему движению. Касаясь англо-американского рабочего движения конца 80-х гг., Энгельс в письме к Вишневецкой [4]) дает указания, что пусть даже рабочая партия в Америке начнет складываться на не совсем чистой программе, рабочие сами потом поймут, в чем дело, и научатся на своих ошибках. «Мешать же, — пишет он, — безраз-

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. 1 (VI), Письмо Энгельса Бебелю от 12/X 1875 г., стр. 93.
[2]) Там же, Письмо Энгельса Бебелю от 11/X 1875 г., стр. 90.
[3]) Там же, Письмо Энгельса Бебелю от 10/V 1883 г., стр. 230.
[4]) Письма К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. Адоратского, Соцэкгиз, 1931 г., Энгельс—г-же Вишневецкой от 28/XII 1886 г.

лично, на какой платформе, — национальному скреплению рабочей партии я считал бы большой ошибкой».

Почему в одном случае Маркс, беспощадно воюя с оппортунизмом в германской с.-д., борется за принципиальную чистоту программы партии, а в другом случае, в отношении к американскому рабочему движению, наоборот, считает ошибкой мешать созданию рабочей партии «безразлично на какой платформе»?

Характерно отметить, что русские ликвидаторы в эпоху реакции (Ларин и др.), полностью отрекшись от основных программных требований с.-д. партии, принятых еще на II с'езде партии, носились, как с писаной торбой, с идеей так называемого «рабочего с'езда» или «широкой рабочей партии». При этом они ссылались в доказательство «ортодоксальности» своей ликвидаторской линии на эти высказывания Энгельса конца 80-х годов по отношению к американскому рабочему движению.

Спрашивается, в чем состоял отход наших ликвидаторов от принципов марксизма и в чем действенный и творческий характер тактической линии Маркса и Энгельса в отношении к германскому и американскому рабочему движению? Измена марксизму со стороны ликвидаторов состоит в том, что они превратили марксизм в догму, в «окаменелую ортодоксию», а не в руководство для действия. В тактической же линии Маркса и Энгельса по отношению к американскому и немецкому рабочему движению мы имеем замечательный «образчик материалистической диалектики, умение выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий» [1]).

В тогдашней Германии, где царил «обшитый парламентскими формами военный деспотизм», где пролетариат давно уже был втянут в политическую жизнь и имелась с.-д. партия, особенно велика была опасность оппортунизма, распространения буржуазного влияния на пролетариат, опасность «филистерского примирения» и «парламентского идиотизма». Отсюда понятно, почему Маркс и Энгельс в Готский период и после особенно заострили борьбу за принципиально выдержанную программу и тактику, против лассальянского засилия в с.-д. партии, против лассальянских шатаний вправо вождей эйзенахцев — Либкнехта, Бебеля и др.

Для Америки же, где мы имели полное подчинение пролетариата буржуазной политике, сектантскую оторванность горсточки социалистов от пролетариата, отсутствие социал-демократической партии и т. д., Энгельс подчеркивал «важность самостоятельной рабочей партии хоть с плохой программой... потому, что речь идет о странах, где до тех пор ни намека не было ни на какую политическую самостоятельность рабочих, — где рабочие волочились и волочатся в политике больше всего за буржуазией» [2]).

Поэтому единственно правильными и соответствующими духу марксизма, а не его букве являлись конкретные практические указания Энгельса американским социалистам «слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух», чтобы «политически встряхнуть пролетариат» (Ленин).

Наши же ликвидаторы, исходя из «обрывков» марксизма, из «цитатного» марксизма, изменив марксизму, превратили его в безжизненное учение.

* * *

Лассальянство существовало как политическое течение в рабочем

[1]) Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 108, Партиздат, 1932 г.
[2]) Там же, стр. 111.

классе вплоть до Готского с'езда 1875 г., где произошло его слияние с эйзенахцами и образование единой с.-д. партии Германии. Но из этого ни в коем случае не следует, как это полагает Меринг [1]), что лассальянство навсегда в Готские дни было похоронено, добито и угасло.

Принятая в Готе программа состояла из «лассальянских фраз и словечек», из путанных требований к «современному государству», из общих положений, большей частью заимствованных из «Коммунистического манифеста» и устава Интернационала, но при этом фальсифицированных до неузнаваемости. Все это означало несомненно временную победу оппортунистических принципов в ущерб революционным принципам марксизма. «Нравственный интеллектуальный упадок германской с.-д. партии, — указывает Маркс, — ведет свое начало с момента об'единения». Именно с этого момента «в партии стали господствовать полузнайки и тон задавать бывшие рабочие, превратившиеся в литераторов». Однако Маркс не терял надежды, что под огнем беспощадной критики удастся преодолеть оппортунистические ошибки в партии, что «здоровая партия с течением времени отбросит лишний балласт» [2]) и партия в основном пойдет по революционному пути.

В течение всего периода господства исключительного закона (1878—1890 гг.) Маркс и Энгельс никогда не закрывали глаз на ошибки руководителей германской с.-д. Они систематически боролись с примиренчеством к оппортунизму со стороны Либкнехта и Бебеля и решительно выступали против «правого» крыла в партии, а также против анархистской «революционной» левой фразы.

Отметим здесь только наиболее важные этапы этой борьбы. В конце 70-х годов Маркс и Энгельс печатают свои полемические статьи против Дюринга, подвергая уничтожающей критике претенциозные и псевдонаучные выступления этого катедер-социалиста, преодолевая при этом сопротивление руководящих вождей партии, чинивших всяческие препятствия к опубликованию указанных статей Маркса. Бебель даже внес на партейтаге в Готе в 1877 г. предложение — прекратить печатание марксовых статей в «Vorwärts» как имеющих только узко научный, академический характер.

В связи с выходом на средства буржуазного филантропа Гехберга официального партийного теоретического журнала «Zukunft» Маркс отказывается в нем участвовать и подвергает решительной критике его программные установки: «Журнал «Zukunft» не удовлетворителен... Программа журнала самая жалкая... Его главное стремление... заменить материалистическое познание идеологическими фразами о «справедливости» [3]).

К этому же периоду относится выступление Маркса против анархиста Моста, который издавал в Лондоне журнал «Freiheit» и занимался болтовней об индивидуальном терроре, пропагандой анархистской бессмыслицы об упразднении государства с первого же дня пролетарской революции и т. д. Маркс ставит в вину Мосту «не то, что его «Freiheit» слишком революционен, а то, что в нем нет никакого революционного содержания, а есть только революционная фраза» [4]).

Когда в 1879 г. руководство германской с.-д. решило издавать нелегальный центральный орган в Швейцарии и это дело было передано в руки филантропа Гехберга и его катедер-социалистических друзей — Бернштейна, Шрамма и др., — Маркс и Энгельс категорически потребовали от

---

[1]) См. Меринг, т. IV, стр. 79.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI).
[3]) Там же. Письмо Маркса Бебелю от 4/VIII 1879 г., стр. 139.
[4]) Письмо Маркса Зорге от 19/IX 1879 г.

руководства германской с.-д. недопущения превращения боевого партийного органа в социал-филантропическое издание.

Появление так называемого «Манифеста цюрихской тройки» (Гехберг, Бернштейн и компания) заставляет Маркса и Энгельса перейти в решительное наступление, и в «циркулярном письме», адресованном вождям германской с.-д., они резко обрушиваются на партийное руководство за то, что в партии допускается открытое протаскивание буржуазных идей, враждебных всему духу и революционным традициям пролетарской партии. Основоположники марксизма в этом документе подчеркивают, что они не могут итти вместе «с людьми, которые открыто заявляют, что рабочие слишком необразованы для того, чтобы освободить себя, и должны быть освобождены сверху руками филантропических крупных и мелких буржуа» [1]), с людьми, которые открыто провозглашают, «что партия не намерена пойти по пути насильственной кровавой революции... что, напротив, она решила стать на путь законности и р е ф о р м» [2]).

Маркс и Энгельс в этом письме заявляют, что «если новый партийный орган примет направление этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию за границей. Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, значит партия попросту кастрирована... и в ней нет больше пролетарской энергии».

Маркс и Энгельс внимательно следили и за тактикой парламентской фракции германской с.-д., жестоко критиковали филистерство «образованных людей», которым партия исхлопотала парламентские кресла (выражение Энгельса) [3]). В связи с голосованием в рейхстаге некоторых депутатов за законопроект Бисмарка о принудительном труде Маркс предупреждает: «Если в самом деле некоторые из депутатов голосовали за закон Бисмарка, — следовательно, на его пинок в задницу ответили ему поцелуем в то же место, — и если фракция после этого не изгоняет этих людей, то, право, я буду вынужден публично отречься от партии, которая терпит подобные вещи» [4]).

Особенно резкое недовольство высказывает Маркс в отношении позиции Либкнехта, который вместо того, чтобы использовать трибуну рейхстага в революционных целях, нередко выступал с проповедью примирения к существующему строю. Вот образчик таких оппортунистических выступлений Либкнехта. «Мы будем, разумеется, соблюдать закон, — говорил Либкнехт в рейхстаге, — так как наша партия есть п а р т и я р е ф о р м в с т р о ж а й ш е м с м ы с л е с л о в а, а н е п а р т и я, с т р е м я щ а я с я к н а с и л ь с т в е н н о й р е в о л ю ц и и... Я к а т е г о р и ч е с к и о т р и ц а ю, что мы стремимся к н и з в е р ж е н и ю существующего государственного и общественного строя». «Мы протестуем против утверждения, что мы являемся партией переворота... с.-д. не есть партия переворота...» [5]).

Маркс квалифицировал это выступление как «кроткое», трусливое выступление, компрометирующее в глазах рабочих всего мира германскую революционную с.-д.

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 155.
[2]) Т а м ж е, стр. 151.
[3]) Т а м ж е, Энгельс — Бебелю, 6/VI 1884 г., стр. 257.
[4]) Т а м ж е, Энгельс—Бебелю, 10—11/V 1883 г., стр. 230.
[5]) Т а м ж е, стр. 401—402.

Бебель и в особенности Либкнехт никогда не были последовательными марксистами. Однако, несмотря на крупнейшие оппортунистические ошибки, они в основном под руководством Маркса и Энгельса проводили революционную линию. Германская с.-д. партия, пролетарская по своей основе, в период исключительного закона являлась оплотом революционной теории марксизма, образцом революционной деятельности для всех партий, успехами которой восторгались революционные с.-д. всего мира.

Ленин указывает, что «бешеная атака» Маркса против поднимавшего голову оппортунизма и оппортунистических шатаний Бебеля и особенно Либкнехта привела к тому, что «оппортунисты отступили и... стушевались... Гехберга из редакционной комиссии удалили, а от его идей о т р е к л и с ь все влиятельные вожаки партии — Бебель, Либкнехт, Бракке и т. д... Мир был восстановлен, и война не выплыла наружу. Гехберг отошел, а Бернштейн стал революционным с.-д... по крайней мере, до смерти Энгельса в 1895 г.» [1]).

* * *

Принципиальные разногласия с оппортунистами по спорным вопросам программного и тактического порядка тотчас же после отмены законов против социалистов в 1890 г. с новой силой всплыли наружу, давая начало своеобразному ренессансу лассальянства.

По предложению Либкнехта с'езд с.-д. партии в Галле первым после отмены исключительного закона о социалистах постановил подготовить к следующему партейтагу проект новой с.-д. программы. Предстоящий пересмотр партийной программы послужил поводом для открытого выступления Энгельса против «тузов» оппортунизма с требованием опубликовать марксову «Критику Готской программы» в «Neue Zeit». Энгельс п р и н у д и л Каутского напечатать «Критику Готской программы», пригрозив, что если последний не сделает этого, то он сам опубликует ее в венской «Arbeiter Zeitung».

Теперешний Каутский, этот престарелый вождь социал-интервентов, разразился статьей «Zur Geschichte des Marxschen Programmbriefes von 1875» (в майском номере «Die Gesellschaft» за 1932 г.), в которой он в бешеной злобе, со змеиным шипением извергает очередной поток самой грязной инсинуации и клеветы по адресу нашей партии и в частности дирекции ИМЭЛ в лице т. Адоратского за опубликование компрометирующих Каутского документов, припрятанных изменником партии Рязановым. Все это говорит о том, что «Критика Готской программы», выпущенная ИМЭЛ к 50-летнему юбилею Маркса, спустя 40 лет после того, как этот документ впервые увидел свет, и в данный момент играет роль такой же динамитной «бомбы», как об этом писал Энгельс в письме к Зорге от 17/I 1892 г.

Поэтому совершенно неслучайным является то обстоятельство, что Рязанов в своих верноподданнических чувствах к Каутским, Гильфердингам и компании не счел необходимым напечатать марксову «Критику Готской программы», демонстрируя тем самым свои блестящие способности фальсификатора и укрывателя документов Маркса.

Опубликование «Критики Готской программы» спустя пятнадцать лет после Готского с'езда 1875 г. произвело на оформившееся оппортунистическое правое крыло партии ошеломляющее впечатление. Центральный орган «Vorwärts» и правление партии, в том числе Бебель и Либкнехт, поторопились отмежеваться от «Критики Готской программы».

Руководящая верхушка партии резко осудила марксову оценку Лассаля и утверждала, что история внутрипартийного развития якобы дока-

[1]) Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 113.

зала неправоту Маркса. «Vorwärts» писал, что «социал-демократическая фракция рейхстага и правление партии ни в коем случае не дали бы своего согласия на опубликование «Критики Готской программы» Маркса» [1]). Каутский, сконфуженный протестом партийных «верхов», пытался реабилитировать себя и смягчить впечатление, произведенное марксовой «Критикой Готской программы». В «Neue Zeit» он публично отрекся от «Критики Готской программы» и всячески выпячивал «огромные» заслуги Лассаля перед рабочим движением. «Позиция, которую Маркс занял по отношению к Лассалю,—писал Каутский,—не совпадает с позицией германской социал-демократии, последняя относится к нему иначе, чем Маркс. Можем ли мы забыть человека, из произведений которого мы, все старые члены партии, а также огромное большинство более молодых впитали в себя начатки социалистического знания, первый восторг перед социализмом» [2]).

Вопрос об отношении Маркса к Лассалю после отмены режима исключительных законов приобрел чрезвычайно актуальное политическое значение во внутрипартийной борьбе в германской с.-д. Под флагом и прикрытием исторических заслуг Лассаля правооппортунистическое направление партии пыталось развенчать марксизм и сделать «образ Лассаля символом веры партии». Поэтому перед Энгельсом стала задача—определить историческую роль Лассаля, выяснить его истинную позицию по отношению к Марксу и покончить с легендой о Лассале.

Маркс еще раньше констатировал, что заслуга Лассаля состоит только в том, что он пробудил после пятнадцатилетней спячки рабочее движение в Германии, но не больше. Энгельс, возмущенный пресмыкательством Каутского перед Лассалем, в письме к Каутскому дает уничтожающую критику Лассаля: «Как бы высоко ни оценивать заслуги Лассаля по отношению к рабочему движению, его историческая роль в нем остается двоякая. Лассаля-социалиста по пятам сопровождает Лассаль-демагог. Сквозь агитатора и организатора Лассаля всюду проглядывает адвокат, ведущий Гартцфельдовский процесс... Будучи до 1862 г. на практике специфическим прусским вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями... он по причинам чисто личного характера внезапно переменил фронт и начал свою агитацию. И едва прошло два года, как он уже стал добиваться, чтобы рабочие встали на сторону короля против буржуазии, и завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он, на свое счастье, не был во-время застрелен» [3]).

Вот каким выглядит подлинно исторический образ Лассаля, имя которого оппортунисты пытались увековечить и поставить на пьедестал в качестве знамени пролетарской партии, образ которого пытались превратить в символ веры партии в противовес революционному марксизму.

* * *

На Эрфуртском партейтаге в 1891 г. была принята новая программа. Хотя из этой программы и были устранены лассальянские пережитки — «железный закон заработной платы», требование «учреждения социалистических производительных товариществ», определение «всех классов буржуазного общества по отношению к пролетариату как сплошной реакционной массы», — тем не менее и в новой программе содержались существенные

---

[1]) См. Маркс, Критика Готской программы, Партиздат, 1932 г., стр. 74, прим. 1-е.

[2]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 72. Письмо К. Каутскому от 23/II 1891 г.

[3]) Там же, стр. 72—73.

недостатки, отразившие чрезвычайно ярко настроения и взгляды оппортунистов, претендовавших на господство в рабочем движении в Германии.

Еще задолго до появления знаменитых «предпосылок социализма» Бернштейна, этого катехизиса ревизионизма, Энгельс уже по тем тенденциям, которые проявлялись в тогдашней германской с.-д., вскрыл и оценил по достоинству сущность оппортунизма.

Критикуя недостатки политической части Эрфуртской программы, где для тезисов о «диктатуре пролетариата» не нашлось места, Энгельс признал, что программа разделяет «миролюбивый оппортунизм газеты «Vorwärts» и мирно-спокойно-свободно-веселое «врастание» старого свинства в социалистическое общество» [1]).

Энгельс, своим историческим чутьем как бы предвидя наступление полосы «безраздельного господства оппортунизма» в рабочем движении на Западе, констатирует: «тот факт, что не осмелились выставить в Германии открыто республиканскую программу, показывает, насколько неуместно тешат себя иллюзиями, когда воображают, будто нам можно притти мирным путем не только к республике, но и к коммунистическому обществу... Это забвение основных соображений из-за минутных интересов дня, это принесение будущего движения в жертву настоящему... есть оппортунизм и остается оппортунизмом» [2]).

В то время когда Энгельс с особенной силой обрушивался на поднимавший голову оппортунизм в германской с.-д., Каутский считал необходимым в связи с принятием Эрфуртской программы успокоить филистеров. В специально составленных комментариях к программе он писал, что «нет никакой необходимости думать, чтобы революция была связана с насилием и пролитием крови... Ведь бывали в мировой истории случаи, когда господствующие классы проявляли особенную проницательность и особенную слабость и трусость и сдавались добровольно перед неизбежностью...» [3])

Из этого видно, что Каутский уже в лучший период своей деятельности, когда он так или иначе выступал против открытого оппортунизма, не поднимался до уровня последовательного революционного марксизма и в зародыше лелеял и вынашивал идеи центризма, под прикрытием которого оппортунисты впоследствии стали безраздельными хозяевами довоенного II интернационала.

Нам незачем замазывать тот факт, как высоко ценили основоположники марксизма Бебеля, «образцового вождя» германской с.-д. в доцентристский период, несмотря на все его колебания и шатания вправо — в сторону оппортунизма. Достаточно сослаться хотя бы на письма Энгельса к Бебелю, соратнику Маркса и Энгельса, по поводу неподтвердившихся слухов о его смерти. Смерть Бебеля, по мнению Энгельса, была бы величайшим несчастьем, которое могло бы постигнуть германскую партию. «Ты на двадцать лет моложе меня,—писал он Бебелю,—и после того, как мы рука об руку выдержим еще не одну жаркую битву, ты обязан оставаться под огнем и тогда, когда мое лицо застынет в последней гримасе» [4]). Или например в письме Бебелю от 10/V 1883 г. Энгельс говорит: «Бракке еще несколько лет тому назад мне писал: все-таки из всех нас один Бебель обладает подлинным парламентским тактом. Я не раз убеждался, что это так» [5]).

И Ленин в целом ряде своих выступлений еще задолго до империали-

---

[1]) Энгельс — Каутскому от 29/VI 1891 г. Письма Маркса и Энгельса, под ред. Адоратского.

[2]) Цит. по кн. Дункера, Программа германской с.-д. партии.

[3]) Каутский, Эрфуртская программа, изд. «Колокол», стр. 152—153.

[4]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), Энгельс—Бебелю от 23/IX 1882 г., стр. 206.

[5]) Там же, стр. 28.

стической войны, резко критикуя оппортунистические колебания и меньшевизм Каутского, в то же время в периоды, когда Каутский приближался к ленинскому пониманию характера русской революции, называет Каутского марксистом. «Мы все, циммервальдские левые, убеждены в том, в чем был убежден, например, и Каутский до своего поворота в 14-м году от марксизма к защите шовинизма, именно, что социалистическая революция вполне возможна в самом близком будущем, «с сегодня на завтра», как однажды выразился тот же Каутский» [1]). Можно привести целый ряд аналогичных оценок Ленина о бывшем марксисте Каутском.

Германская с.-д. партия в период последней трети прошлого века была революционной пролетарской партией и авангардом мирового рабочего движения, оплотом революционной теории Маркса; она считалась «образцом марксистской политики и тактики пролетариата» [2]). Однако мы в то же время ни на минуту не должны забывать, что это свое историческое место в прошлом она смогла завоевать лишь в результате той беспощадной систематической, упорной войны, которую Маркс и Энгельс вели с оппортунизмом в германской с.-д. как против правого крыла партии, так и «левой» его разновидности—«анархизма», а также в результате преодолевания оппортунистических ошибок революционных вождей партии—Бебеля и Либкнехта.

С начала XX в., с начала переломного периода в истории — наступления эпохи империализма, германская с.-д. партия превращается из пролетарской партии в партию «блока пролетарских и мелкобуржуазных интересов» (Сталин). В 1914—18 гг., в период империалистических войн и пролетарских революций, она окончательно стала контрреволюционной национально-либеральной партией и в своем дальнейшем историческом развитии докатилась до социал-фашизма—главной социальной опоры диктатуры буржуазии.

Мы ни на минуту не должны забывать того обстоятельства, что после смерти Энгельса, с наступлением «целой полосы безраздельного господства оппортунизма во II интернационале» единственным продолжателем боевых революционных традиций марксизма стал большевизм, организатором и вождем которого был Ленин. Ленинизм вырос, окреп и победил в беспощадной борьбе с международным ревизионизмом, со всеми разновидностями оппортунизма: бернштейнианством, центризмом Каутского, троцкизмом, люксембургианством, русским меньшевизмом и т. д., и лозунг раскола с оппортунистами, провозглашенный еще Марксом и Энгельсом в Готский период, был воспринят Лениным и на деле осуществлен на II с'езде РСДРП. На этом наглядном примере большевики показали всему международному пролетариату, как следует на практике расправляться с оппортунистами.

Сейчас, когда международная с.-д. стала «ударной бригадой мирового капитализма, готовящей войну против Советского союза» (программа Коминтерна), вождем и организатором борьбы за окончательный разгром социал-фашизма — этого главного оплота буржуазии, является т. Сталин, вождь нашей партии и Коминтерна, поднявший в борьбе за торжество коммунизма боевое революционное знамя Маркса — Энгельса — Ленина на небывалую высоту.

* * *

Ленин в своей работе «Государство и революция», разрабатывая дальше основные программные положения марксовой «Критики Готской программы» в условиях новой эпохи империализма и пролетарской революции, указывает, что «вся теория Маркса есть применение теории развития в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, изд. 3-е, стр. 267.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XI, стр. 176.

форме к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма».

Маркс, мастерски владея материалистической диалектикой, подходит к разрешению поставленной им задачи без «тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя», на основании точного анализа того, «что коммунизм происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма... является результатом какой-то общественной силы, которая рождена капитализмом...» Маркс подходит к анализу условий жизни коммунистического общества так же, «как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется...»

Одним из важнейших вопросов, разрабатываемых Марксом в «Критике Готской программы», является проблема социализма и коммунизма, соотношение между низшей и высшей фазой коммунистического общества. Маркс ведет борьбу против мелкобуржуазных представлений о социализме, воображающих, что этот новый общественный строй сразу сваливается с неба и появляется в готовеньком чистом виде, без какой бы то ни было борьбы и необходимости преодоления трудностей.

Маркс воюет с таким иллюзорным представлением о возникновении и развитии социалистического общества. Он на основании самого точного изучения законов развития и предстоящей неизбежной гибели буржуазного общества констатирует, что коммунистическое общество, которое только что «выходит из капиталистического общества... во всех отношениях, экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло», что в низшей своей фазе это общество не может еще дать полностью «справедливости» и «равенства», ибо здесь еще господствует принцип «буржуазного права» в распределении предметов потребления «по работе, а не по потребностям».

В социалистическом обществе основное классовое противоречие, антагонизм между общественным способом производства и частным присвоением, основное «неравенство» и «несправедливость», состоящее в том, что средства производства захвачены отдельными лицами в монопольную собственность, а огромное большинство людей лишено этих средств производства, уже бесповоротно ликвидировано. В социалистическом обществе эксплоатация человека человеком стала уже невозможной вследствие того, что все средства производства: фабрики, земля, машины и т. д., находятся в коллективной собственности активных строителей социалистического общества. Однако в первой фазе коммунизма, вышедшей «после долгих мук родов из капиталистического общества», неизбежно еще наличие общественного неравенства, недостатка, состоящего в распределении предметов потребления по принципу низшей фазы коммунизма — «за равное количество труда — равное количество продуктов».

Только после окончательной победы коммунизма и полного построения коммунистического общества, т. е. в высшей его фазе, «когда исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком», — только тогда будет ликвидирован этот недостаток и общество сможет написать на своем знамени—«Каждый по способностям, каждому по потребностям».

Именно полный коммунизм дает нам не только осуществление «равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства», но и претворяет в жизнь фактическое равенство, когда каждый дает по способностям и получает по потребностям.

Сейчас, когда мы вступили в период социализма и перед нами поставлены решениями партии и правительства во всю ширь задачи построения социалистического общества во второй пятилетке, подчеркивание этой разницы между социализмом и коммунизмом приобретает исключительно важное политическое значение. Ленин указывает на то обстоятельство, что «политическое различие между первой, или низшей, и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно».

Наша партия и рабочий класс, опираясь на марксову критику мелкобуржуазных теорий равенства и справедливости, ведут беспощадную борьбу с мелкобуржуазной уравниловкой как в теории, так и на практике. Эта борьба является одним из важнейших условий для успешного выполнения программы первого года второй пятилетки. Марксизм-ленинизм отбрасывает всякие пустые разговоры и мелкобуржуазные фразы о «справедливости» и «равенстве вообще». Маркс в «Критике Готской программы» ставит проблему равенства на конкретно историческую почву. Он подчеркивает, что «представление о социалистическом обществе, как о царстве р а в е н с т в а, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом свобоы, равенства и братства», что это представление имело известное историческое оправдание на определенном этапе развития, но теперь давно уже превратилось в одностороннюю реакционную фразу. Буржуазия в борьбе за капиталистическую эксплоатацию, за капиталистический способ производства нуждалась в «свободном» рабочем, так как крепостной строй прикреплял крестьянина к земле, принуждал его работать на помещика и лишал тем самым капиталиста рабочих рук.

Буржуазии нужна была свобода торговли и организации мануфактур, но препятствием этому служили привилегии феодалов, систематическое обложение буржуа налогами и всевозможными поборами. Буржуазия в борьбе за уничтожение неравенства феодального строя, за уничтожение сословных привилегий выдвинула лозунг «равенства всех людей», что на деле означало борьбу за замену феодального способа эксплоатации более утонченным, ухищренным, но в то же время более жестоким современным капиталистическим способом эксплоатации. Следовательно борьба за равенство фактически означала борьбу за неравенство и за узаконение капиталистической эксплоатации.

В чем лицемерность формального равенства и свободы капиталистического общества и каковы экономические корни этого формального равенства? Маркс показывает, что буржуазный способ производства представляет формально строй «свободных» людей — товаровладельцев, обменивающихся своими товарами на рынке на основе эквивалентного обмена. Рабочий продает капиталисту свой товар — рабочую силу — в обмен на эквивалент — зарплату, в обмен на стоимость продуктов потребления рабочего, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Формально рабочий, продающий капиталисту свой товар — рабочую силу — и получающий в обмен зарплату, действует как «свободный» человек, обменивающий равную стоимость товар — рабочую силу — на деньги — зарплату.

В этом акте обмена формально заключается равноправие. Но когда мы от поверхности события, от сферы простого обращения, где формально господствует, как указывает Маркс, «свобода», «равенство» и «Бентам», подойдем к сущности капиталистического способа производства и вскроем тайну, действительные пружины производственных отношений капитализма, для

нас открывается за этой формой жуткая картина самой бесчеловечной эксплоатации, капиталистического рабства.

С исключительной яркостью изображено Марксом в «Капитале» действительное отношение капиталиста и рабочего. Он показывает, как после поступления рабочего на капиталистическую фабрику «Бывший владелец денег шествует впереди, как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним, как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается, как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить» [1]).

Вот что фактически представляют собой эти «священные» буржуазные лозунги «свободы», «равенства» и «братства».

Пролетариат ставит вопрос о равенстве конкретно: равенство для кого, равенство кого с кем? Не может быть в пролетарском государстве равенства между эксплоататором, нэпманом, кулаком и рабочим, трудящимися, колхозниками и пролетарской интеллигенцией. Не может быть равенства между прогульщиком, лодырем, рвачем и рабочим-ударником, энтузиастом социалистического труда, ударником колхозных полей.

На данном этапе этот вопрос имеет исключительно важное политическое и практическое значение. Этот вопрос связан с борьбой против левацкой уравниловки, против попыток стереть все различия в квалификации, уровне подготовки, старательности и производительности. Уравниловцы гнут линию на то, чтобы уравнять труд квалифицированный с неквалифицированным, труд тяжелый, физический с трудом легким. В отношении получения зарплаты, снабжения продуктами, предметами ширпотреба уравниловцы стараются подстричь под одну гребенку всех и всякого — ударника, лодыря и рвача. Уравниловцы танцуют под дудку кулака, агитируют за кулацкий принцип распределения доходов колхоза по едокам, а не по количеству и качеству труда, подрывая тем самым организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Тов. Сталин вскрывает социальные корни этих враждебных пролетарскому социализму представлений и показывает, что «уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма»... Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом» [2]).

На эту точку зрения примитивного крестьянского «коммунизма» в свое время стал и Зиновьев. Не чем иным, как контрреволюционной, троцкистской и эсеровской демагогией является зиновьевская философия равенства.

Только человек, окончательно порвавший с марксизмом, может выдать за «подлинный ключ к пониманию философии нашей эпохи» такую болтовню: «Хотите знать, о чем подлинно мечтает народная масса в наши дни? Чтобы выразить одним словом эту мечту, можно сказать это слово— равенство... Если мы хотим быть подлинными выразителями того, что народ сознает, мы должны стать во главе борьбы за равенство» [3]).

Достойную отповедь этой зиновьевской демагогии дал т. Сталин, вскрыв в связи с критикой троцкистско-зиновьевского блока истинную сущность его философии: «лозунг равенства в данный момент есть эсеровская демагогия. Никакого равенства не может быть, пока есть классы... и есть

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 118.

[2]) Сталин, Беседа с немецким писателем Людвигом, «Большевик» № 8 за 1932 г., стр. 40.

[3]) Г. Зиновьев, Философия эпохи.

труд квалифицированный и неквалифицированный. Надо говорить не о неопределенном равенстве, а об уничтожении классов, о социализме».

В борьбе за успешное построение социалистического общества на данном этапе большое значение приобретает использование личной заинтересованности каждого участника социалистического строительства, стимулирование и поощрение лучших образцов труда. Только на основе выделения ведущих профессий, только на основе повышения квалификации трудящихся в борьбе за претворение в действительность лозунга т. Сталина об овладении техникой возможно обеспечить правильную, социалистическую организацию труда, повышение производительности труда и разрешение узловых проблем второй пятилетки — задач нового строительства и освоения техники.

Опубликованные правительством документы: декрет «Об увольнении за прогулы без уважительных причин», постановление «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшения карточной системы» и др., представляют дальнейшее развитие основных положений марксовой «Критики Готской программы». Эти документы вдребезги разбивают различные мелкобуржуазные теории уравниловки, мелкобуржуазную распущенность и недисциплинированность и в то же время являются мощным рычагом в руках рабочего класса и трудящихся колхозников в борьбе за создание новой, социалистической дисциплины труда. Эти постановления правительства являются огромнейшей важности практическим шагом в деле осуществления социалистического принципа—кто не работает, тот не ест— и наглядной исторической проверкой правильности выдвинутых Марксом в «Критике Готской программы» принципов марксизма.

Чтобы опорочить, оклеветать в глазах широчайших трудящихся масс, поворачивающих к коммунизму, дело строительства социализма в СССР, прожженные лакеи капитала — социал-фашисты Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр и др.— в унисон со звериным воем самых махровых реакционеров из лагеря твердолобых—Черчилей и др.—вопят о том, что в СССР нет равенства, нет социализма, а господствует «диктатура».

Каутский, находясь в первом ряду в лагере тех кругов мировой буржуазии, которые стоят за уничтожение СССР, с величайшим рвением выполняет соцзаказ своих хозяев — фашистских банд в Германии, стремящихся к той же цели. Каутский вкупе с Отто Вельсом и К° трусливо пресмыкается перед фашистским сапогом Гитлера. Вожди с.-д. партии Германии принимают на себя миссию прикрывать и реабилитировать перед общественным мнением установившийся в Германии режим самой оголтелой фашистской диктатуры, означающей возврат к временам средневековой инквизиции и пыток.

Все это означает, что прогноз Коминтерна в отношении дальнейшего развития с.-д. в сторону фашизма целиком и полностью оправдался, что руководство германской с.-д. уже открыто перешли в лагерь фашизма и национализма подобно тому, как в 1914 г. оно перешло в лагерь империалистической буржуазии.

Злейшие враги рабочего класса и диктатуры пролетариата краешком уха слышали о том, что коммунизм дает равенство, и считают: раз СССР вступил в период социализма, значит должно существовать уравнение всех и всякого во всем.

Такое зубоскальство по поводу социалистического строительства со стороны от'явленных врагов пролетариата и пережевывание на все лады давно знакомых буржуазных вымыслов и басен о социализме являются повторением старого приема реакционеров, давно разоблаченных Лениным еще в борьбе с Туган-Барановским. Этот прием сводится к тому, что пытаются

«сначала извратить социализм, приписывая ему нелепости, чтобы затем победоносно опровергать коммунизм тем, что все люди физически неравны, а раз так, то и коммунизма-де нельзя построить».

В беседе с немецким писателем Людвигом т. Сталин высмеивает такое понимание социализма, «при котором все люди получали бы одну и ту же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, носили бы одни и те же костюмы, получали бы одни и те же продукты в одном и том же количестве,—такого социализма марксизм не знает... Только люди, незнакомые с марксизмом, могут представить себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе люди, не имеющие ничего общего с марксизмом» [1]).

* * *

Большое политическое значение и актуальность приобретает для нас сейчас та критическая работа, которая проделана Марксом в «Критике Готской программы» в отношении разоблачения лассалевских лозунгов и фраз о «неурезанном трудовом доходе» и о получении рабочим при социализме «полного продукта труда».

«Я остановился так обстоятельно,— писал Маркс,— на «неурезанном трудовом доходе»... чтобы показать, какой большой грех совершают, желая... вновь навязать нашей партии, в качестве догмата, те представления, которые хотя и имели в свое время некоторый смысл, теперь превратились в устарелый словесный хлам» [2]).

Понятно, что возрождение этих лассальянских представлений о социализме в СССР в период развернутого наступления социализма по всему фронту, в период победы колхозного строя является еще более вредным и реакционным, так как под флагом этих мелкобуржуазных теорий о социализме в рядах нашей партии орудует классовый враг, кулак и буржуазный перерожденец с целью подрыва экономической мощи совхозов, колхозов— наших социалистических предприятий в деревне.

Маркс обстоятельно показывает на основе трезвого учета того, «как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать», как лассалевская формула «неурезанного трудового дохода» превращается в урезанный, как исчезает фраза о «полном продукте труда». Маркс показывает, что в социалистическом обществе, которое только что выходит из капиталистического общества и носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло, вследствие экономической необходимости не каждый отдельный производитель становится обладателем «полного продукта своего труда», а что только все общество обладает всеми продуктами своего труда. Маркс на основе тщательного анализа доказывает, что прежде, чем дело дойдет до индивидуального дележа, необходимо из коллективного трудового дохода, из совокупного общественного продукта, обладателем которого является все общество, вычесть: расходы на возмещение «сношенных машин», на расширение производства, резерв для страхования от стихийных бедствий и т. д., расходы на школы, санитарные учреждения, приюты престарелых и т. п., и только после всех этих вычетов «каждый отдельный производитель получает от общества ровно столько, сколько сам дает ему».

---

[1]) Сталин, Беседа с немецким писателем Людвигом, «Большевик» № 8 за 1932 г., стр. 39—40.

[2] Маркс, Критика Готской программы, стр. 28, Партиздат, 1932 г.

Энгельс в письме к Бебелю [1]), как бы гениально предвидя огромную роль колхозного движения на пути к социализму и те трудности, которые стоят на этом пути социалистического строительства в деревне, писал, что «при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применить в качестве промежуточного звена кооперативное производство, в этом Маркс и я никогда не сомневались... дело должно быть поставлено таким образом, чтобы частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом» (разрядка моя.—*О. Ш.*).

Следовательно Энгельс подчеркивает необходимость соблюдения прежде всего интересов государства, общества в целом, и дает установку на борьбу с возможными проявлениями антигосударственных тенденций при переходе к коммунизму.

Энгельс ставит перед пролетарским государством задачу всемерного укрепления и охраны общественной собственности от посягательств со стороны прямых классовых врагов и антиобщественных элементов.

Декрет советского правительства «Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности» является конкретным претворением в жизнь и дальнейшим развитием гениальных указаний основоположников марксизма о необходимости беспощадной борьбы против тех, кто посмеет посягнуть на священную собственность социализма.

Разве некоторые наши коммунисты, деревенские работники, да и не только деревенские работники, во время последней хлебозаготовительной кампании не пошли в хвосте за настроениями некоторой части колхозников, которые поддались кулацкому влиянию, и не противопоставляли интересов своего колхоза интересам государства в целом в ущерб последнему? Разве некоторые наши партийные организации на местах не придерживались своеобразно модернизированных, неолассальянских лозунгов «неурезанного трудового дохода» и «полного продукта труда», переводя эти реакционные фразы на язык жульнической кулацкой демагогии: поменьше сдавать государству, попридержать хлеб для продажи по более высокой цене, побольше урвать из общих доходов колхоза на образование всевозможных фондов и выдач в многократных размерах и т. д. и т. п.?

Некоторые коммунисты, вместо того чтобы драться за неуклонное проведение в жизнь постановлений партии и правительства о хлебозаготовках и позаботиться прежде всего о сдаче хлеба государству в первую очередь, исходили из этих своеобразных лассальянских принципов, из чисто местнических интересов в ущерб интересам государства, шли просто на поводу у враждебных элементов, заинтересованных в срыве хлебозаготовок. Понятно, что такое щедрое разбазаривание доходов колхоза ни к чему хорошему привести не могло, кроме как к подрыву хозяйственной мощи колхоза и к срыву хлебозаготовок. Совершенно ясно, что эти коммунисты действовали не как марксисты, а как представители лассалевского социализма, как народники.

Величайшая роль вождя партии т. Сталина состоит в том, что он, мастерски владея методом Маркса и Ленина, исходя из принципов марксизма, с предельной ясностью вскрыл корни недостатков нашей работы в деревне, указал пути их исправления, вдребезги разбил попытки части коммунистов навязать нашей партии устарелые реакционные представления о социализме, в свое время подвергнутые Марксом столь жестокой критике, развенчал эти реакционные теории и кулацкую практику, которые ничего общего с марксистско-ленинской теорией и практикой не имеют.

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», Письмо Энгельса Бебелю от 20—23/I 1886 г. стр. 329.

* * *

Пятидесятилетний юбилей со дня смерти Карла Маркса, вождя всемирной рабочей революции, пламенного пролетарского революционера и учителя мирового пролетариата, совпал с всемирно исторической победой первой пятилетки и вступлением во вторую пятилетку — пятилетку борьбы за построение бесклассового социалистического общества. Двадцать лет тому назад, в момент, когда зловещее дыхание мировой бойни становилось беспредельно осязаемым, когда Европа была «больше всего похожа на бочку с порохом», Ленин в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» писал: «Каждая новая историческая эпоха приносила учению Маркса новые подтверждения и новые триумфы... но еще больший триумф приносит марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха».

Победа первой пятилетки, победа колхозного строя в СССР является блестящим подтверждением гениальных предсказаний Ленина и величайшим всемирно историческим триумфом марксизма-ленинизма. Несомненно, что ближайшая историческая эпоха принесет еще большее торжество учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Маркс о пролетарской партии

Г. Кровицкий

Наша партия построена на гранитном фундаменте марксизма-ленинизма. Величие основоположников научного коммунизма заключается в том, что они выявили всемирно историческую роль пролетариата как гегемона революции, как организатора коммунистического общества. С полной ясностью и убедительностью они доказали неизбежность гибели капитализма и указали условия, пути и средства борьбы за освобождение рабочего класса, за победу диктатуры пролетариата и построение коммунизма.

Маркс и Энгельс впервые дали материалистическое об'яснение истории, сосредоточив свое внимание на изучении законов всего общественного развития, на глубоком научном анализе капиталистического общества и происходящей в нем классовой борьбы. Они открыли законы возникновения, развития и гибели капитализма и разработали учение о диктатуре пролетариата, которое составляет революционную сущность марксизма. Маркс и Энгельс вскрыли природу противоречий капиталистического производства, вскрыли основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частной формой присвоения, которое (противоречие) проявляется в антагонизме между пролетариатом и буржуазией. В самом капитализме заложены элементы его разложения и гибели, само капиталистическое производство выращивает своего могильщика — пролетариат, который революционным путем должен разрушить капиталистический строй.

Маркс и Энгельс показали, как экономические условия создали рабочую силу, как господство капитала породило общность интересов рабочих, превращая их в класс по отношению к капиталистам, как люди, приобретая новые производительные силы, изменяют свой способ производства, а в связи с этим путем классовой борьбы изменяют и все общественные отношения. При этом они исходили из того, что только путем насильственной революции, только путем ожесточенной классовой борьбы пролетариат как самый революционный класс может разрушить капиталистические производственные отношения и обеспечить свое освобождение от капиталистической эксплоатации.

Восставший пролетариат разрушает государственный аппарат капитализма и организуется в государство рабочего класса. Диктатура пролетариата уничтожает всякое сопротивление буржуазии. В переходный период она путем ожесточенной классовой борьбы добивает всех своих классовых врагов, ликвидирует капиталистические элементы и классы вообще, обеспечивает переход в бесклассовое общество и построение коммунизма.

Таким образом Маркс и Энгельс доказали, что борьба классов, достигающая высшего развития в революции, является движущей силой всей человеческой истории, что «революции—это локомотивы истории».

Фальсификаторы марксизма-ленинизма всегда пытались и пытаются выхолостить его революционное содержание, смазать роль Маркса как рево-

люционного борца и руководителя пролетарских масс, представить его в виде кабинетного ученого, оторванного от классовой борьбы. Отсюда попытки ренегатов, фальсификаторов, ревизионистов марксизма доказать, что Маркс совершенно не разрабатывал вопросов о партии, а если и касался их, то это тоже было лишь «случайно оброненное слово», как писал Каутский относительно марксова учения о диктатуре пролетариата.

Между тем Маркс был организатором и руководителем «Союза коммунистов»—этой первой международной коммунистической партии. Он был передовым борцом революции 1848/49 гг., он был основателем и руководителем Международного товарищества рабочих (Интернационал), соратником и вдохновителем борьбы парижских коммунаров, руководителем германской социал-демократии, вождем массового движения пролетариата 70-х и начала 80-х годов прошлого столетия.

Маркс был первым учителем, организатором и вождем международного рабочего движения. Он был не только величайшим теоретиком пролетариата, но боевым революционным деятелем. «Маркс был прежде всего—революционер. Принимать тем или иным способом участие в разрушении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие» [1]).

Уделяя неослабное внимание вопросам классовой борьбы пролетариата, принимая в ней непосредственное участие как вождь и организатор международного рабочего движения, как руководитель пролетарских партий, Маркс оставил большое наследство по вопросам теории партии: «Маркс и Энгельс дали основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата, без которой (без партии) пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества» [2]).

Ленин взял за основу эти теоретические положения Маркса и Энгельса, он отстоял их в борьбе против оппортунистов всех мастей, обогатил, развил и конкретизировал их. Ленин разработал стройное учение о партии применительно к новым условиям империализма и пролетарской революции. Ленинское учение о партии, ленинское руководство партией во главе с т. Сталиным являются прямым продолжением дела Маркса и Энгельса.

Маркс о роли и значении пролетарской партии

При разработке вопросов теории и тактики классовой борьбы Маркс исходил из экономического развития общества, из происходящих в нем изменений способов производства и обмена и вытекающих отсюда изменений условий и форм классовой борьбы.

Исходя в основе из того, что экономическое развитие общества является базисом всей истории, Маркс как пролетарский революционер в то же время всегда подчеркивал исключительно большую, преобразующую, революционную роль суб'ективного фактора—роль пролетариата и его партии. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художе-

[1]) Энгельс, Речь на могиле Маркса.
[2]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 327, изд. 1930 г.

ственное и т. д. развитие основано на экономическом. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концов проявится» [1]).

Маркс и Энгельс очень часто указывали, что «люди делают свою историю сами», что «люди являются авторами и актерами своей собственной драмы», что нельзя недооценивать обратного влияния на экономический базис всей политической надстройки. Но они этим не нарушали своего основного принципа, который обязывает учитывать сложившуюся об'ективную обстановку и вести борьбу против тех, кто пытается перепрыгнуть через незавершенный исторический этап. Основоположники марксизма указывали, что экономическое положение не действует автоматически, стихийно, самотеком, что необходима организующая воля революционного пролетариата и его партии, изменяющая сложившиеся условия, поскольку для такого действия созрели необходимые материальные предпосылки.

С исключительной силой указывали Маркс и Энгельс на необходимость непримиримой борьбы против политики скрещенных рук, против ставки на стихийность и самотек, на необходимость преодоления трудностей в решительной классовой борьбе.

«Мы поступили бы очень глупо,—писал Энгельс,—если бы пока что скрестили руки и стали спокойно ожидать, пока эти права будут получены... Чем больше трудностей ставится на нашем пути, тем большую энергию и активность мы должны развить, чтобы, несмотря ни на что, сорганизоваться и столковаться о совместных действиях. «На бога надейся, а сам не плошай» — говорит старая пословица. Воистину нас, пролетариев, никто не освободит, если мы не освободим себя сами» [2]).

Основоположники марксизма решительно подчеркивали значение революционной деятельности рабочего класса и отчетливо сформулировали боевой клич: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса».

В эпоху империализма, когда во всей системе капиталистического хозяйства созрели об'ективные условия для революции, Ленин с исчерпывающей полнотой развил это марксистское положение о роли суб'ективного фактора в лице революционного пролетариата и его коммунистического авангарда.

Ленин писал: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе об'ективного положения вещей и об'ективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [3]).

Этой марксистско-ленинской постановкой вопроса о роли суб'ективного фактора — о роли и значении коммунистического авангарда — руководствуется наша партия в борьбе за строительство социализма. Именно такого большевистского подхода к разрешению своих задач партия требует сейчас от каждого коммуниста и от каждой организации. Верная учению Маркса и Ленина, в полном соответствии с их установками наша партия под руководством своего вождя, лучшего марксиста-ленинца, т. Сталина ведет

[1]) «Переписка», под ред. Адоратского, стр. 315.
[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 569.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 32, изд. 3-е.

решительную борьбу против всякого оппортунистического преуменьшения руководящей роли коммунистического авангарда рабочего класса, против идеологии «хвостизма», против теории стихийности, самотека, которая является «логической основой всякого оппортунизма» (Сталин).

Наша партия всегда проявляла марксистско-ленинское искусство руководства массами, она никогда не делала ставки на стихийность, на самотек, она боролась против отставания и не допускала отрыва от масс. «Искусство руководства массами есть серьезное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отстать—значит оторваться от масс. Но нельзя и забегать вперед, ибо забежать вперед—значит потерять связь с массами. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта — и против отстающих и против забегающих вперед» [1]). Не ставка на самотек, не оппортунистическая ссылка на так называемые «об'ективные» условия, а упорная, большевистская борьба за преодоление всех трудностей, за выполнение и перевыполнение поставленных партией задач—такова обязанность каждого большевика.

Такая постановка вопроса показывает, как далеки от марксизма последователи ошибочных положений Розы Люксембург, рассчитывающие на автоматический крах капитализма и предпочитающие пассивное выжидание этого момента активному участию в борьбе за свержение капитализма, как учили Маркс—Энгельс—Ленин и как учит вождь Коммунистического интернационала т. Сталин.

В «Манифесте коммунистической партии» Маркс дал полное определение роли партии. Он показал, как пролетариат проходит различные ступени развития, как современный пролетариат с самого начала своего существования, после промышленной революции в Англии в XVIII в., начинает борьбу против буржуазии. Вначале рабочие на основе чувства мести борются в одиночку против хозяина фабрики. Это неосознанное чувство мести, в котором есть лишь зачатки сознательности, приводит к разгрому орудий производства, к поломке машин, к избиению отдельных представителей эксплоататоров. На этой стадии масса рабочих распылена, раз'единена конкуренцией, их недовольство выражается в бунтах, не имеющих осознанной цели, а потому и не дающих определенных результатов. Поэтому на этой стадии движение еще сосредотачивается в руках буржуазии. Но развитие промышленности и создание крупных промышленных центров приводят к концентрации пролетариата, он начинает сознавать свою силу, в нем появляется стремление к организованности, к самостоятельному сплочению. Однако осуществить это, говорит Маркс, пролетариат может только при помощи и под руководством своей партии.

Таким образом Маркс связывает организацию пролетариата в самостоятельную партию со степенью развития классовой борьбы. Одновременно он подчеркивает решающую роль политической партии в развертывании классовой борьбы и сплочении пролетариата для ниспровержения капиталистического строя и завоевания диктатуры пролетариата.

Маркс показал первые формы организации пролетариата в так называемые коалиции, которые борются за экономические нужды рабочего коллектива. Появляются в это время даже постоянные ассоциации, которые в некоторых местах приходят к открытым восстаниям против предпринимателей. Но все же эта борьба находится еще на низшей стадии развития.

Уже в 30-х годах XIX столетия рабочее движение делает первые значительные успехи. В 1831 и 1834 гг. происходят восстания в большом промышленном центре Франции—Лионе. В 1833 г. организуются в масштабе всей страны профсоюзные об'единения в Англии. В 1836 г. в Англии орга-

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 657.

низуется первая рабочая партия чартистов. В Париже в это же время передовые рабочие во главе с Карлом Шаппером, Генрихом Бауэром и Вильгельмом Вейтлингом организуют тайный «Союз справедливых». Однако это движение несет с собой все отрицательные черты стихийного движения. Оно еще не имеет революционной теории, принципиально четкой программы, которая выражала бы общеклассовые задачи и конечную цель борьбы. Поэтому эти рабочие об'единения и партии не смогли правильно организовать свои ряды и возглавить борьбу рабочего класса. И здесь на помощь пролетариату приходит его первый учитель, организатор и вождь. Маркс указывает на решающую роль коммунистической партии, которая формирует пролетариат в класс, сознающий свои общеклассовые интересы, развивает его классовое сознание до понимания конечной цели борьбы за коммунизм, организует и руководит им в этой борьбе.

Маркс доказывает, что только под руководством действительно революционной партии пролетариат становится классом для себя, становится гегемоном революции, а затем в результате «настоящей гражданской войны», опять-таки благодаря руководству партии, подчеркивает Маркс, пролетариат становится господствующим классом, организуясь в государственную власть пролетарской диктатуры. Поэтому классовую борьбу Маркс называет борьбой политической, поэтому «первый крупный шаг, который должен быть сделан во всякой вновь вступающей в движение стране,— это организация рабочих в самостоятельную политическую партию» [1]).

Это теоретическое положение о роли партии Маркс осуществляет на практике. С 40-х годов XIX столетия Маркс и Энгельс вели упорную борьбу за коммунистическую партию, принимая непосредственное участие в строительстве и руководстве партией, вооружая ее революционной теорией и разрабатывая стратегию и тактику классовой борьбы революционного пролетариата.

Маркс и Энгельс, а затем и Ленин боролись против тех, кто проповедывал рабочим воздержание от политики, считая, что такая проповедь «загоняет рабочих в руки попам и буржуазным республиканцам» (Энгельс). Они считали, что важнейшей задачей партии является вовлечение в политику широчайших масс, а высшим актом политики—революция.

Однако такая постановка вопроса не исключала необходимости борьбы за повседневные нужды рабочего класса. Наоборот, Маркс и Энгельс были «против того, чтобы общие политические вопросы заслоняли ближайшие конкретные вопросы» [2]).

Маркс боролся, с одной стороны, против политики типа бланкистского заговорщичества, а с другой стороны, против оппортунистического пренебрежения политикой, против приспособления к событиям дня и забвения коренных интересов пролетариата. Он учил умению увязывать частичные требования рабочих с общеполитическими требованиями, поднимать борьбу за экономические требования до уровня общеполитических задач, принимать меры к переходу от стачки к высшей форме классовой борьбы за диктатуру пролетариата—к вооруженному восстанию.

Исходя из этих установок, Маркс и Энгельс беспощадно критиковали оппортунистические традиции в английском рабочем движении, которые сводились к тому, что рабочий класс не должен заниматься политикой, что он должен ждать своего освобождения при помощи либеральной партии и что вообще якобы возможны только две партии: консервативная и либеральная.

С первых дней своей активной политической деятельности Маркс при-

[1]) Энгельс, Письмо к Зорге от 29/XI 1886 г.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 64.

зывал к созданию революционной рабочей партии, которая была бы наиболее организованной, единодушной и максимально самостоятельной, чтобы не тащиться на поводу у буржуазии. Маркс определял роль коммунистической партии как передовой, самой решительной, политически наиболее боевой части рабочего класса, как авангарда этого класса, который «понимает условия, ход и общие результаты движения» и «побуждает», ведет вперед рабочий класс к завоеванию диктатуры пролетариата и к построению коммунизма.

Маркс учил, что сила пролетариата и его партии заключается в организованности, об'единении. Рабочий класс окажется непобедимым только при условии, если он выступит под руководством партии как один человек. «В одиночку мы являемся и всегда останемся бессильными рабами, отданными во власть нужды и нищеты, зависящими от произвола или милости богатых и знатных. Организованные и об'единенные — мы сможем без труда, как ломают сухую лозу, разбить цепи, наложенные на нас частной собственностью и «христианско-германским» правительством» [1]).

При этом Маркс призывал не к организации вокруг узко цеховых интересов, а к политической, общеклассовой организованности. Недаром в «Манифесте коммунистической партии» Маркс указывал, что коммунисты «всегда являются представителями интересов движения в целом». Именно такой организованности Маркс категорически требовал, особенно в наиболее ответственные моменты классовой борьбы. «Восстание есть искусство» — говорил Маркс, обязывая овладеть этим искусством, «централизовать силу восстания», заранее подготовиться к нему по определенному плану, отнюдь не рассчитывая на стихийность, на самотек.

В то же время Маркс высоко ценил самостоятельное проявление инициативы масс. В сентябре 1870 г., за полгода до Парижской коммуны, он предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно произошло в марте 1871 г., Маркс «с восторгом приветствовал инициативу масс, «штурмовавших небо» [2]). Ленин восхищался тем, что «историческую инициативу Маркс ценит выше всего», и когда после поражения декабрьского восстания 1905 г. Плеханов «поспешил разыграть кающегося интеллигента», Ленин, ссылаясь на Маркса, указывал, как должен пролетарский революционер относиться к революционной инициативе масс. «Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед исторической инициативой масс, — писал он, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие!» Разве это не небо и земля?» [3]). Только большевики, верные учению Маркса и Ленина, действительно ценили и поддерживали революционную активность масс, только они возглавляли эти массы, идя впереди на самых тяжелых участках классовой борьбы и показывая массам на деле, что значит быть авангардом революционного пролетариата. Но в то же время наша партия как вождь пролетариата критиковала недостатки и слабости рабочего движения. Она стремилась организовать, возглавить и придать сознательность тем формам революционной борьбы, которые возникают в ходе этого движения и без чего стихийная борьба пролетариата не могла бы стать победоносной классовой борьбой.

Маркс всегда критиковал ошибки рабочего движения. Он стремился к тому, чтобы партия организовала и возглавила революционную инициативу

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 570.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 30.
[3]) Там же, т. X, стр. 365.

масс и тем самым стихийное выступление пролетариата превратила в победоносную революцию.

Маркс констатировал, что в революции 1848 г. мелкобуржуазная демократия выиграла в организованности, а рабочая партия потеряла. Маркс отмечал как одну из основных причин гибели Парижской коммуны ее слабую организованность и отсутствие крепкой партии пролетариата, которая смогла бы немедленно начать гражданскую войну и повести коммунаров на Версаль.

Таким образом успех рабочего движения Маркс ставил в зависимость от степени организованности и об'единения пролетариата в каждой стране и во всем мире. При этом он видел взаимозависимость между уровнем рабочего движения и степенью организованности пролетариата. Связывая успех экономического и политического движения пролетариата с его организованностью, Маркс писал: «Если эти движения подчинить определенной предварительной организации, то они, в свою очередь, сделаются средством развития этой организации» [1]).

Всю силу, все великое значение пролетарской организованности основоположники марксизма выразили в своем историческом призыве:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Этим призывом заканчивается «Манифест коммунистической партии», этот призыв стал основным лозунгом нашей партии и Коминтерна. Вот почему все социал-фашисты, все лекари умирающего капитализма с таким упорством пытаются сорвать этот лозунг.

Но Маркс считал необходимой организацию рабочего класса на определенной идейной основе, вокруг определенных лозунгов классовой борьбы за коммунизм. Во всех работах Маркса красной нитью проходит мысль об исключительном значении революционной теории как основы пролетарской партии. Давая определение роли теории, Маркс указывает, что она дает возможность «заранее сознавать как ограниченность, так и цель исторического движения, возвышаясь над ними этим своим сознанием» [2]).

Следовательно, пользуясь теорией революционного марксизма-ленинизма, партия определяет закономерности исторического движения, дает четкую перспективу борьбы.

Носителем революционной теории должна быть пролетарская партия. Посредством теории партия выясняет пролетариату его историческую роль, цели и средства борьбы и указывает кратчайший и верный путь победы революции. В теории, пишет Маркс, пролетариат находит свое духовное оружие. Правда, «оружие критики не может, конечно, заменить критики оружия, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но и теория становится материальной силой, как только она овладеет массой» [3]).

Но овладеть массой может только революционная теория марксизма-ленинизма. Вот почему наша партия всегда придавала такое большое значение разработке и пропаганде этой теории. Вот почему Ленин и Сталин с особой силой развили мысль Маркса о роли и значении теории революционного марксизма. «Роль передового борца может выполнить партия, руководимая революционной теорией» (Ленин). «Теория,—говорит т. Сталин,—только она может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двигаться в ближайшем будущем» [4]).

---

[1]) Маркс, Письмо к Больте от 23/XI 1871 г.
[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 661.
[3]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 406.
[4]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 25.

Маркс и Энгельс исходили из того, что сознание пролетариата развивается с ростом противоречий между трудом и капиталом, но одновременно они подчеркивали мысль, которая так гениально была разработана Лениным, о необходимости партии для «внесения» социализма в среду рабочего класса. Они так и писали: необходимо «в в е с т и в среду пролетариата ясные идеи по социальному вопросу» [1]).

На историческом опыте борьбы чартизма, на примере «с л и я н и я чартизма с социализмом» (стр. 518) они отмечали положительное значение внесения сознательности в среду пролетариата, благодаря чему последний начинает видеть определенную цель борьбы и становится более мужественным и могущественным.

Постановка задачи внесения и соединения социализма со стихийным рабочим движением совершенно не означала какого-то противопоставления теории и практики революционной борьбы. Характерной особенностью марксистско-ленинской теории является н е р а з р ы в н о е е д и н с т в о т е о р и и и п р а к т и к и р е в о л ю ц и о н н о г о д в и ж е н и я.

Маркс и Энгельс боролись против тех, кто недооценивал роль теории. Одну из главных причин отставания английского рабочего движения они видели в равнодушии этого движения к революционной теории. Одну из отрицательных сторон деятельности заговорщиков, сектантов они видели в том, что последние «презирают... теоретическое просвещение рабочих и раз'яснение им их классовых интересов» [2]). Всю жизнь посвятил Маркс разработке революционной теории, давая тем самым боевое оружие в руки рабочего класса, и одновременно сам показывал на практике, как надо действовать этим оружием. Ни один член партии, говорил Маркс, не должен забывать того, что «коммунисты являются теоретиками пролетариата» [3]). Социализм требует, по словам Энгельса, чтобы с ним обращались, как с наукой, т. е., чтобы его изучали. И они боролись с деляческими настроениями тех, кто по-оппортунистически рассуждает: «зачем нам учиться, для этого существует (папаша) Маркс, призвание которого в том и состоит, чтобы все знать» [4]).

Наша партия обращает исключительно большое внимание на задачу разработки и овладения марксистско-ленинской теорией, вооружения ею всех коммунистов - и комсомольцев. На конференции аграрников - марксистов т. Сталин с особой силой подчеркнул значение теории, указав, что «теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». Тов. Сталин поставил боевой задачей, ч т о б ы «т е о р е т и ч е с к а я р а б о т а н е т о л ь к о п о с п е в а л а з а п р а к т и ч е с к о й, н о и о п е р е ж а л а е е». В строительстве нашей партии существует н е р а з д е л ь н а я связь между теорией и практикой марксизма-ленинизма. История большевизма и современная практика неразрывно связаны с теорией социалистического строительства и борьбы за мировой Октябрь.

Выступая против оппортунистической недооценки революционной теории, Маркс и Энгельс одновременно боролись против отрыва теории от революционной практики. Их деятельность является лучшим примером неразрывного единства теории и практики. Научный социализм, указывает Энгельс, по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения за борьбой классов, результатом изучения фактического опыта массового пролетарского движения, из которого извлекает практические уроки. Основоположники марксизма не просто усвоили всю сумму человеческих

---

[1]) М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. III, стр. 573.
[2]) М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. VIII, стр. 301.
[3]) М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. V, стр. 377.
[4]) «Переписка», под ред. Адоратского, стр. 47.

знаний, а критически их переработали на опыте классовой борьбы массового рабочего движения.

В своих теоретических работах Маркс, по выражению Ленина, не фантазировал, не исходил из утопии, а изучал действительный исторический процесс, используя исторический революционный опыт миллионов. Он руководил миллионами и одновременно учился на опыте чартизма, на опыте революции 1848 г., на опыте Парижской коммуны, обобщал революционный опыт пролетариев всех стран, которые без революционной теории марксизма-ленинизма, без руководства коммунистической партии не в состоянии ни победить, ни вести политическую борьбу за диктатуру пролетариата.

Характерная особенность марксизма-ленинизма заключается в том, что это учение—не догма, а руководство к действию. Без увязки с революционной практикой нет марксизма. Тот, кто только болтает о марксизме и не борется на деле за его осуществление, тот делает марксизм «односторонним, уродливым, мертвым» [1]). Вот почему Маркс и Энгельс, а затем Ленин и Сталин учат нас судить о партиях и людях не по их революционным словам, а по делам, по степени их участия в борьбе за диктатуру пролетариата.

Маркс с особой силой выступил против тех философов, которые «лишь об'ясняли мир так или иначе», между тем как «дело заключается в том, чтобы изменить его» (2-й тезис о Фейербахе). В этой постановке—весь Маркс, вся суть его учения. Изменить мир, т. е. свергнуть господство буржуазии, завоевать диктатуру пролетариата, бороться за построение коммунизма, вот что написал Маркс на знамени пролетарской партии. На службу этим боевым задачам он поставил свою революционную теорию.

В предисловии к брошюре «Крестьянская война в Германии» Энгельс указал на это величайшее значение революционной теории. Это указание приводит Ленин в своем историческом труде «Что делать». Наша партия всегда руководствовалась учением основоположников марксизма о наличии не двух, а трех форм классовой борьбы, о том, что классовая борьба развертывается не только в области политической и экономической, но что наряду с ними развертывается и теоретическая борьба. По всем трем направлениям, неразрывно связанным между собою, ведется классовая борьба пролетариата; и из этой борьбы победителем выходит рабочий класс, ибо в его руках действительно революционная, самая верная и потому самая сильная теория Маркса—Ленина—Сталина.

Необходимость борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории наша партия ставила в прямую связь с подготовкой и укреплением диктатуры пролетариата и с развертыванием социалистического строительства. Исходя из учения Маркса, Ленин всегда предупреждал все мировое рабочее движение, что буржуазия «использует завтра для контрреволюции то, что кажется близоруким людям лишь «теоретическим разногласием» сегодня» [2]).

Вот почему наша партия, верная Марксу и Ленину, никогда не допускала и не допускает никаких уступок в теории, в программе. С первого дня своего существования она ведет непримиримую борьбу с оппортунизмом всех мастей. Руководствуясь учением Маркса—Ленина—Сталина, наша партия считает борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории основным условием своей победы.

Вся работа штаба нашей партии—ленинского ЦК во главе с т. Сталиным — является образцом неуклонного проведения марксистско-ленинских принципов, находящих свое выражение и развитие в трудах т. Сталина, в решениях партийных с'ездов, ЦК и его пленумов. Правильное применение

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 71.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 234.

и развитие материалистической диалектики обеспечивают успех генеральной линии партии, являющейся воплощением и развитием марксистско-ленинской теории. Эта теория лежит в основе всех решений партии и Коминтерна, и потому эти решения имеют крупнейшее теоретическое, практическое и политическое значение. Наша партия руководит социалистическим наступлением по всему фронту на научных марксистско-ленинских основах. Ее «политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую» [1]). ЦК нашей партии во главе с т. Сталиным является высшим штабом марксистско-ленинской науки, высшим штабом революционной армии рабочего класса.

Маркс об основных принципах построения пролетарской партии

В своей деятельности по строительству и руководству пролетарскими партиями Маркс исходил из того, что «никакая политическая партия не может существовать без организации» [2]). Поэтому он обращал большое внимание на разработку организационных принципов пролетарской партии и проведение их в жизнь.

Еще в мае 1846 г. Маркс и Энгельс организовали в Брюсселе «Комитет коммунистической корреспонденции» для пропаганды коммунистических идей, установления связи с представителями революционного пролетариата различных стран с целью организации международной коммунистической партии. Им удается оказать влияние на лондонский «Союз справедливых», установить с последним контакт и в июне 1847 г. созвать в Лондоне первый с'езд коммунистических организаций, который постановляет реорганизовать «Союз справедливых» в «Союз коммунистов». Вместо мещанского мелкобуржуазного лозунга «Все люди братья» на знамени первой коммунистической партии появляется революционный боевой лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Опыт Маркса в деле строительства и руководства «Союзом коммунистов» дает очень много для понимания марксовых принципов строительства пролетарской партии.

При рассмотрении вопроса об организационных принципах пролетарской партии, как и всех других вопросов, связанных с теоретическим наследством Маркса о партии, нельзя упускать из виду, что Маркс жил и боролся в период доимпериалистического капитализма, что он совершал первый опыт построения массовой пролетарской партии, что это происходило в условиях жесточайшего преследования, в частности в условиях исключительного закона против социалистов в Германии, и что вообще эти вопросы нельзя механически переносить без учета всех особенностей конкретной исторической обстановки. Тем не менее его высказывания по вопросам организационных принципов пролетарской партии и практический опыт в этой области имеют исключительное значение и до сих пор как основа, из которой исходил Ленин при всесторонней разработке организационных принципов большевизма.

Наша партия никогда не отрывала организационных вопросов строительства партии от ее политики, от ее идейных марксистско-ленинских принципов. «Важен не только самый факт признания необходимости партии, важны те организационные принципы, на основе которых строится партия... Недостаточно иметь правильную принципиальную линию, необходимо соответственно этой линии и программе строить партию. Организационные ошибки, организационные слабости часто наносят непоправимый ущерб всей

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 187.
[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 497.

линии партии» [1]). Поэтому наша партия всегда стремилась и обеспечивала неразрывное единство и полное соответствие программных, тактических и организационных принципов марксизма-ленинизма.

Приступая к организации партии, Маркс и Энгельс прежде всего выработали программу и устав, на основе которых должна строиться партия. Они считали, что программа партии «представляет публично водруженное знамя, и внешний мир по нему судит о партии» (из письма к Бебелю от 28/III 1875 г.). Программа, по их мнению, должна быть максимально краткой и точной. Таким знаменем, такой программой явился «Манифест коммунистической партии», написанный 85 лет тому назад, в 1847 г. Затем Маркс разработал учредительный адрес I интернационала, который был программным документом, обосновавшим существование Интернационала. Он принимал участие также в разработке программы французской партии, в решительной критике проекта Готской программы германской партии. В своей «Критике Готской программы» Маркс изложил теоретические основы программы пролетарской партии.

Энгельс уже после смерти Маркса выступал с критикой проекта Эрфуртской программы партии. Ряд циркуляров «Союза коммунистов» и постановлений конгрессов и Генерального совета Интернационала, разработанных Марксом и Энгельсом, показывает, какое большое значение они придавали программным документам партии.

Вместе с программой Маркс и Энгельс разработали устав пролетарской партии. Чрезвычайный интерес для усвоения принципов построения партии представляет устав «Союза коммунистов», разработанный в 1847 г. и подписанный Энгельсом как секретарем этого союза.

Первая статья устава очень четко определяет цели союза: «Свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности» [2]). Вторая статья устава определяет условия, которым должны удовлетворять члены союза. В ней можно найти ряд требований, за которые боролся Ленин против меньшевиков еще на II с'езде партии и которые пред'являет наша партия к своим членам. Например устав требует от членов союза «революционной энергии и ревности в пропаганде» так же, как сейчас наша партия требует активности в работе от каждого члена. Устав требует «образа жизни и деятельности, соответствующих цели союза», «воздержания от участия во всяком антикоммунистическом, политическом или национальном обществе и сообщения об участии в каком-либо обществе соответствующему руководящему комитету», «подчинения постановлениям союза», «сохранения в тайне всех внутренних дел союза» и т. д. Нарушение этих условий ведет к отстранению или исключению из членов союза. При этом «отстраненные или исключенные члены, а равно и подозрительные лица подлежат надзору союза и должны быть обезврежены. Интриги таких лиц должны быть сейчас же доложены соответствующей общине».

Твердо и решительно ставил Маркс вопрос о партийной дисциплине, о беспрекословном подчинении и выполнении требований устава. Между прочим весьма характерно, что Маркс вменял в обязанность каждому члену союза знать устав своего союза, и с этой целью старшина общины обязан был прочитывать принимаемому члену статьи устава, раз'яснять их и в кратком обращении к принимаемому «подчеркивать... с особым ударением обязанности, принимаемые на себя вступающим».

---

[1]) Каганович, Партия и советы, стр. 11.
[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 579.

Во втором циркуляре ЦК к «Союзу коммунистов» Маркс обращает особое внимание на то, чтобы в союз принимались только «самые надежные люди». При этом он устанавливает нечто вроде нашего института кандидатов партии, предлагая из лиц, пригодных и надежных в революционном отношении, но еще недостаточно подготовленных, составлять «второй класс членов Союза» который «должен постоянно оставаться под руководством действительных членов Союза и его комитетов» [1]). Энгельс со своей стороны критиковал американскую секцию Интернационала за легкомысленный набор в партию «множества незнакомого сброда», за который потом приходится «расхлебывать» [2]).

Основным принципом построения пролетарской партии Маркс считал демократический централизм, который затем был всесторонне разработан Лениным и проводится в строительстве нашей партии.

Маркс считал важнейшей обязанностью партии проведение строгого централизма. С этой целью он стремился создать крепкий партийный центр. Он боролся за передачу Генеральному совету Интернационала максимально широких полномочий, не парализуя при этом относительной самостоятельности и самодеятельности отдельных секций.

Основной первичной организацией партии Маркс считал низовую ячейку, которая в «Союзе коммунистов» называлась общиной и по уставу имела право приема в члены союза. Община должна была состоять минимум из трех членов и максимум, вероятно из конспиративных соображений, из двадцати членов, возглавляемых старшиной общины. Низовая ячейка-община работала под руководством окружного комитета, среди которых были руководящие округа. Во главе всего союза стоял ЦК, избираемый на конгрессе. Такова была структура построения первой коммунистической партии.

Устав, утвержденный Первым Женевским конгрессом Интернационала в 1866 г., об'явил верховным органом международной партии конгресс, а в периоды между конгрессом — Генеральный совет. Основной организационной ячейкой Интернационала была местная секция, которая в пределах одной страны руководится центральным комитетом, получившим затем название Федерального совета.

Генеральный совет, согласно уставу избираемый конгрессом, обязан обеспечить выполнение постановлений конгресса, устанавливать связь между отдельными организациями и направлять общую работу Интернационала.

Одной из важнейших форм связи центра с местными организациями и руководства последними Маркс еще в период «Союза коммунистов» считал посылку агентов, или эмиссаров ЦК, которые составляли первый партийный аппарат коммунистической партии и получали чрезвычайно большие полномочия для проведения директив ЦК на местах. Эти эмиссары, агенты ЦК, составляли основное ядро «Союза коммунистов», его старую гвардию. Многие из них подбирались Марксом еще в период деятельнрсти «Комитета коммунистической корреспонденции». В системе агентов, эмиссаров ЦК, при помощи которых Маркс строил партию, были заложены первые наброски величайшей идеи Ленина о создании института «профессиональных революционеров», которые под руководством Ленина строили нашу партию. Эта система агентов была у Маркса одной из форм осуществления строжайшего централизма, беспрекословного подчинения партийному центру.

Таким образом, по мысли Маркса, Интернационал для обеспечения непосредственного руководства революционной борьбой пролетариата должен строиться на началах централизма и железной пролетарской дисциплины,

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 494. Разрядка моя.— Г. К.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 39.

а его главный штаб—генеральный совет—как центральный комитет партии должен обладать непоколебимым авторитетом и сильной властью.

За проведение этого принципа Маркса пытались клеветнически обвинять в бланкизме. Но невзирая на это, он твердо проводил линию на строительство пролетарской партии на основе демократического централизма.

Марксов принцип построения партии наносил решительный удар сектантству и всяким попыткам «об'единить все наличные оппозиционные элементы в один мнимый союз» [1]). Он давал отпор «вредным сепаратистам», всем оппортунистическим центробежным силам, стремившимся свести партию к сумме фракций.

Марксу и Энгельсу пришлось провести очень упорную и длительную борьбу с бакунизмом, в частности по организационному вопросу. Бакунисты противопоставляли Марксу свои анархические мелкобуржуазные принципы построения партии на основе полной федерации, неограниченной самостоятельности отдельных секций, полной автономии личности и отдельных групп и группочек. Такая децентрализация привела бы к полному распылению партийной организации, к мелкобуржуазной распущенности и развалу партийных рядов. Всей своей подрывной работой, созданием тайной фракционной организации против Интернационала бакунисты на практике показали, что скрывалось за их громкими криками о «диктаторстве», «деспотизме» и «самовластии» Маркса.

На Лондонской конференции Интернационала в 1871 г. и особенно настойчиво на Гаагском конгрессе в 1872 г., где вопрос о Генеральном совете был поставлен первым вопросом на повестке дня, бакунисты выступали с открытым требованием свести Генеральный совет к роли простого корреспондентско-статистического бюро. Однако в результате беспощадной борьбы против бакунистов Марксу удалось еще больше расширить полномочия и повысить руководящую роль Генерального совета. Так, Базельский конгресс 1869 г. предоставил Генеральному совету право приема и отказа в приеме новых секций и даже роспуска существующих секций за нарушение программных и организационных принципов Интернационала. На Гаагском же конгрессе Генеральному совету было предоставлено право даже приостанавливать до ближайшего конгресса деятельность целых федеральных комитетов. Этим правом пользовался партийный центр Интернационала. И когда например в 1872 г. в Америке в 12-й секции в результате большого притока реформистских элементов произошел развал движения, Генеральный совет не остановился перед роспуском секции.

Централизованное партийное руководство, по мысли Маркса, должно укреплять партию как боевую организацию пролетариата. Еще по уставу «Союза коммунистов» каждый член союза обязан был не только ежемесячно платить членские взносы, но минимум раз в три месяца, а отдельные общины раз в месяц должны были отчитываться о своей работе перед окружным комитетом. Окружные комитеты должны были «руководить дискуссиями общин соответственно цели союза». Вообще всякие дискуссии в союзе развертывались в том случае, если ЦК это находил нужным. Тем самым устав Маркса способствовал повышению боеспособности «Союза коммунистов».

Марксов принцип централизации предполагал развертывание внутрипартийной демократии, поскольку это было возможно по условиям того времени.

Одной из основных форм демократизма в партии, которую (форму) весьма широко применяли Маркс и Энгельс, являлись критика и самокритика. Известно, с какой резкой критикой они например выступали по поводу проекта Готской программы или в связи с целым рядом серьезнейших оппортунистических ошибок, которые допускались руководством германской

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 491.

партии. Некоторые оппортунистические элементы, осуждавшие подобную критику, считали, что она сыграет наруку врагам партии. Такие опасения Энгельс признавал необоснованными. В письме к Каутскому от 23/II 1891 г. Энгельс показывает особенность партийной самокритики, которая свидетельствует о внутренней силе пролетарской партии, способной выдержать самокритику. Поэтому пролетарской партии, учил он, не только не следует бояться самокритики, но надо ею гордиться, ее развивать и при помощи самокритики укреплять свои ряды. С этой целью, а также для развития внутрипартийной информации Лозаннский конгресс Интернационала в 1867 г. вменил в обязанность Генеральному совету каждые три месяца рассылать центральным комитетам отдельных стран отчеты о своей деятельности.

В строительстве партии Маркс проводил курс на привлечение рабочих в руководящие органы партии и в состав партийной фракции германского рейхстага. В уставе Интернационала он указывал, что Генеральный совет «образуется из рабочих, представителей разных национальностей». Но в то же время Маркс осуждал и боролся с демагогической, мелкобуржуазной постановкой вопроса бакунистами, предлагавшими исключить из членов Генерального совета всех нерабочих. Такое решение, вынесенное Женевским конгрессом бакунистов в 1873 г., по существу было направлено и персонально против Маркса.

Маркс стремился превратить Интернационал в массовую пролетарскую партию, принимая деятельное участие во всех проявлениях массового рабочего движения и кропотливо выполняя черновую организационную работу по строительству партии. В недавно изданном первом томе «Архива Маркса и Энгельса» можно найти немало фактов того, как они упорно работали над созданием партийных ячеек в различных странах, как с этой целью им приходилось прибегать к строжайшей конспирации, как например сам Маркс в 1870 г. посылает Бракке 3 тысячи членских билетов и требует регулярной присылки отчетов о деятельности национального комитета, в которых «факты должны быть изложены без прикрас, в полном соответствии с положением дел». Переписка показывает, как в 1872 г. Энгельс требует сведений о результатах регистрации членов Интернационала в Германии, как он получает от Бракке кассовый отчет и указывает на постановку счетоводства в партии и т. д.

Давая общую линию партии, разрабатывая ее тактику, обеспечивая практическое руководство по строительству партийных организаций, Маркс находил главное, основное, решающее, особенное для каждой страны и для каждого момента, показывая искусство конкретного партийного руководства, на необходимость которого всегда указывал Ленин, разрабатывая проблему основного, решающего звена.

Маркс считал необходимым, чтобы пролетарская партия была международной партией, интернациональной по своему составу. Он боролся против рассмотрения рабочего движения с узко националистической точки зрения, как это делал Лассаль. Он указывал на международные функции германского рабочего класса и Интернационала в целом.

Маркс был пролетарским интернационалистом и всю свою жизнь посвятил делу об'единения рабочих всех стран для совместной борьбы с общим врагом — капитализмом.

В «Манифесте коммунистической партии» Маркс особо отметил это отличие коммунистов от других партий, их стремление «отстаивать общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата». В самом названии Международного товарищества рабочих его организаторы выразили существо пролетарского интернационализма, международный, интернациональный характер пролетарской партии.

Маркс и Энгельс давали конкретные указания, в чем должен проявляться интернационализм пролетариата и его партии. Они учили партию и рабочий класс всегда быть готовыми к выполнению своего долга международной пролетарской солидарности: помогать во время стачек и предотвращать штрейкбрехерство, вести борьбу против захватнических войн, помогать политическим заключенным, как это делал Маркс, особенно широко организуя помощь жертвам белого террора после революции 1848 и 1871 гг. Таким образом всеми средствами члены Интернационала должны были стремиться к об'единению «друг с другом братскими узами и к взаимной поддержке», как сказано в уставе Интернационала.

После падения Парижской коммуны и начавшегося распада Интернационала Маркс и Энгельс главное внимание сосредотачивают на строительстве действительно пролетарских партий в отдельных странах, учитывая при этом все особенности экономики каждой страны, уровень классовой борьбы, степень политической подготовки пролетариата этой страны и всего международного положения. В то же время, приблизительно в течение десяти лет после распада Интернационала, Маркс продолжал оставаться партийным руководящим центром мирового рабочего движения.

Всеми силами стремился Маркс к расширению связи партии с массой. Еще в отношении к «Союзу коммунистов» Маркс указывал, что союз «не являлся... обществом заговорщиков, а был лишь обществом, которое тайно проводило организацию пролетарской партии» [1]). С этой целью Маркс давал установки об укреплении связи партии с массой, о создании вокруг партии целой сети массовых организаций. В этих установках намечались основы того гениального учения о партии и приводных ремнях, которое разработал Ленин. Марксом еще не была разработана система приводных ремней от партии к массам, но он работал над этой проблемой и на ней сосредотачивал внимание партии. Например во втором обращении к «Союзу коммунистов» Маркс писал: «Центральный комитет обращает внимание всех общин и членов Союза на то, что это влияние Союза на рабочие, гимнастические, крестьянские, батрацкие и другие организации имеет огромное значение и его везде следует добиваться» [2]).

Весьма большое значение Маркс и Энгельс придавали профсоюзам. Они определяли роль профсоюзов как классовой организации пролетариата, которая борется за повседневные нужды рабочих и в которой в процессе классовой борьбы пролетариат проходит классовую выучку. Они критиковали проект Готской программы, в которой ни слова не говорилось о профсоюзах. Они ставили на обсуждение конгрессов Интернационала вопросы о создании международных профсоюзов, об укреплении рядов профсоюзов.

Придавая решающее значение вооруженному восстанию, без которого Маркс не мыслил себе свержения капитализма, он считал крайне необходимым развертывать работу в армии. Указания, которые он давал еще «Союзу коммунистов» о завязывании сношений с армией, о вовлечении в состав союза выдающихся военных, та настойчивость, с которой Маркс требовал подробного отчета о влиянии Союза на армию, являются до сих пор лучшим примером того, как упорно должны работать братские секции Коминтерна в империалистических армиях, подготовляя победу революции и защищая Советский союз от новой интервенции.

Известно, что Ленин определил роль печати как коллективного агитатора, пропагандиста и организатора партии. Следует отметить, что Маркс

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 549.
[2]) Там же, стр. 494.

в свое время придавал большое значение печати в строительстве партии и организации масс.

Стоит только вспомнить, какое участие принимал Маркс в печати, чтобы понять, что печать для него была важнейшим орудием строительства партии и сплочения масс вокруг лозунгов коммунизма. Недаром Энгельс в своей речи на могиле Маркса перечислял те органы печати, в которых последний сотрудничал и которые возглавлял, чтобы тем самым отметить выдающуюся роль Маркса как вождя и теоретика пролетарской революции. «Первая рейнская газета» 1842 г., парижская газета «Вперед» 1844 г., «Брюссельская немецкая газета» 1847 г., «Новая рейнская газета» 1848 — 1849 гг., «Нью-йоркская трибуна» 1852—1861 гг. и множество боевых брошюр, не говоря уже о классических научных трудах,—вот те органы печати и публицистические работы, в которых Маркс со всей страстностью революционера боролся с врагами научного коммунизма, призывая массы на революционную борьбу против капиталистического рабства.

В своей речи на суде по поводу «Новой рейнской газеты» Маркс дает указание по вопросу о методах работы печати в условиях капитализма. Печать должна не только вести борьбу против капиталистического строя в целом и против высшей власти этого строя, но она обязана выступать «против данного определенного жандарма, данного прокурора, данного ландрата» и таким путем выполнять свою основную задачу — «подкопаться под все основы существующего политического строя» [1]). При этом печать должна быть максимально популярной и доступной по изложению рядовым рабочим. И в этом деле Маркс сам показывал пример, стремясь так изложить самые сложные теоретические проблемы, чтобы они были понятны широчайшим массам рабочего класса.

Еще в 1842 г. 24-летний Маркс показал классические образцы использования печати своей работой в «Рейнской газете». Из-за строгой цензуры Марксу приходилось, как в свое время и Ленину, пользоваться «проклятым эзоповским языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения» [2]). Маркс умело обходил цензуру, бичевал эксплоататоров, разоблачал политический строй, брал под защиту и сплачивал массы эксплоатируемых, в частности крестьян. За статью Маркса в защиту мозельских крестьян, разоряемых помещиками, и была закрыта «Рейнская газета». За революционные выступления в парижской газете «Вперед» французское правительство в январе 1845 г. высылает Маркса из Франции. За боевые революционные выступления «Новой рейнской газеты», редактируемой Марксом, за ее призывы к неплатежу налогов и к восстанию буржуазия весной 1849 г. привлекает газету к суду, и наконец в мае 1849 г. правительство закрывает и этот боевой орган Маркса. Так расправлялась буржуазия с печатью, руководимой Марксом, ибо она видела в этой печати своего злейшего врага, организатора революционных масс.

Перед партийной печатью Маркс прежде всего ставил задачу «обосновать, развивать и защищать требования партии» [3]) и бороться со всеми антипартийными взглядами. Придавая важнейшее значение партийной печати как идейному органу партии, Энгельс указывал германской партии, что «орган партии должен редактироваться людьми, которые тесно связаны с партией и ее борьбой» [4]).

В этом отношении действительным образцом является «Новая рейнская газета», которую Маркс организовал в Кельне в июне 1848 г. Этот, редакти-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 240.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 71.
[3]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 184.
[4]) Энгельс, Письмо к Бебелю от 14/XI 1879 г.

руемый Марксом, боевой орган партии давал массам революционные лозунги и возглавлял борьбу этих масс. Только эта газета поддержала славное восстание парижских рабочих в июне 1848 г., только она выражала интересы революционного пролетариата. Вот почему Ленин говорил об этой газете Маркса как о «лучшем, непревзойденном органе революционного пролетариата»[1]).

Всю свою литературную работу Маркс связывал с интересами и задачами непосредственной революционной борьбы. Крупнейшие научные труды Маркса, которые писались в ходе классовой борьбы, были настолько актуализированы и подчинены боевым задачам партии, что служили непосредственным партийным руководством для этой борьбы. Например его капитальный теоретический труд «Гражданская война во Франции», по которому теперь учатся международный пролетариат и наша партия, был написан Марксом в 1871 г. в виде «обращения» Генсовета Интернационала по поводу Парижской коммуны. Исключительно ценная брошюра Маркса «Мнимые расколы в Интернационале» была написана им в 1872 г. в виде секретного циркуляра Генсовета, направленного против бакунистов. Крупнейший теоретический труд — «Критика Готской программы» — в свое время был «заметками на полях», которые делал Маркс при разборе проекта программы германской партии. Все это показывает, что Маркс рассматривал свои печатные труды как практическое революционное действие и конкретное руководство в строительстве партии и развертывании классовой борьбы.

К строительству партии Маркс подходил как диалектик, умея своевременно изменять формы партийной организации и методы ее работы в соответствии с изменением условий борьбы и потребностями партии. Маркс и Энгельс учили тому, что тактика партии должна быть максимально гибкой, что партия «должна искать для себя закона только в своих живых, постоянно меняющихся потребностях»[2]). При этом они предупреждали, что если в новых условиях применять старые методы работы и устаревшие постановления, то они будут лишь оковами для дальнейшего развития партии и тем самым партия сама обречет себя на неудачу.

Примером диалектического изменения форм партийной организации, проведенного Марксом, может служить его постановка вопроса о сочетании легальных и нелегальных форм партийной работы. Уже в первом обращении к «Союзу коммунистов» в 1850 г. Маркс предлагает создавать тайную и открытую организацию рабочей партии. Считая безусловно необходимым сохранить и укреплять нелегальные партийные организации, например в Германии в период исключительного закона против социалистов, Маркс всячески рекомендует партии использовать трибуну рейхстага и сам непосредственно принимает участие в руководстве фракцией рейхстага. Маркс решительно выступает против анархической «левацкой» фразы Моста и Гассельмана и в то же время критикует правооппортунистические ошибки, имевшиеся в работе фракции рейхстага. Доказательством того, насколько большое значение придавал Маркс использованию легальных возможностей, может служить тот факт, что он лично в своих многочисленных письмах давал установки для отдельных выступлений Бебеля в рейхстаге и резко его критиковал за малейшие отступления от этих установок.

Такую же линию на сочетание нелегальной работы с использованием легальных возможностей проводил Энгельс. Значительно позже, в 1893 г.,

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 35.
[2]) Энгельс, Письмо к Бебелю от 14/XI 1879 г.

когда его запросили из Америки, не является ли нарушением революционных принципов участие рабочей партии в выборах президента, Энгельс дал отрицательный ответ и рекомендовал использовать эту легальную возможность, хотя и говорил, что надо всегда учитывать обстоятельства, которые иной раз могут заставить отказаться от этой возможности. Но признавая необходимым и целесообразным использование легальных возможностей в условиях борьбы с капитализмом, Маркс всегда делал ударение на том, что это не главная форма борьбы, что «наша почва — не почва легальности, а революционная почва»[1].

Маркс и Энгельс боролись со всеми проявлениями ликвидаторства. Они призывали не бояться трудностей и их преодолевать. Они исходили из того, что «пролетарское движение обладает огромной способностью воспроизводства»[2]. Массы на своем собственном опыте должны испытать правоту коммунистического действия, учили они. Только при этом условии в процессе классовой борьбы идеи коммунизма глубже войдут в плоть и кровь рабочего класса. Поэтому даже в самые тяжелые годы борьбы, например в годы злейшей реакции после революции 1848 и 1871 гг., Маркс и Энгельс упорно строили и боролись за пролетарскую партию и были глубоко уверены в том, что под руководством коммунистической партии рабочий класс выполнит свою историческую роль гегемона революции и организатора коммунистического общества.

Маркс о борьбе на два фронта в строительстве партии

Основным, решающим условием строительства и укрепления партии для Маркса и Энгельса была беспощадная борьба с оппортунизмом на два фронта и с примиренчеством. Всеми силами они стремились предохранить революционную теорию от фальсификации и революционную практику от оппортунистических извращений. Они вели беспощадную борьбу за чистоту этой теории, за ее партийность и за ее единство с революционной практикой. Они вели непримиримую борьбу за чистоту классового состава и революционной линии партии. В этой борьбе на два фронта складывалось и обогащалось учение Маркса.

Нельзя в одной статье осветить всю борьбу с оппортунизмом, которую провели Маркс и Энгельс. Это означало бы осветить всю жизнь и деятельность этих великих людей. В течение всей своей жизни Марксу и Энгельсу приходилось вести борьбу против «мнимых социалистов»[3].

«В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу, как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем итти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения»[4] — так писали в 1879 г. Маркс и Энгельс в своем историческом циркулярном письме к Бебелю, Либкнехту и др.

Буквально все теоретические произведения, все политические выступления основоположников марксизма построены на принципе борьбы на два фронта. На этот счет можно приводить бесконечное количество примеров из их теоретической и практической деятельности. Но вопрос нельзя сводить к отдельным примерам и фактам. Надо твердо усвоить основное положение Маркса и Энгельса в области партийного строительства, которое заключается в том, что «всякая рабочая партия большой страны может раз-

[1] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 49. Разрядка моя.—Г. К.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 185. Разрядка моя.—Г. К.
[3] Там же, стр. 209.
[4] Там же, стр. 155.

виваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития»... «Противоречия никогда не могут быть затушеваны надолго. Они решаются борьбой» [1]).

Опираясь на всю историю большевизма, который сложился и окреп в долголетней борьбе с оппортунизмом всех мастей, т. Сталин обосновал это положение Маркса — Энгельса — Ленина краткой и четкой формулировкой: «Преодоление внутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии» [2]).

Основоположники марксизма вскрыли источники оппортунизма, которые кроются, как говорит т. Сталин, в двух обстоятельствах. Во-первых, давление буржуазии на пролетариат и, во-вторых, неоднородность самого пролетариата. Так, временную победу оппортунизма в рабочем движении Англии они об'ясняли участием верхушки рабочего класса в господстве на мировом рынке, наличием «рабочей аристократии», которая подкупается капиталистами за счет ограбляемых колоний и плетется в хвосте «либеральной партии». Поэтому Маркс требовал от мелкобуржуазных элементов, примыкающих к рабочему движению, безоговорочного усвоения пролетарского мировоззрения и очищал это движение от всех, кто приносит с собой остатки буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков и пытается извратить политику и тактику пролетарской партии.

Маркс показал сущность, противоречивую природу мелкого буржуа, который «ослеплен великолепием крупной буржуазии и симпатизирует страданиям народа», который «в одно и то же время и буржуа и народ»,— «в противоречии вся его сущность». Против мелкобуржуазного, оппортунистического элемента Маркс вел непримиримую борьбу и на практике и в теории, ибо такой элемент всегда стремится «обосновывать теорией то, чем он является на практике» [3]).

Основоположники марксизма показали, как проявление оппортунизма связано с происходящей классовой борьбой, с условиями ее, с развитием пролетарского движения. В письме к Бебелю в 1873 г. Энгельс писал: «Движение пролетариата неизбежно проходит через различные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет» [4]). История нашей партии дала полное подтверждение этого марксистского положения, которое с исключительным мастерством обосновал и сформулировал т. Сталин на XV с'езде партии. Он дал анализ процесса роста нашей партии и показал, как в нашей партии, как в живом организме, происходит «обмен веществ», «старое, отживающее выпадает, растущее живет и развивается», как при серьезных поворотах партии «известная часть старых лидеров выпадает из тележки большевистской партии, очищая место для новых людей».

Так было и в годы деятельности Маркса и Энгельса. Они вели борьбу с так называемыми «истинными социалистами» во главе с Карлом Грюном (1817 — 1887 гг.), выступавшим против классовой борьбы и революционных методов этой борьбы; с Прудоном (1809—1865 гг.), этим теоретиком мелкобуржуазного социализма, выступавшим против участия рабочих в политической борьбе, выступавшим против революции, а следовательно и против партии как руководителя этой революции. Организуя «Союз коммунистов», Маркс и Энгельс на Первом с'езде прежде всего провели

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 324, 371, изд. 1930 г.
[2]) Сб. «Об оппозиции», стр. 442.
[3]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 294. Разрядка моя.—Г. К.
[4]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 71. Разрядка моя.—Г. К.

исключение сторонников Вильгельма Вейтлинга, отрицавших политическую борьбу и опиравшихся на люмпен-пролетарские, босяцкие элементы. Непримиримую борьбу на два фронта провел Маркс в рабочем движении 1848 — 1850 гг. и затем в годы реакции после революции 1848 г. Он боролся за основы пролетарской партии, направляя удары своей критики против Борна, который проповедывал рабочим, что надо ограничиться только экономической борьбой и не участвовать в борьбе политической. В то же время Маркс боролся и против «левого» оппортунизма, против «левацкой» оппортунистической фракции Виллиха и Шаппера, которая подменяла «революционное развитие революционной фразой» (Маркс).

Известно, какую непримиримую борьбу на два фронта вели Маркс и Энгельс против мелкобуржуазного революционизма бакунистов в Интернационале и против лассальянского оппортунизма в Германии, против реформистов типа Гехберга, Бернштейна и Шрамма, против «левых» оппортунистов типа Моста и Гассельмана, против примиренческих шатаний Вильгельма Либкнехта и Бебеля и против «прирожденного педанта и схоласта», «доктринера и филистера» Каутского. Недаром предатели и враги марксизма — социал-фашисты из II интернационала — при содействии изменника Рязанова всячески скрывали важнейшие документы Маркса и Энгельса, направленные против международного оппортунизма и только недавно опубликованные Институтом Маркса — Энгельса — Ленина.

Маркс и Энгельс вели борьбу против откровенно правых, открыто проповедывавших отказ от революционной борьбы и соглашение с буржуазией, вели, как говорил Ленин, «постоянную беспощадную войну» против правого крыла партии. Между прочим само название «правое крыло» принадлежит Энгельсу.

Они использовали каждый случай, чтобы «нанести удар миролюбивому оппортунизму... и чисто-благонравно-радостно-свободному «врастанию» старого свинства в «социалистическое общество». Так писал Энгельс в связи с критикой проекта Эрфуртской программы [1]). В борьбе с Дюрингом Энгельс выступает против «фальшивого социализма», против «добровольного лакейства», готового об'явить социализмом даже государственные монополии Бисмарка, а его самого зачислить в социалисты.

Смертельные удары наносит критика Маркса и Энгельса «социал-филантропам» типа Гехберга и его секретаря Бернштейна за их «жалкое штопанье капиталистического строя», за их боязнь «не напугать буржуазии», за их политику «реформ-заплат», при помощи которых реформисты пытались укрепить капиталистическую систему и превратить неизбежную революцию в «мирный процесс перерождения» [2]). Эта характеристика реформистов, хотя и написанная 54 года тому назад, довольно полно отражает современных социал-фашистов, ставших главной социальной опорой буржуазии.

Гехберги и Бернштейны открыто проповедывали недостаточную зрелость пролетариата для самостоятельной политической деятельности. Поэтому Маркс и Энгельс не раз предупреждали руководителей германской партии (Бебеля и Либкнехта), что если подобные элементы будут допущены к руководству партии, то партия будет «кастрирована» и должен будет произойти раскол в партии.

Не раз указывал Маркс, что правые льют воду на мельницу «левых» и, наоборот, «левые» дополняют правых и помогают им. Поэтому, направляя огонь своей критики против правых, Маркс и Энгельс одновременно наносили сокрушительные удары оппортунистам «слева». «Революционная трескотня, — писал Энгельс в 1879 г., — уже в течение

[1]) «Переписка», под ред. Адоратского, стр. 288.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 138.

почти что 40 лет не представляет для нас ничего нового» [1]). Маркс и Энгельс выступали против левых «крикунов», стремящихся сделать революцию «с кондачка», путем «путчизма», иначе говоря, разрешить все вопросы «в два счета», как говорил т. Сталин в своей статье «Головокружение от успехов».

Исключительно интересную характеристику таким горе-коммунистам дал Энгельс. Ленин приводит ее в своем труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Выступая в 1874 г. против манифеста 33 коммунаров-бланкистов, Энгельс писал: «Они воображают: что раз они хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если,—в чем они твердо уверены,—на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен». Следовательно, если этого нельзя сделать сейчас, то и они не коммунисты... Что за детская наивность—выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!» [2]). В этой характеристике «левых» Энгельс показал всю их оппортунистическую противоречивую двойственность. Он обращает внимание на авантюристическое поведение, на «левые» фразы, которыми «левые» пытаются замаскировать свое капитулянтство на деле. Считая, что такие «герои революционной фразы» могут принести огромный вред партии, Маркс и Энгельс настойчиво предлагали руководству германской партии таким элементам «давать по рукам».

О марксовой борьбе на два фронта в области партийного строительства Ленин писал: «Теперь перед нами особенно отчетливо встают две линии энгельсовских (и марксовских) советов, указаний, поправок, угроз и назиданий. Англо-американских социалистов они всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух. Немецких с.-д. они всего настойчивее учили: не впадайте в филистерство, в «парламентский идиотизм» (выражение Маркса в письме от 19 сентября 1879 г.), в мещански-интеллигентский оппортунизм» [3]).

Маркс и Энгельс боролись, с одной стороны, против замыкания в секту и отрыва от массового рабочего движения и, с другой стороны, против захлестывания партии мелкобуржуазной идеологией, против широкой мелкобуржуазной партии буржуазного парламентаризма.

Организуя коммунистическую партию, Маркс должен был преодолеть сектантство. Трудность заключалась в том, что имелся уже значительный опыт построения сектантских, заговорщических организаций, руководители и участники которых, особенно бакунисты и лассальянцы, всячески навязывали свои принципы организуемым массовым партиям пролетариата.

Сектантские организации были неизбежным продуктом низшей стадии развития рабочего движения. Маркс считал, что секты представляли детство пролетарского движения. В начале этого движения, когда рабочий класс еще не созрел для самостоятельного исторического движения и еще не был способен к революционной диктатуре, секты являлись рычагом движения и имели право на существование. Но уже при под'еме массового рабочего движения секты стали его тормозом и приобрели реакционную роль. В самой природе сект заложена их оторванность от профсоюзов, от стачечной борьбы, от всего массового рабочего движения.

Поэтому без разгрома сект нельзя было организовать пролетариат в действительно боевую, революционную партию. Вот почему вся история I интернационала, как указывает Маркс, была историей

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI). Разрядка моя.—Г. К.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 208.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XI, стр. 174.

беспрерывной борьбы Генерального совета против сектантства. В противоположность сектам, замкнутым и оторванным от масс, Маркс впервые строил Интернационал как действительно массовую и воинствующую организацию рабочего класса.

Резко критикуя сектантство, оторванность социалистических партий англо-саксонских стран от массового рабочего движения, Маркс одновременно боролся, особенно в германской с.-д. партии, против оппортунистического принижения задач пролетарской партии и растворения ее в мелкобуржуазной массе.

Еще в первом обращении к «Союзу коммунистов» Маркс предупреждал против опасности лицемерных фраз мелких буржуа, стремящихся «сбить с пути самостоятельной организации партии пролетариата». Он выступал тогда против ликвидаторов, стремившихся ограничиться одной открытой деятельностью и ликвидировать тайную организацию партии.

Маркс и Энгельс давали решительный отпор всяким попыткам к об'единению в единую партию всех оппортунистических элементов. Они стояли на точке зрения единства партийных рядов, но лишь на принципиальных основах марксизма. Так например они решительно выступали еще в период «Союза коммунистов» против об'единения с мелкобуржуазной демократической партией, которое лишило бы пролетариат самостоятельной позиции и «безусловно принесло бы вред пролетариату» [1]). Они выступали против примирения с бакунистами в Интернационале, против примирения с лассальянцами в Германии и об'единения их с эйзенахцами, что произошло в 1875 г. вопреки воле Маркса и Энгельса. Они советовали Бебелю с большим недоверием подойти к предложению лассальянцев об об'единении и пред'явить им в качестве первого условия об'единения, чтобы они «перестали быть сектантами, лассальянцами» [2]).

Основоположники марксизма не раз предупреждали о необходимости критически относиться ко всяким крикам об об'единении с оппортунистами, ибо сторонники такого об'единения либо очень ограниченные люди, непонимающие, что смешение в партии различных оппортунистических элементов может привести к дезорганизации и развалу партийных рядов, либо эти люди просто желают извратить пролетарское движение. При этом Энгельс сделал следующее очень меткое замечание: «заядлые сектанты и величайшие склочники и прохвосты в известные моменты громче всех кричат о единстве» [3]).

Такие «сторонники единства» клеветали на основоположников марксизма, стремясь всячески их дискредитировать, называя Маркса и Энгельса «диктаторами», обвиняя их в грубости и т. д. Даже Бебель называл их людьми неуживчивыми и призывал их стараться не «заводить скандальную свару» с лассальянцами. Насколько сильно было примиренчество в Интернационале, можно судить по отзыву Энгельса о Гаагском конгрессе, большинство участников которого раз'ехалось «с тяжелым чувством разочарования» в связи с изгнанием анархистов из Интернационала.

Несмотря на это, Маркс и Энгельс были до конца верны своей принципиальной позиции, неуклонно проводя линию раскола с бакунистами. Малейшее оттягивание раскола принесло бы огромный вред рабочему движению. Всякие полумеры лишь затянули бы разложение партийных рядов, «вот тогда бы Интернационал действительно погиб, погиб

---

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 482.

[2]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), Письмо Энгельса Бебелю от 28 III 1875 г.

[3]) «Архив Маркса и Энгельса», т. (VI), стр. 70. Разрядка моя.—Г. К.

от «единства»[1]). Поэтому на Гаагском конгрессе анархисты были исключены из Интернационала, и «человеком, который сделал больше всех для того, чтобы добиться этого исключения, был Маркс»[2]). И вместе с Марксом, а затем и после его смерти Энгельс проводил линию на разрыв с оппортунизмом. «Энгельс сумел пробивать себе дорогу к пролетарскому социализму, не боясь разрыва с массой добрых людей, горячих революционеров, но плохих коммунистов»[3]).

Линия Маркса и Энгельса на разрыв, на раскол с оппортунизмом свидетельствовала об их непоколебимой уверенности в силе и правоте пролетарской партии. В этой линии они видели путь к укреплению и победе партии. «Еще старик Гегель сказал,— писал Энгельс,— партия, которая, раскалываясь, в состоянии выдержать этот раскол, уже тем самым доказывает, что ей обеспечена победа»[4]).

Беспощадно разоблачая оппортунизм, Маркс и Энгельс проводили курс на завоевание масс, особенно еще не затронутых движением. Главные удары они направляли против оппортунистических вождей, стремясь их разоблачить и освободить массу от их влияния. Тактика Маркса и Энгельса заключалась в том, чтобы поднять целину рабочего движения, завоевать рядовых рабочих, которые «ценнее десятка лассальянских перебежчиков, всегда приносящих с собою в партию элементы своих неправильных воззрений»[5]). Это положение показывает, какое большое значение они придавали работе среди масс, стремясь подойти к отдельному человеку и завоевать массы, и как недоверчиво они относились к тем оппортунистическим элементам (особенно из вожаков), которые возвращаются в партию. Они предупреждали, что такие лица могут приносить в партию элементы своих ошибочных оппортунистических положений и потому необходимы бдительность партии и проверка на деле, насколько они действительно преданы партии.

Одна из особенностей нашей партии как партии нового типа заключается в том, что она «укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов» (Сталин). Следует отметить, что этот закон развития нашей партии целиком основан на учении основоположников марксизма. Маркс учил, что партия становится тем крепче, чем принципиальнее ее линия, чем больше она очищается от оппортунистических элементов, принадлежащих партии. В «Манифесте против Криге» Маркс выразил замечательные мысли, которые до сих пор являются непосредственным руководством в строительстве нашей партии и Коминтерна. Маркс писал: «Разумеется, мы—члены партии; но именно потому мы не намерены снижать партию до уровня какой-то клики. Для нас важно только само дело, и поэтому партия значит для нас больше, чем лица, которые принадлежат или принадлежали к ней. А так как мы знаем, что каждый принцип и каждое направление становится тем сильнее и неотразимее, чем беспощаднее освобождают их путем критики от ненужных наростов и экстравагантностей, подобно тому как дерево становится крепче и приносит лучшие плоды, когда во-время срезают его отсохшие ветви, то никакие личные соображения не удержат нас от изобличения и устранения экстравагантностей и сумасбродных идей отдельных лиц, принадлежащих к партии»[6]).

Поэтому Маркс и Энгельс борьбу с примиренчеством считали состав-

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 71. Разрядка моя.—Г. К.
[2]) Там же, стр. 224.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 32.
[4]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 71.
[5]) Там же, стр. 69.
[6]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 94. Разрядка моя. Г. К.

ной частью борьбы на два фронта. Они предвидели, к чему может привести оппортунизм и примиренчество в партии, и пред'являли руководству германской партии ультиматум о своем полном публичном разрыве с партией, если она решительно не покончит с правым и «левым» оппортунизмом и примиренчеством к нему.

Основоположники марксизма до последних дней своей жизни вели «б е ш е н у ю», как говорил Маркс, борьбу против правого и «левого» оппортунизма. Оппортунизм усиливался в эпоху исключительных законов против социалистов в Германии, и Марксу с Энгельсом, а затем одному Энгельсу пришлось преодолевать растущие шатания и смуты, бороться, с одной стороны, против мелкобуржуазного уныния и колебания в рядах германской партии, указывая ей революционные перспективы, и, с другой стороны, против мелкобуржуазного «левацкого» пустозвонства. Они вели «с м е р т е л ь н у ю», по выражению Энгельса, борьбу против ликвидаторства одних, стремившихся «в ы д е р н у т ь з у б ы с о ц и а л и з м у» и «с д е л а т ь п а р т и ю п о ч т е н н о й в г л а з а х м е щ а н». Они вели борьбу против ультра-«революционной» демагогии других, не желавших перестроиться, использовать рейхстаг и вести систематическую подготовку к революции. Они призывали партию, «п о д н я в ш и с ь в ы ш е о б ы д е н щ и н ы, в и д е т ь в п е р е д и в е л и к у ю с в я з ь м и р о в ы х с о б ы т и й» [1]).

* * *

14 марта 1883 г. умер Маркс, а двенадцать лет спустя умер и его верный соратник Энгельс. После смерти Энгельса, в новых условиях империализма, оппортунизм в мировом рабочем движении стал крепнуть и захватывать господство во II интернационале. «Между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным—с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма» [2]). Особенности так называемой «мирной» исторической эпохи капитализма конца XIX в. с ее буржуазной легальностью, парламентаризмом, быстрым ростом бюрократии и «рабочей аристократии» особенно способствовали росту оппортунизма. Созданный в 1889 г. II интернационал отошел от марксизма. Опираясь на рабочую аристократию, оппортунизм стал проповедывать буржуазный реформизм вместо социалистической революции, сотрудничество классов вместо классовой борьбы, буржуазный шовинизм в защиту своего буржуазного «отечества» вместо гражданской войны, к которой призывал Маркс для завоевания и укрепления диктатуры пролетариата. Так оппортунизм в своем развитии докатился до открытого предательства и измены рабочему классу.

Активное проявление оппортунизма как буржуазной политики в мировом рабочем движении требовало решительной борьбы с оппортунизмом на два фронта, а также с центризмом и примиренчеством как разновидностями оппортунизма. И эту борьбу единственно последовательно, до конца проводила с первых дней своего существования, с 1903 г., только одна действительно революционная партия—партия большевиков во главе со своим организатором и вождем Лениным. «Всякий большевик знает, если он действительно большевик, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 года, когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас в российской социал-демо-

[1]) Э н г е л ь с. Письмо к Бернштейну от 25/I 1882 г.
[2]) С т а л и н. Вопросы ленинизма, изд. 7-е, стр. 11.

кратической партии и там, во II интернационале, в частности в германской социал-демократии» [1]).

14 марта 1883 г. «человечество стало ниже на одну голову, и как раз на самую замечательную из всех, которыми оно в наше время обладало» (Энгельс). Умер Маркс—великий вождь и первый учитель рабочего класса. Но дело его осталось жить и крепнуть. Его учение овладело массами и стало несокрушимой силой.

Марксизм достиг своего триумфа, и поэтому его враги, как говорил Ленин, начали «рядиться» в марксизм, чтобы его извратить и опошлить. Каутские и Бернштейны не пренебрегали никакими средствами для извращения и фальсификации марксизма. Их наглость дошла до того, что сейчас уже Каутский откровенно заявляет, что «периодическая ревизия марксизма является неизбежной и даже необходимой». Он утверждает, что «все более широкие и ожесточенные классовые бои имели бы место и без марксизма, как и без марксизма дело дошло бы до образования рабочих партий, стремившихся к завоеванию политической власти» [2]).

Произошла чудовищная измена и предательство рабочего класса. Наступил крах II интернационала. Партия Каутского стала партией социал-фашизма, главной социальной опорой буржуазии.

Величие Ленина состоит в том, что он в течение всей своей политической деятельности вел непримиримую борьбу за марксизм, против всяких попыток его извратить и опошлить. Ленин отстоял марксизм и развил его дальше применительно к новой эпохе империализма и пролетарской революции. Величие Ленина состоит в том, что он не только умел мастерски применять марксистскую диалектику, но развил и поднял марксизм на высшую ступень.

Маркс и Энгельс никогда не рассматривали свое учение как догму, как неизменную букву, они предвидели неизбежность и необходимость дальнейшего развития их взглядов, но решительно боролись с извращением основных идей, основного направления и метода научного социализма. Они завещали коммунистам развивать их революционную теорию. Этот завет основоположников марксизма выполнил Ленин и сейчас выполняет т. Сталин. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное,—писал Ленин в 1899 г.,—мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отставать от жизни» [3]).

Ленин развил, обогатил и поднял марксизм на высшую ступень. Разрабатывая учение Маркса о гегемонии и диктатуре пролетариата как главное в марксизме-ленинизме, разрабатывая теорию и тактику пролетарской революции, Ленин исключительно большое внимание уделял разработке марксовых «основных набросков о партии». Давая классическую характеристику того нового, что внес Ленин в сокровищницу марксизма, т. Сталин говорит: «Новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма, показав, что а) партия есть высшая форма классовой организации пролетариата в сравнении с другими формами организации пролетариата (профсоюзы, кооперация, государственная организация), работу

[1]) Сталин, Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция».
[2]) Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 629 и 638.
[3]) Лен. сб. I, стр. 15.

которых призвана она обобщать и направлять; б) диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу; в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями; г) без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплоататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое» [1]).

Величие Ленина состоит в том, что он не только отстоял и развил марксизм, но и воплотил в жизнь теоретические положения Маркса и Энгельса. Он создал боевую, монолитную, действительно революционную партию большевиков, партию нового типа, партию международной пролетарской революции. Он создал Коммунистический интернационал, который является единственным наследником, прямым продолжением Интернационала Маркса. Он победно организовал и руководил пролетарской революцией в России.

Маркс возлагал большие надежды на русскую революцию, он изучал экономические и политические условия России и с этой целью изучил русский язык. Он связывал перспективы мировой революции с победой революции в России. Еще в 1875 г. Энгельс писал Бебелю: «Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс. А если это совершится во время неизбежной войны между германо-прусской империей и Россией,—что весьма вероятно,—то неизбежно и обратное воздействие на Германию» [2]). И эти надежды основоположников марксизма осуществил Ленин. Благодаря его руководству победила социалистическая революция в Октябре, которая, как и предвидели Маркс и Энгельс, «придаст всей Европе другой облик» [3]) и «по Европе повеет другим ветром» [4]). Уже тогда Маркс видел международное значение революции в России и интернациональный характер деятельности ее пролетарской партии. И в этом смысле историческое значение имеет тот факт, что представителем в Генеральном совете I интернационала от рабочего движения России был Маркс.

В результате тридцатилетней борьбы нашей партии мы в состоянии пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Маркса отмечать в стране строящегося социализма. В упорной борьбе по строительству социализма наша партия осуществляет великое дело Маркса—Энгельса—Ленина. Наши всемирно исторические победы выполнения пятилетки в 4 года являются лучшим памятником о жизни и борьбе основоположников марксизма. И потому в день пятидесятилетия со дня смерти Маркса только наша партия и Коминтерн могут смело и уверенно заявить: Маркс наш, он принадлежит только нам, коммунистам, и дело его мы доведем до полной победы во всем мире!

Величайшая роль т. Сталина, вождя и теоретика нашей партии и международного пролетариата, состоит в том, что в борьбе за строительство социализма в нашей стране и за большевистское руководство международным рабочим движением он отстоял марксизм-ленинизм от многочисленных попыток его извратить и опошлить со стороны троцкизма, превратившегося в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, со стороны правого оппортунизма, этой главной опасности на данном этапе, со стороны «левого» оппортунизма, примиренчества и всяких иных антипартийных и контрреволюционных вылазок классового врага и его агентуры внутри партии. В этой борьбе т. Сталин разработал и внес крупнейший теоретиче-

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 327—328, удешевл. изд. 1930 г.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 95—96.
[3]) Там же, стр. 172.
[4]) Там же, стр. 170.

ский вклад в марксизм-ленинизм. Все работы т. Сталина показывают лучший образец применения и дальнейшего развития марксистско-ленинской диалектики. Эти работы поставили т. Сталина на высоту классиков марксизма-ленинизма рядом с великими теоретиками и вождями международного пролетариата — Марксом — Энгельсом — Лениным.

Необходимо особо отметить громадное значение теоретических трудов т. Сталина в дальнейшей разработке ленинского учения о партии. Его разработка вопросов о коммунистической партии как партии нового типа, о ее стратегии и тактике, о партии в системе диктатуры пролетариата, о повышении руководящей, авангардной роли партии в период строительства социализма, об искусстве большевистского руководства, о диалектическом изменении форм партийной организации и методов партийной работы на различных этапах классовой борьбы и целого ряда других вопросов, развивающих теоретические и организационные принципы большевизма, а также вопроса о непримиримой борьбе на два фронта против оппортунизма, против примиренчества и гнилого либерализма как основного условия строительства и победы партии—является крупнейшим вкладом в развитие ленинского учения о партии.

«Ленинизм требует монолитности и единства на основе решительного и беспощадного выкорчевывания всех мелкобуржуазных течений в рядах пролетарской партии. Именно такое единство в партии мы имеем в настоящий период. И этим партия в значительной мере обязана правильному, умелому ленинскому руководству лучшего продолжателя дела Ленина— т. Сталину. Вот почему партия, а с ней и весь рабочий класс, приветствует т. Сталина как своего общепризнанного вождя» (Каганович).

Под руководством т. Сталина наша партия и Коминтерн продолжают и победоносно завершат великое дело Маркса — Энгельса — Ленина, дело построения социализма, дело международной пролетарской революции.

БИБЛИОГРАФИЯ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА О ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

1) «К критике гегелевской философии права», Введение, Собр. соч., т. I.
2) «Письма из Англии», Собр. соч., т. II.
3) «Положение рабочего класса в Англии», Собр. соч., т. III.
4) «Подготовительные работы для «Святого семейства», глава IV, Собр соч., т. III.
5) «Последняя бойня в Лейпциге». Рабочее движение в Германии, Собр соч., т. V.
6) «Положение Германии», письмо 3-е, Собр. соч., т. V.
7) «Праздник народов в Лондоне», Собр. соч., т. V.
8) «Манифест против Криге», Собр. соч., т. V.
9) «Коммунизм «Рейнского обозревателя», Собр. соч., т. V.
10) «Коммунисты и К. Гейнцен», Собр. соч., т. V.
11) «Морализующая критика и критизирующая мораль», Собр. соч., т. V.
12) «Гражданская война в Швейцарии», Собр. соч., т. V.
13) «Революционные движения в 1847 году», Собр. соч., т. V.
14) «Письмо П. В. Анненкову», Собр. соч., т. V.
15) «Нищета философии», Замечание седьмое и последнее и глава V, Собр. соч., т. V.
16) «Принципы коммунизма», Собр. соч., т. V.
17) «Манифест коммунистической партии», Собр. соч., т. V.
18) «Прусский ландтаг и пролетариат в Пруссии и в Германии вообще» Собр. соч., т. V.
19) «Парламент английских рабочих», Собр. соч., т. V.
20) «Устав «Союза коммунистов», Собр. соч., т. V.,
21) «Устав I интернационала».
22) «Маркс и «Новая рейнская газета», Собр. соч., т. VI.

23) «Революция и контрреволюция в Германии», главы I, V, VI, VII, VIII. Собр. соч., т. VI.
24) «Демократическая партия», Собр. соч., т. VI.
25) «Июньская бойня в Париже и ее влияние на Германию», Собр. соч., т. VI.
26) «Восстание во Франкфурте и Кельне», Собр. соч., т. VI.
27) «Первый процесс «Новой рейнской газеты», Речь Маркса, Собр. соч., т. VII.
28) «Буржуазия и контрреволюция» (баланс прусской революции). Собр. соч., т. VII.
29) «Классовая борьба во Франции» (1848—1849 гг.), Собр. соч., т. VIII.
30) «Гражданская война во Франции».
31) «Десятичасовой рабочий день», Собр. соч., т. VIII.
32) «Крестьянская война в Германии», глава VII, Собр. соч., т. VIII.
33) Критика и рецензии. О книгах А. Шеню и Л. Де-Ла-Одда, Собр. соч., т. VIII.
34) «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Собр. соч., т. VIII.
35) «Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре 1851 г.», Собр. соч., т. VIII.
36) «Готфрид Кинкель», Собр. соч., т. VIII.
37) «Первое обращение Центрального комитета к «Союзу коммунистов», Собр. соч., т. VIII.
38) «Второе обращение Центрального комитета к «Союзу коммунистов», Собр. соч., т. VIII.
39) «Процесс коммунистов в Кельне», Собр. соч., т. VIII.
40) «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», глава VI, Собр. соч., т. VIII.
41) «Анти-Дюринг», отдел третий—социализм, Собр. соч., т. XIV.
42) «Людвиг Фейербах», глава VI, Собр. соч., т. XIV.
43) «Тезисы о Фейербахе», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга 1-я.
44) «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса», под ред. Адоратского, №№ 2, 23, 26, 81, 89, 143, 153, 156, 157, 160—162, 171, 174, 179, 180, 183, 193, 194, 196—198, 204, 207, 219.
45) «Маркс и Энгельс о тактике и программе социал-демократии», составил т .Дункер, изд. «Прибой», 1930 г.
46) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга 1-я, изд. 1930 г., Письма Ф. Энгельса к Э. Берштейну, №№ 19 и 57.
47) «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.», изд. 1908 г.
48) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), издание института Маркса—Энгельса—Ленина, 1932 г.
49) Энгельс, «14 марта 1883 г.», изд. ИМЭЛ 1933 г.

Маркс как историк

М. Щукарь

Энгельс, отмечая замечательные научные открытия Маркса, на первое место ставил «переворот, произведенный им во взглядах на всемирную историю». Оценивая значение этого переворота, Энгельс писал, что благодаря Марксу «...история впервые была поставлена на свое действительное основание».

В течение тысячелетий мыслители идеалистического толка приписывали идеям самостоятельную жизнь и создавали иллюзию своей подчиненности, своей абсолютной зависимости от жизни идей, оторванных от земной действительности. Историческая наука стояла на голове. Маркс поставил ее на ноги и утвердил на земле. Начиная с Маркса история становится изображением «практической деятельности, практического процесса развития людей».

История общества начинается с зарождения производства. С разложения первобытного общества до эпохи империализма развитие производительных сил возможно было только на основе классового присвоения продуктов труда, на базе эксплоатации. Один способ производства, основанный на одних формах собственности, сменялся другим, основанным на новых имущественных отношениях. Носитель нового способа производства — восходящий класс — революционно свергал старый господствующий класс и разрушал старые производственные отношения. История общественного развития являлась историей борьбы классов.

С отдаленнейших времен производство было обусловлено материальной организацией самих людей и окружавшей их природой, но эти условия производства видоизменялись самими людьми по мере усовершенствования ими средств производства. В процессе изменения производительных сил общества и соответствующих им условий жизни изменяются не только идеи людей, но и сама способность мышления; все творчество принимает иной характер.

До эпохи промышленного капитализма развитие производительных сил шло чрезвычайно медленно и было незаметным даже для ряда поколений. Людей устрашала и угнетала их беспомощность перед грозной стихией природы, эта беспомощность отражала слабость их производительных сил. Это угнетенное состояние усугублялось произволом господствовавших классов, защищавших эксплоататорские производственные (имущественные) отношения. Низкий уровень производства периода натуральных форм хозяйства и периода их разложения, ограниченный узким локальным горизонтом общественной жизни и слабыми средствами производства, давил и сковывал сознание. Люди выражали недоступные и непонятные им силы, превращенные ими в господствующие силы, в натуральных формах общества в их натуральном виде, а по мере развития обмена и денежного обращения в абстрагированном, оторванном от земли виде—в форме потустороннего, небесного, божествен-

ного мира, созданного по образу и подобию земных общественных отношений. Так например у китайцев религиозные представления о самостоятельной жизни богов и духов на небе, сложившиеся в эпоху раннего феодализма, представляют собой на редкость точное воспроизведение феодальной иерархии на земле. В области идеологии человек не мог выдумать ничего сверх того, что он мог видеть вокруг себя. «Если сознательное выражение реальных отношений этих индивидов иллюзорно, если в своих представлениях они ставят свою действительность на голову, то это в свою очередь является следствием их ограниченного способа деятельности и вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений» [1]). Люди считали порождение своей головы — идею и ее развитие — двигателем жизни, политику — продуктом идеологии и основой исторических перемен, а политических властелинов— Краснобородых (Барбаросс), Великих, Благочестивых, Грозных—«богом помазанными» вершителями своих судеб. Они не ставили вопроса, как возникают идеи и чем вызваны изменения в политике. Отсутствие такой постановки вопроса есть коренной момент этой ограниченности горизонта и скованности сознания; оно определялось уровнем развития разделения труда и классовых противоречий.

Процесс мышления, глубина исследования и осознания действительности зависят от уровня развития производительных сил и общественных отношений. Поэтому в предшествовавшие Марксу эпохи исследователи не могли дойти до понимания того, что идеи—продукт общества и созданы общественным характером производства, что развитие идеи создается только под'емом общества и прежде всего его материальных производственных условий, что общество связано только трудовым процессом, что всякая новая эпоха определяется новым способом производства, вызывающим переворот в деле производительности труда, и следовательно история есть прежде всего история труда, история смены производительных сил и производственных отношений, история классовых сдвигов, без которых нельзя об'яснить сдвиги в политике и идеологии.

Великие открытия эпохи разложения феодализма и рождения буржуазного общества, развитие новых торговых путей и рост денежных отношений, разрывавших натуральные формы хозяйства,— будучи необходимыми предпосылками капитализма,— сами по себе не вносили коренных изменений в развитие производительных сил и не конструировали нового способа производства. Решающее значение производительных сил для развития всего общества было резко проявлено промышленным переворотом конца XVIII и начала XIX века. Определяющее значение имущественных отношений для политики и идеологии в наиболее обнаженном виде выразилось в классовой борьбе Великой французской революции. Английская буржуазная революция XVII в. в соответствии с характером хозяйственных отношений того времени была еще сильно облачена религиозными представлениями [2]), и первый более ясный анализ борьбы имущественных и классовых интересов в этой революции стал возможным лишь после французской революции и был дан в первой половине XIX в. в английской и французской исторической науке.

---

[1]) «Для жизни прежде всего нужны еда и питье, жилище, одежда и еще кое-что... Таким образом, первое требование, которому должна удовлетворять всякая историческая концепция, есть наблюдение этого основного факта во всем его значении и об'еме и отведение ему надлежащего места». Маркс и Энгельс, кн. 1-я, Немецкая идеология, стр. 219.

[2]) «Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями ,заимствованными из Ветхого завета». Маркс, «18 брюмера». Собр. соч., т. VIII, стр. 324.

* * *

Классовые битвы и революционно-заостренная постановка вопросов в Великой французской революции 1789—1794 гг. оказали крупное влияние на плеяду буржуазных историков в начале XIX в. Проблески понимания того, что имущественные отношения и их изменения определяют отношения политические и что Великая французская революция разыгралась как классовая борьба за господство между буржуазией и феодалами, проявили французские и английские историки первой половины XIX в.—Тьерри, Минье, Гизо, Джон Уэд и др. Но вопрос о значении имущественных отношений решался ими туманно, противоречиво и более ощупью, чем научным анализом истории общества. При этом вопрос о причинах имущественных изменений, вопрос о решающем значении развития производительных сил либо не ставился ими вовсе, либо эти причины близоруко об'яснялись «средневековым завоеванием и его социальными последствиями» или человеческой «природой». Такие причины в свою очередь нуждались в выяснении, которое могло быть найдено только в экономической истории. А классовую борьбу в истории они признавали только как борьбу буржуазии против феодального дворянства, отрицая закономерность борьбы пролетариата против буржуазии. На последнем пункте рьяно сошлись все буржуазные историки. Фашисты и социал-фашисты могут многому научиться у них в своей пропаганде «единства нации» и «гражданского мира».

Наиболее крупный из буржуазных историков Огюстэн Тьерри (1795—1856 гг.) начал с восстания против историографии, сводившей всю историю к описаниям жизни дворян и королей. Он требовал истории народа, подданных, граждан. Но как идеолог буржуазии в борьбе против дворянства он меняет тактику по мере политических успехов своего класса. После революции 1848 г. он признает, что дворянство и духовенство играли крупную роль в «развитии гражданского общества во Франции» [1]). Тьерри научно обосновал ссылками на историю ту мобилизацию всех реакционных сил, своих вчерашних классовых врагов, которую проводила буржуазия в борьбе против пролетариата. Июньское восстание пролетариата заставило Тьерри окончательно отказаться от теории классовой борьбы. Он сознается о впечатлении, произведенном на него революцией 1848 г.: «Я был потрясен ею вдвойне, как гражданин, во-первых, и затем, как историк» [2]). В течение нескольких веков борьбы третьего сословия до 1789 г., пишет он в «Истории образования и развития третьего сословия», «последовательно исчезали с территории, на которой мы живем, все черты жестокого и несправедливого неравенства, противоположности раба и господина, победителя и побежденного, сеньора и крепостного и на их место выдвинулся, наконец, единый народ, единый равный для всех закон, единая свободная и самодержавная нация» [3]). С приходом к господству либеральной буржуазии, утверждает Тьерри нет более классов, потому что «нет более третьего сословия, ибо как название, так и самый класс исчезли в общественном перерождении 1789 г.» [4]). В десятых и двадцатых годах XIX в. он утверждал нечто иное, но революция 1848 г. толкает его на заявление, что нельзя искать «в истории корней антагонизма, возникшего лишь вчера и разрушающего общественное спокойствие» [5]). Маркс, заинтересовавшийся этой книгой Тьерри, показывает в письме к Энгельсу от 27 июля 1851 г., как много в книге Тьерри материалов, доказывающих, что корни антагонизма между народом и буржуазией воз-

[1]) Огюстэн Тьерри, История происхождения и успехов третьего сословия, перевод Виппера. М., 1899 г., стр. 38—39.
[2]) Там же, стр. 37.
[3]) Там же, стр. 42.
[4]) Там же, стр. 41.
[5]) Там же, стр. 34.

никли вместе с возникновением буржуазии. Тьерри же всеми силами пытается доказать, что третье сословие об'единяет весь народ, что противопоставление пролетариата буржуазии есть «предрассудки, распространяемые системами, которые стремятся разделить массу нации, ныне единую и однородную, на взаимно враждебные классы» [1]).

Так самостоятельное выступление пролетариата в 1848 г. вышибло научное оружие — теорию классовой борьбы — из рук «этого господина, «отца классовой борьбы» во французской исторической науке», как его именовал Маркс. Буржуазные историки, связанные своими классовыми интересами и боязнью пролетариата, не могли ни разработать углубленно теории классовой борьбы, ни сделать ее достоянием буржуазной исторической школы. Отцы учения о классовой борьбе стали отцами учения о классовом мире. В этом заключается партийность буржуазной исторической науки, связанная с фальсификацией действительности для защиты буржуазного господства.

Не один Тьерри круто свернул от теории классовой борьбы к теории классового мира, когда развернулась борьба пролетариата против буржуазии. Гизо даже предупредил его.

Гизо восхвалял классовую борьбу в Великой французской революции. Он понимал также, что «колыбелью» республики 1848 г. была гражданская война. Он с неменьшим уважением, чем шейдемановцы и каутскианцы, относился к республиканской форме правления: «Я не хочу говорить о республиканском правительстве иначе, как с уважением. Сама по себе это благородная форма правления» [2]). Известно, с какой ретивостью социал-фашизм ставит себе в величайшую заслугу спасение «республики»... от революционного пролетариата. Требования, которые пред'являл Гизо республиканскому правительству, также по существу не отличаются от требований социал-фашистов и задач, которые они преследуют, входя в состав буржуазно-республиканских правительств: «Требуется, чтобы оно удовлетворяло постоянным и насущным потребностям общества, которым оно призвано управлять. Постоянная потребность всякого общества, первая потребность современной Франции, это потребность в мире внутри самого общества» [3]).

Тезис социал-фашистских лекарей капитализма о том, что решение коренных противоречий капиталистического общества методами гражданской войны отжило свой век и недостойно «цивилизованного» общества,— этот тезис был классически сформулирован еще Гизо: «В то время, как среди нас раздаются слова о социальном единстве и братстве, гремит также и гражданская война, ожесточенная и неизбежная, ужасная по тем бедствиям, которые она заставляет претерпевать и которые она заставляет предвидеть. Я не хочу бередить эту столь мучительную рану. Однако необходимо, чтобы ее ощутили и прощупали, чтобы исцелить. Это—старая язва. Борьбой различных классов нашего общества заполнена наша история. Наиболее общим и наиболее мощным ее взрывом была революция 1789 г. Дворянство и третье сословие, аристократия и демократия, буржуазия и рабочие, собственники и пролетарии—сколько форм, сколько различных фаз социальной борьбы, терзающей нас так долго. И как раз в момент, когда мы хвалимся, что достигли апогея цивилизации, при шуме наиболее гуманных слов, когда-либо исходивших из человеческих уст, эта борьба возрождается более неистовой, более жестокой, чем когда бы то ни было. Это — бич, это — позор, который не может терпеть наша эпоха. Внутренний мир, мир между всеми классами

---

[1]) Огюстэн Тьерри, История происхождения и успехов третьего сословия, перевод Виппера. М., 1899 г., стр. 34.

[2]) «De la démocratie en France». Par M. Guizot, Paris 1849, стр. 34.

[3]) Там же, стр. 34.

граждан, социальный мир! — это высшая потребность Франции, это — крик спасения» [1]).

Какое буквальное совпадение лозунгов идеолога зрелой буржуазии середины XIX в. и современного социал-фашизма—главной опоры империалистической буржуазии. Социал-фашисты обокрали Гизо. Но в слепом услужении буржуазии они оказались тупее и ограниченнее Гизо, понимавшего, что пролетариат не уступит и не отступит, что он «ведет борьбу на-смерть». Героическая июньская битва пролетариата с буржуазией заставляла Гизо задумываться и сомневаться: «Даст ли нам демократическая республика социальный мир? Она нехорошо дебютировала в этом направлении. Едва лишь рожденная, она выдержала и сама вызвала гражданскую войну. Это для нее—большое несчастье. Правительствам бывает очень трудно вылезть из того, что являлось их колыбелью. Достигнет ли этого демократическая республика? Восстановит ли она современем социальный мир?» [2])

Этому вполне основательному сомнению буржуазии не подвержен, как известно, социал-фашизм. Верный слуга не сомневается, он беспрекословно выполняет поручения хозяина. Он громит революционный пролетариат, всеми средствами отметает сомнения в необходимости буржуазной республики, одурачивает и притупляет сознание масс. Он тянет вспять революционизирующееся сознание масс.

Гизо конечно не был ослеплен «республикой», он лишь приспособлялся ко времени и маскировался. Министр июльской монархии—он был сторонником конституционной монархии. Но откровенной пропагандой этой политической формы занялся Тьерри, когда была разгромлена республика 1848 г. и воцарился Наполеон III. Ради пропаганды конституционной монархии Тьерри не постеснялся «пересмотреть», т. е. фальсифицировать историю Франции. Политические симпатии исследователя определили угол рассмотрения истории. Буржуазные историки середины XIX в. были откровеннее и честнее нынешних и не маскировали тенденциозности своих исследований. Огюстэн Тьерри доказывал, что конституционная монархия представляла собой «союз между национальной традицией и принципами свободы». Его симпатии к французской революции не шли дальше 1791 г. Все национальные традиции, всю историю Франции он свел к доказательству политического лозунга либеральной буржуазии: «Историк, окидывая своим взором семивековый период и возвращаясь к окружающим явлениям, замечал правильное развитие гражданского и политического прогресса, а на двух концах пройденного пути видел одну и ту же нацию, одну и ту же монархию связанными между собою, вместе видоизменяющимися» [3]). Это была точка зрения буржуазного историка, и с этой позиции, как он уверяет, «с этой точки зрения история Франции поражала красотой единства и простоты, я живо чувствовал величие подобного зрелища и под его впечатлением я задумал соединить в одно целое изложенные факты, отмечающие постепенное развитие третьего сословия» [4]). Такова уж от века научная «об'ективность» всех буржуазных историков, стоящих на точке зрения защиты классового общества и руководимых политическими соображениями своего класса.

Только исследователь, ставший на сторону пролетариата и осознавший его великую историческую роль, мог поднять знамя классовой борьбы в исторической науке, вывести эту научную теорию за те узкие рамки, в которые ее поставили буржуазные историки, развить и углубить ее. Таким исследователем был Маркс.

---

[1]) «De la démocratie en France». Par M. Guizot. Paris 1849, стр. 34—35.

[2]) Там же, стр. 36.

[3]) Огюстэн Тьерри, История происхождения и успехов третьего сословия, перевод Виппер. М., 1899, стр. 3.

[4]) Там же, стр. 5.

Пролетариату нечего было скрывать, опасаться, маскировать, замазывать, потому что это—единственный в истории класс, идущий к власти без эксплоататорских целей. Поэтому его вождь, теоретик и историк—Маркс—первый в мировой историографии создал полностью правдивую, всецело соответствующую действительности историческую науку, основанную на последовательной и революционной теории исторического материализма.

* * *

Маркс — историк во всех своих работах, во всех областях науки. Будучи преемником всего лучшего, созданного немецкой философией, английской политической экономией и французским социализмом, Маркс, критически переработав это наследство именно как историк, впервые создал цельные и научно-последовательные: политическую экономию, диалектико-материалистическую философию, исторический материализм, обосновав важнейшее в этих науках: теорию диктатуры пролетариата и коммунизм. В «Капитале» Маркс открыл экономический закон развития и гибели капиталистического общества. Все экономические явления капитализма Маркс раскрывал в их истории и в их историчности. Будучи гениальнейшим и глубочайшим диалектиком, Маркс революционизировал все науки и прежде всего историческую науку. «История есть для нас все и ценится она нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она в конце концов служит для проверки его логической задачи»[1]) — писал еще в 1844 г. Энгельс, с этого года единомышленник и соратник Маркса. И оба отметили в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории». Историческая наука в полном смысле этого слова начинается с Маркса.

Маркс умел видеть явления в их действительном и обнаженном виде, без тряпичной мишуры, которыми их прикрывали господствующие классы, без накипи и пыли, которые наслаивались в предшествовавшие века. Такого умения не может быть у исследователя, который рассматривает явление изолированно, ослепляясь и тем самым порабощаясь его видимой поверхностью, неисторично, идеалистично. Маркс был глубоко прав, ставя современных ему историков ниже лавочников по умению отличать видимую внешность от действительного содержания, по способности различать людей и факты от костюмов, в которые они наряжаются: «В то время, как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя кто-нибудь, и тем, чем он является в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального знания; она верит на-слово каждой эпохе в том, что она говорит о себе и что она воображает о себе» [2]).

Создав теорию общественных формаций, определяемых способом производства, Маркс вместо идеалистического нагромождения и метафизических измышлений воссоздал в науке железный костяк исторического процесса борьбы классов и выяснил законы и причины развития общественных формаций.

С исключительной глубиной и убедительностью показывает Маркс в «Немецкой идеологии», как лишь капиталистический способ производства и развитие крупной промышленности, разрушая натуральные отношения и натуральную замкнутость отдельных народов, превращают историю во всемирную историю.

Маркс конкретно-исторически описал, как происходит разрушение натуральных отношений, насильственное освобождение крестьян и ремесленников от их средств производства, превращенных в средства эксплоатации, как личные отношения в обществе прикрываются общественными отноше-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. II, стр. 343.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса», книга первая. Гиз, 1924 г., стр. 233.

ниями вещей, маскирующими жесточайшую эксплоатацию, величайшее неравенство, действительные причины обнищания масс. Это историческое описание не имеет в мировой литературе ничего себе равного по глубине анализа, по мастерству изложения.

Маркс раскрыл заколдованный круг «вечной» истории капиталистического общества, показав его начало, ход развития и конец, нарисовав картину первоначального накопления и доказав неизбежность социалистической революции, диктатуры пролетариата. Кто-то весьма пессимистически, но все же удачно выразился, что первый шаг ребенка в жизни есть его первый шаг к смерти. Это в полной мере относится к капиталистической общественной формации. Раскрыв разбойную предисторию капитализма, Маркс имел все основания издеваться над побасенкой апологетов частной капиталистической собственности, которую в его время распространял историк Тьер. В наше время она усиленно распространяется поповской, буржуазной и прислуживающей ей социал-фашистской литературой. «В незапамятные времена,— излагает Маркс взгляды Тьера,— существовала, с одной стороны, кучка трудолюбивых, разумных и прежде всего бережливых избранников и, с другой стороны, масса лентяев, оборванцев, прокучивающих все, что у них было, и даже больше того. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. С того времени существует широкая масса бедноты, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и горсточка богачей, богатство которых постоянно растет, хотя они давным давно перестали работать» [1]). Этой пасторали, полной буржуазного морального самоуспокоения, Маркс противопоставил яркую картину действительной истории, в которой «крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой,— одним словом, насилие». Изображенные Марксом на классическом примере Англии процесс образования массы наемных рабочих и скопления капитала в немногих руках, процесс безжалостной экспроприации карликовых производителей, история капиталистической эры, начавшейся в XVI в.,— все это не только самая блестящая, но единственная по сей день верная история Англии, история ее разбойных методов развития. Прославленного буржуазией историка Англии Маколея Маркс разоблачает как «систематического фальсификатора истории».

Буржуазные историки прославляли подвиги буржуазии в борьбе за освобождение мелких производителей от гнета феодальных привилегий, крепостничества, купеческих и цеховых монополий. «...И лишь одна эта сторона существует для наших буржуазных историков. Но с другой стороны освобожденные становятся продавцами самих себя, когда у них ограблены все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старыми феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации основывается не на простых догадках. Она вписана в историю человечества неугасимыми знаками крови и огня (unverlöschlichen Zügen von Blut und Feuer) [2]). С XVI по XIX в. на голоде, нищете и крови трудящихся масс создавала буржуазия путем насилия капиталистическую собственность, и история хищнического первоначального накопления, написанная Марксом, представляет самые огненные страницы в книге человеческой истории.

Раскрыв исторически тайну создания капиталистического способа производства, проанализировав экономическое содержание буржуазного общества, вскрыв тайну возникновения буржуазных «свободы и равенства», Маркс одновременно сорвал маски с этих буржуазных свобод. Освобожденный от крепостнической и цеховой зависимости, рабочий становится свободным

[1]) Маркс, Капитал, цит. изд., стр. 735—736.

[2]) Ввиду грубых ошибок в русском переводе сверяю и исправляю цитаты по изд. Das Kapital, Volksausgabe, Berlin, 1923, S. 646.

продавцом своей рабочей силы, лишь будучи экспроприированным от своих средств производства и от «всех гарантий существования». Он вынужден продаваться в капиталистическое рабство, чтобы не умереть с голода.

Разоблачив данную буржуазными историками «мирную» историю капиталистической эры, Маркс дал нам оружие в борьбе с нынешними буржуазными «законниками», негодующими против вполне закономерной насильственной экспроприации капиталистических элементов в СССР. Буржуазия обнаруживает куриную память к своей собственной истории. Пять веков назад началось грабительское создание элементов капиталистического способа производства, который господствует почти полтора века. За это время его основное противоречие—между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения—достигло катастрофического обострения. При огромных производительных силах, которые могли бы в руках пролетариата с избытком насытить все человечество, сегодня в капиталистическом мире голодает свыше половины пролетариата и влачат нищенское существование сотни миллионов разоренных крестьян. Голодные походы безработных и беспризорных в Англии и САСШ—не напоминают ли они дороги Англии в XVI в., когда с пустыми желудками шли толпы «огороженных», экспроприированных крестьян? Только времена стали другими. Тогда двигались феодальные рабы, ограбленные и насильственно превращенные в пауперов. Теперь надвигается рабочий класс с огнем и светом в глазах, экспроприатор буржуазии, которого Маркс и Ленин научили, как действовать, чтобы полностью освободиться от эксплоатации, безработицы, нищеты и голода.

Если «экспроприация непосредственных производителей проводилась с беспощаднейшим вандализмом и побуждалась бесстыднейшими, грязнейшими, мелочно-отвратительными страстями», то экспроприация капиталистов, проведенная в СССР в несравненно более короткие сроки, совершилась с целью свободного развития общественных производительных сил и окончательного раскрепощения трудящихся масс. «Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь дело заключается в экспроприации немногих узурпаторов народной массой» [1]). Пролетариат экспроприирует эксплоататоров в ожесточенной классовой борьбе, огнем и кровью, всемерно укрепляя свою диктатуру против бешено сопротивляющихся эксплоататорских и паразитических элементов. Иначе в классовом обществе новый способ производства не создается. Этому учат Маркс и Ленин, развивавший марксову теорию пролетарской революции в эпоху империализма.

Учение о роли революционного насилия в истории классового общества, особенно учение о значении насилия в ликвидации классового общества,— один из основных моментов теории марксизма. Эту теорию извратили оппортунисты, отрицали ее вовсе. Маркс особенно и усиленно подчеркивал, что «покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, так как насилие—средство для управления; если он сам еще остается классом и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т. е. существование классов, они должны быть насильственно устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен» [2]) .

Торгово-капиталистическая монополия была историческим предшественником капитализма и вместе с тем тормозом, оковами развития капи-

---

[1]) Маркс, Капитал, стр. 691.

[2]) «Государственность и анархия», Летописи марксизма, кн. II, стр. 93.

тализма. Монополистические гильдии были революционно разрушены промышленной буржуазией. Финансово-капиталистическая монополия есть последний этап капитализма, монополия на высшей ступени капитализма, за которой для него открывается пропасть, куда его должен свалить пролетариат. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета... Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (Маркс, «Капитал»).

* * *

Все работы Маркса написаны с позиций революционного пролетариата и от первой до последней строки пронизаны боевой коммунистической партийностью. Только в целях оправдания своего меньшевистского прошлого и в угоду социал-фашизму, извратившему все историческое наследие Маркса, Рязанов и его последователи пустили клеветническую версию о том, что Маркс в начале революции 1848 г. был лишь мелкобуржуазным радикалом. Маркс, разделавшийся с буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками в «Немецкой идеологии», давший первый бой мелкобуржуазному движению в рабочем классе — прудонизму — в «Нищете философии», тем более Маркс, творец «Коммунистического манифеста» (программы коммунистической партии), ни на иоту не подвергался мелкобуржуазным влияниям, ни разу и ни на один шаг не уклонялся в сторону от позиций революционного пролетариата и вел неустанную и непримиримую борьбу на два фронта— против правых и «левых» оппортунистов.

Исторические работы Маркса складываются из статей и памфлетов, написанных в пылу классовых боев, когда события часто только начинали развертываться или когда пороховой дым над баррикадами еще не развеялся. И все же нет во всемирной исторической библиотеке ничего более солидного, научно обоснованного, безошибочного по прогнозам, более широкого по охвату, глубокого по эрудиции, верного и меткого по классовым характеристикам, чем исторические работы Маркса. Поныне нет такой проблемы в борьбе классов, на которую нельзя было бы найти совершенно исчерпывающее решение и ответ у Маркса.

Исходя из опыта революций, Маркс доказал, что ни одна революция не может быть доведена до конца без восходящей линии вооруженных восстаний масс, без диктатуры наиболее передового и героического класса, без ожесточенной гражданской войны, без красного террора, без плебейской расправы с врагами революции. Великая французская революция довела до конца создание буржуазного общества, пользуясь этими средствами и методами. «Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, междуусобная война и битвы народов» [1]) — писал Маркс в «18 брюмера». И там же, как и в ряде других произведений, Маркс показал, что победоносность этой революции была обеспечена ростом, перерастанием, все более смелым размахом на новой стадии по мере исчерпания прошедшей стадии, восходящей линией движения. «В первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, а господство жирондистов сменяется господством якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия довела революцию настолько далеко, что она более не в состоянии не только итти впереди революции, но и следовать за ней,—ее отстраняет и отправляет на гильотину ее, стоящий за ней, более смелый союзник. Революция двигается, таким образом, по восходящей линии» [2]).

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 324.
[2]) Там же, стр. 343.

Маркс и Энгельс не только не осуждали красный террор, как это делали «гуманные и цивилизованные» оппортунисты. Маркс и Энгельс видели в терроре абсолютно неизбежную и исторически необходимую особенность и гарантию победоносной революции, а в массовых восстаниях — решающий двигатель революции. Так Энгельс писал В. Адлеру 4 декабря 1889 г., что во французской революции только «энергия плебеев,— предтеч позднейшего пролетариата,—спасала республику». Благодаря Ленину [1]) широко известно то место из сочинений Маркса и Энгельса, где они говорят о значении терроризма, о роли плебейского способа расправы с контрреволюцией в деле замены феодального строя общества буржуазным:

«Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии — абсолютизмом, феодализмом и филистерством» [2]).

Оппортунизм стремится примирить непримиримое—пролетариат с буржуазией, социализм с капитализмом, план с анархией. Оппортунизм пуще всего боится революции, революционного движения, революционного перерастания в более высокие, глубже и дальше идущие методы и формы движения. Для оппортунизма более всего характерна теория врастания, «мирно-спокойно-свободного врастания старого свинства в социалистическое общество», как метко выразился Энгельс. Известно, что российские меньшевики в революциях 1905 и 1917 гг., угождая буржуазии, всячески становились поперек пути перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Только Ленин и партия большевиков понимали исторический закон победоносного хода революции, развивали теорию перерастания, делали все необходимое для реализации перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Теория перерастания революции, созданная Марксом и глубоко развитая Лениным,— одна из важнейших теорий исторического материализма. Из нее исходил Маркс в анализе революций 1848 г., в оценке сентябрьской республики 1870 г. и Парижской коммуны 1871 г. Насколько проникнут был ею Маркс, видно даже из его анализа Великой французской революции. На исходе XVIII в. рабочие еще не сформировались в самостоятельный класс, могущий возглавить революцию и повести ее дальше задач буржуазно-демократической революции. Уровень экономического развития еще не созрел для этого. Но даже в революции конца XVIII в. были уже зародыши этого перерастания, отмеченного Марксом и Энгельсом. Революционное перерастание, подлинно революционный ход движения, созревание коммунистической идеи в буржуазно-демократической революции Маркс и Энгельс отметили еще в 1845 г.: «Французская революция вызвала к жизни идеи, которые выводят за пределы идей всего старого мирового порядка. Революционное движение, которое началось в 1789 г. в «Cercle sociale» («Социальном клубе»), которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа,— движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Францию другом Бабефа — Буонаротти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка» [3]).

Здесь Маркс и Энгельс говорят о перерастании революционной идеи за пределы старого общества, более того, за пределы буржуазного общества.

---

[1]) Ленин широко популяризировал это в своей работе «Две тактики», см. т. VIII, изд. 3-е, стр. 64.

[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 54.

[3]) Маркс и Энгельс, Святое семейство, Собр. соч., т. III, стр. 147.

они отмечают зарождение коммунистической идеи — «идеи нового мирового порядка». Это перерастание идеи было обусловлено тем, что французская революция развивалась как перманентная революция, что и отмечают Маркс и Энгельс несколько ниже, когда анализируют роль Наполеона: «Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну»[1]). Такую оценку революции мы находим следовательно в самом начале, у истоков революционно-пролетарской деятельности Маркса и Энгельса. Теория перманентной революции была ими создана еще тогда, в 1845 г., и она красной нитью проходит через все их творения, определяя их революционную сущность и метод решения любого политического вопроса.

Приведенные высказывания о Великой французской революции не случайны. Можно указать на множество точно таких же заявлений Маркса и Энгельса. Так, в 1884 г. Энгельс в статье «Маркс и «Новая рейнская газета» указывает на свою и Маркса близость к Марату именно как боевому стороннику перманентной революции: «Когда впоследствии я прочел книгу Бужара о Марате, я увидел, что мы бессознательно подражали во многих отношениях великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) «Друга народа» и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, исказившие на целых сто лет истинный облик Марата, об'ясняются только тем, что он безжалостно совлек покрывало с тогдашних кумиров — Лафайета, Бальи и других, разоблачив в них уже готовых изменников революции, и тем еще, что подобно нам он не считал революцию завершенной, а хотел сделать ее перманентной»[2]).

Или например перманентность Великой французской революции как одна из основных черт якобинской диктатуры — «славного 1793 года» — отмечена основоположниками марксизма в статье «Революционная борьба в Венгрии», где Маркс и Энгельс восторженно приветствуют венгерских революционеров за то, что они «впервые после 1793 года» осмелились «противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить белому террору красный террор». В этой статье сказано: «Массовое восстание, национальную фабрикацию оружия, ассигнации, быструю расправу со всякими, кто задерживает революционное движение, перманентную революцию,— словом, все основные черты славного 1793 г. мы встречаем опять в Венгрии...»[3]).

И еще в цитированной выше статье «Маркс и «Новая рейнская газета» Энгельс, показывая, что Маркс в революции 1848 г. занимал с начала до конца позиции революционного пролетариата, снова отмечает перманентный характер Великой французской революции: «Для нас Февраль и Март могли иметь значение действительной революции только в том случае, если бы они были не завершением, а, наоборот, исходным пунктом длительного революционного движения, в котором,— как во время великого французского переворота,— народ, в ходе своей борьбы, развивался бы дальше, партии все резче обособлялись бы друг от друга, пока они не стали бы совпадать с крупными классами: буржуазией, мелкой буржуазией,

---

[1]) Маркс и Энгельс, Святое семейство, Собр. соч., т. II, стр. 152.

[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VI, стр. 8—9.

[3]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 271. Кстати отмечаем ревизию Маркса и искажение истории венгерской революции 1848—49 гг., которые допустил т. Е. Варга, писавший в 1923 г.: «В 1848 г. Венгрия была феодальной страной (отсюда и следовало сделать вывод о буржуазном характере революции.— **М. Щ.**). Та революция отнюдь не была буржуазной, как ошибочно полагал Маркс, а революцией венгерского дворянства против Габсбургов (что это за новый тип революции?!—**М. Щ.**)...» См. сб. «К 75-летию революции 1848 года», М., 1923 г., стр. 165.

пролетариатом,— революционного движения, в котором пролетариат постепенно завоевывал бы в ряде битв одну позицию за другой».

Следовательно теория перманентной революции определяла не только верный научный анализ революционного движения, она определяла практические задачи этих величайших революционеров, характер их участия в революции, ибо основной их задачей было — способствовать всеми силами развитию перманентной революции. В середине XIX в., когда пролетариат выступил как самостоятельная и грозная классовая сила, перманентная революция означала безостановочное развитие буржуазно-демократической революции, максимальное революционизирование мелкой буржуазии, завоевание пролетарского руководства мелкой буржуазией и революционный переход к диктатуре пролетариата. Всегда и во всем—в теории и в практике—был Маркс перманентным революционером.

Теорию перерастания мог создать и развить только подлинный революционер, исходящий из большой веры в силы рабочего класса, из понимания, что пролетариат—самый передовой и в то же время самый смелый, самый отважный класс буржуазного общества. Такими революционными теоретиками и деятелями были Маркс и Ленин. А нынешние оппортунистические предатели исходят из высокомерной и покровительственной недооценки пролетариата, говорят о его «невежестве» и о том, что он еще не созрел для политической власти.

Теория перманентной, восходящей, перерастающей революции марксизма-ленинизма резко отличается от теории «перманентной революции» Троцкого, инициаторами которой были Парвус и Люксембург. Троцкистская теория «перманентной революции» ведет к сковыванию революционной энергии пролетариата, потому что она исходит из неверия в силы и гегемонию пролетариата, из отрицания революционных сил крестьянства, из неверия в возможность строить социализм в одной стране в капиталистическом окружении, из отказа от социалистического строительства и панического преклонения перед капиталистическим окружением. Троцкий в противовес Марксу и Ленину развил теорию капитуляции и поражения революции. Троцкистская теория ведет к невозможности победы пролетарской революции и к контрреволюционному срыву пролетарской диктатуры, потому что на пути к революции она исключает самый момент перерастания, перепрыгивает через неизбежную стадию буржуазно-демократической революции, отрицает революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, отбрасывает важнейшего союзника пролетариата—крестьянство, а при победе пролетариата подрывает его диктатуру, ведя к разрыву с крестьянством. Троцкистская теория отказа от построения социализма в СССР и перерождения в ожидании европейской революции есть термидорианская идеология, и глубоко прав был Сталин, когда в ответ на троцкистское фразерское и клеветническое обвинение партии в термидоре заявил, что именно «троцкистская оппозиция является гнездом и рассадником перерожденства и термидорианства».

* * *

Вскоре после смерти Маркса, в годы сравнительно «мирного» развития капитализма, официальные теоретики II интернационала Каутский и Плеханов создали ряд исторических работ, которые представляли значительный шаг вперед по сравнению с буржуазной историографией, пронизанной в то время идеализмом и худшими традициями средневековых хроник. Но уже тогда они развивали в своих работах теории классового мира, мирного врастания, отрицания революционного засилия. Ослепленные буржуазной демократией, они отбросили основное в марксизме — теорию диктатуры пролетариата. Они отвернулись от марксистской разработки того исторического

опыта и тех революционных эпизодов, из уроков которых пролетариат черпает оружие для свержения буржуазии и ликвидации капиталистического способа производства. Они избегали касаться великого наследия Маркса в вопросах о революционном засилии, о диктатуре пролетариата, о государстве, о партии, о мелкой буржуазии, об угнетенных нациях и колониях, о войне. Когда же революционное движение пролетариата выдвигало на авансцену политической борьбы именно эти вопросы, они фальсифицировали Маркса и его метод.

Единственным полным и последовательным наследником исторического метода Маркса, единственным восприемником его насквозь революционной материалистической диалектики после смерти Энгельса оказался только Ленин (большевизм). Те же, кто с первых дней II интернационала претендовал на эту роль наследников и восприемников, как Каутский и Плеханов, оказались под влиянием идей господствующего класса, переняли у буржуазии учение о классовом мире. Еще в 1889 г., т. е. в период их лучшей марксистской поры, в работах о Великой французской революции они извратили учение Маркса о величайшем значении для революции диктаторских, террористических, «плебейских», подлинно революционных методов и форм классовой борьбы.

Каутский и Плеханов в своих работах исходили из целей защиты и обоснования буржуазной демократии. Они исходили из фетишистского преклонения перед нею. Это было и осталось их коренным и конечным политическим лозунгом. Маркс учил, что пролетариат борется за буржуазную демократию только для создания более благоприятных условий своей организации, своей подготовки к пролетарской революции. Социал-демократы превращали участие пролетариата в борьбе за буржуазную демократию в самоцель.

Плеханов в статье, направленной против буржуазного историка Поля Жане, низводит к нулю значение якобинской диктатуры, которая единственно и до основания уничтожила феодальные отношения и создала условия для господства буржуазного общественного порядка [1]). Он утверждает, что, «добившись господства в эпоху своей «славной революции» 1789 г., буржуазия без больших усилий учредила нужный ей общественный порядок и придала ему такую прочность, что самые заклятые реакционеры едва ли могли серьезно задумываться об его уничтожении, а если бы и попытались уничтожить его, то увидели бы, что это невозможно» [2]).

Плеханов считал, что революция, приход к власти нового класса, если только экономические условия для его господства вполне созрели, есть самый бескровный и гуманный отрезок истории. Чем же в таком случае исторически оправдывается и об'ясняется террор якобинской диктатуры? Уж во всяком случае не тем, как показал Маркс, что передовые элементы мелкой буржуазии и рабочих того времени только беспощадным террором могли довести до конца буржуазную революцию, отбросив на время трусливую буржуазию в сторону. По Плеханову же оказывается, что террор был вызван неосуществимыми интересами тогдашнего пролетариата, который еще не дорос до национализации производства, но голодая, производил «насильственные вторжения в ее (частной собственности) область». Плеханов искажает весь характер якобинской диктатуры. Он пишет: «Борьба между тогдашним пролетариатом и имущим классом по роковой, неотвратимой необходимости должна была принять террористический характер. Только террором и мог

[1]) Плеханов, Столетие Великой революции, СПБ, 1906 г. Характерно, что эту статью, напечатанную в 1890 г., Плеханов счел необходимым переиздать в 1906 г.

[2]) Там же, стр. 16.

отстаивать пролетариат свое господство в своем тогдашнем положении, полном самых неразрешимых экономических противоречий. Если бы пролетариат обладал тогда бо́льшею развитостью, если бы в тогдашней экономической жизни существовали условия, необходимые для обеспечения его благосостояния, то ему не было бы никакой надобности прибегать к террористическим мерам» [1]).

Плеханов категорически отрицает историческую закономерность и необходимость террора, превращая его в нечто роковое. Он устанавливает общее правило, верное для характеристики буржуазного господства, но абсурдное для всякой революционной власти, особенно для диктатуры пролетариата: «Вообще можно принять за правило, не допускающее исключений, что чем меньше шансов имеет данный общественный класс или слой отстоять свое господство, тем более склонности обнаруживает он к террористическим мерам» [2]). Это схематически-схоластическое правило противоречит всему анализу, который дал Маркс террору якобинцев, и вытекает из буржуазно-демократических принципов Плеханова. Что это так, видно еще из следующих его слов: «Буржуазия стремилась к законности в политике, потому что историческое развитие совершенно обеспечило ее торжество в экономии. На ее месте и пролетариат не стал бы поступать иначе» [3]). Какая законность рекомендуется здесь пролетариату, если не буржуазно-демократическая? Плеханов совершенно не представлял себе той ожесточенной классовой борьбы, которая неизбежно связана с диктатурой пролетариата, мягкотело опасался ее, пугался, меньшевистски представлял себе «бунт» и власть рабочего класса: «Предстоящий теперь в цивилизованных странах «великий бунт» рабочего сословия наверное не будет отличаться жестокостью. Торжество рабочего дела до такой степени обеспечено самой историей, что ему не будет надобности в терроре» [4]).

Возможна ли была революционно-марксистская разработка истории с таких позиций? Это было искажением марксистской методологии и забвением исторического наследия Маркса.

Плеханов знал наизусть «Коммунистический манифест» и помнил конечно, что Маркс и Энгельс определяли диктатуру пролетариата не только как насильственное уничтожение старых условий производства, но не стеснялись утверждать о неизбежности «деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства» [5]). Конечно с точки зрения культурного демократа «деспотическая» ликвидация эксплоататоров вряд ли представит «величие зрелища... единства...»

Каутский свою знаменитую работу «Противоречия классовых интересов в 1789 году», которая была первой специальной марксистской работой о французской революции, начинает с утверждения, как и Плеханов, что в 1789 г. «в течение нескольких месяцев были разбиты все оковы, опутывавшие Францию, готовую уже задохнуться под их гнетом; юный колосс нового способа производства выбрался на простор и получил все средства для своего свободного развития» [6]). Так превознесена сила буржуазной гегемонии, извращен характер первого этапа революции и сведено на-нет значение якобинской диктатуры. В другом месте книги есть утверждение о якобинской диктатуре, противоречащее этому, но это только показывает путанность Каутского. И даже о революционной буржуазной гегемонии через два пе-

---

[1]) Плеханов, Столетие Великой революции, СПБ, 1906 г., стр. 15.
[2]) Там же, стр. 16—17.
[3]) Там же, стр. 16.
[4]) Там же, стр. 18.
[5]) «Коммунистический манифест», изд. «Московский рабочий», 1922 г., стр. 46.
[6]) Каутский, Противоречия классовых интересов в 1789 г., Петроград, 1918 г., стр. 5.

чатных листа Каутский изменил мнение, но тут же он свел термидор только к борьбе против республиканской формы правления, которая, как известно, по мнению Каутского, представляет квинтэссенцию пролетарских интересов: «И когда в 1795 году было сломлено господство якобинцев, парижская буржуазия не скрывала вовсе своих роялистических, антиреспубликанских симпатий. Если бы это от нее зависело, она бы уже тогда восстановила легитимную монархию и допустила возвращение аристократических эмигрантов» [1]). Известно также, что политический смысл всех исторических работ Каутского сводится к защите буржуазной демократии от абсолютизма, к полному забвению основной проблемы пролетариата—его диктатуры.

Ленин в книге о ренегате Каутском писал: «Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности» «демократического и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюры Каутского. И это такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма, что Каутский, надо признать, далеко опередил Бернштейна» [2]). Зачатки, корни этого полного отречения от марксизма, отречения, развивавшегося постепенно, по мере роста революционного движения пролетариата, мы находим еще в ту пору, когда Каутский был марксистом. Плеханов в 1889 г. говорил о «бунте» пролетариата, а Каутский считал несвоевременной такую постановку вопроса. В той же работе он пишет, что буржуазная интеллигенция во французской революции «дала Франции те основы, на которых и по сию пору покоятся ее общественные и государственные организации, она создала гражданское право, которое и сейчас еще является наиболее соответствующим современным отношениям» [3]). Каутский считал «наиболее соответствующим» для конца XIX века государственную организацию и гражданское право, возникшие в конце XVIII века. Тем самым он снимал вопрос о революции, о разрушении буржуазного государства и создании пролетарской диктатуры.

Вспомним ту исчерпывающую характеристику, которую дал Ленин либеральному Каутскому: «Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному, государства пролетарской демократии к буржуазной демократии. Казалось бы ясно, как день. Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к XX веку, лицом к XVIII и в сотый раз невероятно скучно, в целом ряде параграфов жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью» [4]). Этот «засохший учитель» теперь превратился в доблестного оруженосца фашистского похода против революционного марксизма.

Подобно тому как Тьерри отрицал противоречия в третьем сословии, доказывая, что оно обнимает весь народ, так Каутский отказывался анализировать буржуазную демократию, которую он чтил превыше всего, и либерально говорил о демократии вообще, лишая ее классового содержания в разные исторические эпохи.

По вопросу о терроре, как и по ряду других коренных вопросов пролетарской революции, Ленин отхлестал Каутского в связи с его анализом Парижской коммуны и его борьбой против советской власти. Но уже в книге о столетней годовщине французской революции Каутский в одном месте

---

[1]) Каутский, Противоречия классовых интересов в 1789 г., Петроград, 1918 г., стр. 32.

[2]) Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 19.

[3]) Каутский, Противоречия классовых интересов в 1789 г., Петроград, 1918 г., стр. 38.

[4]) Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, изд. 1931 г., стр. 19 — 20.

считает, что террор применяли, «отвечая на излишество излишеством же», а несколько ниже высказывает ту же неверную мысль, что и Плеханов: «...чем в более резкое противоречие с потребностями данной (капиталистической) организации производства, с интересами всех других классов ставила их эта борьба с капиталистической эксплоатацией, тем более приходилось им усиливать терроризм»... В этом ли была историческая сущность террора якобинского конвента и в этом ли его уроки? Маркс и Ленин рассматривали его в корне иначе.

* * *

Из книг, претендовавших на марксистскую трактовку истории французской революции, наиболее солидной по охвату архивных материалов считалась книга Кунова «Партии Великой французской революции и их пресса» [1]). К чему однако свел свой труд Кунов? К оправданию оппортунистической политики и тактики германской социал-демократии, к ревизии марксова учения о партии. Кунов считает исторически невозможным создание партии, которая представляла бы интересы своего класса, составлялась бы только из передовой части одного класса, выражала бы революционное единство теории, организации и практики, проявляла бы классовую самостоятельность и независимость от влияний других классов. К таким выводам, утверждает он, привело его изучение как французской революции, так и всех других революций, а также изучение классовой борьбы в нереволюционные периоды. Он считает иллюзией и издевается над тем, «что революционные «классовые партии» всегда видят в себе нечто единое по своей воле и стремлениям» [2]).

Исходя из анализа разнородности состава пролетариата и из задачи пролетариата—повести под своей гегемонией все угнетенные классы, Маркс выводил учение о партии классово передовой, решительной, классово не растворяющейся, всегда и во всем преследующей исторические задачи пролетариата. Интересы пролетариата как класса и общие интересы кратковременных и длительных спутников пролетариата Маркс сочетал и решал на революционной основе. Он ставил превыше всего классовую самостоятельность пролетариата и больше всего доказывал ее необходимость. Этим пронизаны все его исторические работы, вся его огромная международная переписка, вся его теоретическая и практическая деятельность в Интернационале. Учитывая различные организации пролетариата, Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» именно в этом разрезе писали: «Коммунисты отличаются от других рабочих партий только тем, что, с одной стороны, в движении пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны—тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариата против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в целом. Таким образом, коммунисты на практике представляют самую решительную, всегда толкающую вперед часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения. Ближайшая цель коммунистов та же, что и других рабочих партий: организация рабочего класса, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти». По Марксу, политическая борьба отчеканивает классовый характер партии, а по Кунову — затушевывает. В исключительно великой по своему значению и актуальной по сегодняшний день революционной инструкции пролетариату, данной

[1]) Кунов, Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг., перевод Степанова, изд. «Коммунист», М., 1919 г.

[2]) Там же, стр. 524.

в марте 1850 г., в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов», Маркс решительно предостерегал от такого об'единения с демократическими мелкими буржуа, при котором «определенные требования пролетариата не могут быть выставлены ради другого мира». Он писал: «Подобное об'единение послужило бы исключительно к их выгоде и всецело ко вреду пролетариата. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии». В этом — смысл учения Маркса о партии, которая не противопоставляется классу, а возглавляет его, не растворяясь ни в его отсталых частях, ни в других классах.

Совершенно противоположное пытается обосновать Кунов: «Условия развития и деятельности для партии и класса различны. Из характера класса вытекает, что его специфические особенности вырабатываются все с большею рельефностью и что он все резче отграничивается от других классов как самостоятельная группа. Напротив, партии приходится стремиться к тому, чтобы приобрести политическое значение и с этой целью по возможности увеличить число своих сторонников, все время помышлять о завоевании новых приверженцев; только при этом условии у нее и будет возможно сильное представительство там, где решаются политические вопросы» [1]). Здесь между строчек ясно видно лицо социал-оппортуниста, убежденного согласно мнениям, господствовавшим во II интернационале, что политические вопросы д е й с т в и т е л ь н о решаются в п а р л а м е н т е, и готового ради завоевания власти... в парламенте поступиться классовыми задачами пролетариата: «Каждую партию, ведущую борьбу против существующего государственного строя, это стремление само собою приводит к тому, что она старается об'единить вокруг себя все элементы, недовольные этим строем, и найти общую с ними почву борьбы, не обращая внимания на классовую принадлежность союзников. Результат всегда тот, что такая партия выдвигает на первый план общие политические требования своих сторонников и что, напротив, отодвигаются назад такие социальные требования, которые способны возбудить распри между отдельными частями приверженцев» [2]). Речь идет не о революционном союзе пролетариата и мелкой буржуазии, а о растворении пролетарской партии в стихии «приверженцев». Это, по Кунову, оказывается историческим законом: «С тех пор, как существуют классы и партии, это явление повторяется постоянно, так как оно обуславливается самым существованием партии. Правда, часто говорят о классовых партиях; но класс и партия почти никогда не совпадают, а в тех исключительных случаях, когда имеется известное совпадение между ними, мы имеем перед собою не новые слои, которые стремятся к политической власти, а всегда такие группы, которые уже продолжительное время держали власть в своих руках и за это время сумели произвести округления во все стороны» [3]). Партия же, стремящаяся к власти, выражает только «притязания этого слоя на политическую власть», а не его интересы, потому что сам класс завершает понимание «своего исторического базиса и своего особенного характера... лишь как господствующий класс, но никогда не достигает его раньше».

Все эти итоги исторических исследований ученого оппортуниста вполне применимы к той части германской социал-демократии, которую он представлял и которая теперь уже вполне завершила свой процесс превращения в придаток официальной буржуазной демократии. С ним сейчас не приходится спорить в сфере теории, потому что вся практика истории больше-

---

[1]) К у н о в, Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг., перевод Степанова, изд. «Коммунист», М., 1919 г., стр. 523.

[2]) Т а м ж е, стр. 523—524.

[3]) Т а м ж е, стр. 524.

вистской партии доказала противоположное, подтвердила правоту Маркса. Партия же Кунова временно спасла буржуазную демократию от атаки того класса, претензии на руководство которым она (партия) пред'являла.

Показать на деле всю гнилость и предательскую сущность оппортунистической теории партии удалось большевизму главным образом потому, что только он усвоил и развил учение Маркса. Только Ленин, большевизм, а затем Коммунистический интернационал правильно, согласно Марксу, определили партию как «наиболее передовую, наиболее сознательную, а потому наиболее революционную часть рабочего класса», связанного с массой на базе «твердой, беззаветной охраны программы и революционной тактики коммунизма». И в этом смысле II конгресс Коминтерна постановил, что «задача коммунизма не в том, чтобы приспособляться к отсталым частям рабочего класса, а в том, чтобы поднимать весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда».

Задолго до завоевания власти российским пролетариатом оппортунисты усвоили и развивали учение буржуазии о «классовом мире» в различной форме и в различных вопросах. Они сыграли роль крупнейшего тормоза истории и фальсификаторов марксова метода исторического материализма. В противовес им большевики играли и играют роль величайшего двигателя истории. Большевики развили марксово учение о классовой борьбе, вооружили пролетариат классово единой партией, научили его непримиримости к классово враждебным влияниям, приведи к диктатуре пролетариата и завершению строительства экономического фундамента социалистического общества в СССР.

* * *

Наибольшую и наиболее блестящую часть исторических трудов Маркса составляют его работы о революции 1848 г. В них Маркс как историк полностью сливается с Марксом — революционно-пролетарским политиком и практиком. «В деятельности самого Маркса и Энгельса,—устанавливал Ленин [1]),— период их участия в массовой революционной борьбе 1848—49 г. выделяется как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней революционной эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты».

Буржуазные ученые стремятся дискредитировать позицию и тактику Маркса в революции 1848 г., об'ясняя ее «личной озлобленностью», а оппортунисты извращают и фальсифицируют исторические работы Маркса периода 1848—50 гг., чтобы оправдать свой хвостизм по отношению к буржуазии. Известно, что меньшевиствовавший Рязанов, скатившийся к прямой помощи социал-интервентам, развивал теорию, будто Маркс надеялся на немецкую буржуазию и что «надежды, которые он возлагал на прогрессивную буржуазию... не оправдались» [2]), и тогда Маркс «с осени 1848 г.» переменил тактику, но... «поворот был предпринят слишком поздно». Нет нужды подробно опровергать эту клеветническую галиматью, которая в несколько иных формах и выражениях распространялась еще в 1905 г. меньшевиками и под которую оппортунисты пытаются подогнать всего Маркса. Энгельс в статье «Маркс и «Новая рейнская газета» указывает, что уже «первый номер газеты начинался как раз статьею, издевавшейся над ничтожеством франкфуртского парламента, над бесцельностью произносившихся в нем длиннейших речей, над

[1]) Ленин, Собр. соч., т. VIII, изд. 1-е, стр. 451.
[2]) Рязанов, Маркс и Энгельс, стр. 96.

никчемностью его трусливых резолюций» [1]). И Ленин в борьбе с меньшевистским хвостизмом напоминал: «Плеханов приводил цитаты из сочинений Маркса о необходимости поддержки буржуазии. Напрасно не привел он цитат из «Новой рейнской газеты», напрасно забыл он о том, каким образом «поддерживал» Маркс либералов в эпоху разгрома буржуазной революции в Германии» [2]). Маркс с начала революции знал, что буржуазия в первые же дни революции из боязни пролетариата либо бросится в об'ятия реакции, как это сделала немецкая буржуазия, либо мобилизует для борьбы с пролетариатом все силы реакции, как это сделала французская буржуазия.

Большевизм унаследовал и реализовал развернутую Марксом в эпоху революции 1848 г. теорию перманентной революции. В социал-фашизме мы находим совершенно другое наследие из эпохи революции 1848 г.—то же преклонение перед буржуазной «демократией» и перед «конституционными началами», ту же всепоглощающую страсть к полицейскому «порядку», которые были столь свойственны франкфуртскому парламентскому кретинизму. Недаром свой ближайший с'езд с новой клеветнической проповедью Гильфердинга о Марксе социал-фашисты собирают во Франкфурте [3]). Тени бесславно усопшего «собрания старых баб» [4]), сделавшего в 1848 г. все, чтобы не допустить радикальной и массовой буржуазно-демократической революции, эти тени будут витать над с'ездом предателей марксизма и благословлять дюжину социал-демократических полицейских, многократно преуспевавших с 1918 г. в деле «июньского кровопускания» германскому пролетариату. Франкфуртские демократы открещивались от массового движения и своим бездействием помогали вооружению реакции; их политические правнуки — социал-фашисты — собственными руками душат революционное движение масс, словом и делом содействуют Гинденбургу и Гитлеру.

Социал-фашисты стремятся увековечить в сознании пролетариата изжитые иллюзии и луи-блановские лозунги о «демократически-социальной республике» и «организации труда», иллюзии и лозунги, разоблаченные Марксом. Только большевизм «продолжает славные героические традиции» «французских и немецких рабочих-революционеров 1848 г.» (программа Коминтерна). Для Маркса в истории 1848 г. и всей дальнейшей истории центральный пункт — июньская революция пролетариата: «В отличие от всех европейских газет большого и малого формата мы понимали июньскую революцию так, как это подтвердила история. Мы намерены время от времени возвращаться к главным моментам и к главным действующим лицам июньской революции, ибо она представляет собой центр, вокруг которого вращаются и европейская революция и контрреволюция. Удаляться от июньской революции значит, как мы выразились в тот момент, когда она происходила, приближаться к зениту контрреволюции, которая должна была обойти Европу. Возврат к июньской революции, это — подлинное начало европейской революции» [5]).

В высшей форме пролетарской борьбы — в вооруженном восстании — уносились и развеивались вместе с пороховым дымом луи-блановские иллюзии. «Это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя. Покрывало, окутывавшее республику, было разорвано... Только тогда поражение его (рабочего класса.—*М. Щ.*) открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в пределах буржуазной республики остается

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VI, стр. 7.
[2]) Ленин, изд. 2-е, т. XI, стр. 257.
[3]) Статья написана в декабре 1932 года.
[4]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VI, стр. 54.
[5]) Маркс и Энгельс, Господин Кавеньяк, Собр. соч., т. VI, стр. 501. Разрядка М. и Э.

утопией и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, пред'явленных пролетариатом февральской республике, широковещательных по форме, но мелочных и даже буржуазных по существу, выступает смелый революционный боевой лозунг: «Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!» [1]).

В этом — весь Маркс. Это звучит так, будто написано только сегодня для германского пролетариата. Это не «случайное словечко», как утверждал Каутский.

Это отправной пункт и основное содержание «Коммунистического манифеста». Это также отправной пункт анализа Парижской коммуны 1871 г. и всех работ Маркса. Вся жизнь Маркса и Энгельса была отдана делу создания условий для завоевания диктатуры пролетариата. Борьба на два фронта за создание революционной партии и Интернационала, учение о гегемонии пролетариата в революционном движении мелкой буржуазии, крестьянства и в национально-освободительных революциях, учение о великом искусстве вооруженного восстания, о разрушении буржуазного государства и создании мощного государства диктатуры пролетариата до окончательного удушения капитализма — вот основное историческое завещание Маркса, которому Маркс подчинил все остальное в своих исследованиях и своей практической работе.

Французский пролетариат 1848 г., как и позже—в 1871 г., на более высокой ступени развития, «еще не был в силах справиться с этой задачей». Подводя итоги июньскому восстанию, проанализировав вооруженное восстание как высшую форму пролетарской борьбы, в которой пролетариат очищался от всех буржуазно-демократических иллюзий, Маркс писал:

«Только окунувшись в кровь июньских инсургентов, трехцветное знамя превратилось в знамя европейской революции — красное знамя.

И мы восклицаем: Революция умерла! Да здравствует революция!»

В пятидесятую годовщину со дня смерти Маркса мы вслед за Марксом восклицаем: «Да здравствует революция!». Какой лозунг может в этот день дать Гильфердинг кроме как: «Еще один шаг в деле врастания в фашистское государство».

* * *

В 1870 г., пять дней спустя после падения Наполеона III, Маркс предостерегал французский пролетариат от попыток свержения правительства сентябрьской республики. Но когда 18 марта 1871 г. парижские рабочие вынуждены были строить баррикады, Маркс жил одним лозунгом: «Да здравствует революция!».

Маркс считал восстание в сентябре преждевременным и отчаянным, потому что армия Бисмарка подступала к Парижу, правительство национальной обороны еще не успело разоблачить себя перед всей страной как правительство предательства и агентов Бисмарка, а французский пролетариат, опьяненный мелкобуржуазными лозунгами якобинцев, прудонистов и бланкистов, еще не успел организоваться для самостоятельного революционного действия, еще не успел в борьбе против этого правительства выдвинуть подлинно пролетарскую революционную партию, без которой его восстание было обречено на поражение.

Не было бы нужды в этом предупреждении, если бы Маркс не видел неизбежности превращения франко-прусской войны в войну гражданскую и перерастания буржуазной революции в пролетарскую. В воззвании Генсовета Интернационала от 9 сентября Маркс, разоблачая патриотические иллюзии, ставил задачу решительных действий по самостоятельной организации

[1]) Ленин, Классовая борьба во Франции, т. XV, стр. 23—25.

пролетариата для того, чтобы «не повторять прошлое, а построить будущее», для борьбы «за наше общее дело освобождения пролетариата» [1]).

Исполинский гений пролетарской революции, давший непревзойденный анализ классовой борьбы и обострения противоречий Второй империи, сразу увидел, к чему ведут вооружение Парижа, к чему ведет ситуация, в которой вооруженный пролетариат противостоял республиканскому правительству, унаследовавшему от империи «не только груду развалин, но и страх перед рабочим классом». Только в произведениях Маркса и Ленина можно увидеть ту исключительную гигантскую силу революционно-классового разоблачения, пригвождения к позорному столбу истории, с какой Маркс в «Воззвании по поводу гражданской войны» отхлестал тьеровское правительство и помещичье Национальное собрание. Он сравнял их с грязью даже перед их собственными реакционными предшественниками: «Тьер предпринял избирательную поездку по всей стране, чтобы оживить труп легитимистов... В 1848—51 гг. во время республики их вождями выступали образованные и опытные в парламентской борьбе люди; теперь выступили на первый план заурядные личности партии—всякая сволочь Франции» [2]).

На другом полюсе республики нарастала ситуация пролетарской революции: «Защитить Париж можно было, только вооружив рабочих, образовав из них действительную военную силу, научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским завоевателем была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами» [3]).

Такую же картину перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, картину нарастания пролетарской революции в период сентябрьской республики развертывает Ленин еще в начале 1905 года в «Плане чтения о Коммуне»: «Провоцирование Парижа: назначение монархических послов; отнятие «30 су» у солдат национальной гвардии; в Париже шеф полиции Валентэн и др. (Трепов и Васильчиков!!); перенесение Национального собрания в Версаль; подавление республиканских газет и т. д. Стремление свалить расходы войны на бедных. Вооруженные парижские рабочие и монархическое собрание. Конфликт неизбежен» [4]). Здесь в сгущенном виде показан процесс быстро совершавшейся поляризации реакции, провоцировавшей рабочее восстание, и пролетарской революции, в которую это восстание должно было вылиться. Вооруженный классовый конфликт созревал и должен быть разразиться, несмотря на то, что пролетариат не имел еще партии, которая могла бы обеспечить победоносное руководство революцией и правильную политику Коммуны: «Революционный инстинкт рабочего класса прорывается в о п р е к и ошибочным теориям» [5]). Ленин заканчивает этот «План» уроками Коммуны о том, как в борьбе против буржуазии превращается буржуазная революция в пролетарскую. «Уроки: буржуазия пойдет н а в с е. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы. Самостоятельная организация пролетариата — классовая борьба—гражданская война» [6]).

В эпоху империализма только Ленин во главе партии большевиков сумел возродить, глубоко развить и практически применить учение Маркса о превращении войны правительств в войну гражданскую. «Базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской коммуны, т. е. превращения войны правительств в войну гражданскую... Полвека спустя после нее отпали

---

[1]) М а р к с, Гражданская война во Франции, Москва, 1919 г., стр. 26.
[2]) Т а м ж е, стр. 36.
[3]) Т а м ж е, стр. 28.
[4]) Л е н и н, т. XXX, стр. 110—111.
[5]) Т а м ж е, стр. 111.
[6]) Т а м ж е, стр. 112.

ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунистов» [1]).

В свете ленинского учения о перерастании мы заново перечитываем, глубже понимаем и все больше революционных ценностей открываем в произведениях Маркса, открываем те источники, из которых Ленин черпал в марксизме свое учение о перерастании. Кроме приведенных указаний разве не постановкой вопроса о перерастании звучит оценка положения, создавшаяся после капитуляции Тьера и бордосской «помещичьей палаты»: «И ныне тот же Париж по унизительному приказу бордосских рабовладельцев должен был или разоружиться и признать, что революция 4 сентября была не больше, чем простой передачей власти из рук Луи Бонапарта в руки его соперников роялистов, или Парижу предстояло самоотверженно бороться за дело Франции, спасти которую от полного падения и возродить к новой жизни можно было только революцией, разрушением того политического и социального строя, который привел ко Второй империи и сам под ее покровительством дошел до полного разложения. Париж, испытавший все ужасы пятимесячного голода, не задумывался ни на минуту. Он был полон геройской отваги, он приготовился перенести все тяжести борьбы с французскими заговорщиками контрреволюции, несмотря на то, что прусские пушки угрожали ему с высоты его же бастионов. Но из отвращения к гражданской войне, которая грозила Парижу, Центральный комитет всецело придерживался оборонительного положения»... [2]).

Как видно, несмотря на отказ ЦК национальной гвардии от гражданской войны, Маркс здесь опять оценивает ситуацию как революционную, как ведущую к социалистической революции. Отказ от гражданской войны, фактически об'явленной Тьером, Маркс считал просто глупостью. Так, в письме к Либкнехту 6 апреля 1871 г. он писал: «Повидимому, если парижане терпят поражение, то это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной порядочности. Центральный комитет, а затем и Коммуна дали злополучному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы: 1) потому, что они по глупости не хотели начинать гражданскую войну (разрядка Маркса.— *М. Щ.*), как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание должно было лишь решить вопрос о войне или мире и не об'явило немедленно войну республике? 2) чтобы их нельзя было упрекнуть в противозаконном захвате власти, они потеряли драгоценные мгновения на избрание Коммуны, организация которой и т. д. опять-таки потребовала времени,—а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (Вандомская площадь)» [3]). Здесь ясно видно, как осуждает Маркс в противовес Плехановым и Каутским постановку вопроса о «законности» революционного захвата власти, когда дело идет о самом закономерном акте истории — пролетарской революции и укреплении диктатуры пролетариата. Из революционных основ марксизма, из маркса анализа Коммуны исходил Ленин в борьбе против Плехановых и Каутских, развивая учение о власти советов: «Эта власть — власть того же типа (разрядка Ленина.—*М. Щ.*), какою была Парижская коммуна, 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение...» [4]).

---

[1]) Ленин, Социализм и война, т. XVIII, изд. 3-е, стр. 204.
[2]) Маркс, Гражданская война во Франции, стр. 39.
[3]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г., стр. 10—11.
[4]) Ленин, Двоевластие, Собр. соч., т. XX, изд. 3-е, стр. 94.

Борьба за руководство Францией между тьеровской бандой, присвоившей власть, и революционным Парижем, борьба за реакционный или революционный, нисходящий или восходящий ход событий в революции началась с первого дня сентябрьской республики. Так характеризует Маркс период с сентября 1870 г. по март 1871 г. Уже с середины февраля сложилось двоевластие. Первое ядро Центрального комитета как первая пролетарская власть возникло именно в непримиримой борьбе пролетарской массы национальной гвардии против тьеровской банды еще 15 февраля 1871 г. на конференции делегатов рот национальной гвардии 18 округов и окончательно оформилось в выборах 3 и 15 марта. Следовательно даже такой момент перерастания революции, как двоевластие [1]) в революции 1917 г., имелось во Франции н а к а н у н е Парижской коммуны. Тем больше оснований было у Маркса и Ленина рассматривать события 1870—71 гг. как перерастание буржуазной революции в пролетарскую [2]).

Не может быть конечно никакой речи даже о намеке на что-либо общее между троцкистской теорией перманентной революции и марксистско-ленинской как в изучении Парижской коммуны, так и во всех других случаях. Вся работа Маркса о Коммуне — величайший учет ее опыта, ее лозунгов, ее роли как пролетарского авангарда и руководителя городской мелкой буржуазии и крестьянства—союзников пролетариата. Троцкий же в книге «Терроризм и коммунизм» характеризует мелкую буржуазию как «тупую, консервативную, безвольную» [3]), говорит о «недомыслии и нерешительности промежуточных слоев города и деревни» [4]) и пишет, что Коммуна «в развитии своем означала д и к т а т у р у рабочего Парижа н а д крестьянской страной» [5]). Это находится в прямом противоречии с утверждениями Маркса, что «Коммуна служила истинною представительницею всех здоровых элементов французского общества; она была поэтому действительно национальным правительством», что «Коммуна имела полное право об'явить крестьянам: «Наша победа—ваша надежда!», что «помещики отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание» [6]).

Вся деятельность Коммуны, начиная с возврата вещей, заложенных в ломбардах, и кончая вопросами зарплаты и передачей рабочим ассоциациям оставленных хозяевами предприятий, состояла из мероприятий, которые могло проводить только революционное пролетарское правительство и которые развивались в социалистическом направлении. Коммуна не осуществляла каких-либо заранее заготовленных утопических систем. Под огнем классовых врагов в краткие свои сроки она делала все, что могла делать диктатура пролетариата в те времена недостаточного развития производительных сил

---

[1]) «Двоевластие выражает лишь п е р е х о д н ы й момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, н о н е д о ш л а е щ е д о «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства» (Ленин, «Задачи пролетариата в нашей революции», Собр. соч., т. XX, изд. 3-е, стр. 114).

[2]) Этот угол рассмотрения истории революции, имеющий первоочередное методологическое значение, к сожалению игнорируется нашим исследователем Парижской коммуны т. Лукиным.

[3]) Л. Т р о ц к и й, Терроризм и коммунизм, Петроград, 1920 г., стр. 35.

[4]) Т а м ж е, стр. 42.

[5]) Т а м ж е, стр. 80. В исторической литературе уже отмечалось, что дословно такая же формулировка дана Лукиным в его книге о Коммуне. В другой книге у т. Лукина прорывается типично троцкистское определение крестьянства: «Конвент увеличивал число мелких и средних крестьян-собственников, класса, в с е г д а к о н с е р в а т и в н о г о у ж е п о с в о е й п р и р о д е» (Лукин, «Новая история Западной Европы», изд. «Красная новь», 1923 г., стр. 206).

[6]) М а р к с, Гражданская война во Франции, цит. изд., стр. 56.

и при тех условиях неподготовленности рабочего класса. «Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли означать только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа» [1]).

Коммуна не успела и ни при каких условиях диктатура пролетариата не может успеть в 70 дней произвести экономическую революцию общества. Насколько невежественными являются потуги социал-фашистских историков наперекор Марксу характеризовать Коммуну как мелкобуржуазную власть! «Рабочий класс знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства» [2]).

В письме Бебелю от 20 января 1886 г. Энгельс, излагая взгляды свои и Маркса, определяет передачу Коммуной брошенных капиталистами предприятий рабочим артелям как промежуточное звено социалистического типа в процессе перехода к коммунистическому хозяйству.

Это же письмо представляет огромный интерес при изучении взглядов Маркса и Энгельса на колхозное строительство: «...как раз мое предложение не проведет никакое юнкерское или буржуазное правительство. Это мероприятие такого рода, на котором мы должны настаивать во что бы то ни стало, пока существует крупное землевладение, и которое мы сами должны будем провести, как только придем к власти: речь идет о передаче — вначале на арендных началах — крупных поместий самостоятельным кооперативным товариществам, ведущим хозяйство под руководством государства и при том условии, что государство остается собственником земли. Это мероприятие имеет то большое преимущество, что, будучи по сути дела практически осуществимым, оно не может быть пущено в ход ни одной партией, кроме нашей, а, следовательно, ни одна партия не может его изгадить. Одним этим мероприятием можно прикончить Пруссию, и чем раньше мы его популяризируем, тем лучше... Мое предложение требует внедрения кооперативов в существующее производство. Им надо будет дать землю, которая в противном случае эксплоатировалась бы капиталистическим способом (разрядка Энгельса.—*М. Щ.*), подобно тому, как Парижская коммуна требовала, чтобы рабочие на кооперативных началах взяли в свои руки фабрики, приостановленные хозяевами... Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались. Дело должно быть поставлено так, чтобы общество, следовательно на первое время государство, удержало за собой собственность на средства производства и, таким образом, частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом» [3]).

Это именно то социалистическое мероприятие, которое было в зачаточном виде проведено Коммуной 1871 г., которое из заблуждения игнорировала Венгерская советская республика в 1919 г., что послужило одной из главных причин ее поражения, и которое радикально провел и закрепил СССР в виде колхозов наряду с государственными МТС и совхозами, окончательно ликвидировав капиталистический путь развития сельского хозяйства, завершив тем самым экономическую революцию общества и создав несокрушимую силу и обороноспособность диктатуры пролетариата.

Коммуна не успела развернуть и вкоренить социалистическую реконструкцию хозяйства. Разбив буржуазный государственный аппарат и

[1]) Маркс, Гражданская война во Франции, цит. изд., стр. 57.
[2]) Там же, стр. 53.
[3]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 328 — 329.

создав новый тип государства — диктатуру пролетариата, она стала на путь экономической революции общества, но в тех условиях не могла и не успела эту экономическую революцию произвести, и поэтому ее величайшие исторические мероприятия в то время—без твердого социалистического фундамента обороноспособности—должны были кончиться поражением. Этот урок Коммуны ярко озаряет то значение героических темпов, которые развернул пролетариат СССР под руководством большевистской партии во главе с т. Сталиным в деле построения фундамента социалистической экономики. Так Энгельс в год смерти Маркса, поучая марксизму Ван-Паттена, в борьбе против анархистской теории разрушения и упразднения государства писал: «Пусть это государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. Но разрушать его совсем в такой момент означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов-капиталистов и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы неминуемо закончиться поражением и массовым избиением рабочих, как это было после Парижской коммуны» [1]).

В дни, когда на камнях Парижа еще алела кровь героических борцов Коммуны и оголтелая, взбесившаяся буржуазная пресса изощрялась в клевете на нее, Маркс дал гениальный по глубине анализ Коммуны, не прятал ее ошибок, но в эти дни отнесся снисходительно к ошибкам первых в истории творцов нового общества: в вопросах об организации обороны и наступления, о мягком и слабом проведении красного террора, о нерешительной политике по отношению к французскому банку и т. д. Ошибки Коммуны исправлены СССР, продолжающим дело Коммуны и ни на минуту не забывающим об окружающих его империалистических людоедах и их социал-фашистских оруженосцах. Маркс в духе своей работы о Коммуне — этого исключительного произведения в исторической науке—увековечил коммунаров словами: «Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, всецело отдавшись строению нового общества» [2]).

* * *

Маркс не только писал историю, но делал ее. Он вооружал пролетариат революционной теорией для «изменения мира». Не поступаясь ни одним научным принципом, он вел непримиримую борьбу с мелкобуржуазными течениями в рабочем классе. Его учение и опыт борьбы учат нас бороться за чистоту революционной теории, непримиримо оберегая ее от ядовитого влияния оппортунизма.

Разработав теорию диалектического материализма, рассмотрев историю экономических отношений, вскрыв отношение между трудом и капиталом, создав метод исторического материализма и проследив весь ход развития капитализма, Маркс дал социализму и истории рабочего движения совершенно новое обоснование и освещение. Маркс подвел несокрушимый научный базис под теорию социализма. Он выяснил величайшее революционно-преобразующее всю жизнь человечества значение рабочего движения, его интернациональный характер, его этапы и перспективы в соответствии с ростом и загниванием капитализма, его руководящую роль в революционном движении мелкой буржуазии и угнетенных наций, неизбежность и необходимость диктатуры пролетариата для ликвидации классов. Он дал науч-

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 224.
[2]) Маркс, Гражданская война во Франции, стр. 59.

ный анализ всех форм рабочего движения и их связи, показал первостепенное значение политической борьбы и политической партии.

Исключительно высокие образцы применения и дальнейшей разработки марксова учения в эпоху империализма, пролетарских революций и строительства социализма дали Ленин и Сталин, образцы единства революционной мысли и действия, образцы, классово просветляющие и мобилизующие, партийно заостренные в духе заветов Маркса.

В учении Маркса об истории как борьбе классов, в историческом методе Маркса самое главное — его революционная сущность, его политическая направленность, его боевая партийность. Ленин неустанно подчеркивал, что учение Маркса о диктатуре пролетариата подводит «итог всему его революционному учению». И никто лучше Сталина не доказал и не сформулировал, что «основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата». Нельзя правильно применять метод исторического материализма, игнорируя его революционную сущность и его отправной пункт.

Социал-фашисты во всей своей социал-демократической предистории постоянно скрадывали основные, новые, величайшие, вдохновляющие, преображающие человеческую историю открытия Маркса. «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано с определенными историческими формами борьбы развивающегося производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы» — писал Маркс 5 марта 1852 г. Вейдемейеру.

В противовес псевдомарксизму явных и замаскированных оппортунистов исторический метод Маркса является революционным методом. Последовательный, не извращенный, научно выдержанный материализм вообще не может быть не революционным, так как не может свободно двигаться вперед развитие классового общества без революционных переворотов.

Извращение революционного марксизма всегда приводит к фальсификации истории. Кто не признает целиком и полностью доказанных Марксом открытий, кто не рассматривает историю современного общества и всех ее событий под углом зрения этих выводов, тот ныне не историк, а исторически обреченный оруженосец империалистической буржуазии.

Цитированное письмо Маркса к Вейдемейеру, как и все его работы, дает твердое основание для исторической науки эпохи империализма и периода общего кризиса капитализма.

Как с этих позиций рассматривать, описывать, связывать события истории современных капиталистических стран?

Только под углом зрения конца капиталистического общества, конца капиталистического способа производства. Научный анализ политических явлений, классовых группировок, фигур может быть правильным только в оценке того, кто и что ведет к диктатуре пролетариата, кто и что борется против диктатуры пролетариата или тормозит ее завоевание. Только такими могут быть исходные положения, внутренние связи и целеустремленность действительно научной истории современности, потому что основной закон общества—«классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата». И это — основное в марксизме, его самый существенный, методологически определяющий корень.

Как с этих позиций изучать историю современных колониальных и полуколониальных стран с огромными феодальными пережитками, тесно переплетенными с империализмом? Под тем же углом зрения конца капиталистического общества, но с учетом перерастания буржуазно-демократи-

ческой революции в социалистическую, применяя марксову теорию перманентной революции, без троцкистского перепрыгивания через исторические этапы, под углом мобилизации на каждом данном этапе всех классовых сил, способных вести революционную борьбу против империализма и феодальной реакции.

Как с этих позиций разрабатывать историю СССР, диктатуры пролетариата, борьбы классов в нашей стране и борьбы течений в нашей партии? Только под углом зрения борьбы за уничтожение классов и за построение социалистического общества, с учетом этапов этой классовой борьбы, оценки, кто мешал, тормозил, препятствовал делу ликвидации капиталистических элементов и делу союза рабочих и крестьян, делу социалистического преобразования и перевоспитания пролетариатом неэксплоататорских элементов.

Таковы коренные позиции марксистской методологии истории, которые игнорировали и пытались аннулировать оппортунисты после смерти Маркса. На другой день после смерти «самой гениальной головы человечества» Энгельс правильно предвидел, что «местным знаменитостям и маленьким талантам, если не шарлатанам, развязаны руки; конечная победа несомненна, но отклонения в сторону, временные и местные замешательства,—и без того неизбежные,— теперь разовьются еще в большей степени». За полвека классовой борьбы без Маркса извращение марксизма стало профессией буржуазных шарлатанов, особенно в эпоху империализма. Но ни на один день оно не оставалось без революционного отпора. Марксистская методология торжествовала, Маркс имел последовательно достойных преемников, а революционный пролетариат — своих вождей, свои «самые гениальные головы» в лице Энгельса, Ленина и Сталина. Исторический метод Маркса, революционная методология Маркса победоносно проверены и окончательно подтверждены на международной арене теорией и практикой всей истории большевизма.

Буржуазные оппортунистические историки слишком часто выражают свое негодование по поводу «тенденциозности и необ'ективности» научных работ. Большевизм не морализует о тенденциозности. Пользуясь марксовым методом, он классово вскрывает тенденциозность в любой научной работе, бьет всякую реакционную и оппортунистическую тенденциозность и подхватывает ту тенденциозность, которая соответствует революционной тенденции диалектического процесса истории, вскрытого Марксом.

Действительно об'ективные и научные исторические работы смогут писать только те, кто всеми своими нервами, мозгом и кровью стоят на позициях диктатуры пролетариата, принимают целиком и полностью политику большевистской партии, активно участвуют в великой исторической задаче ликвидации капиталистических остатков везде и всюду, в том числе и в исторической науке.

Маркс об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом

Н. Бобровников

I

Единственным, ортодоксальным и плодотворным продолжением учения Маркса — Энгельса является л е н и н и з м — марксизм новой эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции.

Единственной до конца преданной учению Маркса — Энгельса революционной силой является пролетариат, руководимый международной ленинской партией — Коммунистическим интернационалом во главе с ВКП(б) и вождем международного революционного пролетариата т. С т а л и н ы м. Марксизм-ленинизм — это живое руководство к действию в сложнейшей, труднейшей борьбе революционного пролетариата.

Но именно потому, что марксизм-ленинизм—подлинно революционная, подлинно научная теория, она встречает непримиримых врагов в лице буржуазии, ее науки, в лице ее партий — фашизма, социал-фашизма, контрреволюционного троцкизма. Однако если фашизм бешено борется против марксизма как коммунистического учения, то современная социал-демократия, т. е. социал-фашизм, в целях удержания рабочих масс в сфере своего влияния не может позволить себе прямого и открытого отказа от марксизма. Социал-фашизму приходится носить м а с к у марксизма, ибо авторитет марксизма в широчайших рабочих массах незыблем, он продолжает расти с каждым новым поворотом истории, подтверждающим научные основы марксизма-ленинизма, с каждым новым шагом международного революционного движения пролетариата во всем мире, с каждой новой победой социализма в СССР, с каждым новым фактом роста кризиса мирового капитализма.

Прожженные предатели рабочего класса ставят своей задачей сломить революционное острие марксизма, фальсифицировать учение Маркса — Энгельса, оспаривать и отвергать ленинизм как продолжение марксизма, как новую ступень в развитии марксизма. Это относится в первую очередь к основному в марксизме-ленинизме—к учению о диктатуре пролетариата, как и ко всем другим сторонам и частям марксизма-ленинизма. В частности социал-фашизм самым беззастенчивым образом фальсифицирует учение Маркса об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом.

II

Отделение умственного труда от физического означает, что умственное развитие становится п р и в и л е г и е й одной, меньшей части общества, тогда как другая, большая часть,— непосредственные производители,— обре-

каются на выполнение односторонней физической работы. Наиболее развитой, т. е. наиболее уродующей человека, формы отделение умственного труда от физического достигло при капитализме. В капиталистической формации разделение труда достигает таких размеров, что не остается ни одной отрасли деятельности, которая была бы независима от других. Каждая деятельность выступает здесь в виде узкой специальности, профессии, расщепляющей человека, превращающей его в односторонний орган общественного целого. «Мы — нация илотов, и между нами нет свободных людей» — восклицает Фергюсон в середине XVIII столетия, на заре капитализма. Самым значительным по своим последствиям разделением труда наряду с отделением города от деревни и на его основе является отделение умственного труда от физического.

Разделение труда и особенно отделение умственного труда от физического стало популярной темой для целого ряда писателей и ученых. Апологеты капитализма в той или иной форме оправдывали и даже прославляли его. Критики капиталистического строя негодовали и возмущались вредными последствиями разделения труда. Научно, со всей возможной широтой исторической перспективы подошел к этому вопросу Маркс. Он вскрыл основу разделения труда, показал исторический характер этого общественного явления, дал научное решение вопроса об уничтожении профессионализма. Вопрос о разделении труда на умственный и физический рассматривается Марксом как частный вопрос общественного разделения труда вообще. Поэтому и наше изложение мы начнем с общей постановки вопроса об общественном разделении труда.

Маркс почти во всех своих основных работах касается вопроса о разделении труда. В «Критике немецкой идеологии», где, по словам Энгельса, он и Маркс решили «свести счеты» со своей «тогдашней философской совестью», Маркс уже изложил основные положения своего учения о разделении труда. Несколько лет спустя (в 1847 г.) в «Нищете философии» Маркс более подробно излагает свою концепцию по вопросу о разделении труда — его истории и сущности,— подвергая одновременно уничтожающей критике мелкобуржуазные взгляды Прудона на этот предмет.

Прудон, как прекрасно выяснил Маркс, обнаружил полную эклектическую путаницу в понимании и сущности истории разделения труда. Дальше мелкобуржуазного идеала — средневекового ремесленничества — он не пошел. Эти реакционные выводы Прудона вполне вытекают из его метода. Анализируя разделение труда, Прудон произвольно открывает в нем то положительные, то дурные стороны. А дальше дело быстро идет к «разрешению». Дурные стороны разделения труда нужно уничтожить, а развитию положительных содействовать. При этом оказывается, что Прудон не вообще против разделения труда, а против специфической капиталистической его формы, предпочитая последней ремесленничество феодальной эпохи.

Марксова критика Прудона — этот образец диалектико-материалистического метода—приводит нас к пониманию сущности и истории разделения труда. «Разделение труда,— говорит Маркс,— есть, по мнению г. Прудона, вечный закон, простая и абстрактная категория. Он должен, следовательно, найти в абстракции, в идее, в слове достаточное об'яснение разделению труда в различные эпохи. Касты, цехи, мануфактура и крупная промышленность должны быть об'яснены одним словом: разделение. Изучите хорошенько смысл слова «делить», и вам уже не нужно будет исследовать те многочисленные влияния, которые в каждую эпоху дают разделению труда его определенный характер» [1]). Прудон полагает, что разделение труда привело к «созданию каст, иерархического строя и привилегий». Если же спросить,

[1]) Маркс, Нищета философии, изд. 1928 г., стр. 122 — 123.

что же привело к разделению труда, «то г. Прудон ответит нам, что привел к этому прогресс»[1]). Маркс ведет здесь борьбу с идеалистическим методом Прудона, высмеивает и показывает всю эфемерность, бесплодность идеалистических потуг понять сущность и историческое развитие разделения труда путем дефиниций из идеи, из слова. Маркс показывает банкротство идеалистических потуг понять сущность и историческое развитие разделения спасения в бессодержательном, пустом, абстрактном слове «прогресс».

Идеалистический метод Прудона терпит полное фиаско тотчас же, как только он пытается рассмотреть реальный исторический процесс развития разделения труда. Вместо исследования реального процесса Прудон оперирует просто-напросто воображаемыми и притом наивными вещами. Маркс показал это в такой разоблачающей и остроумной форме, что его критика может быть образцом критики идеализма. «Далее г. Прудон дает нам,— говорит Маркс,— чрезвычайно «интересную генеалогию», показывающую, каким образом фабрика произошла из разделения труда, а наемный труд — из фабрики. 1) Он предполагает человека, который «заметил, что, разделяя производство на его различные части и предоставляя исполнение каждой из его частей отдельному рабочему», мы увеличиваем производительные силы. 2) Следя за нитью своей идеи, этот человек говорит себе, что, образовавши постоянную группу рабочих, подобранных для предположенной им специальной цели, он достигнет более регулярного производства и т. д. 3) Этот человек делает другим людям предложение с целью заставить их усвоить его идею и последовать за ее нитью. 4) При начале промышленности этот человек уславливается как равный с равными со своими товарищами, которые становятся впоследствии его рабочими. 5) «Понятно, конечно, что это первоначальное равенство должно было быстро исчезнуть ввиду выгодного положения хозяина и зависимости наемного рабочего». Таков новый образчик описательного и исторического метода г. Прудона»[2]).

В этой цитате, где Маркс почти подлинными словами самого Прудона излагает его концепцию, настолько выпукло подчеркнут идеалистический, абстрактный характер рассуждений Прудона, что никаких дополнительных комментариев не требуется. Из этой критики Прудона со всей очевидностью выступает материалистическая и диалектическая методология Маркса. Ее конкретное применение в вопросе о разделении труда нам и предстоит выяснить, чтобы затем показать, как на ее основе решается интересующий здесь нас вопрос об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом.

Маркс строго различает вопрос о разделении труда в обществе и разделении труда в отдельной хозяйственной единице — предприятии, будет ли это хозяйство семьи, цеховая мастерская, мастерская, мануфактура, фабрика, завод,—роли не играет. Общественное разделение труда, основанное на обмене товаров (а мы пока только такое общественное разделение труда и имеем в виду), предполагает: 1) «раздробление средств производства между многими, независимыми друг от друга производителями» (Маркс); 2) предполагает, что связь между отдельными товаропроизводителями осуществляется при посредстве обмена товаров; 3) «прихотливая игра случая и произвола определяет собой распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда»[3]).

В отличие и противоположность этому разделению труда в обществе разделение труда в мастерской, на фабрике и т. д. предполагает: 1) что

[1]) Маркс, Нищета философии, изд. 1928 г., стр. 126.
[2]) Там же, стр. 128—129.
[3]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 346.

средства производства мастерской, фабрики сосредотачиваются в руках одного собственника; 2) что отдельный производитель (рабочий) не производит готового товара; последний является продуктом многих рабочих, или, говоря иначе, коллективного рабочего, связь последних осуществляется следовательно не при посредстве обмена товаров между рабочими, а при посредстве продажи многими рабочими своей рабочей силы (предпринимателю-капиталисту); 3) что наконец в противоположность стихийному распределению рабочих масс и средств производства между отдельными отраслями труда в обществе — в мастерской, на фабрике — рабочие массы распределяются между отдельными функциями сообразно строго определенным пропорциям.

Указанные различия между разделением труда в обществе и разделением труда внутри предприятия не только не исключают, но, напротив предполагают нечто общее (единство) между ними. Общее здесь заключается в том, что «мануфактурное разделение труда (т. е. разделение труда внутри мастерской, фабрики. — *Н. Б.*) требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества» [1]). В самом деле, мануфактурное, а затем машинное производство в качестве непременных предпосылок требует развитого производства и обращения товаров и в том числе более или менее развитого обращения рабочей силы как товара. Все отличие мануфактуры от ремесленного производства на первых порах состоит в том, что в одном помещении и под командой одного человека, обладающего средствами производства в определенных размерах, сосредотачиваются ремесленники, работавшие раньше самостоятельно. Мануфактурист, прежде чем начать производство, должен иметь рынок приобретения и сбыта товаров как следствие развитого товарного производства, чтобы и дальше развивать массовое товарное производство. Но раз возникнув, мануфактура оказывает дальнейшее могучее влияние на развитие общественного разделения труда.

Влияние мануфактуры на дальнейшее общественное разделение труда выражается в том, что в особую отрасль общественного производства выделяется производство инструментов, которые теперь достигают большой дифференциации и требуются в бо́льшем количестве. Дальше, как только мануфактура захватывает ту или иную отрасль промышленности, от последней отделяются в специальные мануфактуры те отрасли, которые прежде тесно были связаны, не расчленены. Мануфактура ведет наконец к тому, что производство одного и того же товара, специализируясь, ведет к выделению в особые отрасли общественного производства отдельных стадий, ступеней производства товара. Известно, что изготовление обуви распадается зачастую на различные отрасли: выделка головок, изготовление гвоздей, каблуков, колодок, не упоминая уже о выделке кожи и т. д.

Сказанное о влиянии мануфактуры на общественное разделение труда еще в большей мере относится к машинному производству. Машинное производство вызвало к жизни такие новые отрасли общественного производства, как машиностроение, топливную промышленность (распадающуюся в свою очередь на ряд отраслей), металлургию, химическое производство и т. д. Машинное производство повело также к новому разделению ранее существовавших производств.

«Разделение труда наряду с экономической областью захватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу узкого профессионализма и специализации» [2]).

Из того, что мы сказали о разделении труда, вытекает: 1) что разделение труда внутри предприятия (так называемое мануфактурное разделение

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 343.
[2]) Там же, стр. 344 — 345.

труда определяется развитием разделения труда в обществе, хотя первое, появившись, обратно влияет на последнее; 2) что общественное разделение труда определяется в свою очередь развитием производства и обращения товаров (в обществе, где существует производство товаров в частности и в особенности в капиталистическом обществе). Таким образом, если мы берем капиталистическую общественно-экономическую формацию,— а ее мы берем потому, что она дает классическую форму разделения труда,— то оказывается, что общественное разделение труда, а значит и разделение труда в рамках предприятия, *определяется в конечном счете способом производства, способом соединения непосредственных производителей со средствами производства*. Значит в основе разделения труда лежит основной закон экономического движения общества.

Нетрудно понять ту пропасть, которую отделяет мелкобуржуазного идеалиста, эклектика Прудона от материалиста-диалектика Маркса. Прудон, выясняя «генеалогию» разделения труда, не нашел ничего более подходящего, как «представить» человека, который путем «размышления» дошел до заключения, что, «разделяя производство», он увеличивает производительные силы. В результате, думал Прудон, об этой мысли будущего капиталиста узнали другие, которые вместе с ним образовали производственное товарищество на равных началах. Превращение же первого в капиталиста, а последних в рабочих совершилось вследствие *страстей* человеческой природы: первому захотелось иметь более выгодное положение в производстве.

Сравним с этим анализ Маркса. Учение Маркса о разделении труда не покоится, как мы это находим у Прудона, на абстракциях, дефинициях и произволе человека. Мануфактурное разделение труда, говорит Маркс, в своих существеннейших положениях (сосредоточение средств производства у капиталиста, подчинение рабочих капиталисту, низведение каждого отдельного рабочего до положения частичного рабочего) основывается на общественном способе производства, именно на том, что средства производства отделены от непосредственных производителей и составляют монопольную собственность капиталиста, что вследствие этого продукт производства приобретает форму товара и связь между отдельными товаропроизводителями осуществляется через рынок. Развитие товарного производства и порождает мануфактурное разделение труда как наиболее продуктивную форму труда для производства товаров.

Разделение труда не существует для Маркса в абстрактной, всеобщей форме: во-первых, каждая общественная формация имеет определенно историческую форму разделения труда; во-вторых, разделение труда в классовом обществе и по форме и по существу является классовым. На том и другом необходимо хотя бы кратко остановиться.

Относительно возникновения и исторического развития разделения труда Маркс и Энгельс говорят следующее: На заре человеческого общества, в эпоху первобытного коммунистического способа производства разделение труда в обществе не имело — в силу равенства всех людей в общественном способе производства — никаких иных оснований кроме естественных физиологических различий. Главное разделение труда, естественно, было разделением труда между полами.

Мужчина занимался, сообразно своим способностям, охотой и рыболовством, женщина — домоводством. Никакого иного разделения труда внутри общины или рода не существовало. Члены общины, избранные для отправления общественных обязанностей, не освобождаются, по крайней мере, на первых порах, от добывания средств к жизни вместе со всей общиной. К тому же эти должности были сменяемы. Таким образом никакого иного разделения

труда кроме вытекающего из естественных различий и способностей не существовало.

Но вот человек, постепенно совершенствуя свой труд, достигает новой производительной силы путем приручения животных (на Востоке) и возделывания культуры питательных злаков (на Западе). К этому вскоре присоединилось и изготовление орудий из металла. Это послужило началом повышения производительности труда, материального накопления и мало-помалу установления частной собственности на продукт труда и средства производства.

На этой основе и разделение труда принимает иной характер. Пастушеские племена отделяются от охотничьих; земледельческие племена — от пастушеских и охотничьих. Развивается обмен между отдельными общинами. Появляется диференциация и внутри общин. Новые производительные силы, повышая производительность труда, создают основу для эксплоатации человека человеком. Труд человека, дающий теперь прибавочный продукт, может быть средством и целью для порабощения человека человеком. Появляются рабы. Жизнь внутри общины делается более сложной. Выделяются ремесла, которые должны обслужить возросшие нужды общины, например в изготовлении орудий производства, а также должны изготовить продукты для обмена с другими общинами. Развитие ремесла и развитие обмена взаимно стимулируют друг друга. Наконец развитие производства и обмена ведет к тому, что появляется новое общественное разделение труда — торговля, и новый класс — класс купцов. На этой ступени развития производства и обмена последний совершается не только между племенами (народами), но и внутри общества.

Наиболее крупное разделение труда внутри общества выражается в отделении города от деревни. «Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни» [1]).

Таким образом вначале внутри общества было чисто физиологическое разделение труда. С другой стороны, постепенно развивалось разделение труда между общинами, так как «различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары» [2]). В дальнейшем разделение труда происходит и внутри общины, вызывая классовое разделение общества.

Исторический (основанный на исторических способах производства) и классовый характер разделения труда выступает со всей очевидностью в рабовладельческом, феодальном и особенно в капиталистическом обществе. В рабовладельческом и феодальном обществе труд непосредственных производителей еще лишен узкой специализации и существует или в форме индивидуального труда или в форме простой кооперации.

В капиталистическом же обществе разделение труда выступает в определенной резкой форме не только между классами, но и внутри каждого класса. В среде непосредственных производителей (рабочих) оно выступает в специфической форме — в форме мануфактурного разделения труда. Это и позволяет Марксу сделать такое заключение: «В то время как разделение труда в целом обществе — совершается ли оно при посредстве товарного обмена, или независимо от него — принадле-

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 343.
[2]) Там же, стр. 342.

жит самым различным социально-экономическим формациям, мануфактурное же разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»[1]).

III

Самым крупным разделением труда после отделения города от деревни является разделение на умственный и физический труд. Оно сопровождает всю историю классового общества. Возникнув на основе развития частной собственности на средства производства и выражая господство небольшой части общества над большинством, отделение умственного труда от физического означает, что «духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов»[2]). Как производство и воспроизводство материальной жизни не является раз навсегда данным, точно так же и «духовная» деятельность, возникающая и развивающаяся под влиянием материальной деятельности, не остается во все эпохи одной и той же. Каждая из существовавших до сих пор классовых формаций общества имела специфическую форму отделения умственного труда от физического.

Но какие бы исторические формы ни принимал данный вид разделения труда, во все эпохи он является одним из самых глубоких противоречий классового общества. Разделение труда на умственный и физический разрывает естественное единство человеческой природы, превращает одних людей преимущественно в физические существа, а других людей преимущественно в интеллектуальные существа. В конечном итоге теряют те и другие. Но тогда как одни создают все необходимое для развития культуры, сами оставаясь без культуры и удовольствий, другие, не создавая (не производя), пользуются всеми благами культуры, всеми доступными на данной ступени развития общества наслаждениями. Таким образом противоречие между умственным и физическим трудом есть классовое противоречие. Следовательно и уничтожение этого противоречия возможно лишь вместе или, вернее, после уничтожения классов. Только социалистический способ производства устранит прежнее разделение труда, в том числе разделение труда на умственный и физический труд, поставит всех членов общества в одинаковые условия к средствам производства, а значит и к труду, уничтожив пропасть, отделяющую умственный труд от физического.

Противоположность между умственным и физическим трудом возникла на основе частной собственности на средства производства и возникла как противоположность классовая. У Энгельса в «Развитии семьи, частной собственности и государства», где он подробно исследует вопрос о развитии разделения труда, мы находим полное подтверждение этого положения. Исследуя общественное устройство рода, Энгельс всюду подчеркивает общественное равенство, основанное на равенстве в производстве, на равенстве в отношениях к средствам производства—общественное равенство, исключающее всякую возможность отделения умственного труда от физического. Умственное и физическое развитие всех членов общины, рода протекало в одинаковых условиях. Опыт общины, рода был достоянием всех членов общества и передавался непосредственно от поколения к поколению. В этих условиях наиболее «мудрым» был тот, кто больше всех сохранил в своей памяти опыт общины, т. е. самый старший (или самый способный) в общине, роде. Он и был обыкновенно старшиной общины, главой рода. Он же, а иногда военачальник, исполняет обязанности жреца. Старшина и вое-

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 350.

[2]) Маркс и Энгельс, Критика немецкой идеологии, «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 221.

начальник в любой момент могут быть смещены «народом» и тогда они становятся рядовыми членами общины. Описывая род индейцев ирокезов (Америка), Энгельс говорит: «Род волен сменить захема (старшину) и военачальника, причем в таких постановлениях принимают участие как мужчины, так и женщины. Отрешенные от должности становятся простыми воинами,— такими же частными лицами, как и все остальные» [1]). То же самое Энгельс утверждает в отношении греческого и римского рода [2]). Отсюда видно, что там, где существовало коммунистическое общественное устройство, не имело места и отделение умственного труда от физического. И то и другое шло неразрывно, рука об руку, не составляя общественной противоположности.

Своеобразное положение мы находим в описываемой Марксом в «Капитале» индийской общине в условиях так называемого «азиатского» способа производства. Своеобразие здесь заключается в том, что развитие этой общины происходит уже в условиях отделения города от деревни и господства первого над второй, следовательно в условиях классового расслоения общества. Но индийская община внутри себя продолжает существовать в основном замкнутой и почти не поддающейся классовой дифференциации, хотя и здесь (внутри общины) уже существуют начатки разделения труда.

«В различных частях Индии встречаются различные формы общин,— пишет Маркс. — В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, причем продукт разделяется между отдельными членами, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно, как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей; бухгалтера, ведущего счет земледельческим операциям, кадастрирующего и регистрирующего все сюда относящееся; третьего чиновника, преследующего преступников и сопровождающего иностранных путешественников от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательств соседних общин; надзирателя за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, обучающего детей общины читать и писать на песке; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цирульника; прачечника, моющего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах замещает собой серебряных дел мастера, в других — школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины» [3]).

В этой характеристике индийской общины бросаются в глаза две особенности: коммунистический строй ее и разнообразие дифференцировавшихся общественных функций. На коммунистический строй ее указывает то, что здесь еще отсутствует аппарат угнетения в тесном смысле этого слова и общественный характер всех дифференцировавшихся функций. Правда, глава общины (причем Маркс берет слово «глава» в кавычках, как бы указывая на условность власти этой главы) уже наделен не только судейскими полномочиями, что вполне естественно для коммунистических общин, но и полномочиями сборщика податей (для государства, стоящего над общиной) и полномочиями полицейского. Положение главы общины двойственное. Поскольку

[1]) Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1924 г., стр. 73.
[2]) Там же стр. 86 и 107.
[3]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 348—349

его положение определяется устройством общины, он сохраняет на себе все признаки главы рода американских индейцев, греков и римлян, описанных у Энгельса. Поскольку же на его положении отражается отношение к общине деспотического государства и он выступает перед общиной, будучи уполномоченным ею, некоторым образом представителем этого государства, например как сборщик податей, то он наделен и известной «властью» полицейского, взыскивающего подати с неплательщиков принудительным порядком (будучи уполномочен на это опять самой же общиной).

Общественный характер функций бухгалтера, надзирателя за водоемами, обоих браминов, цирюльников, учителя и т. п., указывающий на общинное устройство, явствует из самого изложения Маркса. Даже пограничник и чиновник, преследующие преступников, не противоречат общинному характеру внутреннего строя рода, так как их назначением является защита общины главным образом от внешних вторжений и посягательств.

В то же время очевидно, что общественная диференциация в индийской общине в зачаточной форме уже налицо. Если функции главы общины, бухгалтера, полицейского, пограничника, брамина, учителя, серебряных дел мастера еще не отделились настолько от функций непосредственных производителей, чтобы стоять над ними (непосредственными производителями), господствуя, управляя и эксплоатируя их, если следовательно все указанные «должностные» лица продолжают зависеть от общины в целом, то все же основа для такого переворота, основа для образования противоположности (антагонизма) между этими «чиновниками» и непосредственными производителями постепенно складывалась и зрела. Эта основа состояла в том, что, несмотря на застойный характер внутренней жизни общины, изолированной от внешнего рынка и живущей натуральным хозяйством, создавалась некоторая возможность для накопления внутри общины, поскольку она могла располагать излишками продуктов сверх тех, которые шли в виде ренты государству. Исследуя вопрос о натуральной ренте (отработочной и продуктовой), Маркс указывал: «вместе с этой формой выступают также большие различия в экономическом положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере имеется возможность, что этот непосредственный производитель приобретет средства для того, чтобы самому, в свою очередь, эксплоатировать чужой труд»[1]). Таков и был путь классовой диференциации феодального крепостного крестьянства в Западной Европе и России.

С другой стороны, «благодаря тому, что эта форма, рента в продуктах, связана с определенным характером продукта и самого производства, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии»[2]).

Таким образом Маркс и Энгельс, изучая реальную историю развития общественной жизни в Америке, в Европе и Азии, неопровержимо доказывают, что разделение труда покоится на развитии материального базиса общества и самым тесным образом связано с образованием и разви-

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я изд. 1923 г., стр. 332.
[2]) Там же.

тием классов. Разделение труда на умственный и физический — одно из самых крупных разделений труда — появляется вместе с классами и непосредственно выражает господство одних и подчинение других. Только поняв материальную основу и классовую природу разделения труда вообще и отделения умственного труда от физического, мы найдем марксистско-ленинское, подлинно научное решение вопроса об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом. Это решение мы найдем в уничтожении способа производства, основанного на отделении средств производства от непосредственных производителей, основанного на эксплоатации большинства общества меньшинством. Это решение пролетариат СССР под руководством коммунистической партии осуществляет сейчас на деле, выполняя заветы основоположников марксизма-ленинизма.

Отделение умственного труда от физического происходит на такой ступени развития производственных сил, которое обеспечивает освобождение части общества от непосредственного производительного труда. Интеллектуальный труд становится специальностью и привилегией там и тогда, где производительность труда доставляет известную материальную обеспеченность, известное накопление материального богатства, освобождающее часть общества от производительного труда. Но кроме известной производительности труда надо еще, чтобы накопление принадлежало тем, кто не производит. Иначе говоря, умственное развитие может быть привилегией класса, господствующего в сфере материального производства.

Расцвет древнегреческой и римской культуры покоился на рабском труде. Сотни тысяч рабов своим подневольным трудом обеспечивали богатство и роскошь небольшой кучки [1]) свободных граждан, собственников средств производства, а также сытую жизнь обслуживающей их челяди, создавая тем самым своим господам возможность заниматься политикой, правом, философией, искусством, наукой. «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы» [2]).

Циклопические сооружения древнего Египта, египетская наука и искусство также были возможны лишь в силу производительного труда миллионных масс мелких землевладельцев. Рента последних обеспечивала существование привилегированных классов, их занятие государственными делами, наукой, искусством и привлечение больших масс народа для исполнения циклопических сооружений (пирамиды, храмы и т. д.).

Рента мелких землевладельцев в феодальную эпоху создала материальную базу духовенству и дворянству для изучения отцов церкви, Аристотеля, для занятия схоластикой, алхимией, анатомией и пр., для создания монастырских, рыцарских, придворных школ. Недаром наука и философия в феодальную эпоху поселялись там, где концентрировалось феодальное господство, куда стекалась рента земледельцев — в монастырях и дворах королей.

Неоплаченный труд рабочих служит источником колоссального

---

[1]) «Во время своего полного расцвета Афинское государство состояло из 90 тыс. граждан, включая в это число женщин и детей, 365 тыс. рабов обоего пола и 45 тыс. иноземцев и вольноотпущенников. На каждого взрослого гражданина приходилось следовательно по меньшей мере 18 рабов и более 2 покровительствуемых» (Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

[2]) Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1930 г., стр. 167.

богатства капиталистов. На средства, получаемые от эксплоатации трудящихся, содержится аппарат буржуазного государства, церковь, создаются научные институты, театры, оплачивается труд ученых, художников, артистов, попов.

Перефразируя известные слова Маркса, можно сказать, что господствующие классы не потому являются господствующими, что они имеют возможность заниматься наукой, искусством, философией и т. д.,— наоборот, они обладают привилегией на культуру и удовольствия потому, что господствуют в сфере материального производства. Но это обстоятельство как раз или недоступно сознанию представителей господствующих классов или скрывается ими. Когда община или род выделяли из своей среды должностных лиц, то последние благодаря своей непосредственной зависимости от общины (рода) в целом и благодаря тому, что они сплошь и рядом не теряли связи с производственным трудом, вполне отчетливо представляли реальную зависимость своей деятельности от материальной деятельности общины (рода). С разделением же общества на классы и отделением умственного труда от физического людям умственного труда может казаться, что они независимы от труда непосредственных производителей и что если существует зависимость, то обратная: труд рабов, крестьян, рабочих зависит от умственной деятельности представителей господствующего класса. Известно например, что греческая и римская аристократия настолько утратила представление о реальной связи труда и наслаждений, что, предаваясь наслаждениям, презирала труд. Всякий дюжинный буржуа воображает, что он потому является капиталистом, что управляет предприятием, а не наоборот. «Разделение труда становится действительно разделением труда лишь тогда, когда наступает разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики. С того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию «чистой теории», теологии, философии, морали и т. д.»[1]).

Типичное идеалистическое извращение реальных отношений между умственной и материальной деятельностью и причин их отделения друг от друга мы имеем например у известного махиста и меньшевика А. Богданова. Как в вопросе взаимоотношения мышления и бытия он считает, что материальный мир есть комплекс идей, представлений, так и в области общественных явлений Богданов устанавливает зависимость исторического развития от развития культуры и идеологии, от умственного развития. Отделение умственного труда от физического, по представлению Богданова, покоится на имманентном законе развития, накопления культуры, ввиду чего и должна была создаться особая специальность — специальность людей, обобщающих культурный опыт. Эти первые «специалисты по культуре» и стали организаторами общественной жизни, выделившись в особый класс. С тех пор, если верить Богданову, общественные перевороты, переход от одного общественного строя к другому обуславливаются всякий раз тем, что на место одних специалистов по культуре приходят другие, которые способны сконструировать общественный порядок, а следовательно и управлять обществом с большей экономией сил и средств, т. е. с большей выгодой для всего общества. В октябре 1917 г., когда рабочие захватили власть, Богданов старательно стал раз'яснять, что произошла роковая ошибка, что рабочие

---

[1]) Маркс и Энгельс, Критика немецкой идеологии, «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 221.

должны отдать власть отечественной буржуазии обратно, ибо рабочие еще не стали специалистами по новой культуре.

Несмотря на то, что кроме всей предшествующей истории неопровержимость учения марксизма-ленинизма блестяще подтвердила Октябрьская революция и победоносное строительство социализма в СССР, положившее начало уничтожению противоположности между умственным и физическим трудом и подготовляющее шаг за шагом все условия для полного уничтожения отделения умственного труда от физического,— современная социал-демократия, т. е. социал-фашизм, беззастенчиво проповедует, что Маркс и Энгельс по вопросу о противоположности между умственным и физическим трудом и по вопросу об уничтожении этой противоположности повторили утопистов. Так, Каутский в «Материалистическом понимании истории» (т. II, стр. 23 — 30), процитировав то место из «Анти-Дюринга» Энгельса, где идет речь об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом на основе обобществления средств производства, и сославшись затем на классическое место в «Критике немецкой идеологии», развивающее мысль о том, что в коммунистическом обществе создается «возможность делать сегодня одно, а завтра другое — утром охотиться, после обеда ловить рыбу» и т. д., Каутский восклицает: Маркс и Энгельс «в своих представлениях о грядущем коммунистическом обществе находятся еще под сильным влиянием утопистов» (стр. 30).

Каутский не однажды возвращается в этом своем позорном «труде» к вопросу об «утопизме» Маркса и Энгельса.

В противовес «утопической» марксистско-ленинской теории об отделении умственного труда от физического и об уничтожении противоположности между ними Каутский развивает буржуазную, идеалистическую концепцию. «Растущий обмен знаний и умений» приводит, по его мнению, к разделению труда и образованию профессий. Когда отдельные профессии достигают монопольного положения, то «подобная монопольная профессия приобретает свойство класса» [1]).

Возможно ли такое состояние общества, при котором разделение труда и профессии будут уничтожены? Каутский дальновиден. Он умеет защищать интересы буржуазии. Он уже подготовил почву «достойного» ответа на этот вопрос. Уничтожить разделение труда? Уничтожить профессии? Уничтожить привилегии буржуазии на умственное развитие и наслаждения? Уничтожить эксплоатацию и заставить буржуазию трудиться? Этого нельзя допустить! Надо убедить массы, что это вредная утопия Маркса и Энгельса. Но сделать это надо тактично, умненько! Вот почему К. Каутский затеял в своей книге длинный разговор относительно того, как произошло отделение умственного труда от физического, как произошли профессии. Он ведет разговор с Адамом Смитом, он дружески не соглашается с Эдуардом Майером, он доказывает, что рост знания первых народов и потребность обобщить, сохранить и передать эти знания выдвинули необходимость в посвящении отдельными людьми себя делам науки, культуры. Шаманы, брамины, врачи и т. д. были первыми специалистами по культуре, первой интеллигенцией. Рост знаний и умений повел к дальнейшему разделению труда, к дальнейшему развитию профессий?! «Они,— говорит Каутский,— являются продуктом технического прогресса и разделения труда. Они делаются тем более многочисленными, чем дальше развивается общество и чем более многогранным оно делается. Уничтожить деление на профессии значило бы похоронить все знания и умения, которые приобрело общество, это было бы нецелесообразно и бессмысленно. Даже

[1]) Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 28

стремление к уменьшению числа профессий было бы так же реакционно, как и безрезультатно» [1]).

Итак, учение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина об уничтожении в коммунистическом обществе разделения труда на умственный и физический, об уничтожении профессий, а также все, что делается в этом направлении в Стране советов,— обобществление средств производства, освоение широчайшими трудящимися массами передовой техники, политехническое воспитание нового поколения, учеба взрослых без отрыва от производства, создание собственной производственно-технической интеллигенции из рядов рабочего класса, одним словом, все, что делается в СССР для подготовки условий для уничтожения профессионализма и уродующего людей отделения умственного труда от физического, — все это, как вытекает из утверждений Каутского, утопично, нецелесообразно, бессмысленно, безрезультатно, реакционно. Таково лицо и такова душа социал-фашизма.

Каутский «опровергает» Маркса. Тем не менее учение Маркса об отделении умственного труда от физического и об уничтожении этой противоположности в коммунистическом обществе остается непоколебимым. Надо ли это доказывать? Задолго до Каутского Маркс дал уничтожающую критику взглядам Каутского. Взгляды Каутского типично идеалистические, поскольку он пытается доказать, что разделение труда вообще и в частности отделение умственного труда от физического является результатом роста знаний и умений. Именно про взгляды такого типа Маркс и говорил, что «с того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию «чистой теории», теологии, философии, морали и т. д.». Марксова критика идеалистической концепции Прудона, изложенная нами выше, в полной мере приложима к Каутскому. Каутский мало чем — в смысле методологии — отличается от Прудона в своих рассуждениях о разделении труда на «дурные» и «хорошие» стороны, полагая, что последние должны быть достоянием последующего «прогресса». Таким образом учение Маркса о том, что отделение умственного труда от физического имеет своей основой возникновение и развитие частной собственности на средства производства (а не идеалистически представляемый «прогресс») и следовательно коммунизм, общественный строй, основанный на полном обобществлении средств производства, уничтожит это отделение умственного труда от физического,—это учение Маркса является критикой каутскианских извращений по существу.

Продолжим изложение учения К. Маркса. Мы видели из предыдущего, что привилегия умственного развития в каждой общественной формации выпадает на долю собственников основных средств производства, на долю господствующих классов: в Греции — на долю евпатридов и купцов; в Риме— на долю патрициев и всадников; в феодальном обществе — на долю феодалов-помещиков; при господстве капитала — на долю капиталистов. Однако разделение труда этим не ограничивается. Как в производственной сфере разделение труда делит непосредственных производителей на узкие специальности, когда рабочий превращается в частичного рабочего, придаток частичной машины, так и в среде господствующего класса разделение труда приводит к созданию, в отличие от господствующего класса в собственном смысле этого слова, особой профессии, вернее целого ряда профессий в сфере умственного труда: юристов, поэтов, художников, дипломатов, философов, ученых различных отраслей, врачей, попов и т. д., обслуживающих интересы господствующего класса. «Разделение труда, в котором мы уже выше нашли одну

[1]) Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 29.

из главных сил прошлой истории, обнаруживается и в господствующем классе, в виде разделения на духовный и материальный труд, так что одна часть этого класса выступает внутри его, в качестве мыслителей его (активные творческие идеологи класса, для которых главным средством пропитания является выработка иллюзий этого класса о самом себе), в то время, как другая часть его относится к этим иллюзиям пассивно и рецептивно, ибо в действительности они являются активными членами этого класса и имеют мало времени для составления себе иллюзий и мыслей о самих себе»[1]). Дальше Маркс и Энгельс прекрасно изображают классовые отношения между господствующим классом и его интеллигенцией. Они продолжают: «Это расщепление класса (на активных членов его и интеллигенцию. — *Н. Б.*) может доходить даже до известного противопоставления друг другу и вражды обеих указываемых частей, но вражда эта исчезает сама собой при всякой практической коллизии, угрожающей существованию класса, в эти же моменты пропадает иллюзия, будто господствующие мысли не являются мыслями господствующего класса и составляют силу, отличную от силы этого класса»[2]).

Конкретная история дает полное подтверждение этой блестящей характеристике. Во все эпохи из господствующего класса выделяется часть его, которая посвящает себя исключительно или отчасти деятельности (утверждающей и защищающей положение класса) в умственной сфере. Евпатриды и свободные купцы древней Греции, патриции и всадники древнего Рима имели выделившуюся из их среды или из среды ремесленников довольно обширную интеллигенцию — философов, ораторов, поэтов, художников и т. д., обслуживающую в «духовной» сфере интересы господствующего класса.

Такое же деление внутри господствующего класса знала и феодальная эпоха и капитализм. В феодальном обществе только господствующие сословия имели доступ в школы, только господствующим было обеспечено образование. Следовательно только господствующий класс, как правило, мог выделять из своей среды интеллигентные профессии. Точно так же и при капитализме, несмотря и даже благодаря формальному «равенству» в буржуазном обществе, экономическую возможность получить образование, а следовательно интеллигентскую профессию имеют, как правило, буржуазия и в слабой степени мелкая буржуазия. Мало этого, капитализм обеспечивает классовую принадлежность интеллигенции к буржуазии тем, что в его руках находятся все экономические, политические и идеологические рычаги, с помощью которых интеллигенция в массе своей становится буржуазной интеллигенцией.

Лишь незначительная часть интеллигенции способна покинуть точку зрения господствующего класса и стать на сторону эксплоатируемых классов. В капиталистическую эпоху на позиции пролетариата стали и сделались его идеологами, основоположниками научного коммунизма Маркс, Энгельс, Ленин.

История классовой борьбы не оставляет недостатка в доказательствах и иллюстрации этого положения. Во все эпохи интеллигенция как общественная группа (т. е. основная масса интеллигенции) всегда в классовой борьбе выступала на стороне господствующего класса. Всякие противоречия между интеллигенцией и господствующим классом тотчас же устраняются, как только возникает опасность для существования господствующего класса. Надо ли доказывать это, когда мы являемся живыми свидетелями роли интеллигенции в классовой борьбе отечественной и международной буржуазии против Октябрьской революции и диктатуры пролетариата в СССР?

[1]) Маркс и Энгельс, Критика немецкой идеологии, «Архив», т. I, стр. 231.

[2]) Там же.

IV

Рабочий класс, главная производительная сила капиталистического общества, сила, создающая колоссальное богатство, сила, обеспечивающая материальную основу для развития техники, науки, искусства, не только не пользуется непосредственно благами производительности своего труда, но чем больше капитал эксплоатирует его производительную способность, тем больше он впадает в нищету, физическое и духовное вырождение. Разделение труда, благодаря которому каждый индивидуальный рабочий превращается в частичного рабочего и действует как часть коллективного рабочего под централизованным управлением капиталиста или его представителя — директора, инженера, мастера и т. д., развивает производительную силу рабочего в общественную производительную силу труда, намного превышающую производительную силу механически сложенных индивидуальных рабочих. Это служит исходным пунктом, мотивом в стремлении капитала к максимальному развитию разделения труда внутри предприятия, к максимальному расчленению коллективного рабочего на частных рабочих. Эта тенденция превращается в з а к о н капиталистического производства. Она ведет к двум следствиям: к систематическому духовному обеднению рабочего и к столь же систематическому обеднению материальному, к снижению заработной платы. «В то время как простая кооперация оставляет способ производства отдельных лиц, вообще говоря, неизменным, мануфактура (а мануфактура есть «кооперация, основанная на разделении труда».—*Н. Б.*) в корне революционизирует его и всецело подчиняет себе индивидуальную рабочую силу. Она превращает рабочего в урода, искусственно культивируя в нем одну только специальную способность и подавляя весь остальной мир производительных задатков и дарований; она утилизирует рабочего, как утилизируется скот в государствах Ла-Платы, где убивают животное только для того, чтобы получить его шкуру или его сало... Все те познания, понимания и воля, которые развивает в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе,— подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости,— все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные потенции (движущие силы) производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредотачивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и порабощающая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации... Он развивается далее в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную потенцию производства, и заставляет ее служить капиталу» [1]).

Мы прибегли к столь длинной цитате Маркса потому, что невозможно более ярко изобразить процесс и результат отделения умственного труда от физического. В изложении Маркса мы почти осязаем, как в процессе самого м а т е р и а л ь н о г о производства отделяется умственная работа от чисто физической работы. Умственная деятельность все более сосредотачивается в капитале (в науке, централизованном руководстве и т. д.), тогда как роль рабочих все более опускается до п р о с т ы х д в и ж е н и й, не требующих ни знаний, ни искусства, но изнуряющих своей монотонностью и непрерывностью.

Если в прежние общественные формации отделение умственного труда

[1]) М а р к с. Капитал, т. I, стр. 351—353

от физического состояло в том, что непосредственные производители были лишены возможности заниматься умственной деятельностью как профессией, и последняя была привилегией господствующих классов, то капиталистический способ производства кроме этого лишает рабочих возможности развивать интеллектуальные способности в процессе самого производства. Ремесленник или крестьянин в своей деятельности понимает процесс работы в целом. Их работа требует хотя бы элементарных знаний и пониманий технологии их производств в целом. От рабочего, превращенного в придаток машины, требуется только «двигать определенным образом рукой или ногой». «Невежество есть мать промышленности» (Фергюсон). Цитируя эти слова, Маркс добавляет: «И в самом деле, в половине XVIII века, некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для производства известных простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну» [1]).

Вместе с этим отделением духовной деятельности от физического труда в самом процессе производства и сведением последнего к простым механическим движениям падает стоимость рабочей силы, а следовательно и зарплата. Понижение стоимости рабочей силы обусловлено здесь, с одной стороны, понижением издержек обучения рабочих, а с другой стороны, вовлечением в производство женского и детского труда. То и другое, как известно, является постоянными факторами понижения стоимости рабочей силы и заработной платы рабочего.

Следует ли из всего сказанного, что с прогрессом техники неизбежно должно итти и дальнейшее расчленение непосредственного производителя, все большее его превращение в урода, от которого требуются односторонние, однообразные, механические движения рукой или ногой? Иначе говоря, следует ли из всего сказанного, что развитие техники неизбежно должно сводить роль рабочего к простому придатку машины? Возможно ли уничтожение профессионализма, узкой специализации, уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом? Возможно ли всестороннее политехническое развитие трудящихся?

Забегая несколько вперед, мы должны указать, что уже в капиталистическом обществе существует и другая тенденция, выражающаяся в законе концентрации производства и обобществлении труда и создающая об'ективную основу для об'единения пролетариата и для политического и культурного роста его (к этому вопросу мы вернемся ниже). Но указывая на эту вторую тенденцию, мы должны со всей определенностью подчеркнуть, что уничтожение уродующего человека разделения труда возможно лишь с ниспровержением капиталистического строя и построением бесклассового коммунистического общества.

Для буржуазного сознания уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом и замена ее политехническим развитием трудящихся являются, как выражается Каутский, неосуществимыми, нецелесообразными и реакционными, так как законы частной собственности и капиталистического способа производства, с точки зрения буржуазии, являются «естественными», непреложными и абсолютными. Учение же Маркса—Ленина и практика социалистического строительства в СССР неопровержимо доказывают, что уничтожение разрыва между умственным и физическим трудом, замена профессионализма политехнизмом являются неизбежным следствием революционного преобразования капитализма в коммунизм.

Все сказанное ранее должно было убедить нас в том, что разделение труда в обществе (и в том числе отделение умственного труда от физического) появилось на основе частной собственности на средства производства и развивалось, меняло свою форму в соответствии с развитием форм частной

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 353.

собственности. Капиталистическая частная собственность есть последняя форма частной собственности.

В условиях капиталистической частной собственности, как мы видели, разделение труда ведет к превращению рабочего в придаток к машине, к духовному и материальному его обеднению. Не сам по себе технический прогресс ведет к расчленению рабочего, а та общественная форма, в условиях которой совершается техническое развитие и труд рабочего.

Само по себе механическое машинное производство способно служить уничтожению ремесленного профессионализма и политехническому развитию рабочего. Цитируемый К. Марксом Андрей Юр, апологет мануфактурного разделения труда, в своей работе «Философия мануфактуры» правильно подмечает, что «при старой системе градаций труда (ремесленной.—*Н. Б.*) требуется многолетнее обучение, прежде чем глаза и руки рабочего достигнут искусства, необходимого для выполнения некоторых особенно трудных, механических операций; но при системе, разлагающей производство на его составные части, которые исполняются автоматической машиной, эти части можно поручить рабочему, одаренному самыми посредственными способностями, подвергнув его лишь небольшому испытанию. При автоматической системе способности рабочего подвергаются приятному упражнению... Так как его занятие ограничивается надзором за правильно действующим механизмом, то он может изучить его в очень короткое время, когда же он переносит свои услуги от одной машины к другой,— в его работу вносится разнообразие, которое расширяет его кругозор размышлением об общих комбинациях, вытекающих из его труда и труда его товарищей» [1]). Профессор Юр однако не видит, что возможность разностороннего политехнического развития рабочего, предоставляемая машинным производством, не может быть осуществлена при капиталистическом способе производства. Капиталист пользуется машиной, чтобы сломить сопротивление рабочих, понизить их заработную плату, интенсифицировать труд рабочего (увеличить относительную прибавочную стоимость), и вместе с тем, оставляя его на положении частичного рабочего, стремится убить в нем сознательность и политическую активность.

Экономические и политические интересы капиталиста требуют, чтобы машина была использована как средство усиления эксплоатации и как средство духовного уродства рабочего класса.

Таким образом развитие техники и особенно рабочей силы, т. е. развитие производительных сил общества, вступает в противоречие с капиталистической формой общественного производства.

Это противоречие находит свое выражение в классовой борьбе пролетариата за новый общественный способ производства. Победа пролетариата, захват власти (диктатура пролетариата) и строительство социализма разрешают это противоречие.

Противоречие между развитием техники и рабочей силы при капиталистическом способе производства выражается также в том, что, несмотря на тенденцию капитала, ведущего к физическому и умственному вырождению рабочего класса, рабочий класс ходом политической борьбы и техническим развитием формируется в силу, способную захватить власть, подавить сопротивление буржуазии и в условиях диктатуры пролетариата овладеть техникой и управлением государства и поставить воспитание нового поколения политехнически развитых людей, могущих окончательно установить коммунизм. Таким образом в рамках капиталистического строя уже складываются некоторые элементы политического и умственного раз-

[1]) Маркс, Нищета философии, стр. 136.

вития рабочего класса. Бухарин, утверждающий, что в рамках капиталистического строя рабочий класс совершенно неспособен к умственному, культурному развитию, несомненно ревизует Маркса. На путь такой же ревизии в этом вопросе стал и Троцкий. Последний однако идет еще дальше, утверждая, что культурное развитие пролетариата невозможно и при диктатуре пролетариата.

Говоря об элементах культурного развития пролетариата в рамках капиталистического строя, мы должны одновременно отмежеваться от социал-фашистских теорий культурного вызревания пролетариата при капитализме. Социал-фашистские теории культурного вызревания пролетариата при капитализме направлены против марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата: они утверждают, что социализм возникает на основе буржуазной демократии, в условиях которой культурно созревает рабочий класс, подготовляя себя к роли организатора социалистического общества.

Теория Маркса—Ленина коренным образом отличается от буржуазных социал-фашистских рассуждений на эту тему. Основным положением теории Маркса—Ленина о всестороннем политическом развитии трудящихся является утверждение, что только диктатура пролетариата создает условия—материальные и политические предпосылки—для уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом, для всестороннего развития людей. Но, утверждает теория Маркса—Ленина, рабочий класс, поднимая восстание против капиталистического строя и устанавливая диктатуру пролетариата, представляет грозную политическую силу, т. е. уже достиг некоторого уровня культурного развития. В каждой национальной культуре, говорит Ленин, есть элементы демократической, социалистической культуры.

Как же развиваются эти демократические, социалистические (пролетарские) элементы культуры? Элементы культурного развития пролетариата в капиталистическом обществе развиваются в борьбе, в противоречии с основной тенденцией капиталистического производства к умственному и физическому вырождению рабочего класса. Выясним прежде всего роль технического развития рабочего класса. Политические и экономические интересы капитала, побуждающие его иметь неквалифицированных, неразвитых рабочих, наталкиваются на противодействующую тенденцию: иметь определенное количество обученных квалифицированных рабочих. «Существенное различие,— говорит Маркс,— наблюдается между рабочими, которые заняты действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые заняты наблюдением за двигательной машиной или ее питанием), и между простыми чернорабочими или помощниками (почти исключительно дети) этих машинных рабочих... Наряду с этими главными классами выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдением за всеми машинами и постоянной их починкой, например инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно-образованный, частью ремесленного характера класс рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему»[1]). Мы сейчас не касаемся вопроса о том, как капитал, пользуясь присущими ему методами работы и борьбы, старается посеять антагонизм между инженерно-техническим персоналом и всей массой рабочих и между квалифицированными (машинными рабочими, как выражается Маркс) и неквалифицированными рабочими. Сейчас мы хотим обратить внимание только на то, что капитал, чтобы не иметь недостатка в квалифицированных рабочих (иначе это сейчас же скажется на повышении зарплаты), должен располагать резервом, из которого бы он мог в любую минуту черпать рабочие силы, не требующие боль-

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 415.

ших издержек обучения для их использования у дорогостоящих машин. Этот резерв капитал создает себе, организуя под давлением эксплоатируемых масс начальное народное образование. Неслучайно А. Смит «рекомендует государству организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных гомеопатических дозах» (Маркс). Неслучайно, что промышленная революция сопровождалась требованием всеобщего и даже трудового обучения, Характерно, что французская революция (1789 г.) уделила народному образованию чрезвычайно большое внимание. В учредительном собрании обсуждались последовательно проекты народного образования Мирабо, епископа Талейрана, философа Кондорсе, Лепелетье. Талейран, Кондорсе, Лепелетье требуют всеобщего начального обучения. Лепелетье выступает за всеобщее профессиональное образование.

«Как ни жалки в общем постановления фабричного закона относительно воспитания, они об'явили начальное обучение обязательным условием труда. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, а, следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой» [1]).

Такова диалектика реальной исторической действительности. Капитализм довел разделение труда до крайних пределов. Он не только отделил умственную деятельность в особую профессию, точнее, целый ряд профессий, создав таким образом обширную общественную группу буржуазной интеллигенции, но и в самом материальном производстве он лишил рабочих всякой умственной деятельности, превратив их в простой придаток машины. Эта тенденция однако встречает противодействие со стороны другой тенденции, тенденции, которую несет с собой техническое развитие и которая заключается в возможности политехнического развития рабочего при машинном автоматическом производстве. К этому еще нужно прибавить и другую противодействующую тенденцию, обусловленную необходимостью иметь некоторое количество обученных рабочих. Поэтому, уступая давлению пролетарских и революционно-демократических элементов, капитал идет на организацию всеобщего начального образования, правда, в гомеопатических дозах.

Таким образом в недрах капитализма создаются некоторые предпосылки для будущего уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом и для будущего осуществления политехнического развития, предпосылки, осуществляющиеся только с уничтожением капиталистического способа производства.

Однако самым значительным условием уничтожения в будущем старого разделения труда и устранения вместе с ним духовного опустошения непосредственных производителей является в условиях капитализма рост организованности, сознательности и дисциплинированности рабочего класса, развивающийся в борьбе последнего с капиталистическим строем. Духовные силы рабочего, опустошаемые тем, что он низводится капиталом на положение частичного рабочего, мало этого, на положение придатка к частичной машине, находят пищу для своей деятельности и развития в политической борьбе. Капитал, превращая индивидуального рабочего в частичного рабочего, соединяет большие массы рабочих в одном месте, сокращая издержки на обучение рабочей силы, создает для основной массы рабочих сравнительно одинаковый жизненный уровень и следовательно одинаковые интересы, а следовательно (создает) и общую почву для взаимной солидарности. Концентрация рабочих масс, об'единение их на почве общих интересов сообщают рабочему классу могучую силу. Сила каждого рабочего помножается на силу всего класса. Каждый рабочий становится обладателем опыта борьбы всего класса. В борьбе против капитала растет организован-

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 489

ность, сознательность класса. Создается партия — наиболее сознательная, наиболее боевая, самая высшая организация рабочего класса, его руководящий политический штаб. Под руководством партии сознательность, организованность рабочего класса неизмеримо возрастают. Под руководством партии рабочий класс способен одержать победу над капиталом, захватить власть, построить социализм, уничтожить классы и старое разделение труда.

V

Капитализм развивает до своего крайнего выражения отделение умственного труда от физического. Напротив, коммунистический строй уничтожает этот разрыв. Возникая на основе полного обобществления средств производства, коммунизм означает уничтожение классов, превращение всех людей в тружеников. Коммунизм раз навсегда уничтожает то положение, которое свойственно было всем общественным формациям, основанным на частной собственности на средства производства, и которое состояло в том, что умственная деятельность составляет привилегию господствующего класса и превратилась в средство порабощения непосредственных производителей. В коммунистическом обществе право на существование, а следовательно и право на умственную деятельность дает только труд. Непосредственные производители—они же становятся и производителями в области науки, искусства, культуры вообще. При этом сочетание умственного и физического труда в коммунистическом обществе будет выражением не только того, что не будет существовать «специалистов», «профессионалов» умственного труда в силу уничтожения классов и в силу общеобязательности производительного (непосредственно) труда. Сочетание умственного и физического труда будет выражением также непосредственного единства практики и теории. Поскольку в бесклассовом коммунистическом обществе труд перестает быть источником эксплоатации, становится источником материального благосостояния трудящихся масс, он является подлинным выражением познания свойств природы, самого человека и средств труда; поскольку социалистический труд будет (а в СССР и есть уже) делом доблести и геройства, а затем войдет в привычку и будет потребностью, он будет (а в СССР уже и является) источником творческого вдохновения, критерием для поведения человека и т. д.

Апологеты капиталистического общества, наиболее опасными из которых являются социал-фашисты, считают утопией учение Маркса об уничтожении разделения труда и противоположности между умственным и физическим трудом. Так например Каутский, как мы уже видели, полагает, что об'ективный закон развития производительных сил предполагает все углубляющуюся специализацию, профессионализм. А между тем учение Маркса об уничтожении разделения труда опирается на об'ективный закон развития производительных сил. Машина и крупное автоматическое производство составляют материально-техническую базу для уничтожения старого разделения труда, основу для расширения кругозора и развития разносторонних способностей рабочего. Эта тенденция как возможность проступает уже при капитализме. Однако ее развитие и осуществление находятся в полном противоречии с капиталистической формой производства и соответственно с социальной и политической структурой капиталистического общества.

«Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями»[1]).

Только обобществление средств производства и труда и уничтожение классов превращают возможность политехнического развития в действительность.

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 488

Тенденция машинного производства, встречающая противодействие со стороны капитала и поэтому в капиталистическом обществе пролагающая себе путь с силой стихийно действующего закона, состоит в автоматизации производственного процесса, в передаче исполнительных рабочих функций самой машине.

Что такое машина? Маркс дал глубочайший по силе и глубине анализ существа машины. К сожалению мы должны ограничиться здесь самыми необходимыми замечаниями относительно этого. Машина, как показал Маркс, состоит из трех частей: 1) исполнительного рабочего механизма, 2) двигательной части и 3) передаточного механизма. Основной частью машины является ее рабочая часть. Она представляет собой, в более или менее усложненном и комбинированном виде, тот рабочий инструмент, с помощью которого производит свою работу ремесленный рабочий. Благодаря этой части машины рабочий освобождается от ручного труда, и труд все больше и больше механизируется.

Второй по значению является двигательная часть машины. Ее значение состоит в том, что она заменяет человека как двигательную силу. Однако значение ее подчиненное. Все технические перевороты в производстве всегда обуславливались изменениями в рабочей части, ибо основная проблема всегда состоит в том, чтобы переложить с человека на машину непосредственную работу над материалом труда. Поскольку это достигнуто, и режет, колет, сверлит, скоблит, точит и т. д. не сам человек, а инструмент, укрепленный в машине,—ручной труд заменяется машинным, и тогда решается вопрос о двигательной силе. При этом вопрос о двигательной силе решается в зависимости от характера машины, ее величины, ее распространения. Человек, вол, пар, электричество как источники двигательной силы следуют за открытием и развитием машины, ее рабочей части. Глубочайшее значение по своим научным основам и практическим результатам представляет решение партии о ведущей роли машиностроения в технической реконструкции нашего хозяйства. Действительно, основная проблема социалистической технической реконструкции состоит в том, чтобы: 1) все отрасли хозяйства механизировать (заменить мускульный труд рабочего механизмами), 2) централизовать управление хозяйством и 3) планово руководить всеми отраслями производства. Только в этом случае становится возможной, необходимой и эффективной электрификация всей страны, т. е. установление централизованных мощных силовых источников. Электрификация всего народного хозяйства невозможна ни при ремесленном производстве, основанном на ручном труде, ни при капиталистическом производстве, так как капитализм никогда не в состоянии перевести все отрасли производства на полную автоматизацию, ибо последняя связана с плановым ведением хозяйства и неосуществима в условиях капиталистической конкуренции и анархии. Только завершенная автоматизация выдвигает как неотложную задачу электрификацию страны. Электрификация является энергетической (двигательной) базой для вполне автоматизированного хозяйства. Завершенные же автоматизация и электрификация производства возможны и осуществимы только при социалистическом строе.

Автоматизация, механизация производственных процессов закладывает основу для уничтожения профессионализма. Автоматизация разлагает, дробит производственный процесс на составные, простейшие функции и одновременно комбинирует их. Автоматизация означает установление связи, единства между отдельными видами производства и между отдельными рабочими функциями. Автоматизация означает научное постижение процесса производства, постижение производства в его единстве и во всем его конкретном многообразии. Таким образом автоматизация устанавливает об'ективную основу для уничтожения разрыва, обособления отдельных видов производства и отдельных рабочих функций.

Одновременно труд рабочего универсализируется при полной автоматизации производства. Роль рабочего при автоматах заключается в управлении ими. А так как каждый автомат есть лишь простейшая функция общего производства, то работа на нем и усвоение его знакомят с общими свойствами ряда других автоматов.

Прибавьте к этому, что коммунистический строй, где каждый член общества является тружеником, дает каждому широкое политехническое образование. Прибавьте к этому также, что в социалистическом обществе производство и труд планово регулируются. Все это обеспечивает возможность каждому индивиду «развиваться в любой отрасли труда... возможность сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, после обеда ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством или же критиковать еду—как моей душе угодно,—причем я не становлюсь от этого охотником, рыболовом, пастухом или критиком» (Маркс).

Политехническое развитие, намечавшееся как тенденция уже при капитализме, при социалистическом строе действует как закон. В знаменитой резолюции Первого (Женевского) конгресса I интернационала Маркс писал: «Мы считаем тенденцию современной промышленности привлекать и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства тенденцией здоровой и законной, ведущей к прогрессу, которая при капиталистическом строе была извращена и изуродована. При рациональном устройстве общества решительно каждый ребенок с десятилетнего возраста должен становиться производительным рабочим, точно так же, как каждый физически нормальный взрослый должен повиноваться закону природы—работать для того, чтобы есть, и работать не только головой, но и руками...

Исходя из этой точки зрения, мы говорим, что нельзя разрешать ни родителям, ни предпринимателям пользоваться трудом несовершеннолетних, как только при условии соединения этого труда с образованием. Под образованием мы понимаем три вещи: 1) интеллектуальное (умственное) образование; 2) телесное воспитание, подобно тому, которое дается школами гимнастики и военными упражнениями; 3) технологическое обучение, которое научает общим принципам всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку практические навыки в обращении с простейшими инструментами всех производств» (цитирую по русскому переводу В. В. Ивашевой, см. ст. Пинкевича А. П. в «Трудах 2-го московского университета», т. I, 1929 г.).

Учение Маркса об уничтожении разрыва между умственным и физическим трудом сохранено от опошления со стороны международного меньшевизма, ныне социал-фашизма, Лениным и его лучшим учеником т. Сталиным. Ленин и Сталин в процессе борьбы с международным меньшевизмом за последовательно марксистское, революционное понимание учения Маркса о разделении труда и на основе обобщения опыта рабочего класса в эпоху империализма и особенно в эпоху строительства социализма развили, подняли на новую ступень учение Маркса об уничтожении разделения умственного и физического труда.

Это учение Маркса, обогащенное, развитое Лениным и Сталиным, рабочий класс нашей страны сейчас практически осуществляет. Диктатура пролетариата разбила те общественные (капиталистические) оковы, которые препятствовали политехническому развитию рабочего, которые низводили рабочего на положение жалкого придатка частичной машины. Диктатура пролетариата положила конец господству капитала в СССР, одержала к концу первой пятилетки полную победу над капиталистическими элементами и поставила основной задачей второй пятилетки полное уничтожение капиталистических элементов и классов вообще. Рабочий СССР уже не тот рабочий, умственные способности которого подавляются капиталом ради извлечения максимальной прибыли от эксплоатации одной его физиче-

ской силы, подобно тому, как в государствах Ла-Платы убивают скот ради одной только его шкуры или сала. Рабочий класс СССР—общественный собственник средств производства. Рабочий класс в лучшей своей части—активный и сознательный строитель социализма. Социалистическому хозяйству нужны не только руки и ноги рабочего, но и его сознание.

Маркс не ошибся, когда написал, что «не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому»[1]). В самом деле, социалистическая революция открыла широкий простор развитию умственных потенций рабочего класса не только тем, что уничтожила господство капитала, что в ходе ожесточенной классовой борьбы расширила кругозор, воспитывает сознательность и организованность рабочего класса и трудящихся вообще, но также и тем, что поставила перед всеми государственными и рабочими организациями задачу воспитания, переделки трудящихся в духе социализма, тем, что поставила задачу культурно-технического перевооружения рабочего класса («овладеть техникой» — Сталин), наконец тем, что превратила школу в орудие создания нового, всесторонне политехнически развитого поколения.

Эпоха социалистического строительства наряду с новыми общественными связями (социалистическими), раскрывающими колоссальные возможности, вернее, создающими колоссальные силы для умственного и физического развития трудящихся, создает также недоступный по своему уровню и широте никакому капиталистическому государству новый производственный технический базис—базис завершенной автоматизации производственных процессов. Несмотря на нашу технико-экономическую отсталость в прошлом, мы уже реконструировали основные отрасли нашей промышленности: механизировали почти полностью нашу основную топливную промышленность, создали ряд новых производств, новых заводов, сделаны большие шаги по машинизации такой отсталой в этом отношении отрасли хозяйства, как сельское хозяйство, подводим под все наше хозяйство широкую энергетическую электрическую базу[2]). Техническая реконструкция, происходящая в нашей стране, создает материальную об'ективную базу для уничтожения противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Автоматизация процессов производства, протекающая хотя и в трудных условиях, но чрезвычайно успешно, при сознательно поставленной партией и диктатурой пролетариата задаче уничтожить противоположность между городом и деревней, между умственным и

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 489.

[2]) Поистине грандиозно создание таких непревзойденных по совершенству техники гигантов социалистической индустрии, как Магнитогорский и Кузнецкий заводы, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Уральский завод тяжелого машиностроения, Горьковский и Московский автомобильные заводы, «Шарикоподшипник», Березниковский химический комбинат, завод искусственного каучука и т. п. Не менее грандиозны успехи в электрификации страны. Мощные первоклассные электростанции—Волховская, Днепровская, Шатура, Штееровская, МОГЭС, НИГРЭС, ЗАГЭС, СТАЛИНГРЭС, ИВГРЭС и т. д.—уже охватывают потоком электричества все решающие точки индустриального производства. Грандиозно также и то, что делается сейчас у нас в отношении машинизации сельского хозяйства. Тов. Каганович в докладе на I с'езде колхозников-ударников подытожил то, что дала социалистическая индустриализация социалистическим полям.

«Я перечисляю подробно,—сказал т. Каганович,—каких и сколько машин мы дали деревне. По этому списку вы можете судить, что значит производственная помощь пролетариата социалистической промышленности нашей деревне, нашему колхозному крестьянству».

Какие машины даны и какова производительность новых с.-х. машин.

Трактор «Красный путиловец», СТЗ, ХТЗ.

Тракторов всех видов марок дано за все время, включая и то, что дали до пятилетки, 150 тыс.

Скоро вступит в строй Челябинский завод мощных гусеничных тракторов.

физическим трудом, неуклонно ведет к созданию людей новой формации—людей, у которых производительный труд сочетается с умственным и физическим развитием.

Огромное значение для уничтожения разрыва между умственным и физическим трудом играет уничтожение противоположности между городом и деревней. До тех пор, пока последняя не будет уничтожена, нельзя говорить и об уничтожении отрыва умственного труда от физического, ибо, как говорит Маркс, «самым крупным разделением материального и духовного труда является отделение города от деревни... Она (противоположность между городом и деревней.—*Н. Б.)* есть грубейшее выражение факта подчинения индивида разделению труда и определенной, принудительно навязанной ему деятельности, подчинения, превращающего одного человека в ограниченное городское животное, другого—в ограниченное деревенское животное» [1]).

Благодаря коллективизации трудящегося крестьянства и уничтожению кулачества как класса, благодаря мероприятиям по машинизации с.-х. труда противоположность между городом и деревней идет к уничтожению. Таким

Тракторных плугов: Ростсельмаша, Сибсельмаша и завода им. Октябрьской революции 2-3-4-5-корпусных и 8-лемешных лущильников. Выпущено за 1931 г. и 1932 г. свыше 150 тыс. шт.

Тракторные сеялки (19-рядовые и дисковые 24-рядовые заводов им. Сталина в Ростове н/Дону и «Красная звезда»). Производительность одной сеялки—18 га. Работа сеялки за 1 день заменяет: 1) 6 ручных сеяльщиков и экономит 50 пудов зерна, или 2) 6 коно-дней и 6 человеко-дней. Выпущено за два года 60 тыс. шт.

Мотыга—«украинка» (Первомайского завода в г. Бердянске)—для междурядной обработки сахарной свеклы. Для трактора сцепляют три вместе. Производительность одной мотыги 8—10 га. Заменяет 50 женских рабочих дней За 2 года выпущено 14 тыс. шт.

Тракторные и конные картофелесажалки (4-рядные) завода «Красный плуг». Производительность тракторной—8—10 га за день. Работа картофелесажалки за день заменяет 1 рабочую лошадь, 50 женских рабочих дней. Выпущено в 1932 г. тракторных 243 штуки и конных 10 тыс. штук.

Льнотеребилки—«комсомолка» (Люберецкого завода около Москвы). Производительность 25—30 га в день, заменяет 50—100 человеко-дней. Выпущено за 1931 и 1932 гг. около 15 тыс. шт.

Тракторные молотилки (заводов «Серп и молот» в Харькове, «Коммунар»). Производительность от 1.500 до 1.800 пудов зерна в день, т. е. в 4 раза больше, чем 4-конная молотилка. Заменяет 20 коно-дней и 30 человеко-дней. Выпущено свыше 20 тыс. шт.

Зерновые комбайны (Ростсельмаша, «Коммунара» и Саратовского завода). Производительность 15 га за 10-часовой рабочий день. Заменяет 4-5 конных жнеек, 2 конных молотилки или 18 коно-дней и 30 человеко-дней. Выпущено за 2 года 13.500 шт.

Кукурузный комбайн—двухрядный «пиккер» (завода «Красный Аксай»). Производительность 7-8 га за день. Заменяет 70—80 женских рабочих дней. Выпущено 2.200 шт.

Кукурузная молотилка (завода «Красный Аксай») для обмолота кукурузных початков. Производительность 800—1.000 пудов в день. Выпущено свыше 1.400 шт.

Картофелекопатель (заводов: Рязанского, Витебского, «Красный металлист» и им. Артема). Производительность 2 га за день. Уменьшает потребность в женских рабочих днях на 20—50 проц. Выпущено около 37 тыс. шт., в том числе тракторных 500 шт.

Свеклокомбайнов (завод «Плуг и молот»). Эта машина механизирует уборку сахарной свеклы, обрезает ботву, выкапывает, очищает от земли корни и складывает в кучки ботву и корни. Производительность 5 га, заменяет 50—70 женских рабочих дней.

Пневматические хлопкоуборочные машины «Турман-Вакуум» (завода им. 1-го мая в Белой Церкви). Предназначена для 1-го и 2-го сбора хлопка.

образом и с этой стороны мы имеем практические успехи в деле создания условий для уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом.

Как на реальные шаги в деле уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, шаги, имеющие огромнейшее значение, надо указать на широчайший охват трудящихся масс учебой. В нашей стране почти все учатся. Одни ликвидируют неграмотность или малограмотность, другие получают рабочее образование на производственно-политехнических курсах, в рабочих технических школах, в техникумах и вузах, на предприятии и т. д., третьи получают образование в обычной сети народного просвещения, начиная от начальной школы и кончая вузом, аспирантурой и т. д. [2]) Для трудящихся открыты двери каждой школы, техникума, вуза, на каждом крупном предприятии, стройке существует целая сеть рабочего образования без отрыва от производства. Лозунг, данный вождем партии т. Сталиным, о подготовке производственно-технической интеллигенции из рядов рабочего класса подхвачен массами с энтузиазмом и знаменует реальные шаги на пути к уничтожению разрыва между умственным и физическим трудом [3]).

Однако как бы ни были велики реальные успехи нашей страны в уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом, о полном уничтожении этой противоположности сейчас говорить нельзя, сейчас можно говорить лишь только о создании условий для полного уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Ленин и Сталин неоднократно указывали, что для полного уничтожения разделения между умственным и физическим трудом необходимо полное уничтожение классов и всякой эксплоатации, уничтожение противоположности между городом и деревней. Но и это еще не создаст сразу полного соединения между умственным и физическим трудом, ибо для этого требуется определенный уровень в развитии производительных сил, преодоление буржуазных пережитков, «громадной силы привычки и косности» (Ленин).

Тов. Сталин, указывая на левацкие уравниловские тенденции некоторых хозяйственников, говорил: «Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что ввиду этого «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребностям». Нечего говорить, что это указание т. Сталина целиком относится также к вопросу об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом.

Мы видим таким образом, что действительное продолжение и развитие учения Маркса об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом нашло в работах Ленина и Сталина, а действительной силой, практически осуществляющей это учение, является коммунистическая ленинская партия под руководством лучшего ленинца—т. Сталина

---

[1]) Критика немецкой идеологии, «Архив Маркса и Энгельса», стр. 234.

[2]) В СССР всеобщее обучение охватывает 25 миллионов человек, неграмотность ликвидирована на 88 проц., дошкольным воспитанием охвачено 7 млн. с лишком. В сети рабочего образования без отрыва от производства обучалось в 1930-31 г. только по РСФСР 101.444 рабочих, в 1931-32 г. мы имеем превышение этой цифры по одному Северному Кавказу—109.486; по другим областям: Ивановская обл. — 88.000, Средняя Волга — 17.014, Московская обл. (без Москвы) — 48.000 и т. д. Тот факт, что обучение рабочих без отрыва от производства стало таким массовым явлением, лучше всяких слов показывает реальный процесс уничтожения в СССР пропасти между умственным и физическим трудом.

[3]) В одном 1933 г. мы получим квалифицированных рабочих-специалистов средней и высшей квалификации из рядов рабочих и крестьян: из втузов и вузов— 60,7 тыс. чел., из техникумов — 226,3 тыс., из школ ФЗУ — 527,6 тыс.

Обращение ЦС СВБ, ЦБ СНР, ЦБ ВАРНИТСО ко всем научным обществам и институтам, ко всем работникам науки и техники

Товарищи!

Рабочий класс и трудящиеся СССР под руководством коммунистической партии и ее вождя т. Сталина победоносно завершили первую пятилетку в четыре года. Партия добилась того, что «капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР» (Сталин). Наша страна из аграрной превратилась в индустриальную и стала могучей в смысле обороноспособности, готовой дать сокрушительный отпор нападению со стороны империалистов. Партия добилась того, что колхозный строй победил, трудовое крестьянство освобождено от кулацкой кабалы и эксплоатации, кулачество как класс разгромлено, хотя еще не добито окончательно.

За первую пятилетку СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран, создав собственную индустриальную базу для социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Этот факт имеет тем более выдающееся всемирно историческое значение, так как он показал все преимущества советской социалистической системы хозяйства и несостоятельность капиталистической системы, переживающей в это время жесточайший экономический кризис.

Итоги роста науки и техники за первую пятилетку огромны. Число учащихся достигло в 1932 г. 25 млн. Выросло количество научно-исследовательских институтов с 224 в 1929 г. до 770 в 1932 г. Число научных работников увеличилось в два раза. Ряд блестящих открытий в области физики и химии, ряд научных экспедиций, исключительный рост технического изобретательства, создание ряда значительных произведений в области пролетарского искусства и литературы и пр. показывают этот рост и в качественном отношении. В то же время в капиталистических странах наука и техника переживают глубочайший кризис. Капитализм стал препятствием к научному прогрессу. Растет безработица среди ученых, врачей, технических кадров и др. Закрываются высшие учебные заведения и научные институты. Все большее распространение получают «теории» ненуж-

ности прогресса науки и техники. Научная мысль в тупике. Под ударами кризиса буржуазия ищет выхода в возврате к средневековью, в мистицизме, в вере в чудеса и всевозможную чертовщину.

Товарищи! На основе указанных выше грандиозных успехов СССР приступил во второй пятилетке к выполнению важнейшей политической задачи преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей и превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей социалистического общества.

Это ставит перед нами грандиознейшие задачи по социалистическому перевоспитанию широких масс трудящихся города и деревни, важнейшей неот'емлемой частью которого является борьба с религией и церковью— этим вреднейшим пережитком старого мира, представляющим огромные препятствия для социалистического строительства.

Обострение классовой борьбы в процессе дальнейшего наступления по всему фронту социалистического строительства означает также усиление контрреволюционной работы кулацко-поповских элементов, использующих религиозность отсталых слоев верующих трудящихся.

Товарищи! Все это ставит перед нами неотложную задачу всемерного усиления антирелигиозной работы, разоблачения контрреволюционной сущности религии и ее организации, поповщины во всех видах и формах, задачи борьбы за освоение трудящимися массами марксистско-ленинского мировоззрения, за освоение ими достижений науки и техники — мощного орудия преодоления религиозной идеологии. И эти задачи могут быть выполнены только при широчайшем участии работников науки и техники.

ЦС СВБ, ЦБ СНР и ЦБ ВАРНИТСО призывают всю научную общественность СССР принять самое действенное и инициативное участие в широчайшем развертывании антирелигиозной работы и дальнейшем поднятии ее научно-теоретического уровня.

Вторая пятилетка, пятилетка построения бесклассового социалистического общества, выкорчевывает экономические корни религии. Но массовый переход трудящихся СССР к безбожию отнюдь не означает простого отказа от рабского религиозного мировоззрения. Наряду с беспощадным разоблачением классовой сущности и классовых корней религии антирелигиозная пропаганда сейчас, более чем когда-либо, требует систематической и планомерной пропаганды научных знаний на основе марксистско-ленинской теории, под'ема ее на высоту ленинского этапа воинствующего материализма и атеизма, пропаганды диалектического материализма на основе ознакомления трудящихся со всеми последними достижениями науки и техники.

Союз воинствующих безбожников сумел привлечь к своей работе значительное количество научных работников; задачи антирелигиозной работы на данном этапе требуют вовлечения еще большего количества их. Мы нуждаемся в огромном количестве квалифицированных лекторов, методистов, консультантов, историков, биологов и пр. Разрешение специфических научных проблем истории религии и атеизма также требует помощи соответствующих научно-исследовательских институтов.

Работники естественно-научных дисциплин (физики, химии, физиологии, биологии, неврологии и т. д.) должны быть привлечены к систематической атеистической пропаганде, к организации широких общедоступных докладов и лекций, семинаров и экскурсий, которые бы дали массам богатый материал для выработки стройного материалистического мировоззрения.

Работники агротехники, агрохимии, зоотехники и т. п. должны быть широко использованы в борьбе против религии в совхозно-колхозном и единоличном секторах сельского хозяйства, должны научиться всю свою работу тесно увязывать с широкой пропагандой безбожного материалистического мировоззрения.

Работники педагогических дисциплин должны всемерно привлекаться к научному разрешению вопросов антирелигиозного воспитания, к насыщению школьных программ элементами воинствующего атеизма и т. д.

Одним из лучших приемов оживления всей работы по борьбе с религией со стороны широких кадров работников науки, а также максимального вовлечения их в культурно-массовую работу в помощь СВБ является широкое развитие социалистического соревнования и ударничества среди работников науки и техники.

В борьбе за ускорение социалистического перевоспитания трудящихся, в борьбе за изживание религиозных предрассудков научные работники должны поставить себе целью развертывание массовой безбожной работы как по заданиям районных советов СВБ, так и проявляя собственную инициативу в работе среди трудящихся заводов, совхозов и колхозов, к которым прикреплены те или иные научно-исследовательские учреждения в порядке шефства.

Социалистическое соревнование работников науки на антирелигиозном фронте должно влить новые мощные силы в безбожное движение, повышая его теоретический уровень в борьбе за освоение трудящимися массами марксистско-ленинского мировоззрения.

ЦС СВБ, ЦБ СНР, ЦБ ВАРНИТСО не сомневаются, что работники науки и техники активно поддержат этот призыв, проявят должную энергию и инициативу в разрешении общей задачи выкорчевывания религиозных предрассудков. Мы призываем организации СВБ и организации работников науки и техники к использованию всех конкретных возможностей совместной работы в деле выполнения возложенных на нас исторических задач.

Работники науки и техники, в первые ряды на борьбу с вековым дурманом, тормозящим наше социалистическое строительство!

ЦС СВБ *Е. ЯРОСЛАВСКИЙ.*
ЦБ СНР академик *Б. КЕЛЛЕР.*
ЦБ ВАРНИТСО академик *А. БАХ.*

За внедрение теории материалистической диалектики в естествознание*)

Акад. А. Н. Бах

Товарищи! В связи с весьма интересным докладом т. Максимова, который вы только что выслушали, разрешите мне высказать несколько соображений по вопросу о внедрении марксистской методологии в научно-исследовательскую работу в области естествознания.

Товарищи, жизнь моя так сложилась, что я оказался причастным и к естествознанию и к марксизму. 58 лет тому назад,—это было давно,—я поступил в университет и в первую очередь серьезно занялся изучением «Основ химии» Менделеева и I тома «Капитала» Маркса. И когда я в первом приближении освоил эти произведения, я стал химиком и марксистом на всю жизнь настолько, что еще и теперь я скажу: если бы я не был химиком я хотел бы им быть, если бы я не был марксистом, я хотел бы им быть.

Но если меня спросят, какое влияние оказала марксистская методология на развитие естествознания вообще и химии в частности, то я должен буду сказать, что влияния прямого, непосредственного, осознанного работниками данных областей эта методология не оказала. Почему? А вот почему Нет никакого сомнения, что марксистская методология является единственно правильной, единственно научной. Но при всех ее достоинствах она не обладает свойством автоматически, самотеком проникать в различные области естествознания. Ее нужно внедрять. Этого внедрения, сознательного, планомерного внедрения до сих пор не было.

В области социальных наук марксистская методология является господствующей, потому что она возникла на почве социальных наук и потому что Маркс имел целую плеяду блестящих последователей, которые систематически развивали его методологию и внедряли ее в различные области социальных наук. В области естествознания ничего подобного не было. Марксистов-естествоиспытателей было чрезвычайно мало. Тов. Максимов упомянул о Шорлеммере. Шорлеммер действительно был хорошим коммунистом но как научный исследователь он конечно не был в числе основоположников науки и в своих работах по органической химии ничем не проявил себя как последователь марксистской методологии.

Спрашивается теперь, как нам относиться к тем научным данным, которые были добыты вне марксистской методологии? Должны ли мы считать, что эти научные данные лишены всякого значения, что они должны пойти насмарку? Конечно нет Природа диалектична, и диалектика природы не может не оказать влияния на восприятие человека и особенно на восприятие тех людей, которые обнаруживают способность к исследованию природы. Поэтому исключительные умы, нередко помимо их воли и сознания, более

*) Выступление акад. А. Н. Баха по докладу т. Максимова на сессии Института философии Комакадемии.

или менее извилистыми путями все-таки приходят в своих исследованиях к методу диалектического материализма. И когда мы анализируем работы крупных представителей науки, мы видим, что в одной части своих работ они дают такие результаты, которые для нас полностью приемлемы, в другой же части они, подпадая под влияние своей идеологии, которая ничего общего с нашей не имеет, дают такие научные концепции, которые лишены всякого значения.

Я бы хотел на очень ярком примере одного из величайших исследователей всех времен и народов показать эту двойственность мысли, наличие в одном и том же лице стихийного, инстинктивного материализма и первобытного идеализма. Я говорю о Пастере.

Всякий знает, кто такой Пастер и что он сделал для биологии, для медицины, для промышленности. Его экспериментальная работа является несравненным образцом чрезвычайной ясности постановки, чрезвычайной убедительности. И вот этот самый Пастер, которого не без основания считают благодетелем человечества, имя которого навсегда внесено в историю науки, этот Пастер был верующим католиком, таким католиком, который выполнял все религиозные обряды. Он был твердо уверен,—он об этом много раз говорил,—что научная работа, те великолепные результаты, которые он получил, внушены ему богом, причем не каким-то отвлеченным богом, а вполне определенным католическим богом.

Как можно ожидать, противники марксистской методологии пользуются историей Пастера, чтобы доказывать, что исследовательская работа не зависит от идеологии. Человеку дано или не дано быть исследователем, а идеология тут ни при чем. Но эти сторонники Пастера — буржуазные противники материализма—все-таки умалчивают о том, что в то время, как в тех работах, которые навсегда останутся в истории и науке, Пастер был стихийным, инстинктивным материалистом, в целом ряде других работ его идеология оказала гибельное влияние на его мышление и привела его к ложным концепциям, которые на 50 лет задержали развитие той области науки, в которой он работал. Дело идет о процессах брожения.

Что такое брожение и что такое ферменты? Между Пастером и германским химиком Либихом произошел в высшей степени интересный исторический спор. Либих исходил из положения, вытекающего из наблюдений, что некоторые вещества обладают способностью, сами разлагаясь, вызывать разложение других веществ. Например, мы знаем, что белок довольно долго может сохраняться, но иногда загнивает. Если мы маленькое количество гнющего белка смешаем с большим количеством свежего, то последний очень быстро начнет разлагаться. Это значит, что масса гнющего белка находится в состоянии движения и это движение его частиц передается движению здорового. Либих дал очень красивый пример из области минеральной химии. Вы знаете, что серебро растворяется в азотной кислоте, а платина в азотной кислоте не растворяется. Но если сплавить серебро с платиной, то сплав без остатка растворится в азотной кислоте. Это значит, что серебро, претерпевая изменения, выражающиеся в определенном движении его частиц, передает это движение платине. Таким образом Либих мыслит процессы брожения как химические процессы, вызываемые перенесением движения от разлагающегося тела, фермента, на способное к брожению вещество. И Либих еще три четверти века тому назад поставил вопрос о брожении на почву энергетики. Вам вероятно известно, что теперь очень много занимаются именно вопросом передачи энергии от одной молекулы к другой, так называемой энергией активации.

Что на это ответил Пастер? Пастер ответил великолепными опытами. Он показал, что в спиртовом брожении, в противоположность теории Либиха,

дрожжи не только не разлагаются и не исчезают как таковые, а наоборот, значительно увеличиваются в весе. Затем он показал на целом ряде интереснейших классических опытов, что без непосредственного участия живой клетки нет брожения. А отсюда он делает вывод, что брожение представляет собою жизненный процесс. Мы можем изучать продукты брожения, но самый процесс недоступен нашему пониманию.

На это Либих ответил, что из живых клеток уже в то время были извлечены ферменты, диастаза, которая превращает крахмал в сахар, пепсин, фермент, который растворяет белки и т. д. Поэтому вполне мыслимо, что и в спиртовом брожении участвует аналогичный фермент.

Но сам Либих не подверг опытной обработке эту несомненно правильную установку, а Пастер, который мог бы при его действительно несравненном умении экспериментировать разрешать этот вопрос, оставил его без внимания, ибо его идеализм оказался тут сильнее его стихийного, инстинктивного материализма. Чтобы считаться с фактами, он вынужден был разделить процессы брожения на такие, которые вызываются растворимыми химическими ферментами, и такие, которые вызываются организованными ферментами, т. е. живыми клетками.

Эта виталистическая теория Пастера задержала развитие учения о ферментах почти на полвека.

Под влиянием этой теории исследования над процессами брожения и над природой ферментов замерли в течение десятилетий. Величайший вред витализма заключается в том, что он ставит предел экспериментальному исследованию, сводя биологические явления к действию таинственных жизненных сил, понимать которые человеку не дано.

Но в научно-исследовательской работе материалистическое понимание природы не может не одержать, раньше или позже, победы над идеалистическим. В 1899 г. германский ученый Бухнер подверг давлению в 500 атмосфер дрожжи, извлек из них сок, который никаких живых клеток не содержал, но вместе с тем сбраживал сахар гораздо быстрее, чем живые дрожжи. Этим он доказал, что и процесс так называемого спиртового брожения есть процесс чисто химический, с жизнью клетки непосредственно не связанный. Клетки дрожжей сбраживают сахар не потому, что они сами ферменты, а потому, что они содержат ферменты.

Это достижение дало могучий толчок развитию материалистического учения о ферментах. Особенно двинулось вперед дело после того, как Бредих выступил с рядом великолепных работ о так называемых «неорганических ферментах». Он показал, что те ферменты, которые могут быть извлечены из живого организма, по своему действию аналогичны химическим катализаторам. Таким образом опровержение виталистической концепции Пастера расчистило почву для развития единого учения, охватывающего все явления катализа, наблюдаемые как в живых существах, так и в неорганизованных предметах природы. С тех пор работы в этой области ведутся в громадных размерах—печатаются тысячи работ. К слову сказать, в области химии первое место по количеству выпускаемых научных исследований занимает биохимия.

В истории естественных наук можно было бы набрать много таких примеров стихийного материализма у исследователей, мыслящих идеалистически. Упомяну только о нашем отечественном очень ярком примере, академика Павлова. Его учение об условных рефлексах для нас вполне приемлемо. Но когда ему говорят о том, что его работы соответствуют диалектическому материализму, он раздражается, и это раздражение его является гораздо более показательным с точки зрения стихийности его материализма, чем было бы его признание правильности диалектического материализма.

Какие же практические выводы я делаю из всего сказанного? В нашем

социалистическом строительстве плановое начало должно касаться не только хозяйственных операций, оно должно охватить все формы общественной деятельности, в частности и в особенности такую важную форму, как научно-исследовательская работа. Но в смысле планирования научно-исследовательской работы мы до сих пор сделали очень мало и то лишь с точки зрения промфинплана. Мы должны составить определенные планы, чтобы Наркомфин отпускал средства для научных работ. Мы получаем задания, которые должны вытекать из потребностей хозяйственного плана на данный отрезок времени и всемерно содействовать его осуществлению. Но это планирование в лучшем случае имеет целью правильную расстановку, целесообразное использование научно-исследовательских сил для нужд нового строительства. По линии же методологического планирования работы — внутреннего, а не внешнего планирования ее — до сих пор у нас ровно ничего не сделано. И в этом направлении нам нужно развить самую энергичную деятельность.

Мне кажется, и я эту мысль все время проповедую, что в научно-исследовательских институтах должны быть созданы научно-исследовательские отделения или секторы, на которые надо возложить внедрение диалектического материализма в первоначальные фазы исследовательской работы. Само собою разумеется, что эта работа внедрения марксистской методологии в естествознание может быть успешно осуществлена только путем теснейшего сотрудничества работников философии и работников естествознания. Ибо для того, чтобы разработать например диалектику современной физики, необходим специалист по диалектическому материализму и специалист по физике.

В Карповском физико-химическом институте налажены первые шаги в этом направлении. Культпроп ЦК пошел навстречу нашему начинанию, предоставив нам компетентного работника, и мы твердо надеемся создать действительно научно-исследовательский сектор по философии физической химии. Такие же научно-исследовательские секторы должны быть созданы во всех головных институтах, и я думаю, что к этому, раньше или позже, мы придем.

Когда я размышляю о тех возможностях, которые советский строй предоставляет и может предоставлять научно-исследовательской работе, будущее нашей науки представляется мне в очень радужном свете. У нас теперь трудящиеся массы в лице наиболее энергичных, наиболее способных представителей пролетариата и крестьянства двинулись на освоение науки и техники и в значительной степени преуспевают в этом. Пройдет несколько пятилеток,—и не так много,—и мы будем иметь огромную армию научных работников, которые к научно-исследовательской работе подходят с новыми, непочатыми силами, подходят с вековыми навыками производственного труда, которых нет у буржуазных деятелей науки. И если нам еще удастся планировать нашу науку с точки зрения марксистской методологии, то для меня нет никакого сомнения в том, что в нашем Союзе научная работа достигнет таких высот, о которых капиталистические страны и мечтать не могут. Но для этого нам нужно работать, много работать, работать, не покладая рук. И я, очень старый человек, призываю нашу молодежь, наших молодых работников науки и философии посвятить свои силы этой важнейшей отрасли нашего строительства новой жизни. В этом—залог нашего блестящего будущего.

О работе философов-марксистов в области физики*)

И. Е. Тамм

Несмотря на громадные и несомненные успехи диалектического материализма в области общественных наук, в области естествознания нельзя не констатировать чрезвычайного отставания. В вопросе овладения новейшими достижениями теоретического естествознания и в применении к их разработке метода диалектического материализма дело обстоит за немногими исключениями весьма неблагополучно. С полной ясностью вопросы эти были впервые поставлены т. Стецким в его известной статье, появившейся в центральных газетах в июне 1932 г. Однако уже в силу самого размера своей статьи т. Стецкий не мог не ограничиться общей постановкой актуальнейшего вопроса об общем положении дела на всем теоретическом научном фронте, иллюстрировав это положение рядом примеров из самых разнообразных областей науки и техники. Наряду с этим совершенно необходим внимательный анализ положения дела в отдельных научных дисциплинах. К сожалению специалистами-учеными сделано в этой области крайне мало. Большинство из них вовсе воздерживается от какого бы то ни было участия в соответствующих дискуссиях. Между тем изжитие существующих недочетов возможно только при условии ознакомления широкой общественности с этими, на первый взгляд специальными вопросами, имеющими однако чрезвычайно актуальное значение.

В настоящей статье я хотел бы в самых общих чертах остановиться на вопросе о работе представителей марксистской философии в области физики. Прежде чем переходить к центральной части статьи—рассмотрению ряда характерных конкретных примеров и фактов, я позволю себе кратко сформулировать те основные выводы, которые, по моему мнению, вытекают из анализа имеющегося в изобилии материала, лишь малая часть которого может быть использована в рамках настоящей статьи.

Основное зло состоит в том, что громадное большинство представителей марксистской философии, работающих у нас в области физических и смежных дисциплин, просто-напросто не знает современного положения науки. В лучшем случае знание этих философов соответствует уровню науки конца прошлого и начала этого столетия. Между тем как раз последние 30 лет были периодом необычайно бурного, исключительно плодотворного развития физики. Поразительное развитие экспериментальной техники открыло и открывает целый мир совершенно новых фактов и явлений. Напор этих неумолимых фактов потребовал радикальной реконструкции стройного здания классической физики, складывавшегося на значительно более узкой экспериментальной базе. Эта реконструкция близка к завершению лишь

*) См. ред. примечание, стр. 261.

на небольшой доле отдельных участков работы, в большинстве же областей она в самом разгаре, ею живет и дышит современная физика. Однако не только это фактическое положение дел, но даже самая постановка стержневых вопросов современной науки для громадного большинства товарищей, ставящих себе задачу марксистской реконструкции науки, остается книгой за семью печатями. Слов нет, вопросы трудные, взять их налетом нельзя: чтобы в них разобраться, нужно подучиться, ознакомиться с фактическим материалом не только по популярным брошюркам и статьям, нужно подумать. Но ведь не боги горшки обжигают, и какой-либо особливой одаренности для всего этого не требуется, но совершенно необходима затрата определенной работы и притом немалой.

Есть конечно и отрадные исключения, но, с другой стороны, товарищи философы в своих ответственных выступлениях нередко обнаруживают такую ступень научной безграмотности даже не в области новейших достижений науки, а в области элементарных ее основ, за которую не поздоровилось бы рядовому студенту-вузовцу.

Это основное зло влечет за собой и другие. Свое незнание и непонимание многие философы маскируют пышным, но бессодержательным многословием, только затемняющим суть вопросов, отвлекающим внимание от существенного к второстепенному и потому крайне вредным. Жонглирование словами и терминами, фиксирование внимания на мелочах и тривиальностях, скрытых под квазиучеными словесными нагромождениями, в последнее время широко проникло в нашу литературу по философии науки.

Трудно оценить тот вред, который принесла эта грубейшая вульгаризация науки. Прежде всего это положение оказало чрезвычайно отрицательное влияние на непосредственный ход научной работы. Не будучи в состоянии понять и охватить современное положение физики и смежных дисциплин, разобраться в сущности стоящих перед ними проблем и сущности вызываемых ими разногласий и отделить здоровые ростки от плевел, большинство философов, работающих в области этих дисциплин, пошло по пути наименьшего сопротивления и выбрало наиболее легкую позицию огульного отрицания ряда крупнейших достижений современной теоретической физики. Ведь несравненно легче рассыпать направо и налево обвинения в идеализме, махизме, буржуазном влиянии и т. д., оперируя при этом самыми общими местами или случайно выдернутыми из контекста цитатами чем продумать и последовательно защищать какую-нибудь положительную позицию. Такого рода шельмование не могло не оказать самого пагубного влияния на нормальную работу и развитие целого ряда научных направлений. Этим я отнюдь не хочу сказать, что в современной физике отсутствуют идеалистические течения. Однако на практике, подлинный научный анализ и критика важнейших идеалистических концепций очень и очень часто подменяются гораздо более легкой борьбой с ветряными мельницами.

Не говоря уже о том, что в подобных условиях не приходится рассчитывать на какие-либо положительные достижения в области методологии науки, нужно учесть влияние этого положения на основную массу научных работников, знание которых в области диалектического материализма сводится в основном к услышанному на докладах, лекциях, дискуссиях, семинарах. Поэтому они невольно ставят знак равенства между философией диалектического материализма и высказываниями тех, часто весьма неудачных, ее представителей, с которыми им приходится чаще всего встречаться. Излишне пояснять, к каким выводам приходят они в результате этого приравнивания.

А между тем ведь как раз при теперешнем положении науки для подлинной работы философии диалектического материализма в области критической разработки основных принципиальных проблем открываются особенно

широкие перспективы. Ибо развитие современной физики, химии, математики ставит каждого вдумчивого специалиста перед целым рядом труднейших проблем чрезвычайной принципиальной важности, правильное разрешение которых на основе материала одной только данной науки вряд ли вообще возможно, так что каждый специалист, явно или неявно, сознательно или бессознательно, базируется в своей работе в области этих проблем на тех или иных, большей частью кустарных философских схемах.

Но вместо того, чтобы прилагать метод диалектического материализма к подлинному анализу актуальных проблем современной науки, гораздо легче конечно, например, оперировать буквой высказываний Энгельса в «Диалектике природы», высказываний, относящихся к совершенно иному, прошлому периоду развития физико-математических наук, часто к совершенно иным постановкам вопросов, существенно видоизменявшимся в результате всего того, что принесло с собой развитие науки и техники за истекшие полстолетия. Еще проще ограничиться общими местами.

Обращаясь к рассмотрению ряда выбранных на удачу примеров, иллюстрирующих изложенные выше положения, мы начнем с вопросов элементарной механики. В мае 1932 г. в Москве состоялась I всесоюзная конференция по механике, на которой с большим методологическим докладом выступил т. В. П. Егоршин. Не проронив ни слова по существу вопросов, стоявших в плане работ конференции, т. Егоршин свой 4-часовой доклад посвятил в основном историческому анализу и критике понятия силы, особенно подробно остановившись на Ньютоне и его современниках. Эти вопросы вообще являются излюбленнейшей темой т. Егоршина, и для выяснения его взглядов мы можем вместо трудно доступной стенограммы доклада обратиться например к его статье в журнале «За марксистско-ленинское естествознание» № 3—4 за 1931 г., развивающей те же мысли. В основном точка зрения т. Егоршина на интересующий нас вопрос сводится к утверждению, что «понятие силы не отражает никакой реальной силы, а является лишь формально математическим средством описывать неизвестный нам пока способ передачи движения» (в. с. стр. 72) и что «вместо силы целесообразно рассматривать понятие энергии и возможных движений» (стр. 74). Какими отличительными свойствами должен обладать тот, не сводящийся к силе и неизвестный нам пока способ передачи движения, который удовлетворил бы т. Егоршина? К какой категории понятий он должен был бы относиться? Это является загадкой, об ответе на которую т. Егоршин нам ничего не сообщает. Ведь не подразумевает же он тот способ элиминации понятия силы в общей теории относительности (движение по геодезической линии), против которой он всегда решительно восстает?

Несомненно, что определять силу как причину движения неправильно, и никто в этом с т. Егоршиным спорить не стал бы. В конечном счете все механические (да и не только механические) явления сводятся к взаимодействию материальных тел. Никакой абстрактной силы вне воздействия материальных тел, само собой разумеется, не существует, и например характер падения камня обуславливается взаимодействием его с землей. Сила является только количественной мерой этого взаимодействия тел.

Если бы т. Егоршин высказал эти положения, то это было бы хотя и тривиально, но правильно. Если бы он дальше ограничился задачей «изгнания слова «сила» из всех других (помимо механики) областей физики» (стр. 74) и требовал бы, чтобы вместо «силы тока» говорили «величина тока», вместо «силы звука»—«громкость звука» (стр. 74) и т. д., то это было бы хотя и не очень продуктивным, но по крайней мере безобидным занятием. Однако т. Егоршин идет дальше и заявляет, что в «ньютоновской механике категория силы просто была вредна» (стр. 71), и в другой статье—

«Законы Ньютона нельзя починить, а их надо заменить» [1]). Эта оценка ньютоновской физики не является у т. Егоршина случайной, а представляет собой повидимому его глубокое убеждение. В частности в докладе на I всесоюзной конференции по механике т. Егоршин сделал дальнейшие выводы из своих посылок и заявил: «Даже релятивисты, сторонники Эйнштейна и сам Эйнштейн признавали, что современная физика выросла из Ньютона и является развитием, продолжением Ньютона. Если мы признаем, что Энгельс не совсем одобрительно отзывался о Ньютоне, то это говорит только не в пользу современной физики, которая подчиняется той же методологии Ньютона».

Итак, вся современная физика проистекает из ньютоновских источников и именно поэтому должна быть взята под сомнение. Неужели же т. Егоршин не осознал того решающего значения, которое ньютоновское понятие силы и ньютоновские законы движения сыграли в деле развития механики в точную науку? На дальнейших стадиях науки, на высшей ступени ее развития мы можем рассматривать и фактически рассматриваем и законы Ньютона и ньютоновское понятие силы с более глубокой и широкой точки зрения, чем это было возможно в начальной стадии развития механики. Но ньютоновский этап ее развития был не какой-то вредной случайностью, как это повидимому считает т. Егоршин, а исторической и логической необходимостью и притом одним из важнейших и плодотворнейших шагов в развитии науки.

Но вернемся к вопросу о силе. Несмотря на всю вредность и нереальность этого понятия, т. Егоршин все же признает, что «в вычислительной механике мы без употребления понятия «силы» обойтись не можем» [2]), и дает авторитетные указания, как понятие силы нужно определять. Эти указания заслуживают особого внимания, ибо основаны они на элементарнейшей ошибке. «В простейших случаях движения силу можно определить как величину работы, которая расходуется на расстоянии единицы длины» [3]) — говорит т. Егоршин, и дальше (уже без оговорок о простейших случаях): «величина силы равна производной от величины кинетической энергии, взятой по пути» [4]). Эти положения, хотя они и подкрепляются вычислениями, в которых фигурируют даже обозначения векторного анализа, просто неверны. Тов. Егоршину должно же быть известно, что действие силы далеко не всегда сопровождается работой. Если сила действует под прямым углом к направлению пути тела, то она изменяет направление движения, но никакой работы не совершает. Когда земля обращается вокруг солнца, то действующая на землю сила тяготения влияет на характер движения земли и искривляет ее путь, но никакой работы не совершала бы и кинетической энергии земли никак не изменяла бы, если бы земля двигалась по кругу, а не по эллипсу. Математические выкладки т. Егоршина основаны на следующих элементарных ошибках. На стр. 73 он смешивает производную вектора с производным численного значения этого вектора, а на стр. 72, во-первых, определяет только слагающую силы по пути, а не всю силу, во-вторых, смешивает потенциальную энергию U с работой A, которая в отличие от U не является однозначной функции точки, и, в-третьих, забывает, что далеко не все силы могут быть представлены в виде производной от потенциальной энергии. Простейший пример—силы, действующие в магнитном поле на движущийся в нем электрический заряд или хотя бы силы трения.

---

[1]) «За марксистско-ленинское естествознание» № 1 за 1932 г., стр. 36.
[2]) Там же, № 3—4 за 1931 г., стр. 72.
[3]) Там же
[4]) Там же, стр. 73.

Источник ошибок т. Егоршина ясен. Он лежит в стремлении во что бы то ни стало вывести всю механику из понятия энергии, т. е. как раз в том стремлении, которое характеризовало школу энергетиков конца XIX в. (В. Оствальд и др.), ошибки которых, казалось бы, должны были быть ясны т. Егоршину. Несмотря на всю важность понятия энергии, механические движения и законы их одной только энергетической характеристикой никак не исчерпываются. Во избежание недоразумений заметим, что в истории физики действительно известен ряд теорий, стремившихся устранить из нее понятие силы (Герц, эйнштейновы попытки синтеза теории относительности и электродинамики и т. д.), но что теории эти не имеют ничего общего с упрощенными воззрениями т. Егоршина. Далее понятие силы вовсе выпадает или во всяком случае становится лишь вспомогательным понятием, если в основу механики положить вариационный принцип, что полностью соответствует современным научным воззрениям. Однако содержание вариационного принципа вовсе не сводится к закону сохранения энергии (даже в тех простейших случаях, когда все силы могут быть представлены как производные от потенциальной энергии), а несравненно его богаче и во всяком случае не совпадает с изложенными рассуждениями т. Егоршина.

Впрочем позиция т. Егоршина последовательностью не отличается. Требуя, чтобы сила определялась через работу, он в отношении энергетического потенциала, где такого рода определение действительно является единственно целесообразным, придерживается как раз обратной точки зрения.

Часто встречающиеся определения, [согласно которым] потенциал равен работе, производимой при передвижении единицы электричества, являются лишь формальными указаниями, каким путем можно вычислить из математических формул величину потенциала. В действительности нам нужно дать определение потенциала, отражающее реальную сущность» [1]) Каково же это определение, отражающее реальную сущность? «Не берясь дать этому исчерпывающие об'яснения, мы можем предположить, что взаимодействие электронов между собою изменяет их степень действенности во вне. Например электроны, находящиеся на разных обкладках кондексатора, взаимно связываются по закону Кулона и вследствие этого их действие во вне сильно уменьшается» [2]). Тов. Егоршин умалчивает при этом, что закон Кулона определяет собою столь вредное и нереальное понятие, как с и л у взаимодействия заряда, которую ведь как будто нужно изгнать из физики. Впрочем все это положение т. Егоршина вообще неверно, ибо взаимодействие зарядов не уменьшает «их действенности во вне»: внешние поля зарядов (в частности и по закону Кулона) складываются аддитивно без искажения. Но послушаем дальше: «Физика на сегодняшний день не может дать исчерпывающей картины влияния [на потенциал.— *И. Т.*] всех этих факторов (форма и размеры тела, соседство другого тела, взаимное расположение тел и т. д.), но потенциал заряженного тела есть такое его свойство, которое отражает действие всех этих факторов: п о т е н ц и а л о т о б р а ж а е т, т а к с к а з а т ь, с т е п е н ь д е й с т в е н н о с т и д а н н о г о з а р я д а в з а в и с и м о с т и о т к о н к р е т н ы х у с л о в и й к а к с а м о г о т е л а, т а к и в с е й в н е ш н е й о б с т а н о в к и» [3]). Во-первых, физика дала исчерпывающую картину влияния всех упомянутых факторов на потенциал уже очень давно и никаких загадок с этим кругом вопросов не связано» [4]). Во-вторых, бессодержательность и никчемность определения потенциала.

[1]) «За марксистско-ленинское естествознание», № за 1932 г., стр. 57.
[2]) Там же.
[3]) Там же, разрядка моя.—И. Т.
[4]) Мы не говорим о чисто математических трудностях, с которыми приходится встречаться в применениях теории потенциала.

даваемого т. Егоршиным, вряд ли могут быть превзойдены. Совершенно точное и ясное физическое понятие потенциала подменяется им ничего не говорящими общими фразами. Подчеркнутое нами «определение» потенциала т. Егоршина по своей общности с равным правом могло бы быть отнесено также и к ряду других понятий, например к напряженности поля, и не только не включает в себя количественной характеристики потенциала, но вообще понятие потенциала никак не конкретизирует. Хорош бы был инженер, попытавшийся подсчитать емкость конденсатора в радиоприемнике или распределение потенциала в линии электропередачи, исходя из «определения» т. Егоршина, и хорош бы был физик, попытавшийся уяснить себе сущность электромагнитных явлений на основании этого «определения».

Однако хотя в статьях т. Егоршина и заключается еще очень много любопытного, пора вспомнить и о других.

Вот например недавно разгоралась полемика по поводу научной ценности работ профессора термодинамики Ленинградского химико-технологического института В. Яцыно. Проф. Я. И. Френкель подверг их на страницах газеты этого института «За химизацию» (от 22/XI 1932 г.) резкой, но справедливой критике. В том же номере газеты т. Рубановский «поддержал и уточнил» проф. Френкеля, заявив в частности, что «теперь феноменологическая термодинамика (а другой не существует.— *И. Т.*), в XX в., после доказательства реальности существования атомов и молекул, окончательно дискредитировала себя. Сейчас это задворки науки. Все новое и ценное исходит из квантовой теории и статистики». Вот уже поистине выплеснуть с водой из ванны и ребенка. Да, метод и труды проф. Яцыно заслуживают суровой критики. Да, физическая сущность термодинамических закономерностей и предел их приложимости могут быть раскрыты только на основе статистической и молекулярной физики. Но нужно просто не знать физики и химии, чтобы не уяснить себе того громадного значения, которое играл и играет термодинамический метод исследования во всех решительно разделах этих дисциплин (теплота, свет, электричество и магнетизм, физическая химия и т. д.), не уяснить себе, что в громадном большинстве сложных, запутанных случаев этот метод является единственным и притом безупречным методом исследования, без которого ни физик, ни химик, ни тем паче инженер-химик обойтись не могут. Требовать от химика, чтобы он в каждом конкретном случае строго анализировал детали движения всех атомов и молекул, принимающих участие в реакции, воздерживаясь от применения термодинамики, еще абсурднее, чем требовать, чтобы инженер-электрик не пользовался законом Ома и рассматривал при расчете любой установки движения всех электронов в проводниках. К сожалению точка зрения т. Рубановского, из которого вытекает необходимость изгнания термодинамики из вузов и втузов, далеко не единична, и мы воздерживаемся от соответствующих цитат только из экономии места.

Особенно «повезло» в нашей философской литературе вопросам о реальности электрических силовых линий и эфира. В этих вопросах в современной философской литературе среди представителей различных течений в основном господствуют грубо упрощенческие, наивно механические воззрения, выдаваемые за единственную возможную антитезу буржуазному идеализму. В качестве одного из последних по времени примеров возьмем например доклад т. З. Цейтлина в Академии наук СССР, напечатанный в № 17 — 18 журнала «Электричество» за 1932 г. Вот что мы находим в этом докладе: «Насколько правы те, которые отрицают возможность механического об'яснения выяснения сущности электромагнитных процессов с точки зрения атрибутов протяженности и движения — перемещения? Мы утверждаем, что с точки зрения последователь-

го материализма такое об'яснение является абсолютной необходимостью, и лишь с точки зрения идеализма можно эту необходимость отрицать» (стр. 846). И далее: «поскольку в рациональной механике доказывается, что всякое движение винтовое, вообще всякий физический процесс с указанной в пункте 2 точки зрения должен быть какой-то формой гармонического или хаотического винтового движения» (разрядка моя.—*И. Т.*). Нас не интересует сейчас сравнительно маловажная ошибка т. Цейтлина, заключающаяся в том, что к винтовому движению могут быть сведены лишь движения абсолютно твердых тел, тогда как например уже простейшее растяжение твердого тела или движение жидкости к винтовым движениям не сводятся. Важна четкость общей наивно-механистической установки т. Цейтлина. Правда, он оговаривается, что перемещения пространственные являются лишь частным, наиболее простым случаем движения в общем фисософском смысле слова, т. е. изменение состояния во времени, но вместе с тем он утверждает, что задача современного этапа развития науки заключается именно в механистическом об'яснении электромагнитных явлений [1]).

Известно, что попытки механистического об'яснения этих явлений сыграли в свое время положительную роль в истории физики и в значительной мере определили собою развитие физики в XIX в. Однако этот первоначальный этап в развитии теории электричества целиком и полностью относится к прошлому, и всякая попытка вернуть науку вспять — ко времени Фарадея и Максвелла — является по существу глубоко реакционной.

Накопление и углубленное изучение и анализ фактического экспериментального материала еще до возникновения теории относительности сделали невозможность механистического истолкования электромагнетизма очевидной для всякого непредубежденного человека, действительно знакомого с физикой.

Совокупность основных электромагнитных явлений не может быть об'яснена предположением, что в этих явлениях проявляются движения и упругие натяжения какой бы то ни было упругой среды — эфира. Зато конечно можно, ограничиваясь рассмотрением некоторых частных явлений, для этой группы явлений на основе специальных гипотез дать механистическое об'яснение. Такого рода «теориям», несостоятельность которых неизменно обнаруживается при всякой попытке хоть сколько-нибудь расширить круг их приложимости, и оперируют современные эпигоны механицизма.

Если полная несостоятельность механицизма обнаружилась уже в весьма поучительной и интересной истории попыток механистического об'яснения таких простых явлений, как отражение и преломление электромагнитных волн или как кристалл-оптические явления, то экспериментальное изучение электромагнитных, в частности оптических, явлений в движущихся средах, на базе которого развилась теория относительности, подвело окончательные итоги предшествующему этапу развития. Процесс развития и эволюции физических теорий будет конечно продолжаться и в будущем, но каждая новая фаза развития науки заключает в себе в очищенном виде все достижения предшествующих этапов. Так же как наука никогда

[1]) Сторонники этих взглядов любят ссылаться на авторитет некоторых ученых, в частности на Дж. Дж. Томсона и на акад. Миткевича. Дж. Дж. Томсон, 75-летний старец, имеет в прошлом громадные заслуги перед физикой, и во имя элементарных человеческих чувств я хотел бы воздержаться от рассмотрения научной ценности его работ последнего периода. Академик Миткевич имеет большие заслуги в области электротехники, однако в области теоретических представлений действительно придерживается взглядов, довольно близких к упомянутым высказываниям т. Цейтлина.

не вернется к наивным представлениям о том, что земной шар представляет собою плоское блюдечко, так никогда не вернется она и к наивно-механистическому истолкованию электромагнитных явлений. Воззрения же т. Цейтлина и иже с ним об'ясняются просто непониманием современной теории электричества и теории относительности.

Мы знаем теперь, что к эфиру в целом, как и к отдаленным его участкам, вообще неприменимо самое понятие движения — перемещения в пространстве: в приложении к нему это понятие никакого смысла не имеет, ибо отдельные элементы эфира не отождествляемы. О движении эфира можно говорить лишь в общефилософском смысле слова, т. е. в смысле изменения состояния эфира во времени (не сводящегося к перемещению в пространстве). В этом же, и только в этом смысле слова движение эфира существует и проявляется в изменениях электромагнитного поля и поля тяготения.

Что же касается споров о реальности эфира, то в основном они основаны на том, что в слово эфира вкладываются различные смыслы. В физике XIX в. эфир был синонимом упругой среды, перемещением и натяжением которого об'ясняются электромагнитные явления. Физики, восстающие против реальности эфира, имеют в виду именно это понимание эфира и восстают в сущности против наивного механицизма. Насколько мне известно, в физике термин эфир в ином, более общем смысле слова впервые был употреблен только Эйнштейном примерно около 1920 г. Если же под эфиром понимать носителя физических свойств пространства, носителя электромагнитных и гравитационных полей, не вкладывая в это понятие механистического толкования, то никаких возражений против реальности так понимаемого эфира конечно нет. Нельзя однако упускать из виду, что весьма и весьма часто в процессе рассуждения это второе правильное понимание эфира вольно или невольно, явно или скрытно подменяется пониманием механистическим, и что поэтому термином эфир нужно пользоваться с сугубой осторожностью.

Так обстоит дело с вопросами элементарной и классической физики. Что же можно ожидать от трактовки действительно трудных и сложных актуальных проблем современной физики, в особенности проблем волновой механики? Из имеющегося богатого материала остановимся например на статье т. Ю. Штейна «Метафизика физики»[1]), посвященной изложению и критике так называемого начала неопределенности. Сообщая, что математическая формулировка этого начала «представляется весьма простым (разрядка моя.—*И. Т.*) уравнением $pq - qp = \frac{h}{2\pi i}$», которое «на первый взгляд» представляется т. Шейнау «в высшей степени диалектической формулой: от физического порядка или качества зависит количество» (где в этой формуле качество, а где количество? — *И. Т.*), он приводит значения входящих в нее величин: q есть координата или положение движущейся точки, p — ее импульс или количество движения, i равно $\sqrt{-1}$, и наконец h равно кванту действия Планка.

«Принимая во внимание указанные значения буквенных символов (разрядка моя. — *И. Т.*), — продолжает далее т. Шейн,— мы можем выразить ее (приведенной формулой) физический смысл следующим образом: в случае точного определения положения точки не может быть определена ее скорость (импульс) и обратно» (стр. 98). Утверждение т. Шейна о точности определения положения и скорости правильно, но из приведенного уравнения и «из указанных значений буквенных символов» ни это, ни какое-либо другое утверждение без подробного физического и математического анализа никак не вытекает. Больше того, буд-

[1]) «Проблемы марксизма» № 2.

q и p просто координата и импульс частиц, как утверждает т. Шейн,—левая часть формулы равнялась бы нулю и не могла бы равняться правой [1]). Все дело в том, что и p и q являются здесь краткими обозначениями совокупности бесконечного числа величин, так называемыми матрицами, оперирование которыми предполагает знакомство со специальными отделами высшей математики [2]).

Мы позволяем себе здесь небольшое отступление. В отличие от т. Шейна т. В. Рудаш является горячим поклонником волновой механики. Вот что он говорит: «если в одном из самых основных уравнений современной атомистической теории $pq - qp = \frac{h}{2\pi i}$ левая сторона содержит две величины, которые по правилам прежней математики взаимно уничтожаются и тем самым приравняли бы все уравнение к нулю, а в настоящем случае придают ему совершенно иной смысл, то не пробивается ли в этом мощно диалектика, претворяя простейшие арифметические операции в их противоположность» [3]). И далее, в примечании к этому абзацу: «Значение этого уравнения для наших целей безразлично. Достаточно того, что... на левой стороне повторяется дважды с обратными знаками одна и та же величина $(pq - qp)$. Но если от 2×3 отнять 3×2, то получится нуль». Тов. Шейн справедливо упрекает т. Рудаша в формализме, и действительно, вряд ли можно найти более яркий пример совершенно лишенного всякого физического смысла формализма, чем подчеркнутая нами фраза т. Рудаша. Замечательно также отождествление оперирования бесконечными матрицами с «простейшими арифметическими операциями». Но и дальнейшие рассуждения т. Рудаша о волновой механике, на которых мы останавливаться не будем, лишь немногим уступают приведенному. Вот уж поистине—избави нас от наших друзей, а с врагами мы и сами справимся.

Но возвратимся к т. Шейну. Совершенно неверно его утверждение, что согласно приведенному уравнению, «если точно известен импульс, то в отношении координата должна быть неопределенность порядка величины кванта действия и наоборот» [4]). В действительности, если обозначить меру неопределенности координаты через Δp, а неопределенность импульса через Δp, то они связаны соотношением: $\Delta q \cdot \Delta p \geq \frac{h}{2\pi}$, так что если точно известен импульс ($\Delta p = 0$), то неточность координаты Δq равна бесконечности (а не кванту действия h, имеющему к тому же иную размерность).

«Мы приведем здесь,— говорит далее т. Шейн,— лишь тот экспериментальный факт, который якобы делает необходимым этот принцип (неопределенности). Этот факт носит название эффекта Комптона». Повезло же эффекту Комптона у тт. философов. Подобные утверждения встречаются у них нередко [5]), ибо очевидно, физические сведения свои они черпают из одних и тех же популярных статей. Что сказали бы тт. Шейн и Горнштейн, если бы я стал утверждать, что неизбежность вытеснения ручного труда машинным вытекает только из одного того факта, что производительность механического ткацкого станка во столько же раз больше производительности кустаря? Начало неопределенности вытекает из анализа всей совокупности громадного экспериментального материала в области атомных

[1]) Впрочем это известно и т. Шейну. См. ниже.

[2]) В частности в правой части уравнения должна еще входить в виде множителя единичная матрица, опускаемая обычно лишь для краткости записи.

[3]) «Под знаменем марксизма» № 6, 1929 г., стр. 172.

[4]) «Проблемы марксизма» № 2, стр. 98.

[5]) См. например Горнштейн, Махизм и современная физика, «Проблемы марксизма» № 3 за 1930 г., стр. 216.

и электронных явлений, а эффект Комптона может служить лишь одной из иллюстраций этого начала. Кстати, углубленный анализ этой иллюстрации действительно приводит к ряду интереснейших проблем, но разве уместно рассмотрение этих проблем, если т. Шейн при пояснении эффекта Комптона пишет, что точное определение места электрона при освещении его световой волной слишком большой длины невозможно потому, что «волна будет перекрывать электрон подобно тому, как метровая линейка будет перекрывать аршинную» (там же, стр. 99). Это утверждение т. Шейна является повидимому искаженным отображением того известного из волновой оптики факта, что оптическое изображение любого предмета, как бы мал он ни был, не может по своим размерам быть меньше длины волны применяемого света.

Изложенным в сущности исчерпывается «анализ» начала неопределенности, данный т. Шейном, и дальше следуют философские выводы. В начале неопределенности проявляется агностицизм (стр. 98), в нем устанавливается «абсолютизация количества, предел точности познания, вечный, абсолютный, непреходимый» (стр. 102), этот принцип «по существу выражает требование застоя, неизменности экспериментальной техники и прочих средств развития науки, т. е. запрет их дальнейшего развития» (стр. 100); он выражает «противодействие реакционной буржуазии революционному познанию и действию пролетариата» (там же). Все это приводит т. Шейна к следующему блестящему афоризму: «Если принцип неопределенности истинен, то он (как принцип) невозможен, и обратно, если он (как принцип) возможен, то он не истинен» (стр. 100, разрядка моя.—*И. Т.*).

Однако страшные слова т. Шейна трепета грешника во мне отнюдь не вызывают. Всякий студент-физик знает, как создавалась квантовая механика (и в частности непосредственно вытекающий из нее принцип неопределенности) под непрерывным и неудержимым напором все расширявшегося круга экспериментальных фактов, и знает, что волновая механика не только служит единственным и вернейшим руководителем всякого экспериментатора в области атомной физики, но что она неоднократно блестяще выдерживала наиболее трудные испытания, не только об'ясняя факты, найденные экспериментатором, но и правильно предсказывая новые явления, впоследствии подтверждавшиеся на опыте. Наконец он знает, что методы и результаты волновой механики в последнее время начинают проникать и в практику техники. Таковы например применения волновых свойств электрона (дифракция их) при исследовании поверхностных слоев металлов или например вопросы создания новых экономических источников света (так называемый холодный свет) в связи с функцией возбуждения атомов, ударами второго рода и т. д.

Но обратимся к принципиальному вопросу о границе познания и агностицизме. Природа неисчерпаема, и наука не знает и не будет знать вечных и абсолютных истин. Этому основному положению нисколько не противоречит то, что в процессе развития науки вопросы, казавшиеся ранее весьма существенными, сплошь и рядом оказываются лишенными всякого содержания и самая постановка их смысла не имеющей. При этом мы можем быть уверены, что никогда в дальнейшем своем развитии наука к этим вопросам, по крайней мере в данной их форме, уже не вернется. Так, в начале XIX в. весьма оживленно дискутировался вопрос о том, совпадает ли направление световых колебаний в поляризованной световой волне с плоскостью поляризации или оно перпендикулярно ей. Открытие электромагнитной природы света показало однако, что в световой волне колебания совершаются одновременно по двум взаимно перпендикулярным направлениям, т. е. что электрические колебания в волне перпендикулярны магнитным. Как бы ни эволю-

ционировали в дальнейшем наши представления о природе электромагнитных явлений (а они как раз находятся в стадии коренного пересмотра в в связи с развитием квантовой электродинамики), к приведенной наивной постановке вопроса о световых колебаниях наука никогда не вернется. Ибо световые колебания богаче содержанием, чем это предполагалось раньше, и заданием одного направления охарактеризованы быть не могут.

Быть может этот пример и не очень удачен, но принцип неопределенности (кстати название его не очень удачно) также связан с уяснением того, что физические свойства электронов гораздо богаче и многообразнее, чем это предполагалось еще недавно, и в этом вопросе наука тоже назад не пойдет. Раньше предполагалось, что свойства электрона исчерпываются свойствами заряженной материальной точки. Теперь мы убедились на опыте, что помимо этого электрон обладает также и свойствами волновыми. Выяснение того, каким образом в мире микрокосма, в одном и том же об'екте возможен синтез свойств корпускулярных и волновых, свойств прерывных и непрерывных, тогда как в мире макрокосма эти свойства представляются взаимно исключающими друг друга, является в сущности главной задачей квантовой механики. Во всяком случае квантовая механика связана с обогащением наших знаний. Физика XXI в. будет весьма отлична от нашей, но завоеванные нами знания войдут в нее составной частью.

С вопросом о синтезе волновой и корпускулярной природы электричества существенно связан и принцип неопределенности. Является ли агностицизмом утверждение, что ни при каком развитии эксперимента нельзя будет точно определить координату (положение) волны на поверхности воды? Ведь все дело в том, что понятие одной определенной координаты к волне вовсе неприменимо, ибо она не является математической точкой, а характеризуется определенным распределением амплитуд (высот под'ема воды над нормальным уровнем) на определенном конечном участке водной поверхности. Но если в отношении волны на воде это утверждение не является агностицизмом, то почему аналогичное (хотя конечно далеко нетождественное) утверждение квантовой механики о координате электрона является проявлением агностицизма? [1]). Ведь дело вовсе не в том, что мы, люди с теперешними средствами наблюдения, не умеем пока определять одновременно точное положение и точную скорость электрона, а дело в том, что понятия положения и скорости применимы к электрону лишь с известными ограничениями, как с ограничениями применимы они и к волне на воде. Эти ограничения вытекают не из совершенства наших средств наблюдения, а из неподозревавшихся нами ранее сложности, многообразия реальных свойств самого об'екта — электрона.

Непонимание этого основного положения является корнем ошибок не одного только т. Шейна. Так например т. Егоршин, рассказывая о волновой механике, говорит: «в физике последних лет было установлено, что движущийся электрон всегда сопровождается (разрядка моя.—*И. Т.*) особыми волнами: в последние годы завоевала себе почти всеобщее признание так называемая волновая теория материи (Бройля)». И далее: «электроны являются не просто изолированными частицами, островками, а частицами, неразрывно связанными с особыми волнами в эфире» [2]).

Речь идет здесь не о связи электрона с обычными электро-магнитными волнами, а о волнах Бройля и Шредингера и о своеобразной интерпретации

---

[1]) Что же касается имевшихся и имеющихся попыток использования принципа неопределенности в интересах агностицизма, идеализма и т. п., то они еще ничего не говорят о ценности самого этого принципа. Ибо всякое действительное крупное принципиальное достижение теоретической физики всегда становилось об'ектом самых непозволительных философских спекуляций.

[2]) «За марксистско-ленинское естествознание» № 1 за 1932 г., стр. 61.

волновой механики электрона. Таким образом т. Егоршин подменяет синтез волновых и корпускулярных свойств в одном об'екте-электроне механической связью двух разнородных об'ектов: корпускулярного электрона и какой-то особой волны в эфире.

Этими по необходимости краткими замечаниями мне придется ограничиться. Мне кажется, что приведенных случайных примеров, число которых можно было бы умножать почти до бесконечности, достаточно для обоснования изложенных в начале статьи положений.

В заключение я хотел бы сказать следующее.

Несомненно глубоко неправы те, к сожалению многочисленные, представители научных работников-специалистов, которые ставят знак равенства между философией диалектического материализма и некоторыми неудачными ее представителями. Их отношение можно понять на основании всего сказанного, но оправдать нельзя. Каждый физик, каждый естественник, интересы которого хоть сколько-нибудь выходят за пределы узко специальных вопросов, в настоящее время более, чем когда-либо, не может не чувствовать необходимости углубленного анализа методологических основ науки и актуальнейших ее принципиальных проблем, и не может не знать, что анализ этот кустарными самобытными методами, вне четкой философской установки, попросту невозможен. Поэтому нам остается только пожелать, чтобы на арену методологии физико-математических и естественных наук на помощь немногим достойным поскорее вышли свежие кадры новых научных работников, сочетающих владение оружием диалектического материализма с пониманием и знанием основ тех наук, к которым они это оружие будут применять.

Как И. Е. Тамм критикует марксистов*)

В. Егоршин

«Философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло ее. Естествоиспытатели могли бы уже убедиться на примере естественно-научных успехов философии, что во всей этой философии имеется нечто такое, что превосходит их даже в их собственной области».

ЭНГЕЛЬС

В деле применения диалектического материализма к конкретным вопросам естествознания безусловно имеется до сих пор «чрезвычайное отставание». Однако правильно констатируя это отставание, И. Е. Тамм не сумел найти правильную м е р у отставания. Это явилось результатом того, что И. Е. Тамм при оценке сделанного марксистами не имел должной перспективы. Если т. А. Стецкий в упоминаемой И. Е. Таммом статье, совершенно правильно громя упрощенство и упрощенцев, исходил все же из того, что «за последние годы марксистско-ленинская теория завоевывает новые позиции», если т. А. Стецкий, давая уничтожающую критику вульгаризаторам диалектики, отстаивает всю великую ценность основных работ основоположников марксизма, то И. Е. Тамм подходит к своему анализу с иной позиции. Он не только не отмечает ничего ценного из современных работ марксистов, но он не делает никаких исключений и для Маркса, Энгельса и Ленина. Об Энгельсе И. Е. Тамм упоминает т о л ь к о в связи с тем, что, дескать, нельзя «оперировать буквой высказываний Энгельса... высказываний, относящихся к совершенно иному, прошлому периоду развития физико-математических наук, часто к совершенно иным постановкам вопросов, существенно видоизменившимся в результате всего того, что принесло с собой развитие науки и техники за истекшее полстолетие». Против всех этих слов можно было бы не возражать, если бы И. Е. Тамм сумел на деле показать, где кончается б у к в а Энгельса и где начинается с у щ е с т в о диалектического материализма, отказ от которого для марксиста является изменой своему делу. Но ведь под видом отказа от б у к в ы Энгельса и Маркса ревизионисты всех мастей отходили от с у щ е с т в а марксизма.

Известно, что германские социал-демократы совсем не желали опубликовывать «Диалектику природы» Энгельса, считая это произведение совершенно лишенным интереса и значения. Буржуазные физики-специалисты могли бы прекрасно «обосновать» это мнение с «научной» точки зрения. Не подлежит сомнению, что И. Е. Тамм никогда не найдет правильного масштаба для оценки работ марксистов, если он со всей определенностью и четкостью не выявит (для себя и для своих читателей) своей позиции по отношению к классическим марксистским работам.

Целый ряд мест в статье И. Е. Тамма заставляет сомневаться в том, насколько правильно наш критик относится к этим работам и насколько

*) См. ред. примечание, стр. 261

верно он понимает задачи марксизма в отношении науки, задачи, указанные нам Марксом, Энгельсом и Лениным.

В статье недостает положительной программы автора. И. Е. Тамм не указывает необходимости диалектически-материалистической критики теоретических выводов и основ современной науки, не указывает конкретных носителей идеализма в современной физике. В тот момент, когда на Западе идет процесс фашизации науки, когда фашисты стремятся физически уничтожить марксизм, И. Е. Тамму следовало бы недвусмысленно выявить то, с каких позиций он критикует работы марксистов.

В советской стране идеализм не может выступать открыто, так как всякое такое выступление явно обречено на неудачу. Несравненно чаще мы встречаемся с идеализмом завуалированным, прикрывающимся иногда даже марксистско-ленинской фразеологией (вспомним меньшевиствующий идеализм!). И в этой связи статья И. Е. Тамма заслуживает самого пристального внимания.

В самом деле, следует призадуматься над тем например местом в прокурорском выступлении И. Е. Тамма, где он обвиняет марксистов в том, что они «рассыпают направо и налево обвинения в идеализме, махизме, буржуазном влиянии и т. д.» и что они «очень часто» борются «с ветряными мельницами». Привел ли И. Е. Тамм конкретные примеры такого рода борьбы с идеализмом? Нет, этого нет в статье И. Е. Тамма. Показал ли он нам, что он считает борьбой с ветряными мельницами, с одной стороны, и борьбой с подлинным идеализмом, с другой стороны? Нет, и этого мы не находим в статье И. Е. Тамма.

Если это сопоставить с тем фактом, что на всем протяжении своей литературной работы И. Е. Тамм нигде против «физического идеализма» не выступал, а наоборот, безоговорочно защищал теоретические взгляды таких физиков, как Гейзенберг, Шредингер, Борн, и др., взгляды, в которых есть немало идеализма, если отметить далее такой факт, что И. Е. Тамм решился впервые выступить с философской статьей только против марксистов, то мы вправе сказать, что статья И. Е. Тамма производит впечатление прикрытия враждебных нам идеологических позиций. И то обстоятельство, что в своей критике марксистов И. Е. Тамм весьма нередко выходит за пределы научной об'ективности (как это будет видно ниже), только усиливает это впечатление.

Но этого мало. То обстоятельство, что И. Е. Тамм привлекает к своему анализу малодоступную газету ленинградского втуза, то, что он ссылается на мой доклад, которого он не слышал, и то, что он пользуется стенограммой (к тому же неправленной), придает его выступлению в какой-то мере организованный характер.

Мы приветствовали бы всякую деловую критику марксистских работ, если бы она носила характер самокритики, если бы она исходила из общих с марксизмом интересов и была направлена к разрешению нашей первейшей идеологической задачи — задачи изгнания идеализма из науки и задачи борьбы за подлинную небуржуазную науку. Критика И. Е. Тамма является критикой другого рода. И дело здесь не только в том, что И. Е. Тамм в большинстве своих якобы «фактических справок специалиста» не прав (как будет показано ниже), для нас гораздо печальнее весь идеологический характер статьи И. Е. Тамма.

Известная идеологическая направленность И. Е. Тамма заставила его сильно сгустить краски, представить марксистские работы как какую-то сплошную «ошибку», забыть при этом некоторые основные факты своей науки и сделать целый ряд совершенно необоснованных утверждений.

И. Е. Тамм начинает свою статью прямо с «выводов», обещая их впоследствии доказать «конкретными примерами». Однако целый ряд особенно одиозных выводов остался висеть в воздухе совершенно не подкрепленным

фактами и документами. Так, И. Е. Тамм бросает обвинение большинству, как он говорит, марксистов в том, что они «огульно отрицают ряд крупнейших достижений современной теоретической физики». Это очень серьезное обвинение, и заслуживал бы резкого осуждения всякий, кто в этом виноват. Но этому не дано в статье и тени доказательства. К т о и к а к огульно отрицает достижения современной физики? Если это делали механисты, то их жестоко били за это. Но одновременно с этим били и меньшевиствующих идеалистов, которые, подобно И. Е. Тамму, не видели идеализма в современной физике и слепо следовали за теориями буржуазных физиков. Так не думает ли И. Е. Тамм своей статьей дать нам реванш за меньшевиствующих идеалистов? Это надо сказать прямо, не прибегая к недомолвкам, которые всегда только запутывают вопрос, запутывают суть спора.

То же самое можно сказать и относительно обвинения в «рассыпании направо и налево обвинений в идеализме» и пр., о чем мы уже говорили выше.

Правда, И. Е. Тамм причислил к марксистам и известного З. Цейтлина, который марксистом никогда не был и от которого журнал «Под знаменем марксизма» отмежевался еще в 1927 г. У него и его соратников И. Е. Тамм может найти немало всякой чепухи. Но такой неразборчивый выбор не делает чести нашему критику: чего стоят «выводы» о работе марксистов в области физики, если они основаны на «работах» таких «марксистов», как З. Цейтлин? Но возможно и то, что И. Е. Тамм имеет в виду действительно ответственные выступления марксистов,— тогда пусть он это скажет, и тогда возможно придется с ним поспорить.

Ленин нас учил в дискуссионных выступлениях особенное внимание обращать на документальную сторону дела, оперировать только с документами. Если И. Е. Тамм в роли «новичка» в своей весьма дискуссионной статье позволил себе обойти это требование, то мы призываем его впредь этого не делать.

Точно так же мы ему предлагаем впредь ссылаться на документы, когда он бросает такие обвинения, как «оперирование случайно выдернутыми из контекста цитатами», «жонглирование словами и терминами, фиксирование внимания на мелочах и тривиальностях», «квази-ученые словесные нагромождения», «пышное, но бессодержательное многословие» и т. д. Пока мы должны констатировать, что конкретные примеры всех этих «прелестей» И. Е. Тамм не указал. Так «критиковать» нельзя, ибо при таких методах критик рискует всегда оказаться «правым».

И. Е. Тамм намекнул, что не поголовно все марксисты выглядят так неприглядно, как он их нарисовал. Но и здесь И. Е. Тамм не поведал нам, кто же эти «отрадные исключения». С кого нам советует брать пример наш не совсем ясный критик? Уж не с меньшевиствующих ли идеалистов, крупнейших представителей которых он обошел в своей критике?

* * *

Однако оставим эти «общие вопросы», чтобы не навлечь на себя лишнего гнева И. Е. Тамма, и перейдем к более специальным вопросам.

Физические вопросы, затронутые в статье И. Е. Тамма, принадлежат к проблемам исключительной важности. Они именно принадлежат, говоря словами И. Е. Тамма, к «методологическим основам науки», к «актуальнейшим ее принципиальным проблемам», в которых можно разобраться только при помощи диалектического материализма. К сожалению сам И. Е. Тамм, указывая на ряд ошибок в этих вопросах со стороны марксистов, ошибок действительных и мнимых, суживает эти вопросы до вопросов чисто технического порядка. Или он не считает эти вопросы сугубо принципиальными или он счел возможным подойти к ним только с одной стороны, — со сто-

роны старого учителя гимназии, исправляющего в сочинении ученика грамматические ошибки, не задумываясь над смыслом сочинения. И то и другое достойно большого сожаления, и мы очень хотели бы, чтобы И. Е. Тамм разрешил наше недоразумение.

Указывая на ряд ученических ошибок у некоторых марксистов, И. Е. Тамм в целом ряде случаев проявляет столь большую степень ученой наивности, которая могла бы составить честь любому «внеклассовому» ученому, страдающему методологической (классовой) слепотой.

О каких же вопросах говорит И. Е. Тамм?

И. Е. Тамм конечно прав, когда отстаивает необходимость термодинамики и термодинамического метода против упрощенских наскоков т. Рубановского. Следует только сделать ту оговорку, что существующий р а з р ы в между термодинамикой и молекулярно-кинетической теорией должен быть ликвидирован, что должна быть создана единая наука — теплофизика, применяющая и тот и другой метод.

Много правильного в указаниях И. Е. Тамма на ошибки некоторых товарищей (Шейн, Рудаш) в вопросах квантовой физики. Плохо только то, что сам И. Е. Тамм совершенно некритически относится ко в с е м откровениям буржуазной науки. Впрочем этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, и я сейчас не буду им заниматься.

И. Е. Тамм во многом прав, когда возражает против механистических благоглупостей З. Цейтлина. Однако, споря против механицизма, И. Е. Тамм не сумел сохранить четкие материалистические позиции по вопросу об эфире. Оказывается, эфир И. Е. Таммом признается реальностью только в смысле «носителя физических свойств п р о с т р а н с т в а» (разрядка моя). В своем учебнике «Основы теории электричества» (т. I, ч. 1-я, 1932 г.) И. Е. Тамм говорит, что эфир следует считать не более чем носителем физических свойств «п у с т о г о» пространства (стр. 59). О р е а л ь н о с т и эфира даже в этом смысле в учебнике уже не говорится ни слова. Конечно хорошо и то, что в своей статье для «Под знаменем марксизма» И. Е. Тамм «решился» «не возражать» против реальности хотя бы так понимаемого эфира. Но правильное ли понимание эфира дает И. Е. Тамм? Если эфир является только носителем физических свойств пространства, то это значит, что реально-то, собственно говоря, только «пустое» пространство, и оно как таковое обладает некоторыми свойствами. С точки зрения материализма, а следовательно и с точки зрения подлинной науки с этим никак нельзя согласиться. Пространство, как известно, является только формой существования материи, и как форма существования материи оно реально. Следовательно «пустое» пространство существует только в нашей абстракции, в действительности же реально существует материя, она обладает физическими свойствами, и одной из форм ее существования является пространство. Э ф и р и я в л я е т с я о д н и м и з в и д о в м а т е р и и, какие бы необычные свойства он ни обнаруживал. Вот какова материалистическая позиция в вопросе об эфире.

Пространство без материи не может существовать. Но не то же ли самое говорит И. Е. Тамм, когда он приписывает пространству «физические свойства»? Посмотрим, что это за физические свойства. На стр. 58 цитированного уже нами учебника И. Е. Тамм ясно говорит, что эти свойства суть «поля электромагнитное и тяготения». Мы этим не удовлетворяемся и хотим слышать от И. Е. Тамма, что же он понимает под «полями»? На стр. 17 той же книги мы находим: «Пространство, в котором существуют электрические силы, обнаруживающиеся при внесении в него электрических зарядов, называется электрическим п о л е м». Таким образом полем называется то же пространство. Круг замкнут, — материя исчезла, поле существует без материи, электрические «силы» материального носителя не имеют. И. Е. Тамм

не заметил, что в то время как современная физика делает шаг вперед от наивных механистических утверждений Фарадея, Максвелла, Томсона, некоторые из современных физиков выплескивают вместе с водой и ребенка, делают шаг назад от материалистических взглядов этих старых физиков.

И совершенно непонятно, почему И. Е. Тамм специально отмечает необходимость о с о б о й осторожности в пользовании термином «эфир». Осторожность без сомнения нужна при пользовании л ю б ы м и терминами, но с у г у б а я осторожность нужна физику, когда есть опасность сойти с позиций материализма на позиции идеализма. И как раз такая опасность для И. Е. Тамма вполне реальна.

Так же «неосторожно» И. Е. Тамм оценивает воззрения Фарадея, когда в статье, посвященной последнему, он утверждает, что в огромной группе явлений теория близкодействия и теория дальнодействия «совершенно эквивалентны: каждая из них способна вполне правильно описать в с ю совокупность явлений» («Успехи физических наук», 1932 г., вып. 1-й, стр. 26—27, разрядка И. Е. Тамма). Здесь для И. Е. Тамма осталось незамеченным то обстоятельство, что для физика-материалиста является обязательной оценка теорий не только с точки зрения их способности формально «описывать» явления (это была бы точка зрения Пуанкаре — Маха), а и с точки зрения степени отражения ими об'ективной реальности. В этом смысле,—а он только один и возможен,—обе эти теории (близкодействия и дальнодействия) не могут быть равноправны, и, признавая реальность материального (хотя и немеханистического) эфира, мы должны отвергнуть теорию дальнодействия.

По вопросу о реальности электрических силовых линий И. Е. Тамм воздерживается в настоящей статье от какого-либо определенного высказывания, отмечая лишь, что и этому вопросу как-то «повезло» в марксистской литературе. Он правильно отмечает несостоятельность механистического толкования этих линий, потому что к эфиру неприменимы понятия механической теории упругости. Но вместе с тем И. Е. Тамму следовало бы отметить, что не правы те физики, которые считают «электрические силовые линии» чистой фикцией, иероглифами, формальными символами, нотными значками и т. д. Это все шаг к идеализму. Не прав и сам И. Е. Тамм, когда в своем учебнике о линиях электрических сил пишет, «что понятие это имеет условно-вспомогательное значение и что силовые линии служат лишь для графического изображения направления электрического вектора» («Основы теории электричества», стр. 58). Если даже согласиться с тем, что силовые линии служат лишь для графического изображения некоторой реальности, то и тогда нельзя считать их чистой фикцией. Но ведь электрические силовые линии отличаются например от г р а ф и к а движения поездов тем, что они гораздо ближе соответствуют некоторым реальным свойствам поля, если говорить в понятиях И. Е. Тамма, или реальным свойствам эфира, если говорить на действительно правильном материалистическом языке. В эфире оказываются неравноправными различные направления (в отношении электрических свойств), и это неравноправие вполне реально. Силовые линии и отображают эту своеобразную «анизотропность» эфира. Отсюда, разумеется, никак не вытекает, что эти силовые линии должны обладать какими бы то ни было м е х а н и ч е с к и м и свойствами, изучаемыми, скажем, теорией упругости. Но они уже перестали быть фикцией, голым символом: они — отражение об'ективной реальности.

Особым вниманием И. Е. Тамм почтил мою персону. И. Е. Тамм не жалеет «крепких» слов по адресу моих статей, неправленных стенограмм и невысказанных мыслей. Разбор соответствующих вопросов покажет, что все эти «крутые» характеристики и рассерженное предубеждение являются в значительной степени плодом весьма концентрированного недоразумения и ученой наивности.

Рамки настоящей статьи не позволят мне развернуть все вопросы с исчерпывающей полнотой, но выяснить суть этих вопросов и выяснить, почему приходится констатировать, что И. Е. Тамм в основном не прав, это я рассчитываю сделать здесь.

Предпринимая два года тому назад, кажется, первую попытку конкретизировать указания Энгельса и Ленина в применении к основным физическим понятиям, я конечно знал, что я могу ошибиться. Главу о силе я закончил пожеланием о специальных исследованиях и писал, что «я не могу выдавать свои настоящие наметки за бесспорное решение» («За марксистско-ленинское естествознание» № 3 — 4, стр. 74, 1931 г.). После этого я убедился, что некоторые вопросы надо было бы сформулировать несколько иначе, что я и сделал в сданной в печать работе, где эта статья перепечатывается. Несомненно, мне в частности не следовало писать, что «понятие силы не отражает никакой реальной силы», и что «законы Ньютона нельзя починить, а их надо заменить», потому что эти фразы, отдельно взятые, лили воду на мельницу упрощенцам и вульгаризаторам, совсем выбрасывавшим как законы Ньютона, так и понятие силы [1]).

Если исключить эти неудачные формулировки, то все основные установки статьи, которую критикует И. Е. Тамм, остаются непоколебленными его критикой.

Но критикуя мою статью, И. Е. Тамм при всех своих словесных реверансах по адресу марксизма не только ни в какой степени не следует марксизму, но вследствие своей беззаботности по части методологии допускает целый ряд «прегрешений» с точки зрения своей прямой специальности.

В этом отношении статья И. Е. Тамма являет собой ярчайший пример того, к чему приводит ученых философская беззаботность,— того, что многократно отмечалось марксистами и прежде всего Энгельсом.

Именно вследствие поучительности этого примера нам необходимо более или менее подробно остановиться на этих вопросах.

Как быть с понятием «силы» в механике — это основной вопрос методологии механики, занимавший Энгельса и многих и многих буржуазных физиков и механиков. С одной стороны, на этом понятии как будто строится все здание механики со времен Ньютона, а с другой стороны, им не удовлетворялось большое число теоретиков. Однако почти никто из буржуазных ученых не мог указать выхода из этого затруднения, хотя искали его такие ученые, как Даламбер, Герц, Планк и многие другие. Выхода они не нашли потому, что они неправильно понимали самый вопрос об обосновании механики. Не понимает этого вопроса и И. Е. Тамм.

Что обычно понимается под обоснованием механики в буржуазной науке? Со времени Ньютона считается общепризнанным, что механика должна дедуктивно выводиться из некоторых «начал», принципов, аксиом, постулатов. Сначала даются определения и аксиомы, затем идут теоремы, доказываемые математически и формально-логически, и следствия из этих теорем [2]). Образцом подобного изложения служила «Геометрия» Евклида.

Что представляет собой подобный метод с точки зрения теории познания? Исходным пунктом науки и научного исследования признаются здесь те или иные принципы, постулаты, создаваемые чистым мышлением

[1]) Если бы И. Е. Тамм действительно слышал мой доклад на конференции по механике, то он услышал бы подробное изложение моих взглядов по этим вопросам.

Кроме того в работе над учебниками по физике и над программами по поручению соответствующих органов я вел борьбу с попытками выбросить из преподавания силу и законы Ньютона.

[2]) См. например J. Hammel, Die Axiome der Mechanik (Handbuch der Physik, hrsgb. von Geiger und Scheel, Bd. V, 1927).

В выборе тех или иных принципов признается произвол мышления. Более того, некоторыми теоретиками специально подчеркивается ненужность и вредность зависимости этих принципов от об'ективной действительности. Действительные отношения выводятся из этих принципов. Правильно ли это с точки зрения подлинной науки, с точки зрения материализма?

Нет, это противоречит азбуке материализма. Это противоречит самому существу науки. Принципы, как говорит Энгельс, являются «не исходным пунктом, а конечным результатом исследования; они не привлекаются для приложения к природе и к человеческой истории, а выводятся из них... Это единственное материалистическое понимание дела, а противоположное, принадлежащее г. Дюрингу, идеалистично: оно ставит дело совершенно на голову и конструирует реальный мир из мыслей, из каких-то от века существующих, домировых схем или категорий, точь-в-точь, как «некий Гегель» (Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 36). Вот эта-то истина и не усвоена подавляющим большинством буржуазных ученых. Им неведома или для них неприемлема ленинская теория отражения.

Отсюда конечно не следует, что все принципы, аксиомы, принимаемые буржуазной наукой, для нас целиком неприемлемы, что они все фиктивны. Дело в том, что бессознательно буржуазные ученые, начиная с того же Ньютона, «выбирали» именно такие принципы, которые так или иначе соответствовали действительным отношениям, выдавая в то же время их за свое творчество, за произвольное соглашение и т. п.

«Но позвольте,— скажет И. Е. Тамм,— вы изгоняете всякое абстрактное мышление!» Нисколько, ответим мы, все те абстрактные исследования, которые имеются в буржуазной науке, поскольку они так или иначе являются отражением об'ективной реальности, вовсе не отрицаются материализмом. Абстрактные рассуждения только не должны превращаться в самоцель, ими наука не начинается и не кончается. Чем она должна начинаться и кончаться, можно видеть из следующих слов Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины» (Лен. сб. IX, стр. 183, 1929 г., разрядка в первом случае моя, во втором—Ленина).

Итак, если в науке в прошлом принципы фактически выводились так или иначе из практики, то диалектический материализм настаивает на единственной правильности такого установления «принципов», т. е. то, что старые ученые делали стихийно, то мы хотим делать сознательно. Выведение «принципов» из практики является их доказательством, как его понимает диалектика.

Выведение «принципов» из реальной действительности нельзя понимать упрощенно: нельзя обязательно требовать чувственной осязательности или привычной наглядности этих принципов; предпосылки молекулярной теории или теории внутриатомных явлений нельзя «осязать» непосредственно. Вместе с тем эти теории могут предсказывать новые явления и оправдываться в своих выводах. Однако для материалиста принципы, лежащие в основе этих теорий, будут не произвольными постулатами (как это пишет И. Е. Тамм по отношению к квантовой физике в журнале «Энергетик» № 2, стр. 14, 1931 г.), не «рабочими гипотезами», а опять-таки отражением об'ективной реальности (хотя может быть временно и гипотетического характера).

Перейдем теперь к механике. Здесь математизация и формализация содержания науки давно уже доведены были до высших пределов. Чрезвычайный прогресс и польза для практики, которые приносил с собой математический метод, при метафизическом способе мышления имели свою обратную сторону,— ученые забывали о примате материи. Между тем механика тем отличается от прочих отделов физики, что ее об'ект наиболее

доступен непосредственному изучению. Ряд ее основных понятий — масса, скорость, количество движения, кинетическая энергия, длина пути и пр. — может быть непосредственно выведен из об'ективной действительности.

Буржуазные теоретики, чурающиеся материализма, очень мало проявляют забот о соподчинении абстрактных принципов об'ективной действительности. Они думают, что математическая («рациональная») механика может быть по произволу выведена из того или иного принципа: принципа Гамильтона, принципа Мопертюи, принципа Даламбера-Лагранжа, принципа Гаусса, принципа Герца и наконец из принципов Ньютона. В известном смысле формально все эти принципы эквивалентны [1]). Что же касается философского смысла всех этих принципов о том, какой из них может быть лучшим мостом между абстрактной теорией и действительностью,—этим они не интересуются. Единственным критерием для них являются формально-математические свойства тех или иных принципов. Говоря словами Энгельса, привычка к вычислениям отучила их мыслить (Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 576). Они усвоили в школе, что математически можно вывести из одного принципа все остальные, и этого для них достаточно, чтобы не беспокоиться много об их принципиальном различии.

Для материалиста подобный подход к обоснованию механики неприемлем. Он должен всесторонне оценить различные принципы и должен отдать предпочтение тому из них, который больше всего подходит для адэкватного отражения действительности.

Попробуем же вкратце рассмотреть различные принципы с этой точки зрения. Все они находят свое выражение в том или ином математическом уравнении.

В принципах Ньютона центральную роль играет понятие с и л ы. Уравнение Ньютона (в современном начертании)

$$\frac{d}{dt} m\mathbf{r} = \mathbf{F} \qquad (1)$$

выражает то, что прирост скорости пропорционален движущей силе и направлен по направлению последней. Это, как п р и н ц и п, доказательству н е п о д л е ж и т. Практикой его непосредственно доказать также трудно. Помимо этого, здесь н а д движением поставлена сила, что давало некоторым теоретикам основание трактовать механику не как науку о движениях, а как науку о силах и р а в н о в е с и я х сил. Сам Ньютон считал силу именно причиной движения, но он не задумывался много о физическом механизме действия силы, удовлетворяясь ф р а з о й о причинной связи. «Под словом притяжение,— говорил он,— я разумею здесь вообще какое бы то ни было стремление тел к взаимному сближению,— происходит ли это стремление от действия самих тел, которые стараются (?) приблизиться друг к другу, или они приводят друг друга в движение посредством испускаемых ими духов (Spiritus), или же наконец это стремление вызывается эфиром или воздухом или вообще какой-либо средой, материальной или нематериальной, заставляющей погруженные в нее тела приводить друг друга в движение. В этом же общем смысле я употребляю и слово «импульс», исследуя в этом сочинении не виды сил и не физические качества, а лишь количества и математические соотношения» [2]).

И. Е. Тамм, выступая против моей критики ньютоновского понятия силы, замалчивает критику его Энгельсом и в то же время говорит: «несомненно, что определять силу как причину движения неправильно». Но разве И. Е. Тамм не знает, что именно так определяли силу и Ньютон

[1]) Говоря более точно, некоторые принципы охватывают большее или меньшее число явлений.

[2]) N e w t o n, Philosophiae naturalis principia mathematica, 1713, p. 172.

и большинство современных учебников? Уже это одно должно было бы заставить И. Е. Тамма принять участие в материалистической разработке понятия силы. Почему же И. Е. Тамм не нападает на те учебники, где сила толкуется как причина движения? Далее И. Е. Тамм скромно заявляет: «На дальнейших стадиях науки, на высшей ступени ее развития мы можем (!) рассматривать и фактически рассматриваем (где, в каких учебниках?—*В. Е.*) и законы Ньютона и ньютоновское понятие силы с более глубокой и широкой точки зрения».

Безусловно верно, что буржуазная механика, уже давно не удовлетворенная обоснованием механики Ньютона, очень много сделала для иного обоснования механики, но это развитие шло стихийно, механика Ньютона как бы надстраивалась сверху, а фундамент нередко оставался старый, ньютоновский. Дальше мы рассмотрим характер и смысл этой «надстройки», по существу видоизменявшей и самые основы механики, но посмотрите, как преподается механика у нас во втузах, в техникумах, в средней школе: там ограничиваются одним фундаментом Ньютона, т. е. механика преподается такою, как она была в XVIII в. Здесь мы имеем дело с определенным научным консерватизмом, с неумением связывать концы с концами, с косностью и пленением авторитетами.

Критика ньютоновского обоснования механики на основе силы началась очень давно, уже с первых дней его появления. Гюйгенс, Лейбниц, Бернулли, Эйлер в той или иной степени указывали на недостатки этого обоснования, а Бернулли и Лейбниц давали и свое обоснование, опирающееся на закон сохранения живых сил. Далее, Даламбер в своем знаменитом «Traité de Dinamique» стремился «выбросить силы,— эти темные и метафизические существа, способные только бросить тень на ясную самое по себе науку» [1]).

Очень многие считали, что в действительности мы имеем дело лишь с движением, с переменой места, со временем. «Движения и ускорения суть такие факты,— говорит Гельмгольц,— которые можно наблюдать и величины которых можно выразить численно путем измерения пространства и времени. Если все же говорят о силах как о причинах движения, то о сущности их неизвестно ничего сверх того, что можно почерпнуть из наблюдения явлений движения, и того, что они выражаются через ускорения. Поэтому... введение этой неясной абстракции может показаться бессодержательным» [2]).

Это говорит тот самый Гельмгольц, которого Энгельс жестоко критиковал за переоценку понятия силы. И действительно, Гельмгольц здесь не сумел охватить всего этого вопроса, не сумел избежать путаницы и эклектизма.

Приведем еще некоторые высказывания крупнейших теоретиков по этому вопросу. Герц писал: «Как легко эти основные законы (Ньютона.— *В. Е.*) возбуждают мысли, ничуть не противоречащие обычным рассуждениям механики и тем не менее несомненно ставящие в тупик ясное мышление». «Весьма трудно излагать мыслящим слушателям именно введение в механику,— здесь всегда чувствуется некоторая неловкость, такое чувство, что ты должен то тут, то там просить извинения и желание как можно скорее покончить с принципами и перейти к примерам, которые говорят сами за себя» [3]).

Далее, суровую критику ньютоновской динамики мы находим у Фосса в «Enzyclopädie der mathematischen Wissenschaften» (Bd. IV, 1).

Наконец у Планка мы читаем: «Ньютон приписывал решающее значение этому понятию силы, которое помогло ему достигнуть столь важных

[1]) D'Alembert, Traité de Dynamique, Paris, 1921, I, p. XXVI.
[2]) H. Helmholtz, Vorlesungen über theoretische Physik, Bd. I, 2, 1911, S. 24.
[3]) H. Hertz, Die Prinzipien der Mechanik in neuem Zusammenhange dargestellt, 1910, S. 6 und 8.

успехов. Таким образом оказалось, что ньютонова сила стала главным и основным понятием механики и не только механики, но и всей физики, и что со временем создалась привычка при рассмотрении всех физических явлений в первую голову всегда ставить вопрос о силе, обуславливающей эти явления. В известном противоречии с этим стоят представления, созданные новейшим развитием физики. Можно спокойно сказать, что в настоящее время ньютонова сила потеряла для теоретической физики свое основное значение. В современной механике сила является величиной вторичной: ее заменили другим, более высоким и более об'емлющим понятием работы или потенциала, причем сила определяется как падение или отрицательный градиент потенциала» [1]).

Интересны высказывания на этот счет Р. Майера.

«Ньютонова сила,— по словам Р. Майера,— в учении о движении является абстрактным понятием — подобно сродству в химии; живая сила, подобно материи, является понятием конкретным» [2]).

Уравнения Ньютона опирались на понятие силы и совершенно не включали понятия энергии и работы. И это неслучайно: Ньютон не признавал закона сохранения энергии, не признавал принципа вечности движения в природе, хотя ему конечно были известны утверждения об этом Декарта (он против них полемизирует) и теоремы Гюйгенса о сохранении живой силы при упругом ударе. Если он опровергал теорему Декарта о сохранении количества движения mv, то он конечно не мог не знать полемики между Лейбницем и картезианцами, которая началась в 1686 г. и в которой Лейбниц доказывал значение живых сил.

Можно подумать, что Ньютон не признавал закона сохранения живых сил потому, что в природе, мы знаем, живые силы действительно не сохраняются, переходя в другие формы энергии. Но это видимое исчезновение живой силы было известно и сторонникам закона живых сил: они в таких случаях указывали на появление нового, невидимого движения. Ньютон же прямо утверждал, что в природе движение только уменьшается и нужно особое начало для поддержания движения в природе (см. его «Оптику», стр. 308—310 в русском переводе).

И. Бернулли в 1725 г. в «Acta Eruditorum» по поводу этого места из «Оптики» писал: «Это было бы поистине смешно, если бы это не писал такой человек». Немного выше И. Бернулли говорит: «Совершенно очевидно, что движение по природе вещей не может исчезать,— это то, чего повидимому боялся Ньютон, напуганный ложными страхами» [3]). Это писалось еще при жизни Ньютона.

Отсюда совершенно ясно, что Ньютона отталкивали от закона сохранения энергии определенные идеологические побуждения. Это нам станет понятным, если мы вспомним, какую крупную роль, по мнению Ньютона, играл в мироздании бог — творец и господин над всем миром.

Отсюда нам станет понятным и отрицательное влияние Ньютона на дальнейшее развитие механики и физики. Странно читать, когда И. Е. Тамм, желая доказать, что ньютоновская концепция не принесла никакого вреда, аргументирует тем, что ньютоновские законы движения сыграли в деле развития механики и положительную роль. Разве это кто-нибудь может отрицать?

---

[1]) М. Планк, Физическая закономерность в свете новых исследований, «Успехи физических наук», т. VI, 1926, стр. 181. Разрядка моя.

[2]) R. Mayer, Bemerkungen über, das mechanische Äquivalent der Wärme (сб. R. Mayer, Über die Erhaltung, der Kraft, hrsgb. von Neuburger. Voigtländers Quellenbucher, Bd, XII, Lpzg., S. 60).

[3]) J. Bernoulli, De vera notione vivarum earumgue usu in dynamicis Dissertatio (Opera omnia, t. 3, Losannae et Genevae, 1725, p. 253).

Если И. Е. Тамм более внимательно прочтет критикуемую им мою статью, то рядом с тем местом, где я говорю о методологической неприемлемости концепции Ньютона, он найдет у меня следующее: «Формулирование этих законов Ньютоном... является завоеванием науки, историческим подвигом величайшего значения. Для практической вычислительной механики... была найдена прочная и надежная основа» [1]). Или может быть И. Е. Тамм видит в этом «противоречие»: Ньютон одновременно оказал науке и величайшие услуги и немалый вред? Но это противоречие взято из самой действительности. Случай с Ньютоном далеко не единственный.

В чем об'ективная ценность ньютоновых уравнений движения? Излагаем по этому вопросу мнение Планка в уже цитированной статье. Изучая движение планет, Ньютон нашел зависимость между ускорением планеты и ее расстоянием от солнца: в уравнении (1) в левой части стоит вторая производная по времени от расстояния, а в правой части — некоторая функция от расстояния. Это диференциальное уравнение отражает законы движения всех планет, комет, двойных звезд, свободного падения, колебания маятника, законы приливов и отливов и т. д. Оно же дает возможность вычислить величину возмущения при приближении одних планет к другим. Стоящая в правой части функция **F** определяется потенциальной энергией тяготения, но Ньютон, не признававший понятия энергии, просто назвал эту функцию «силой»,— термином, заимствованным из сферы человеческих мускульных ощущений. Понятие «сила» было для Ньютона «мыслительным мостом», связывающим понятие положения планеты с понятием ускорения. Ньютон представлял, что положением планеты относительно солнца определяется сила притяжения (как говорит Энгельс, «торжественно названная Ньютоном всеобщим тяготением») и что, далее, эта сила тяготения вызывает определенное изменение в количестве движения планеты.

Совершенно естественно, что Ньютон мог открыть вид функции **F** и дать ей неправильное физическое истолкование. Силе как первичной сущности был придан метафизический, онтологический смысл. Сила истолковывалась не как нечто вторичное, производящееся из движения, из энергии, а как всеоб'ясняющая конечная причина, как панацея для науки. Вред ньютоновской категории силы в том и состоял, как я писал в критикуемой И. Е. Таммом статье, «что на ней исследование останавливалось, на ней ученые исследователи успокаивались и не искали подлинных способов переноса движения» [2]).

Эта тормозящая роль понятия силы была связана с философской заповедью Ньютона «Hypotheses non fingo».

Ньютоновская трактовка функции **F** затемнила роль потенциальной энергии в механическом движении и скрыла энергетический баланс движения. В самом деле, уравнение энергии механического движения получено было позже из уравнений Ньютона при помощи некоторых математических преобразований, кажущихся и теперь каждому студенту довольно искусственными (современем он их заучивает и «привыкает» к ним).

Обе части уравнений

$$m\ddot{x}_i = X_i \qquad (1a)$$

умножают соответственно на dx_i и складывают уравнения:

$$\sum m\ddot{x}_i\,dx_i = \sum X_i\,dx_i.$$

[1]) «За марксистско-ленинское естествознание» № 1, стр. 35, 1932 г.
[2]) «За марксистско-ленинское естествознание», № 3—4, стр. 71, 1931 г.

Правую часть называют (якобы по произвольному определению) работой. Левую же часть преобразовывают следующим образом:

$$\sum m\ddot{x}_i\,dx_i = \sum m\ddot{x}_i\dot{x}_i\,dt = \sum m\dot{x}_i\,d\dot{x}_i = d\sum m\dot{x}_i^2 = d\frac{mv^2}{2}.$$

Получается таким образом уравнение

$$d\frac{mv^2}{2} = \sum X_i\,dx_i, \tag{2}$$

в котором левой части (опять-таки якобы произвольно) дают название диференциала кинетической энергии. Все это уравнение называют уравнением живых сил. Далее говорят, что в том случае, когда элементарная работа представляет собой точный полный диференциал, тогда получают путем интегрирования:

$$\frac{mv^2}{2} = A + h \tag{3}$$

или, при других определениях и обозначениях:

$$\frac{mv^2}{2} + U = T + U = h\,(\text{const.}), \tag{4}$$

где U — потенциальная энергия.

Вот это уравнение и называют «законом сохранения энергии», и оно же является первым интегралом диференциального уравнения движения (1).

Таким образом окольным путем ньютоновская механика приводит нас к математическому уравнению сохранения живых сил,— к тому, что по существу получали из опыта Галилей, Гюйгенс, Лейбниц, И. Бернулли и Д. Бернулли. Но все то огромное значение в об'ективном мире, которое имеет закон сохранения и превращения энергии, смазывается этим математическим преобразованием, делающим его чем-то формальным, вторичным, производным.

Хотя уравнение (4) еще не выражает всего закона сохранения энергии,— оно справедливо только для чисто механического движения в замкнутых системах,— но совершенно ясно, что об'ективно именно оно,— (а в более общих случаях уравнение (2), — более непосредственно отражает действительную закономерность движения, чем уравнение Ньютона.

При ньютоновском обосновании механики вопрос ставится на голову, и это дает возможность всякого рода идеалистам, агностикам и эклектикам толковать закон сохранения и превращения энергии — этот один из самых основных законов природы — чисто формально, как продукт чисто математической операции интегрирования. Так Мах, не признавая за законом сохранения энергии об'ективного значения, видит в нем «удобное и наглядное с формальной стороны» воззрение. С его точки зрения этим законом удовлетворяется «формальная потребность в наглядном кратком простом вычислении» [1]).

Такого рода ставшие традиционными воззрения приводят к тому, что самая справедливость закона сохранения энергии нередко ставится под сомнение. Так например М. П. Бронштейн недавно писал: «Не существует никаких оснований требовать, чтобы при бета-распаде закон сохранения энергии действительно соблюдался». В чем дело? Откуда такое сомнение? Оказывается, что «бета-распад принадлежит к явлениям релятивистской

[1]) Э. Мах, Принцип сохранения энергии, стр. 36, М., 1909 г.

теории квант, теории, еще не построенной, в которой, быть может, закон сохранения энергии и не будет верен» [1]).

Трудно ли отказаться от закона сохранения и превращения энергии тому, кто его не считает основой для всей науки о природе, кто не убежден в нем до того, как он научится интегрировать, кто не считает его доказанным всей исторической практикой, этим судьей более высокого ранга, чем формальные математические операции?

Не подлежит сомнению, что уравнение Ньютона сыграло немалую роль в деле затуманивания прозрачного самого по себе вопроса о сохранении энергии, стоявшего вне сомнения и для многих современников Ньютона.

В то же самое время бесспорно и то, что уравнение Ньютона отнюдь не ложно: оно так или иначе отражает об'ективную закономерность механического движения и в конечном счете оно вытекает из того же закона сохранения энергии в природе. Если Ньютон выгонял природу в дверь, то она влетала в окно: если он не хотел вводить в свои расчеты величины энергии,—этой меры движения, теснейшим образом связанной с законом превращаемости и неуничтожаемости движения,—то она в скрытой форме все же входила в его уравнение (под знаком неявного градиента).

Дальнейшее развитие механики после Ньютона в значительной своей части означало освобождение закона движения от его первоначальной мистической оболочки.

Помимо своей методологической неудовлетворительности уравнение Ньютона было очень мало пригодно и в целом ряде практических случаев,—именно, когда стала необходимость перейти от изучения движения материальной точки к изучению движения системы с внутренними связями [2]). Поэтому уже в XVIII в. механика Ньютона претерпела ряд крупнейших реформ в работах И. Бернулли, Д. Бернулли, Эйлера, Даламбера и Лагранжа.

Правда, эти реформы производились главным образом в форме «надстройки» над ньютоновым уравнением, но по существу то, что сделали И. Бернулли, Д. Бернулли, Даламбер и Лагранж (а в XIX в. Гамильтон и др.), уже затрагивало самый фундамент механики, эмансипируя ее от примата силы.

Но прежде всего заслуживает быть упомянутым обоснование статики на основе «принципа» возможных работ. Согласно этому принципу необходимым и достаточным условием равновесия служит равенство нулю суммы возможных работ для всех движений, совместимых со связями. Этот глубоко опытный «принцип» применялся на практике задолго до Ньютона (Паскаль (1663), Галилей (1612), Стэвин (1586), Леонардо да-Винчи (1452—1519), восходит до Аристотеля). Его связь с законом сохранения энергии сознавалась уже Стэвином [3]). В этот «принцип» входит понятие работы, и основывается он на законе сохранения энергии.

Что касается обоснования статики на другом принципе, на основе «уравновешивания сил», то оно разработано было Вариньоном (1687), хотя и он в другом произведении (1725) широко развил теорию применения «принципа» возможных работ.

Что же касается далее динамики, то в ней Лагранжем был применен тот же «принцип» возможных работ, и на основании его Лагранж вывел свое

---

[1]) М. П. Бронштейн, Элемент с атомным номером 0. «Социалистическая реконструкция и наука» № 6, стр. 144, 1932 г.

[2]) «Первоначальные законы Ньютона для сложных случаев (например в случаях связи и т. д.) неудобны и отчасти недостаточны» (L. Nordheim, Die Prinzipe der Dynamik, «Handbuch der Physik» V, 1927, S. 43).

[3]) Ср. Thomson, Tait, Treatise on nat. philosophy, 1867, I, p. 265.

основное уравнение динамики системы («принцип» Лагранжа — Даламбера):

$$\Sigma\,(X_i - m_i\ddot{x}_i)\,\delta x_i = 0, \tag{5}$$

которое, хотя и связано было пуповиной с уравнениями Ньютона, но уже по сути дела носит энергетический характер. В самом деле уравнение (5) легко может быть представлено в следующем виде:

$$\delta T + \delta A = \frac{d}{dt}\,\Sigma\, p\delta q, \tag{6}$$

где q — обобщенные координаты, p — обобщенные импульсы. Это — так называемое центральное уравнение Лангранжа[1]). Энергетический характер его совершенно очевиден.

Лагранжа недаром называли вторым Ньютоном (так его именовал например Лаплас): Лагранж поднял механику на новую, гораздо более высокую ступень. И это относится как к формально-математической, так и к методологической стороне механики[2]).

Лагранж впервые ввел в механику потенциальную функцию (1777), названную позднее Гамильтоном силовой функцией (1834). Эта функция замечательна тем, что путем диференцирования ее по определенному направлению получается вектор силы **F**. Позднее выяснилось, что эта потенциальная функция равна потенциальной энергии, энергии положения, взятой с обратным знаком. Оказалось, что если система не получает никакой энергии извне и если в ней самой не происходит превращения других форм энергии в механическую и обратно, то

$$\mathbf{F} = -\operatorname{grad} U. \tag{7}$$

Это значит, что сила становится векторной функцией, отражающей величину падения потенциальной энергии в данном направлении.

С другой стороны, потенциальная энергия связана с понятием работы таким образом, что величина U для какой-нибудь конфигурации системы (C) равна сумме работ, произведенных (или могущих быть произведенными) при переходе системы из конфигурации (C) к той особой конфигурации (C_0) для которой мы условились считать потенциальную энергию равной нулю.

Таким образом оказалось, что вся механика ньютоновского тяготения может быть построенной на потенциальной энергии, а не на силе. В этом, а также в целом ряде других случаев, уравнение (1) может быть заменено следующей системой уравнений:

$$m_i\ddot{x}_i = \frac{\partial U}{\partial x_i}\ ^{3}) \tag{8}$$

Однако громадная заслуга Лагранжа состоит кроме того в том, что он получил уравнения движения системы с n степенями свободы в следующем виде:

$$\frac{d}{dt}\left(\frac{\partial T}{\partial \dot{q}_i}\right) - \frac{\partial T}{\partial q_i} = Q_i \quad (i = 1, 2, \ldots n), \tag{9}$$

где q_i означает обобщенные координаты, $\dot{q}_i$ — обобщенные скорости, а Q_i — обобщенные силы.

Всматриваясь в левую часть уравнений (9), мы замечаем, что она опре-

---

[1]) L. Nordheim, L. c., S. 75 — 76.

[2]) Известно, как высоко Маркс ценил Лагранжа в истории обоснования анализа бесконечно-малых. См. Математические работы Маркса, «Под знаменем марксизма» № 1, 1933.

[3]) Использование понятия энергии тяготения вместо силы тяготения см. например А. Ф. Иоффе, «Курс физики», ч. 1-я, стр. 27—30.

Сам И. Е. Тамм учит своих студентов (к которым он апеллирует в своей полемической статье) определять силу из выражения энергии. См. его «Основы теории электричества», т. I, ч.1-я, 1932 г., стр. 96 и след.

деляется функцией T, т. е. кинетической энергией системы. Механики всего мира спокойно диференцируют кинетическую энергию по координате и по скорости, не опасаясь того, что И. Е. Тамм найдет у них ошибку против правил векторного исчисления.

В уравнениях Лагранжа кинетическая энергия вступает в свои права, производя из себя выражение, соответствующее левой части ньютонова уравнения (1). Но может показаться, что в правой части ньютонова сила берет реванш: здесь стоит «обобщенная сила» Q_i соответствующая ньютоновой силе F. Но все дело в том, что лагранжева «обобщенная сила» совсем не имеет того метафизического смысла, который вкладывался в понятие силы первоначально Ньютоном. Даже в тех случаях, когда Q_i не может быть получена путем диференцирования потенциальной энергии, она играет подчиненную роль по отношению к работе: она представляется множителем, на который следует помножить приращение координаты, чтобы получить работу, производимую на перемещении, соответствующем этому приращению. Ньютоновская сила сама является лишь частным случаем этой обобщенной силы, когда пользуются декартовыми координатами.

«Это определение силы,— говорит Планк,— есть самое общее, которое вообще возможно дать; оно базируется на общем принципе работы, т. е. потенциала» [1]) (интересно слышать от И. Е. Тамма, почему это Планк «смешивает потенциальную энергию U с работой A, которая в отличие от U не является однозначной функцией точки»?—*В. Е.*).

Эти обобщенные силы находят обширнейшее применение и в строительной механике.

Математически конечно обобщенную силу Q можно получить из ньютоновых сил, но это не может служить доказательством первичного характера последних. Наоборот, как это правильно отмечал уже Планк в приводимой выше цитате, самое понятие ньютоновой силы является абстракцией, своего рода «вытяжкой» из работы или потенциала.

Р. Майер писал, что Ньютон как бы разложил работу на два множителя, из которых один обозначал пройденное расстояние, а другой он обозначил «силой» [2]) . Ф. Ауэрбах в пользу первичности понятия работы приводит тот «банальный факт, что в жизни оплачивается работа» [3]).

Итак, уравнения Лагранжа, имеющие исключительное значение в современной технической механике, носят определенно энергетический характер.

Но если в технической механике уравнения Лагранжа имеют огромные преимущества, то в современной теоретической физике (особенно в квантовой физике) широко используются механические идеи Гамильтона, его знаменитые «канонические уравнения», носящие также определенно энергетический характер.

Для замкнутой системы, когда связи не зависят от времени, они имеют вид:

$$\frac{dq_i}{dt}=\frac{\partial E}{\partial p_i},\ \frac{dp_i}{dt}=-\frac{\partial E}{\partial q_i},\ (i=1,2,\ldots n), \tag{10}$$

где E — сумма кинетической и потенциальной энергии системы $T+U$, q — обобщенные координаты и p — обобщенные импульсы, получаемые также из энергии диференцированием по обобщенной скорости:

$$p_i=\frac{\partial E}{\partial \dot{q}_i}. \tag{11}$$

[1]) М. Планк, Введение в общую механику, стр. 154, Гиз. 1932 г.
[2]) R. Mayer, L. c., S. 61.
[3]) F. Auerbach, System. der Grundbegriffe. Handbuch der physikalischen und technischen Mechanik, hrsgb. von F. Auerbach und W. Hort, Bd. I, 1929, S. 65.

Уравнения (10) выражают по своему смыслу то, что скорость изменения координаты q_i определяется производной от энергии по импульсу, а скорость изменения импульса равна величине, на которую уменьшается энергия на единице возрастания соответствующей координаты.

Совершенно очевидно, что вторая группа уравнений Гамильтона формально напоминает уравнение Ньютона (1),—вернее наоборот, уравнение Ньютона напоминает уравнение Гамильтона, с той лишь существенной разницей, что в правой части последнего стоит не ньютонова сила, а производная по координате от энергии, выраженной в функции от координат и импульсов. В этом их существеннейшее методологическое преимущество помимо тех практических преимуществ, из-за которых их ценят в современной теоретической физике.

И. Е. Тамм в деле защиты силы заходит поистине слишком далеко. Так он пишет: «Несмотря на всю важность понятия энергии, механические движения и законы их одной только энергетической характеристикой никак не исчерпываются». Если говорить по совести, когда И. Е. Тамм излагает своим студентам законы механики, он не говорит с такой категоричностью. Почему? Да потому, что И. Е. Тамм в достаточной мере стоит на уровне современной науки, чтобы таких утверждений не делать. Возьмем например книгу проф. В. А. Фока «Начала квантовой механики». Книга достаточно современная и авторитетная в известном смысле, не правда ли? А в этой книге автор пишет: «В классической теории для обширного класса механических систем закон изменения состояния во времени (уравнения движения) может быть задан при помощи гамильтоновой функции, представляющей энергию системы» [1]). И это в квантовой механике служит отправным пунктом для того, чтобы в ее собственном о с н о в н о м уравнении (уравнении Шредингера) фундаментальную роль играл оператор энергии. О ньютоновой силе здесь вопрос и не поднимается.

Далее я могу сослаться и на самого проф. И. Е. Тамма. В своем учебнике он пишет: «На основании общих положений механики условием устойчивого равновесия является минимум потенциальной энергии» [2]), т. е. положение равновесия определяется из потенциальной энергии (известная теорема Дирихле).

Наконец если позволить себе привлечь для свидетельства релятивистскую динамику, то там мы находим в качестве основного уравнения следующее равенство:

$$\frac{\partial T^{ik}}{\partial x^k} = \kappa^i \quad (i = 1, 2, 3, 4),$$

где T^{ik} —компоненты тензора энергии-импульса T, κ^i — вектор плотности силы четырех измерений [3]). И здесь, в четырехместном мире, оказывается, сила получается из некоторого выражения, являющегося обобщением энергии.

Я не говорю уже о так называемых вариационных принципах механики, в которых опять-таки энергия играет определяющую роль.

Итак, не подлежит сомнению, что развитие механики после Ньютона очень много сделало для того, чтобы лишить мистическое и метафизическое понятие силы ее первой роли в системе механики. Механика уже к концу XVIII в. стала выходить из своего метафизического периода и вступала во второй период, кульминационным пунктом которого (для всей физики) было открытие в середине XIX в. универсального закона сохранения и превращения энергии. Этот второй период, согласно характеристике Энгельса,

---

[1]) В. А. Ф о к, Начала квантовой механики, стр. 42, Ленинград, 1932 г.
[2]) И. Е. Т а м м. Основы теории электричества, т. I, ч. 1-я, стр. 100, 1932 г.
[3]) O. H a l p e r n, Relativitätsmechanik, «Handbuch der Physik», B. V, S. 590.

знаменует собой стихийное проникновение диалектики в естествознание и стихийное преодоление метафизического метода, в истории которого Энгельс приписывает Ньютону в основном завершающую роль.

Вступление механики во второй период своего исторического развития было столь же необходимо, сколь необходимо было ее предварительное развитие в первом периоде. Рост промышленного капитализма, крупное машинное производство, промышленный переворот пред'являли новые требования к теоретической механике, которые не могла удовлетворить старая ньютонова механика. То развитие общей механики, которое мы только что вкратце проследили, отражало потребности практики. При исследовании действия машины особенный интерес вызывает ее энергетический баланс. Недаром в качестве основного уравнения движения в теории машин считается уравнение живых сил, о котором в начале прошлого века Пуассон сказал, что оно образует «соединительное звено между механикой теоретической и механикой индустриальной» [1]).

В гидравлике аналогично этому основным уравнением движения считается уравнение Бернулли, являющееся частным случаем уравнения живых сил.

Как известно, стихийное проникновение диалектики в естествознание в XIX в. не повлекло за собой сознательного поворота буржуазных ученых к диалектическому методу: они попрежнему продолжали мыслить метафизически, не связывая концов с концами. Это только усугубляет существующий при капитализме разрыв между теорией и практикой и приводит в теории к величайшей «путанице и бессвязности», за которую жестоко бичевал естествоиспытателей Энгельс.

При всем том огромном развитии, которое претерпела механика после Ньютона, теоретики механики не могли отделаться от гегемонии Ньютона со всей его метафизикой и мистикой. Механика стихийно все более и более отходила от основ Ньютона, она все более и более основное значение придавала закону сохранения и превращения энергии, а в это время теоретики продолжали исходить из основ Ньютона, а закон сохранения энергии выводили как интеграл диференциального уравнения. Противоречие и непоследовательность здесь являются только частным случаем противоречий всего буржуазного мышления.

Но может быть закон сохранения и превращения энергии нельзя положить в основу механики? Может быть это невозможно в силу математических правил? Оказывается, такого препятствия нет, и это подтверждает целый ряд «экспертов». Вот что говорят В. Томсон и Тэт:

«Можно считать, что этот принцип (начало сохранения энергии) заключает в себе всю отвлеченную динамику, так как мы далее покажем, что условия равновесия и движения, во всех возможных случаях, могут быть непосредственно выведены из него» [2]).

С другой стороны, Максвелл писал: «Полное знание закона, по которому изменяется энергия материальной системы, при изменении конфигурации и движения системы, математически равноценно знанию всех динамических свойств системы... Предположим, что внешний по отношению к системе агент производит ее перемещение из одной конфигурации в другую (система получает приращение энергии за счет внешнего агента.—*В. Е.*). Стало быть, этот агент должен был совершить работу, равную приращению энергии системы. Для этого он должен был приложить силу по направлению перемещения, и среднее значение этой силы, помноженное на перемещение, должно равняться совершонной работе. Отсюда среднюю величину силы

[1]) Poisson, Traitè de Mechanique, 2-e éd., t. II, Paris, 1833, p. 747.

[2]) W. Thomson and P. G. Tait, Treatise on Natural Philosophy, Part I, p. 265.

можно найти, разделив приращение энергии на перемещение». Далее Максвелл говорит о случае переменной силы, когда ее нужно определять дифференцированием энергии по направлению перемещения [1]).

Мнение Планка по этому вопросу (из его недавней статьи) мы уже приводили. Но еще гораздо раньше он писал: «Законы механики, включительно до аксиом Ньютона, можно полностью вывести из закона сохранения энергии. Хотя здесь и не будет строгой дедукции, но механику так же нельзя построить чисто дедуктивным путем, как и всякую другую часть физики. Во всяком случае здесь нужно будет воспользоваться некоторыми индуктивными умозаключениями» [2]). Это «нарушение строгости», на которое здесь указывает Планк и которое он дальше считает несущественным, может касаться лишь сложных движений в пространстве. Там, где движение происходит по прямой линии или вообще с одной степенью свободы, там никаких возражений этот вывод не вызывает. Но когда движение происходит с несколькими степенями свободы, там, дескать, приходится «разлагать» уравнение живых сил по координатам, а это можно сделать только в том случае, если закон живых сил соблюдается, так сказать, в любом направлении, независимо от остальных. Сам Планк считает это безусловно доказанным всеми опытами, по его словам, так же бесспорно, как существование причинности в природе.

Кроме того для движения точки в пространстве уравнения движения получаются из закона сохранения энергии, если принять во внимание, что этот закон справедлив в любой инерциальной системе (принцип относительности Галилея).

И. Е. Тамм в поучение мне пишет, что вариационный принцип «несравненно богаче» закона сохранения энергии. Здесь я думаю, что у И. Е. Тамма произошла «описка», ибо не может же он в самом деле такой всеобщий закон природы, как закон сохранения энергии, считать уже принципа наименьшего действия, который, как известно, несправедлив уже для неголономных механических систем. Можно догадываться об источнике ошибки И. Е. Тамма: он, по всей вероятности, смешивает закон сохранения энергии с законом живых сил, который конечно имеет ограниченное применение. А этих двух законов смешивать нельзя.

Громадное преимущество концепции, основывающейся на законе сохранения и превращения энергии, состоит уже в том, что здесь всегда совершенно ясно значение делаемых ограничений и упрощений. В то время как математический механик будет говорить, что он ограничивается рассмотрением случаев, когда силы имеют потенциал (система консервативна), когда связи не зависят от времени, от скоростей (голономная система), когда кинетическая энергия представляется однородной функцией второй степени от скоростей и т. д. и т. п., т. е. условия будут им накладываться чисто математического свойства,— механик, исходящий из закона сохранения и превращения энергии, будет говорить о тех или иных физических ограничениях: система, скажем, изолирована, движение чисто механическое и т. д. Механика при этом становится отделом физики, а не математики.

Механик, исходящий из закона сохранения и превращения энергии, вовсе не будет отбрасывать понятие силы (элиминировать его, как это предлагали некоторые умники-«марксисты», следующие здесь за формально-геометрическими рассуждениями теории относительности Эйнштейна), он будет пользоваться и понятием силы —и в динамике, и в статике,—но у него это понятие будет лишено всякой мистики и метафизики так же, как лишено мистики, скажем, понятие обобщенной силы Лагранжа.

---

[1]) К. Максвелл, Материя и движение, стр. 60—61, Гиз, 1924 г.
[2]) M. Plank, Das Prinzip der Erhaltung der Energie, 5. Aufl, 1924, S. 211.

Механик, исходящий из закона сохранения и превращения энергии, не будет отвергать и законов Ньютона, при своих вычислениях он будет применять и уравнения Ньютона, но для него они не носят первоначального характера; для него они так же, как и все законы Ньютона, являются сколком с закона сохранения и превращения энергии.

С точки зрения закона энергии теряет всякую таинственность и вопрос о причинах движения. В масштабе всей вселенной о каких-либо внешних причинах движения говорить нельзя, так как движение, понимаемое в широком смысле, есть непременное свойство материи, форма ее существования. Но когда мы говорим об увеличении механического движения у определенного тела *A*, то здесь причину движения искать необходимо. Чистая механика может дать нам ответ только в немногих случаях (например в случае удара). Но физика, опирающаяся на закон сохранения и превращения энергии, может в известной степени сказать, что причиной например движения поршня паровой машины или насоса служат удары молекул газа или пара (и потеря тепловой энергии); причиной движения электромотора служит превращение электрической энергии в механическую; причиной торможения движения при трении служит трата его при превращении в теплоту и т. д. и т. п. Во всех этих случаях ньютонова механика довольствуется универсальным и мало что говорящим понятием «силы». С нашей точки зрения сила служит сокращенным обозначением л ю б о г о способа передачи движения, причем количественно она измеряется или производной от импульса по времени (здесь измеряется р е з у л ь т а т изменения движения) или градиентом от энергии (здесь измеряется и с т о ч н и к изменения движения).

Упрощенческие взгляды, выкидывавшие силу и законы Ньютона, были справедливо осуждены известным постановлением ЦК ВКП(б) о средней и начальной школе от 25 августа 1932 г.

Таким образом я надеюсь, что я ответил на основной недоуменный вопрос И. Е. Тамма: «Какими отличительными свойствами должен обладать тот несводящийся (?) к силе и неизвестный нам пока способ передачи движения, который удовлетворил бы т. Егоршина, к какой категории понятий он должен был бы относиться? Это является загадкой» и т. д.

Для И. Е. Тамма вообще многое оказалось «загадкой». Отчасти конечно причину этого можно видеть в сжатости и схематичности моих первых статей, но только отчасти. Сжатость и схематичность у меня об'ясняются тем, что иногда я ограничивался общей идеей и проводил ее только для случаев, необходимых в весьма элементарном курсе физики (о чем в своем месте у меня сделана была оговорка). И. Е. Тамм не заметил этих оговорок, а самому заняться расширением моей трактовки силы для более сложных случаев ему, понятно, не хотелось.

Необходимо хотя бы вкратце пробежать по отдельным замечаниям моего критика, и этого будет вполне достаточно, чтобы видеть, что И. Е. Тамм взялся пожалуй за непосильную для себя задачу.

Начать с того, что И. Е. Тамм совершенно обходит молчанием вопрос о критике понятия силы Энгельсом,— как будто этой критики не было. Между тем я в своей статье подробно цитировал Энгельса и стремился лишь конкретизировать его мысли. Как же относится к этим мыслям наш критик, об этом он сам умолчал.

Далее он стремится представить мои воззрения таким образом, будто я предлагал исключить силу из механики: он подбирает одни цитаты и не приводит других. Между тем я там же писал, что «для нас категория силы в механике отражает тот или иной способ переноса реального движения с одного тела на другое» [1]). Зачем И. Е. Тамм прибегает к осуждаемому им

[1]) «За марксистско-ленинское естествознание» № 3—4, стр. 70, 1931 г.

«выдергиванию из контекста цитат», на которое, если верить его словам, только и способны марксисты?

По поводу моего указания на то, что в простейших случаях движения силу можно вывести из работы, деля ее на пройденное расстояние, И. Е. Тамм разражается грозной филиппикой, находя здесь бесконечное количество ошибок.

Однако если бы наш критик не отказался продумать этот вопрос, он не нашел бы в этом ничего странного. Можно было надеяться, что для такого читателя, как И. Е. Тамм,— и даже для читателя, гораздо менее подготовленного,— не нужно было подробно раз'яснять, что это за простейшие случаи, когда возможно такое вычисление силы.

В одних случаях сила получается простым делением работы на пройденный путь, в других она получается дифференцированием, в третьих она получается как отрицательный градиент потенциальной энергии, в четвертых — как «обобщенная сила» из работы. То или иное получение силы зависит не только от формальных математических признаков движения, но, что крайне важно, от физической природы энергетического баланса этого движения.

Как мог забыть И. Е. Тамм, что так называемая «обобщенная сила» в современной механике получается для самого общего случая именно из работы и что сам И. Е. Тамм великолепно им пользуется в своем учебнике по теории электричества? И как он мог забыть то, что знает каждый студент, что к планетному движению, на котором он отчасти строит свои «опровержения», отличным образом применима теория потенциала тяготения, по отношению к которому сила становится вторичным понятием? Это «забвение» можно об'яснить только особо заостренной «целеустремленностью», которой к несчастью нехватает у нашего критика в тех случаях, когда буржуазные физики например явно отвергают об'ективность причинности, об'ективность времени и пространства, всеобщую значимость закона сохранения и превращения энергии и т. п.

Той же «устремленностью» нашего критика может быть об'яснено и указание его на «ошибку» против правил векторного исчисления. Смеем уверить И. Е. Тамма, что марксисты с достаточным уважением относятся и к технике векторного исчисления, не отказываясь от критики методологических основ этой науки.

По словам И. Е. Тамма, я якобы смешиваю на стр. 73 «производную вектора с производным (производной?—*В. Е.*) численного значения этого вектора». Но пусть прочтет И. Е. Тамм эту страницу еще раз, и он не найдет там никакого смешения, потому что там речь всюду идет лишь о численной величине векторов и о скалярах: берется производная от скаляра E по пути

$$\frac{dE_{kin}}{ds} = m\frac{dv}{dt},$$

а не производная по направлению, т. е. не $\frac{\partial E_{kin}}{\partial s}$.

По контексту ясно видно, что этот вывод относится к простейшему случаю прямолинейного движения. На практике аналогичный вывод применяется довольно широко в науке о машиностроении (в так называемой «Прикладной механике»), когда известна зависимость скорости механизма от пути и нужно найти ускорение [1]).

[1]) См. напр. проф. Л. П. Смирнов, Кинематика механизмов и машин, стр. 24 и 30, Гиз, 1927 г.

Если же И. Е. Тамм желает более общего вывода и притом в векторной форме, то ему можно напомнить, что в векторном исчислении доказывается, что для всякого стационарного движения без завихрений, т. е. когда вектор скорости удовлетворяет следующим равенствам:

$$\text{rot}\,\mathbf{v} = 0 \quad \text{и} \quad \frac{\partial \mathbf{v}}{\partial t} = 0,$$

ускорение равно

$$\frac{d\mathbf{v}}{dt} = \text{grad}\,\frac{1}{2}\,\mathbf{v}^2\ ^{1}),$$

что очевидно приводит к той формуле, на которую нападает И. Е. Тамм. Отсюда видно, что нападки его совершенно неосновательны.

Далее И. Е. Тамм заявляет о том, что я будто бы забываю, «что далеко не все силы могут быть представлены в виде производной от потенциальной энергии». На самом деле я этого никогда не забывал. Существование «непотенциальных сил» не только не мешает толковать силу как вторичное понятие по отношению к энергии, а наоборот, как я показал выше, только воззрения, исходящие из закона сохранения и превращения энергии, могут дать рациональное об'яснение сущности непотенциальных сил. В таких случаях мы не имеем права диференцировать просто потенциальную энергию, но это об'ясняется тем, что здесь мы имеем дело не с чисто механическим движением и в энергетическом балансе существенную роль играют немеханические виды энергии (тепловая и др.) [2]).

Соответственно с этим силу нужно получать не из потенциальной энергии в ее чистом виде, а из потенциальной энергии с поправками на прочие формы энергии. Именно в этом случае нужно исходить не из закона живых сил, а из общего закона сохранения энергии. Именно только энергетическое рассмотрение процесса движения дает нам подлинно физическую его картину, а не формально-математическое описание, что единственно может дать уравнение Ньютона.

Если движение совершается с трением, то здесь важную роль играет тепловая энергия, и ее нельзя игнорировать. Она и входит в энергетические уравнения Лагранжа в их более общем виде под видом так называемой функции рассеяния Рэлея (для случая трения, пропорционального скорости) [3]).

Однако И. Е. Тамм и этим не удовлетворен. Он указывает на законы движения электрона в магнитном поле как на пример того, где силы не могут быть представлены в виде производной от потенциальной энергии.

Трудно представить себе, как И. Е. Тамм мог сослаться на подобного рода пример. У нас дело идет об уравнениях механического движения, а он приводит электродинамическое явление. Лавры механистов не дают нашему критику покоя. Или он думает, что механицизм в физике возможен только по отношению к вопросу об эфире? Неужели И. Е. Тамму не ясно было с самого начала, что здесь уравнения движения должны быть заведомо сложнее, поскольку тут участвуют не только кинетическая энергия и энергия положения?

---

[1]) Я. Н. Шпильрейн, Векторное исчисление, стр. 192, Гиз, 1925 г.

[2]) Нападая на меня на том основании, что не всякую силу можно получить в виде производной от потенциальной энергии, почему И. Е. Тамм не нападает на ходячие определения силы как причины ускорения, пропорциональной последнему, — когда заведомо известно, что далеко не всякая сила пропорциональна ускорению и что в механике рассматриваются силы при отсутствии ускорения? Много ли об'ективности у И. Е. Тамма?

[3]) «Handbuch der Physik», B. V, S. 61.

Мы не откажемся разобрать и этот пример, не боясь впасть в «многословие». Мы увидим, что и здесь современная электродинамика бьет нашего критика, разрушая все его «критические» аргументы.

Для большей авторитетности обратимся к учебнику... проф. И. Е. Тамма «Основы теории электричества» (т. I, изд. 1929 г.).

Мы уже говорили, что при получении силы из энергии необходимо строго проанализировать, какие виды энергии участвуют в данном процессе. Оказывается, проф. И. Е. Тамм в своем учебнике в § 47, посвященном силам взаимодействия электрических токов, действительно подробно анализирует сущность энергетических процессов. Приведем некоторые выдержки. «Необходимо учесть следующие превращения энергии: 1) выделение Джаулева тепла Q в цепи токов, 2) работу P сторонних электродвижущих сил, 3) механическую работу A пондеромоторных сил магнитного поля, совершаемую при перемещении контуров тока, и наконец 4) необходимо... приписать магнитному полю, как таковому, некоторую энергию W_m» (стр. 331 — 332). Проф. И. Е. Тамм далее подсчитывает, насколько увеличивается сумма механической, тепловой и химической энергии (за счет последней совершается «работа P сторонних электродвижущих сил»), и это увеличение относит за счет уменьшения энергии магнитного поля. Из расчетов И. Е. Тамма получается равенство:

$$dW_m = -\left[A + (Q - P)\,dt\right].$$

Если мы хотим вычислить пондеромоторную силу магнитного поля, то мы должны ее вычислять не диференцированием работы A, а диференцированием магнитной энергии W_m. Так И. Е. Тамм и делает, вводя лишь вспомогательную функцию U, равную W_m с обратным знаком (стр. 334). Эту функцию он называет «потенциальной функцией» и от нее, ничтоже сумняшеся, получает «обобщенные силы». Именно, он пишет: «Путем обычных в аналитической механике способов рассуждения (вот как! — *В. Е.*) легко убедиться... что если функция U выражена в зависимости от каких-либо «обобщенных» координат q_i, характеризующих положение контура тока, то «обобщенная» (в смысле аналитической механики) пондеромоторная сила Θ действующая на ток по направлению какой-либо из этих координат q_i, будет равна:

$$\Theta_i = -\frac{\partial U}{\partial q_i}\text{»} \text{ (стр. 246)},$$

т. е. здесь сила получается диференцированием энергии.

Таким образом мой оппонент И. Е. Тамм посрамлен проф. И. Е. Таммом. Эта картина возможно была бы еще более разительной, если бы мы имели второй том его учебника, где И. Е. Тамм вероятно будет разбирать движение электрона в магнитном поле. Из первого тома мы пока узнали, что пондеромоторные силы магнитного поля определяются прямо энергетическим соотношением, а это конечно имеет прямое отношение к движению электрона в магнитном поле.

Пока не вышел второй том «Основ теории электричества» И. Е. Тамма, обратимся для более специальных справок по данному вопросу к другому руководству, например к «Lehrbuch der Elektrodynamik» проф. Я. И. Френкеля. Там этому вопросу посвящена целая глава, причем вопрос разбирается не только с точки зрения «классической», но и с точки зрения теории относительности. Я ограничусь указанием на то уравнение, к которому в конце концов приходит проф. Я. И. Френкель. Оказывается, движение электрона в магнитном поле происходит по закону, выражаемому следующим уравнением:

$$\frac{d}{dt}\left(m\mathbf{v}+\frac{e}{c}\mathbf{A}\right)=\text{grad}\left(e\frac{\mathbf{v}}{c}.\mathbf{A}-e\varphi\right) \qquad (12)$$

где m и $\mathbf{v}$ — масса и скорость электрона, e—его заряд, $\mathbf{A}$—векторный потенциал, φ—электрический потенциал. Стоящее под знаком градиента выражение Я. И. Френкель называет «взаимной потенциальной энергией» (с обратным знаком). Приводимое далее релятивистское уравнение является простым обобщением уравнения (12) [1].

Таким образом указываемые И. Е. Таммом сложные случаи великолепно выражаются уравнениями, в которых главную роль играет энергия, эта мера движения материи. Нужно только энергию понимать не в узко механическом смысле, помня, что закон сохранения энергии принадлежит не только механике.

И. Е. Тамм оказался не в состоянии избавиться от тех видов путаницы, которыми страдают столь многие буржуазные ученые. Он оказался не в состоянии свести концов с концами. С одной стороны, он отлично сознает, что старую, ньютоновскую механику нельзя воспроизводить буквально, на деле он, «согласно современным научным воззрениям», силу делает «лишь вспомогательным понятием» (применение потенциальной функции, обобщенной силы, вариационного принципа). С другой же стороны, он не может позволить себе (и другим также) преступить черты старых, ньютоновых догм и традиций, которые только мешают механике развиваться дальше.

Но у И. Е. Тамма есть еще «убийственный» аргумент. Он говорит, что источник моих мнимых ошибок «лежит в стремлении во что бы то ни стало вывести механику из понятия энергии, т. е. как раз в том стремлении, которое характеризовало школу энергетиков конца XIX в. (Оствальд и др.)». Если бы я действительно стремился вывести всю механику из «понятия энергии» или если бы я повторял зады указанных «энергетиков», то это было бы двойным преступлением против материализма. Но на деле у меня нет ни того, ни другого.

Строят науку на том или ином понятии только идеалисты, и в этом отношении заслуживает осуждения даже стремление Даламбера вывести всю механику из понятия движения. Наука вырастает из практики, она должна отражать об'ективную действительность, ее понятия должны отображать действительные вещи, отношения и процессы. При этом связь понятий между собой, их развитие одного из другого (их иерархия, как сказал бы Энгельс) должны отображать реальные связи и отношения об'екта. И именно поэтому силу нельзя ставить во главе механических понятий.

Материалисты должны «выводить» механику из реальной действительности, а не из априорных постулатов и аксиом. Аксиомы, говорил Энгельс, разумеется недоказуемы, но они недоказуемы только математическими умозаключениями: они доказуемы диалектически, т. е. из опосредованной практики [2]. От этой печки и должна танцовать механика.

С этой точки зрения изложение механики должно начаться с анализа простейших механических явлений (не забудем, что построение динамики Галилеем было связано с изучением падения,—изучением, в котором эксперимент играл крупнейшую роль). В анализе уже этих простых явлений мы придем к ряду понятий (пройденный путь, скорость, масса, мера движения, «количество движения», кинетическая энергия, связь механического движения с другими формами движения и неуничтожаемость движения, закон сохранения энергии, потенциальная энергия, работа, сила и т. д.). Это может быть математически мыслящему И. Е. Тамму покажется «бессодержательным мно-

[1] J. Frenkel, Lehrbuch der Elektrodynamik, B. I, 1926, S. 329.
[2] Энгельс, Диалектика природы, стр. 8, 1929 г.

гословием», «мелочами и тривиальностями», но с нашей точки зрения возможно только такое обоснование науки.

Придя таким образом к основным теоретическим положениям, мы развертываем далее теоретический анализ, то и дело сопоставляя его с данными практики, проверяя тем самым и наш анализ и те или иные гипотезы, без которых не обходится ни одна наука.

Переходя к вопросу о понятиях энергии и силы, я считаю, что с материалистической точки зрения, вполне согласующейся с современной наукой, энергия является более первоначальным понятием, чем сила, и думаю, что я это выше доказал.

Кто считает это той идеалистической энергетикой, с которой выступили некоторые махисты в конце XIX в., тот поистине ничего не понимает по сути вопроса. В чем суть энергетики Оствальда и др.? В. И. Ленин видел идеализм энергетиков в «попытке мыслить движение без материи» [1]). Энергетики-махисты признавали единственной реальностью энергию, не признавая реальности материи, реальности атомов, массы и т. д. Известный К. Пирсон в «Грамматике науки» писал: «Вопрос о том, что движется и почему оно движется, является праздным».

Идеализм махистов-энергетиков состоял не в том, что они закон сохранения и превращения энергии ставили выше законов Ньютона, а в том, что они не признавали носителя энергии, носителя движения — материю. И Ленин спрашивал этих «энергетиков»: «Происходит ли превращение энергии вне моего сознания, независимо от человека и человечества, или это только идеи, символы, условные знаки и т. п.? На этом вопросе и сломала себе шею «энергетическая» философия, эта попытка «новой» терминологией замазать старые гносеологические вопросы» [2]).

От имени старой, в основном материалистической, физики махистам отвечал Больцман. И он отлично понимал, о чем идет спор. Об энергетиках он писал: «Так как они (некоторые исследователи.—*В. Е.)* пришли к выводу, что собственно существующим является лишь энергия, то они и получили название энергетиков» [3]).

Правда, вначале он выступал против энергетиков и со стороны философской и со стороны формально-математической. В статье «Математика об энергетике» он писал не только против признания единственной реальностью энергии, но против выводов из уравнения живых сил законов движения. Приведенный нами выше материал делает формально-математические доводы Больцмана несущественными, тем более, что он сам с некоторыми оговорками считает эти математические выводы вполне безупречными (einwurfsrei [4]).

Во второй статье «К энергетике», написанной позже, он уже выступает исключительно в защиту атомистики и не возражает против получения уравнений движения из закона энергии. Он говорит: «Господа Планк и Гельм показали, что обыкновенные уравнения движения для системы материальных точек можно получить из принципа энергии, если принять, что этот принцип верен для каждой из этих точек в любом координатном направлении или, по г. Гельму, вообще для каждого произвольного направления в отдельности. Более того, г. Гельм получает уже уравнения Лагранжа и отсюда всю остальную механику... Это заключает в себе предпосылку, что тела суть системы материальных точек. Но эта предпосылка переносит нас очевидно на почву старой атомистики» [4]). Далее Больцман сосредотачивает свое внимание на

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 224.
[2]) Там же, стр. 222.
[3]) L. Boltzmann, Populäre Schriften, 1925, S. 105.
[4]) L. c., S. 109—110.

защите атомистики, молекулярной теории. «Я не могу,—говорит он,—в настоящее время представить себе, как может быть построена механика из того допущения, что живая сила движения является первоначальной данностью, а то, что движется,—только выведенным из нее понятием» (стр. 138. Разрядка моя).

Выводить материю из энергии, отрывать энергию от материи, от тел—это был бы идеализм. Энергия есть свойство материи, она не есть нечто первичное само по себе. Но отсюда далеко не следует, что энергия есть вторичное понятие по отношению к силе: наоборот, материализм, признающий материю первичной об'ективной реальностью, материализм, признающий движение самым основным свойством материи, этот материализм не может примириться с приматом силы в механическом движении. Сама энергия является лишь мерой движения и является понятием вторичным по отношению к нему. Сила же является понятием гораздо более абстрактным, более вспомогательным: она является лишь проявлением энергии.

Таким образом методологическая аргументация И. Е. Тамма оказывается совершенно несостоятельной.

Перехожу к последнему замечанию И. Е. Тамма—об электрическом потенциале. И. Е. Тамм пишет: «Позиция т. Егоршина последовательностью не отличается. Требуя, чтобы сила определялась через работу, он в отношении электрического потенциала, где такого рода определение действительно является единственно целесообразным, придерживается как раз обратной точки зрения». Я могу уверить И. Е. Тамма, что и на этот раз моя позиция отличается последовательностью, но эта последовательность не продумана моим уважаемым оппонентом. По отношению к механике я силу считал и считаю понятием более абстрактным, более вторичным, чем энергия, чем работа. Роль потенциальной функции, связанной определенным образом с энергией, обрисована мною выше достаточно полно. Но отсюда никак не следует, что электрический потенциал можно отождествить с механическим потенциалом: это—понятия разные, и сущность электрического потенциала далеко не сводится к тому, что он есть работа. В гидродинамике потенциал скоростей имеет также особую природу, хотя математически он и имеет много общего с потенциалом тяготения или электрического поля. Где же здесь у меня непоследовательность? И у кого же здесь имеется путаница?

В своей статье, разбираемой И. Е. Таммом, я требовал от физиков найти такое определение электрического потенциала, которое отразило бы всю его природу (в основном электрическую, а не механическую природу, хотя в числе его свойств есть и механические). Такого определения в современной физике мы не находим, и, к сожалению, приходится отметить, что И. Е. Тамм повидимому не видит даже в нем необходимости.

В своем учебнике по теории электричества И. Е. Тамм за определение потенциала выдает формальное указание, как вычислять потенциал [1]). Такого рода «определением» как раз и не может удовольствоваться физик-материалист. В моей статье, критикуемой теперь И. Е. Таммом, была сделана попытка наметить подход к возможному физическому, а не математическому определению потенциала. При этом я не давал определения (это дело будущего уточнения), а я лишь рассказывал о наиболее существенных физических свойствах и проявлениях электрического потенциала.

Познакомившись с критикой И. Е. Тамма, я могу констатировать, что он не указал ни одной фактической ошибки в моих рассуждениях, носивших, правда, сжатый характер. Разберем указания И. Е. Тамма по порядку.

---

[2]) И. Е. Тамм. Основы теории электричества, т. I, вып. первый, стр. 43, 1932 г.

Я ставил вопрос, от чего зависит собственная электрическая энергия заряженного тела, положим проводника? От величины заряда прежде всего, но не только от него. Если бы электрическая энергия зависела от одной величины заряда, то это было бы равносильно тому, как если бы, скажем, кинетическая энергия движущегося тела вполне определялась массой тела. Масса тела постоянна (при малых скоростях), а энергия может быть различной, в зависимости от скорости движения. Если энергия есть мера движения вообще, то скорость является показателем «действенности» данной массы.

Данный заряд тоже может обладать самой различной собственной электрической энергией. Какие же факторы влияют на степень его действенности? Опыт показывает, писал я, что «достаточно например поднести к заряженному телу другое тело, как энергия первого тела уменьшится. Наконец, изменение величины или формы заряженного тела—без изменения величины заряда—влечет за собой изменение величины электрической энергии тела» [1]).

Что может здесь возразить И. Е. Тамм? Ничего. И в его учебнике приводится формула электрической энергии шара (изолированного проводника), обладающего данным зарядом e. Она, оказывается, обратно пропорциональна радиусу шара (стр. 93).

О влиянии всех остальных факторов (о влиянии других тел) на величину энергии И. Е. Тамм также указывает, но только косвенно, в чем мы убедимся дальше.

Физика должна была бы сказать, почему именно собственная энергия проводника A уменьшается от приближения к нему другого проводника B, но физика нам на этот вопрос ничего не может дать кроме феноменологического описания. Именно—она говорит, что энергия заряда определяется кроме величины самого заряда еще его потенциалом и равна

$$W = {}^1/_2\ e\varphi, \qquad (13)$$

запрятывая в функцию φ всю неясность физической сущности явления. Электрический потенциал φ является феноменологической величиной, понятием необходимым и конечно отражающим об'ективные отношения, но отражающим их не лучше, чем например понятия температуры, коэфициента упругости, трения и т. п. отражают молекулярно-кинетические процессы, им соответствующие. Может ли против этого что-нибудь возразить И. Е. Тамм, если он не хочет удовлетвориться формально-математическим описанием явлений? И имел ли И. Е. Тамм достаточно оснований к тому, чтобы утверждать, что «физика дала исчерпывающую картину всех упомянутых факторов на потенциал уже очень давно, и никаких загадок с этим кругом вопросов не связано»? В современной физической литературе мы вряд ли найдем даже постановку вопросов о физической природе (о том, что старые механисты называли «механизмом») изменения потенциала и емкости под влиянием всех возможных факторов. Если И. Е. Тамм в сноске оговаривает, что в теории потенциала имеются лишь математические трудности, то повидимому ему не ясно, что здесь физика далеко отстала от математики.

Конечно мы нисколько не против и феноменологического описания электрических, тепловых, химических и пр. сложных явлений. Но не нужно поворачивать науку спиной к проблемам и более глубокого изучения тех же явлений. А высказывания, подобные тем, которые мы видим у И. Е. Тамма, разумеется нисколько не способствуют привлечению внимания к этим проблемам. К неудовольствию может быть моего уважаемого оппонента я замечу, что без обстоятельного изучения физической природы эфира

[1]) «За марксистско-ленинское естествознание» № 1, стр. 57, 1932 г.

как вида материи физика не продвинется далеко вперед от феноменологии. Надо суметь при этом подойти к эфиру не механистически, но и не идеалистически.

И. Е. Тамму не понравилось мое утверждение, что «потенциал отображает, так сказать, степень действенности данного заряда в зависимости от конкретных условий как самого тела, так и всей внешней обстановки». Это он находит «бессодержательным», «никчемным», «общей фразой». За определение потенциала я этого не выдавал (на каком, спрашивается, основании И. Е. Тамм критикует эту фразу как «определение»?), но эта фраза поможет уяснить физический смысл формулы (13), чего не хочет повидимому делать И. Е. Тамм. Но тот же смысл можно уяснить и из учебника И. Е. Тамма, но лишь, правда, путем косвенных умозаключений.

В самом деле, из формулы (13) можно непосредственно прочесть, что при данном заряде энергия пропорциональна потенциалу. От чего же ф и з и ч е с к и зависит потенциал (а следовательно и энергия при данном заряде)? Об этом мы находим ответ у проф. И. Е. Тамма в его учебнике: «Если проводник не уединен, то потенциал, приобретаемый им при сообщении ему определенного заряда, существенно зависит от формы и расположения других проводников» [1]). Но я в только что приведенной цитате только это и говорю!

Разве это положение бессодержательно, никчемно, разве оно не поможет инженеру в понимании ф и з и ч е с к о й сущности конденсатора и пр.? Р а с с ч и т а т ь и решить ч и с л е н н у ю задачу электротехник из одного этого не сможет,—для этого ему нужно дополнительно сообщить, как в ы ч и с л я т ь потенциал. Но указание с п о с о б а в ы ч и с л е н и я не есть о п р е д е л е н и е ф и з и ч е с к о г о п о н я т и я: в лучшем случае это только одна из сторон этого определения. А Энгельс нас учил не ограничиваться вычислениями, он рекомендовал нам еще и мыслить о к о н к р е т н о с т и.

«Если проводник не уединен, то потенциал, приобретаемый им при сообщении ему определенного заряда, существенно зависит от формы и расположения других проводников». Так говорит проф. И. Е. Тамм в своем учебнике. Проф. О. Д. Хвольсон в своем «Курсе физики», разбирая конкретный пример, пишет: «Потенциал тела *A* уменьшился вследствие присутствия тела *B*» [2]).

Если уменьшился потенциал тела *A*, значит уменьшилась и его собственная энергия. Поэтому я мог написать, что взаимодействие зарядов приводит к уменьшению действенности каждого из них. А мой оппонент, не разобрав, в чем дело, об'явил и это мое положение неверным, ибо, дескать, «внешние поля зарядов складываются аддитивно без искажения». Именно не о полях шла у меня речь, а о собственных потенциалах и о собственных энергиях зарядов.

* * *

Мы пришли к концу. Мы разобрали все без исключения «пункты» И. Е. Тамма и выяснили степень их справедливости. Непомерная резкость и необоснованная придирчивость с трудом находят себе об'яснение. Мои работы были взяты почему-то под о с о б о е «наблюдение». Специально установленный микроскоп И. Е. Тамма дал ему такое сильное «увеличение», что кое-где муха превратилась в слона, появились «цитаты» из неправленной стенограммы, и двухчасовой доклад мой на конференции по механике превратился в четырехчасовой (!).

Когда И. Е. Тамм в конце своей статьи стремится «примирить» физиков-специалистов с марксизмом, который-де не ответственен за тех его пред-

[1]) И. Е. Тамм, Основы теории электричества, т. I, вып. первый, стр. 49.
[2]) О. Д. Хвольсон, Курс физики, т. IV, стр. 88., 1923 г.

ставителей, которых сам И. Е. Тамм так жестоко и так комично раскритиковал, то, как нам кажется, советские специалисты вправе обидеться за ту амнистию, которую им дает И. Е. Тамм. Не подлежит сомнению, что большая масса советских специалистов иначе относится к марксизму и иначе оценивает его роль, чем наш уважаемый критик (если, заметим, судить по его настоящей статье). Напрасно И. Е. Тамм приписывает всей массе специалистов свои собственные настроения и сам же их извиняет! Колеса истории не повернуть и И. Е. Тамму. Советские специалисты стоят гораздо ближе к марксизму, чем он думает.

Вернемся к вопросу об отсталости марксизма в отношении естествознания, с чего мы вслед за И. Е. Таммом начали нашу статью. Эта отсталость есть факт. У нас еще очень мало проделано работы по подлинному, глубокому раз'яснению ученым специалистам основ материалистической диалектики и образцов ее применения нашими учителями. Здесь мы отстали и продолжаем отставать. И нельзя найти лучшего показателя нашей отсталости на этом фронте, чем разбираемая нами статья И. Е. Тамма. Такую путанную «критику» приходится встречать на шестнадцатом году революции! И. Е. Тамм так далек от понимания некоторых азбучных истин материализма! Мы несомненно виноваты в этом не меньше, чем он.

Однако наряду с этим необходимо отметить, что его статья может служить и показателем наших успехов. В самом деле, И. Е. Тамм не выступал до сих пор по вопросу о работах марксистов,—теперь он выступил. До сих пор мы не слышали его выступлений потому, что наши статьи, наши дискуссии касались одних общих вопросов. Он предоставлял марксистам спорить между собой о качестве, о количестве, его мало трогал спор о гегельянском или кантианском характере философии меньшевиствующего идеализма и т. д. и т. п. Но он выступил, когда в наших работах стали освещаться кардинальные вопросы физики, конкретные проблемы науки. Разве это—не показатель наших успехов, нашего роста? Мы, следуя указаниям партии, должны еще глубже входить в «тайны» буржуазной науки, мы должны в совершенстве овладеть всем ее аппаратом, чтобы критиковать и перерабатывать ее теоретические основы, чтобы поднять ее до уровня строящегося социалистического общества. Не надо обольщаться и надеяться на то, что это будет проходить у нас безболезненно: у нас происходит классовая борьба, уходящий со сцены класс оказывает бешеное сопротивление, и найдется еще немало людей, играющих роль рупора этого умирающего класса,— людей, которые будут говорить, что они «за» марксизм, но они против марксистской переделки науки; что они не против и переделки науки, но они против конкретных форм ее проведения; что они хотят помочь марксизму, но что они лишь указывают такие-то и такие-то якобы «фактические ошибки», сделанные такими-то товарищами.

Все это возможно, все это еще будет впереди, к этому мы должны быть готовы.

Энгельс писал, что «традиция является силой не только в католической церкви, но и в естествознании». Марксизм перестал бы быть марксизмом, если бы он, исполняя желание И. Е. Тамма, стремился во что бы то ни стало остаться в согласии с современной буржуазной наукой, со всеми ее традициями. Мы будем на основе овладения всем материалом буржуазной науки продолжать дело Маркса—Энгельса—Ленина по перестройке науки, по ликвидации царящей в ней тут и там теоретической путаницы и бессвязности, опираясь при этом на лучшие элементы, имеющиеся в настоящем и в прошлом науки. Мы будем бороться с упрощенством и с упрощенцами, с формальным диалектизаторством, будем бороться с фактическими ошибками, которых в таком большом деле нелегко будет вероятно избежать. И мы всячески будем приветствовать помощь и участие в этой работе со стороны

всех специалистов, будем рады их жесткой критике, но мы не можем отказаться от своей оценки формы этого участия и формы этой критики. Мы за самокритику. Но мы будем весьма бдительны к враждебным выступлениям «критического» характера, откуда бы они ни исходили, и к примиренчеству к ним.

Рассказывают, что арабский завоеватель древней Александрии калиф Омар на вопрос подчиненных, как он относится к той высокой культуре, какую он нашел в завоеванной земле, распорядился уничтожить все книги. Он сказал: «Если в этих книгах говорится то, что есть в коране, то они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, то они вредны. Поэтому и в том и в другом случае их надо сжечь».

Я не советую И. Е. Тамму относиться к марксизму и к буржуазной науке так, как Омар относился и к науке и к корану, хотя с точки зрения буржуазной идеологии марксизм, собственно говоря, скорее вреден, чем бесполезен.

Мы не боимся приносить вред буржуазной идеологии, так как Ленин нас учил быть партийными в теории, уметь усваивать и перерабатывать ценные завоевания буржуазной науки «и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» (т. XIII, стр. 280. Разрядка Ленина).

И в этом нам помогут массы советских ученых. К этому же мы осмелимся призвать и И. Е. Тамма.

От редакции

Статьи проф. И. Е. Тамма и т. Егоршина ставят на обсуждение вопросы большой практической и теоретической важности — о путях овладения большевиками естествознанием и о преодолении кризиса, в состоянии которого находится буржуазная наука.

Успехи строительства социализма, достигнутые СССР под руководством ВКП(б) и ее вождя т. Сталина, вызвали рост пролетарских кадров и в области науки. Еще сравнительно малочисленные в области теоретического естествознания эти кадры и здесь являются застрельщиками перестройки старой и творцами новой науки.

Бурные темпы перестройки всего хозяйства сказались и в области науки. Сказываются в этой области и те трудности роста, которые приходится преодолевать пролетариату на своем пути. Однако ни характер этих трудностей, ни пути их преодоления не могут быть определены без понимания победоносного характера наступления пролетариата на всех фронтах.

В области науки успехи социалистического строительства выражаются в росте научно-исследовательских и учебных учреждений, их кадров, в первую очередь пролетарских кадров, в росте изобретательства, в решении наукой задач, поставленных перед ней социалистическим строительством, в разгроме идеализма и поповщины, в успехах пропаганды диалектического материализма среди специалистов и т. д.

Этот бурный рост науки сопровождался и частью сопровождается еще и сейчас рядом отрицательных явлений: рецидивами идеалистических выступлений, наличием враждебных диалектическому материализму настроений среди отдельных групп научных работников, ревизионистскими течениями механистов и меньшевиствующих идеалистов, упрощенчеством и вульгаризаторством со стороны желающих быть марксистами, но по существу не являющихся ими, отрывом теории от практики и т. д. Статья т. Стецкого, подчеркивая положительные успехи марксистской теории, своевременно ударила по вульгаризаторству и упрощенчеству.

В настоящее время основные кадры марксистов-естественников, следуя указанию т. Сталина об овладении большевиками наукой и техникой, упорно борются за выполнение этого указания по линии специальных дисциплин. Все это требует поднятия марксистской теоретической работы в области философии и естествознания на большую высоту.

Одним из верных и испытанных путей для обеспечения продвижения вперед и на теоретическом фронте является развертывание самокритики и вскрытие отрицательных явлений, имевших место на предыдущем этапе работы. Статья т. Стецкого явилась серьезным шагом на этом пути.

Статья проф И. Е. Тамма вскрывает наличие действительных ошибок, допущенных рядом товарищей-естественников и философов, в том числе частично и т. Егоршиным. В этом положительное значение статьи проф. И. Е. Тамма. Однако, критикуя ошибки, он не видит положительной стороны работы естественников и философов-марксистов, проделанной до сих пор.

Проф. И. Е. Тамм утверждает: «Не будучи в состоянии понять и охватить современное положение физики и смежных дисциплин, разобраться в сущности стоящих перед нами проблем и сущности вызываемых ими разногласий и отделить здоровые ростки от плевел, большинство философов, «работающих» в области этих дисциплин, пошло по пути наименьшего сопротивления и выбрало наиболее легкую позицию огульного отрицания ряда крупнейших достижений современной теоретической физики». Такая оценка работы «большинства» философов, притом ничем не подкрепленная, не соответствует действительному положению дела и оценке положения на теоретическом фронте, данной партией. «Огульное отрицание» крупнейших достижений современного естествознания имело место не со стороны философов вообще («большинства», по терминологии проф. Тамма), а со стороны по существу антимарксистского философского течения—механистического материализма, представленного среди естествоиспытателей т. А. К. Тимирязевым, Перовым и некоторыми другими, и со стороны «левацких» загибщиков и упрощенцев. Вскрываемые проф. Таммом ошибки на теоретическом фронте не характеризуют общего положения, а являются лишь сопутствующим явлением, которое может быть устранено и будет устранено.

Не видит проф. Тамм также и того, что идеалистические выводы, делаемые многими руководящими современными физиками из новейших открытий, не являются чем-то «второстепенным», а вырастают в связи и на основе новейших открытий, закрепляются затем классовыми интересами буржуазии и оказывают на последние определенное отрицательное влияние, обуславливая кризис современной буржуазной физики. Не видит проф. Тамм и того, что борьба с механистическими теориями в современной физике ведется рядом руководящих физиков под флагом махистских, неокантианских и прочих более или менее замаскированных идеалистических философских течений и находится в противоречии с материалистическими основами естествознания вообще и новейших открытий в частности. Поэтому проф. Тамм не признает положительной работы философов в борьбе с идеализмом и сам не заостряет своего внимания для борьбы с ним. Таким образом независимо от того, каковы бы ни были благие намерения проф. Тамма, его статья своей односторонностью льет воду на мельницу идеализма и тех «специалистов», которые, не решаясь открыто выступить против перестройки науки, прикрываются опасениями, как бы не вышло упрощенчества, и рекомендуют отложить это дело на далекие будущие времена.

Тов. Егоршин в основном правильно подметил в своей статье эти главные недочеты статьи и всей позиции проф. И. Е. Тамма. Проф. И. Е. Тамм наряду с явно ошибочными высказываниями (так например его утверждение о существовании эфира, в котором нет движения, и др.) приводит два действительно неправильных положения из статей т. Егоршина. Первое положение утверждает (в противоречии с другими высказываниями самого т. Егоршина): «Понятие силы не отражает никакой реальной силы, а является лишь формальным математическим средством описывать неизвестный нам пока способ передачи движения». Второе: «Законы Ньютона нельзя починить, а их надо заменить». Оба эти положения неправильны. Первое ведет вообще к отрицанию понятия силы; второе же дает повод к «левацкому» и прожектерскому огульному отрицанию механики Ньютона. Даже при наличии другой более правильно отражающей действительность механики, чем механика Ньютона, законы Ньютона не теряют своего значения. Оба отмеченные положения нашли как раз свое отражение в программах средней школы, принесли ощутительный вред и осуждены постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», где ясно сказано: «Наличие принципиальных ошибок в ряде программ и упрощенческо-вульгаризаторский подход некоторых составителей программ к

своей задаче (отсутствие понятия об ускорении, понятие о силе и законах Ньютона в курсе физики)»; и далее: «В программах по физике ввести отсутствующие элементы статики, понятие о силе, о законах Ньютона».

При всех этих недочетах статья т. Егоршина является несомненным шагом вперед по сравнению с тем, что он писал ранее, и пытается конкретно рассмотреть некоторые проблемы теоретической механики.

Считая одной из основных задач журнала содействие перестройке науки на основе диалектического материализма и борьбу с идеализмом, метафизикой и вообще теоретическим разбродом в буржуазном естествознании, редакция журнала «Под знаменем марксизма» призывает как коллективы, так и отдельных научных работников к участию в журнале путем присылки статей на конкретные темы, касающиеся основных проблем естествознания и его приложений (теоретическая механика, учение о строении материи, учение о строении вселенной, проблемы биологии и т. д.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Великая годовщина и французские социал-фашисты

Э. Остерман

К 50-летней годовщине со дня смерти К. Маркса французская социал-фашистская партия выпустила ряд статей в журналах, газетах и т. д.

Прошло уже то время, когда критика и ревизия Маркса были признаком хорошего тона у социалистов, когда «Коммунистический манифест» и «Капитал» об'являлись такими же устарелыми, как какой-нибудь учебник физики прошлого столетия. По мере того как растет и ширится мировой кризис, Франция, которая до конца 1930 г. считала себя благополучным оазисом среди бушующего океана крахов, нищеты и безработицы, захватывается этим кризисом с невиданной силой и как бы стремится в этом смысле «догнать и перегнать» остальные капиталистические страны. Ужасающий рост безработицы, полной и особенно частичной, беспримерное обнищание масс и все усиливающееся при благосклонном участии социал-фашистов наступление капитала на все условия труда с каждым днем открывают рабочим массам глаза на истинную природу социал-фашистских вождей. С каждым днем растет революционный под'ем в массах, все больше захватывают их идеи революционного марксизма. В связи с этим социал-фашисты считают необходимым обновить заброшенную ими за последнее время революционную фразеологию, чтобы лучше замаскировать свою контрреволюционную тактику. Целый хор разноголосых «марксистов» всех мастей подхватил давно забытые ими марксистские формулы, искажая и перевирая их до неузнаваемости, выхолащивая из них все революционное содержание.

Гвоздем юбилейного номера органа французской социалистической партии «La vie socialiste» является статья Каутского «Карл Маркс», специально написанная им для этого журнала, как это отмечает с гордостью редакция. С видом истинного марксиста, никогда якобы ни на шаг не отступавшего от Маркса, Каутский восторженно восхваляет не только мощного мыслителя, но главным образом беззаветного борца-революционера, организатора I интернационала и всего рабочего движения и с твердолобым бесстыдством выставляет руководимые им II интернационал и германскую социал-демократию как истинных, прямых продолжателей марксова учения. Особенно лицемерно подчеркивает он, что «германская социал-демократия, которая до войны развивалась быстрее всех других партий II интернационала, никогда не претендовала на роль гегемона рабочего движения, ибо это противно духу II интернационала, чтобы какая-нибудь из его партий присваивала себе в нем руководящую роль, подобно тому, как русские коммунисты управляют (régentent) III интернационалом» (разрядка моя.—Э. О.). Дальше идет восторженное самовосхваление, апология германской социал-демократии, начиная с ее основания, с об'единения эйзенахцев с лассальян-

цами в 1875 г. «Эта партия,—пишет он дальше,—наша партия стоит твердо и непоколебимо, невзирая на антисоциалистическое законодательство, невзирая на катастрофы, причиненные войной и условиями мира».

Нужно действительно обладать медным лбом, чтобы квалифицировать как непоколебимость этот позорный крах II интернационала и германской социал-демократии, с такой страстностью разоблаченной Лениным в начале империалистической войны, это почти 20-летнее скатывание со ступеньки на ступеньку по пути беспримерного предательства интересов рабочего класса, подлого убийства его лучших вождей, фашизации рабочих организаций. Докатившись до фашистской диктатуры, до зверского разгула гитлеровских молодчиков, пришедших к власти по милости ее «непоколебимости» (в предательстве), социал-демократия изрекает евангельские истины о том, что «отчаявшиеся и звери (brutes) глухи к голосу разума и следовательно к голосу марксизма», что «грубая сила, которая не дает социальной и экономической науке управлять собой, не в состоянии строить, она умеет только разрушать» [1]). Что в таких условиях может сделать германская социал-демократия? Скрестив руки, она спешит приспособиться к фашистскому террору, снова предавая рабочие массы.

Заключительный аккорд этой статьи беспримерен по своей наглости: «Среди этого хаоса, — вещает пророчески Каутский, — социал-демократия утвердится, как непоколебимый гранит, если она останется верна себе, т. е. верна принципам марксизма (разрядка моя.—Э. О.), на которых она построена. Она победит, и с ее победой начнется новая эра марксизма».

Кроме статьи Каутского «La vie socialiste» приводит с явно полемической целью два отрывка из Маркса, по ее мнению малоизвестных, но тем не менее замечательных, в которых «Маркс выявляет (laisse percer) то, что открыл в нем Жорес, а именно—чувства эволюции более гуманной, чем та, которую проповедуют его усердствующие приверженцы (zêloteurs)».

Эти «малоизвестные» (редакции «La vie socialiste»?!—Э. О.) выдержки представляют в первую очередь отрывок из «Классовой борьбы во Франции», опубликованной в 1850 г., в котором Маркс характеризует «так называемую партию социальной демократии, партию красной республики» [2]). Маркс здесь с удивительной остротой и ясностью вскрывает то многообразие различнейших социальных прослоек, которые группировались вокруг этой партии и возлагали на нее надежды в осуществлении своих самых разнообразных интересов,—и все это под общим лозунгом «социализма».

«Отмена покровительственных пошлин—социализм! Потому что она покушается на монополию промышленной фракции партии порядка. Приведение в порядок государственного хозяйства—социализм! Потому что оно затрагивает монополию финансовой фракции партии порядка. Свободный ввоз заграничного хлеба и мяса—социализм! Потому что он нарушает монополию третьей фракции партии порядка — крупного земледелия. Требования фритредеров — передовой части английской буржуазии — во Франции оказываются социализмом. Вольтерьянство — социализм! Потому что оно нападает на четвертую фракцию партии порядка — католическую фракцию. Свобода печати, свобода союзов, всеобщее народное образование—социализм, социализм! Ведь все это—покушения на общую монополию партии порядка»!

«Ход революции быстро приводил к тому, что друзья реформы всех оттенков самые скромные требования средних классов принуждены были группировать вокруг знамени самой крайней партии переворота, вокруг красного знамени» [3]).

---

[1]) «La vie socialiste» от 11/III 1933 г.
[2]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 79—80.
[3]) Там же, стр. 80.

Каковъ отношение Маркса к «социализму» этой партии, к этому конгломерату самых различных буржуазных и мелкобуржуазных интересов, ярче всего видно из его дальнейшей блестящей характеристики «буржуазного» и «мелкобуржуазного социализма». Под первую категорию он подводит «социализм газет National, Presse, Siècle, который более или менее последовательно стремится свергнуть господство финансовой аристократии и освободить промышленность и торговлю от старых пут»[1]). Он этого буржуазного социализма, который, как и всякая другая разновидность социализма, привлекает известную часть рабочих и мелких буржуа, Маркс отличает мелкобуржуазный социализм, стонущий под игом крупного капитала и требующий поэтому мер, задерживающих его развитие. Маркс дает непревзойденную характеристику этого эклектического «доктринерского социализма, который был теоретическим выражением пролетариата лишь до тех пор, пока пролетариат не дорос до своего собственного свободного исторического движения».

И вот эти-то непревзойденные строки приводятся «La vie socialiste» с целью показать, что Маркс видел в этой пестрой «коалиции разных интересов» (Маркс) настоящий социализм, ибо такого рода сочетание буржуазного и мелкобуржуазного социализма больше всего подходит к «социалистической» теории и практике этих лакеев буржуазии.

Отношение Маркса к этому социализму особенно ясно из дальнейшего противопоставления его настоящему «революционному социализму».

«И вот, в то время, как этот социализм переходит от пролетариата к мелкой буржуазии, в то время, как борьба между различными социалистическими вождями обнаруживает, что каждая из так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другим,— пролетариат все более группируется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки. Этот социализм и есть не что иное, как перманентная революция, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений»[2]).

Это место является центром тяжести приведенных выдержек. В немногих словах здесь гениально заострена сущность марксизма, его учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, учение, претворенное в жизнь на одной шестой земного шара и являющееся путеводным маяком для мирового пролетариата. Но редакция «V. S.» считает его чуть ли не какой-то оговоркой.

«Правда, Маркс делает некоторое формальное (?! — **Э. О.**) противопоставление между социал-демократией и коммунизмом, но он ясно дает понять, что именно в ее рамках пролетариат может быть возбудителем революционного движения».

Интересно, что весь этот отрывок из «Классовой борьбы во Франции», ставший под пером Ленина и Сталина достоянием многомиллионных пролетарских масс, преподносится редакцией «V. S.» как какая-то библиографическая редкость, открытием которой обязаны любезности Альфреда Коста, предоставившего редакции корректуру этого сочинения. Конечно редакции «V. S.» никакого дела нет до того, что в СССР издается полное собрание сочинений Маркса и Энгельса.

Второй, тоже «малоизвестный» отрывок, приведенный под красноречивым заголовком «Революционная эволюция», представляет то место из «Гражданской войны во Франции», где Маркс, описывая отношение рабочих к коммуне, говорит:

«Рабочий класс не требует чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять

---

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 80.
[2]) Там же, стр. 81—82.

посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах разрушающегося буржуазного общества.

Вполне сознавая свое историческое призвание, полный геройской решимости стоять на высоте этого призвания, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают свои лживые общие места и преподносят свои высиженные рецепты»[1]).

Весь курьез приведения этой цитаты заключается в том, что, подобно мартышке из басни Крылова, редакция «V. S.» не узнает себя и своих друзей в этом ярком образе буржуазных доктринеров и «украдкою кивает на Петра», на «якобы (prètendus) чистых марксистов». В то же время слова Маркса об элементах нового общества, «развившихся в недрах старого», истолковываются ими как любезный их сердцу мирный переход от капитализма к социализму.

«Мы подчеркиваем, что Маркс не отрицает революционной ценности эволюции»—торжествующе ломится в открытые двери редакция «V. S.». Революционный марксизм никогда не отрицал роли эволюции в историческом процессе. Но в противоположность чистым эволюционистам всех мастей он везде и всегда подчеркивал решающую роль революции в истории общественного развития. Ведь это же азбука марксизма.

И в других социал-фашистских органах мы находим то же усердное воспевание Маркса фальшивой разноголосицей и немилосердное искажение сути марксова учения в тщетных потугах вывести свою родословную от Маркса, утвердить свои права наследников и продолжателей его. Орган французской компартии «Cahiers du bolchevisme» резко разоблачает идеологию социал-фашизма, пытающегося прикрыться марксистской фразеологией. Тов. Констан в своей статье «Французские социалисты против Маркса» («Cahiers du bolchevisme» № 6, стр. 33) ярко рисует жалкую картину полного оскудения социал-фашистской теоретической мысли. «Поль Фор,—пишет он,—заполняет столбцы «Попюлера» своими воинственными выпадами (diatribes) против капитализма и ревизионизма. Леба ведет острую полемику с «неосоциализмом» Деа, Марсо Пивер грозит капитализму диктатурой пролетариата».

Северак, которого сам Леон Блюм (не шутите!) авторитетно признает ортодоксальнейшим марксистом, выпустил книгу «Социалистическая партия, ее принципы и задачи», написанную в смешной претенциозной форме писем к некоей воображаемой Бригите и посвященную Полю Фору. Он сам дает о ней следующий «скромный» отзыв: «Я хотел бы, чтобы в этой книжке не нашли ничего нового, что не было бы верным господствующим идеям того марксистского социализма, к которому мы с тобою (обращение к Полю Фору.—**Э. О.**) оба упорно примыкаем». Желание автора вполне реализовано: ничего нового! Одни старые благоглупости реформистского «марксизма» и полное игнорирование огромных изменений, происшедших и происходящих в процессе развития капиталистической системы, игнорирование империализма как высшей загнивающей стадии капитализма, поворачивание спиной к пролетарской революции и диктатуре пролетариата, которая победила уже на одной шестой части земного шара.

«Книга Северака,—говорит т. Констан в цитированной уже нами статье,—это еще более вульгарное и полное ошибок повторение старых писаний Каутского,

[1]) К. Маркс, Гражданская война во Франции. Перевод под ред. В. Ленина, стр. 72, изд. «Красная новь», 1923 г.

о которых Ленин говорит в своих замечательных заметках о Суханове, этом русском Севераке, меньшевике, осужденном по процессу 1931 года».

Пробным камнем «марксизма» Северака и ему подобных «марксистов» является в первую очередь их отношение к вопросам пролетарской революции и диктатуры пролетариата. «Критиков» Маркса можно подразделить на две группы: одна с Монтаньоном и Моком во главе открыто и решительно порывает с революционным марксизмом, отвергая даже революционную терминологию; другая же продолжает клясться Марксом, искажая революционный марксизм до неузнаваемости, превращая его в карикатуру по своему образу и подобию, в мирную филистерскую идиллию. К этой второй группе относятся Компер-Морели, Блюмы и др. Но недалеко от них ушли вперед и Севераки, Поль Форы и др. Наиболее решительным и цинически откровенным «теоретиком» первой группы является Монтаньон, социал-фашистский депутат в палате, который в своей книжке «Величие и рабство социализма» (вышедшей в 1929 г.), еще упоенный музыкой капиталистической стабилизации, закрывая глаза и затыкая уши перед надвигающимся уже мировым кризисом, торжественно хоронил марксизм.

«Рабство социализма,— писал он,— это его отжившая доктрина, это старые, хоть и острые, но одряхлевшие (caduques) формулы, в которые его замыкают. Социалистическая доктрина уже не отвечает фактам. Тексты ее запрещают всякое настоящее действие. Слабость современного социализма в том, что его практика не вяжется больше с его теорией. Он может действовать, только отказавшись от своей теории» (стр. 10).

«Маркс все еще большой человек (в оригинале непереводимое снисходительное grand bonhomme.—Э. О.). Он оказал социализму большие услуги, но большая часть его выводов является ложными. Он обманулся в своих предвидениях» (там же).

Далее идет «опровержение» марксистской теории зарплаты: «Вопреки утверждениям Маркса — мы приходим к необходимости высокой зарплаты. Волей-неволей современный капитализм эволюционирует в этом направлении. Это — необходимость логическая, фатальная. Классовый антагонизм не только не обостряется, но наоборот, все более смягчается» (стр. 57).

И далее насчет безработицы и кризисов перепроизводства: «Насчет этого тоже не подтверждаются предвидения Маркса. Капитализм уже не заинтересован более в резервной армии безработных, ибо безработные не потребляют. А ему раньше всего нужно думать о сбыте своих продуктов... (можно подумать, что кризисы и безработица происходят от того, что капитализм заинтересован в них.— Э. О.). Современная экономика стремится изжить даже самые быстро преходящие кризисы. Производство регулируется изучением потребностей... Прежнему экономическому хаосу идет на смену новый порядок» (стр. 60 — 62).

Что осталось от этой «критики» теперь, когда не только во всем капиталистическом мире, но и в самой Франции бушует разрушительная стихия, выбрасывая на улицу миллионы безработных.

В таком же духе пророчествует Мок (Moch), другой так называемый «социалистический» депутат и не менее «гениальный» теоретик. В книге «Социализм и рационализация» он преподносит читателю такие перлы: «Теперь, в этой новой форме капитализма, не может быть вопроса ни о постоянном обнищании масс (это доказывает статистика), ни о растущем антагонизме классов (факты это доказывают), ни о промышленном кризисе недопотребления (это подтверждается опытом)» (стр. 58).

С такой «ясной» оценкой статистики фактов и опыта он подходит к детальному анализу теории кризисов. Не отрицая их возможности, он в позе беспристрастного, но осторожного исследователя предвидит их... через какую-нибудь сотню лет.

«Конечно возможно и правдоподобно, что настанет день, когда рынок будет насыщен. Но это время еще бесконечно далеко». Настолько далеко, что он впадает по этому поводу в философскую лирику: «Нам суждено знать только три или четыре звена цепи человеческих судеб и бесконечное для нас — это те поколения, которых мы не знали и которых никогда не будем знать. При нынешнем рациональном режиме так же трудно говорить о кризисах перепроизводства, как ощущать их при социалистическом режиме» (стр. 111 — 112).

До таких вопиющих абсурдов может договориться лишь человек, ничего общего не имеющий с рабочей массой и крепко связавший свои судьбы с судьбами буржуазии.

К плеяде «теоретиков» французской социалистической партии относится и профессор Марсель Деа. Его книга «Социалистические перспективы» вышла через год после книги Монтаньона, т. е. уже в самый разгар кризиса, когда оптимистические предвидения Монтаньона и Мока были опрокинуты самой жизнью. Но эти более чем убедительные факты не доходят до сознания «ученого» прихвостня буржуазии, который продолжает рисовать самые идиллические перспективы дальнейшего развития капитализма в противовес марксистско-ленинскому анализу этого развития.

«Что остается от марксистской концепции,— пишет он,— если кризисы могут быть побеждены или по крайней мере значительно смягчены картеллизованной рационализацией и если имеются шансы избежать решающий кризис»[1]).

Главный огонь «критического» обстрела направлен конечно на теорию пролетарской революции Маркса и Энгельса. Монтаньон без всяких колебаний категорически порывает с этой теорией и даже с самой революционной терминологией.

«Нужно установить,— пишет он,— действительно ли ведет развитие экономических сил к революционному преобразованию капиталистического общества в социалистическое. Мы в эту фатальную неизбежность не верим больше»[2])... «И если кто-нибудь констатирует, что не есть и не может быть революционером, то зачем употреблять так часто это название, такое неточное и опасное»[3]).

Мы отдаем должное откровенным саморазоблачениям достойного автора. Действительно, куда спокойнее для социал-фашиста представлять переход от капитализма к социализму не в виде кровопролитной революции, вооруженного восстания, баррикадных боев и т. д., а в виде некоего незаметного перехода. «Я думаю,— пишет он далее,— что мы также перейдем из капитализма в социализм медленно, без толчков, с неощутимой постепенностью (par de gradations insensibles)»[4]).

Только такой неощутимый переход и приемлем для Монтаньона, подобно Эберту, говорившего: «Я ненавижу революцию, как чуму!». Он ненавидит и презирает всякие «грубые и варварские» методы борьбы. Для него время баррикад прошло и в вечность кануло, да и немыслимы, по его мнению, никакие восстания и баррикады в наше время всесильной буржуазии, когда «нескольких митральез и блиндированных автомобилей достаточно, чтобы овладеть целым восставшим городом»[5]).

Ясно, что при таком мирном переходе незачем ломать буржуазную государственную машину, тем более, что, по торжественным заверениям соратника Монтаньона профессора Деа, буржуазное государство является вовсе не диктатурой буржуазии, а, как его изображает и достойный учитель старательного ученика сам Карл Каутский, чем-то нейтральным, надклассовым, «равновесием сил», и все старания пролетариата должны сводиться не к ломке буржуазной государственной

[1]) Marcel Déat, Perspectives socialistes, p. 110.
[2]) Montagnon, Grandeur et servitudes du socialisme, p. 65.
[3]) Там же, стр. 86.
[4]) Там же, стр. 187.
[5]) Там же, стр. 70—73.

машины, а к отделению от нее капиталистической системы, которая должна быть сведена лишь к экономическим функциям [1]).

Конечно не исключена возможность некоторых катастрофических положений в результате этих экономических функций хозяев, но, к счастью, говорит Деа, социалисты на-чеку. «Мы сделаем все, чтобы предупредить такие возможности». Что же касается государства, то «мы верим в возможность активного его использования, чтобы немедленно без всякого насилия заложить первые основы (assises) нового общества» [2]).

И если в одном месте Деа еще признает необходимость насилия в борьбе с фашизмом, то в другом месте он бьет отбой и приходит к заключению, что даже и в этой борьбе не требуется насилия, что экономическая организация Европы явится концом фашизма. Не понадобится для этого ни иностранных интервенций, ни кровавых политических революций... Фашизм будет ликвидирован или, вернее, рухнет сам собой (par une sorte d'effoudrement spontané [3]).

Таково в общих чертах отношение этой группы к марксистской теории пролетарской революции. Если мы перейдем теперь ко второй группе, которая выступает не с открытой критикой, а с фальсификацией Маркса под маской ортодоксальных марксистов, то мы увидим, что по вопросу пролетарской революции и диктатуры пролетариата она мало отличается от первой группы.

Так один из столпов этой группы, Леон Блюм, сводит пролетарскую революцию, или вернее решающий момент ее, к захвату власти, к чисто политической революции. Захват власти, как известно, у Маркса является первым этапом пролетарской революции, после которого только начинается преобразование капиталистического хозяйства в социалистическое, что блестяще подтверждено и опытом Октябрьской революции. Для Леона Блюма захват власти (причем Блюм имеет в виду конечно мирное «завоевание» власти) является окончательным, завершающим аккордом пролетарской революции, которому еще в рамках капитализма предшествует медленная, постепенная экономическая и социальная революция. Социалисты «материально подготовляют революцию, водружая в современный хаос столпы (pilotés) социального порядка». Так матерый социал-фашист пытается спасти капиталистический режим от насильственной пролетарской революции путем «использования власти» в рамках этого режима.

Знакомые, старые, избитые перепевы и вариации на тему о «хозяйственной демократии»! Однако и Леон Блюм и его ближайший единомышленник Компер-Морель уже не пугаются, подобно Монтаньону, самого слова «революция»; они, наоборот, стараются оперировать им, давая ему самое смягченное, ничего общего с революцией не имеющее толкование.

«Революция может произойти мирно, без капли пролитой крови, без единого акта насилия над людьми и предметами» — уверяет Компер-Морель в «Populaire» от 25/I 1932 г.

Ясно, что между этой, с позволения сказать, революцией и незаметным переходом из капитализма в социализм Монтаньона существенного различия нет. В угоду мелкой буржуазии и в погоне за ее голосами Компер-Морель изображает революцию в виде некоей доброй феи, которая никого из них не обидит.

В таком же безобидном виде представляет себе Леон Блюм диктатуру пролетариата. Ему она грезится не в виде «диктатуры касты или в интересах одного класса, ибо классы ведь должны исчезнуть, но в интересах всего человеческого коллектива» [4]).

Вот это уже поистине геркулесовы столпы политического шулерства. На том основании, что диктатура пролетариата является переходом к бесклассовому об-

---

[1]) Marcel Deat, Perspectives socialistes, p. 180.
[2]) Там же, стр. 167.
[3]) Там же, стр. 204.
[4]) Léon Blum, Radicalisme et socialisme, p. 21.

ществу, «марксист» Леон Блюм заранее упраздняет всякую классовую борьбу, превращает диктатуру пролетариата из оружия борьбы с буржуазией и уничтожения ее в надклассовый орган примирения интересов «всего человеческого коллектива», и это в момент наибольшего заострения классовой борьбы, без которой немыслим переход к бесклассовому обществу.

Итак, революция без всякого насилия и кровопролития, без вооруженного восстания и баррикад, диктатура пролетариата, где пролетариат выпал и заменен евангельским «человеческим коллективом»! Это уже не открытые, циничные по своей откровенности заявление Монтаньона и Мока о том, что «нет другого метода овладения властью, как дождаться парламентского большинства, и что нужно решительно отказаться от слова «революция», которое уж не отвечает настоящему положению и отпугивает и отдаляет от социализма верные, хотя и умеренные элементы». В противоположность этому Леон Блюм и Компер-Морель извиваются, как ужи, жонглируют революционной фразеологией, вкладывая в нее явно контрреволюционное содержание, и, прикрываясь марксизмом, бессовестно фальсифицируют самые основы его. Что общего, например, между их бескровной, мирной революцией и знаменитыми словами «Коммунистического манифеста» «Пролетариат основывает свое господство посредством насильственного свержения буржуазии» или «Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного (разрядка моя.—Э. О.) ниспровержения всего существующего до сих пор общественного строя, или по словам Энгельса в «Анти-Дюринге» «Сила играет в истории и другую роль, роль революционную... она является, говоря словами Маркса, «повивальной бабкой» каждый раз, когда старое общество носит в своих недрах новый порядок... орудием, которым общественное движение разбивает мертвые и окоченелые политические формы» [1]).

Что общего между этой вегетарианской «диктатурой пролетариата» в интересах всего «человеческого коллектива» и словами Маркса в письме к Бракке: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном, народном государстве есть чистая бессмыслица. пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» [2]).

Что касается уже знакомого нам «ортодоксальнейшего марксиста» Северака, то от его теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата за версту несет Каутским, а еще чаще он вообще забывает об этих вопросах как незаслуживающих особого внимания.

К нему всецело приложимы блестящие строки Ленина о Каутском: «Каутский берет из марксизма то, что приемлемо для либералов, для буржуазии (критика средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма вообще и капиталистической демократии в частности), и выкидывает, замалчивает, затушевывает в марксизме то, что неприемлемо для буржуазии (революционное насилие пролетариата против буржуазии для ее уничтожения). Вот почему Каутский и оказывается неизбежно в силу его об'ективного положения, и какова бы ни была его суб'ективная убежденность, лакеем буржуазии».

И для Северака переход из капитализма в социализм произойдет не через насильственную революцию, «но в виде длительного, неизбежного и безличного процесса».

«Мы думаем, что капитализм рухнет во время одного из этих кризисов.

---

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 186.
[2]) Ленин, Государство и революция, т. XXI, стр. 414.

Вы хотите знать, во время какого? Я бы тоже хотел это знать»[1])—тупо острит он. Однако нынешний кризис ему не представляется еще решающим. Капитализм, видите ли, не созрел еще для революции, средние классы еще слишком многочисленны, массы недостаточно пролетаризированы, а главное кризис не так еще глубок, как это кажется, потому что, по глубокому убеждению Северака, все преувеличивают кризис или, вернее, видят его в каком-то преувеличенном виде. Такова уж человеческая природа, что «мы склонны придавать большее значение событиям, которых мы являемся свидетелями или жертвами, чем более отдаленным, почти забытым»[2]).

Северак, как видите, так же мало спешит с революцией, как и его друзья. Куда им в самом деле торопиться? Чем им плохо в капиталистическом обществе даже при этом «преувеличиваемом» по законам человеческой психологии кризисе?

Отсюда вывод: необходимо во что бы то ни стало помешать всяким безрассудным актам рабочих, рассматривающих настоящий кризис как последний кризис капитализма.

Вот это откладывание революции до бесконечно отдаленного будущего, эти уверения 15 лет спустя после победоносной Октябрьской революции, что революция еще не назрела, рассматривание революции в виде какого-то безличного стихийного процесса и сведение к нулю роли в ней сознательного революционного пролетариата и его авангарда — партии — и являются наиболее характерным для этой группы наиболее «ортодоксальных марксистов», приемлющих революцию лишь в виде отдаленнейшей перспективы, туманной дали, для приближения которой никто из них не должен ударить палец о палец.

А пока?.. Самое недвусмысленное, всех оттенков и степеней сотрудничество с буржуазией, от робкого, нерешительного сидения на двух стульях Североков до открытого, вызывающего союза с радикалами Монтаньоном и Деа. Последний подчеркивает, что он даже не видит разницы между радикалами и социалистами ввиду того, что и радикалы, подобно социалистам, «ставят себе задачей бороться против капитализма». Конечно правильнее было бы сказать, что между ними нет разницы ввиду того, что и социалисты, подобно радикалам, не ставят себе задачей борьбу против капитализма, но центр тяжести здесь в том безусловно верном положении, что между ними нет разницы. Эта истина еще более подчеркивается Монтаньоном, который в выше цитированной нами книге ставит себе недоуменный вопрос: в чем разница между ними и радикалами? Может быть разница в вопросах доктрины? Но как слаба доктрина в практическом действии! «Если, как мы доказали, социалистическая партия не есть, не может быть революционной партией, то в чем же наши расхождения?»[3]).

Поистине золотые слова! Не является ли в самом деле чисто декоративная «марксистская» доктрина социалистов слишком ничтожным «расхождением», совершенно теряющимся «в практическом действии», в тесном союзе, родстве душ и сотрудничестве экономическом и политическом с буржуазией, в голосовании военных бюджетов и кредитов, снижении рабочим зарплаты, в поддержке реакционного правительства и т. д. и т. п.

А почтенный профессор Деа даже докатывается до «борьбы против капитализма» в сотрудничестве не только с радикальной мелкой буржуазией, но и с частью крупной буржуазии.

«Мы смеем утверждать, что часть самих предпринимателей так теперь порабощена, что становится возможным сделать из нее союзника в борьбе против капитализма»[4]).

Трудно представить себе лучшую карикатуру на французских социалистов,

---

[1]) Severac, La partie socialiste, ses principes et ses tâches, p. 132.
[2]) Там же, стр. 133.
[3]) Montagnon, Grandeur et servitudes, p. 165.
[4]) Marcel Déat, Perspectives socialistes, p. 61.

чем их собственные писания, чем этот беспомощный детский лепет и пережевывание давно разбитых Марксом псевдореволюционных фраз оппортунистов всех мастей для того только, чтобы дать хоть какое-нибудь прикрытие своей контрреволюционной политике.

Однако если еще несколько лет тому назад эта революционная фразеология могла обмануть наиболее отсталые массы, то теперь это становится все более и более трудным. Сама жизнь на каждом шагу разоблачает обман и предательство социал-фашистов, вскрывает их истинное социальное лицо, их продажное лакейство перед буржуазией, их панический страх перед предстоящей революцией и мощно нарастающим революционным движением, перед этим ярко разгорающимся пламенем, которое они стремятся залить водой своих псевдомарксистских излияний. Отсюда их звериная ненависть к коммунизму и к коммунистам, которые неустанно разоблачают их перед рабочими массами, отнимают у них эти массы.

«У социализма нет худшего врага, чем коммунизм»[1] — заявляет Монтаньон, намечая программу решительных действий против этого заклятого врага.

«Социализм должен сломить хотя бы и силой всякие экстремистские выступления и восстания. Это очень печально, но это так». Лавры Носке и Шейдемана не дают Монтаньону спать. Вот поистине герои, которые сумели дать должный отпор «путчам спартаковцев»[2].

«Чего только ни говорили про Носке и ответственных немецких социалистов его времени! Теперь ясно, что их энергия спасла молодую республику»[3].

Если это было ясно Монтаньону уже 4 года тому назад, то тем яснее это ему теперь, когда «спасенная от коммунистов» «молодая республика» стала наконец на свой истинный гитлеровский путь и из конца в конец оглашается разгулом зверской реакции, воплями и стонами истязуемых в застенках. Правда, немного обидно, что такая продолжительная верноподданническая служба социал-демократии буржуазии не встретила достаточной награды, что в упоении своего торжества гитлеровская реакция даже довольно недвусмысленно дала пинок своему верному лакею, так старательно проложившему ей «путь к власти» (черная неблагодарность!). Но все это в конце концов сводится к временному недоразумению. Милые бранятся, только тешатся! Они помирятся «по размышлении зрелом». Недаром испытанный вождь уже с первых дней гитлеровщины провозгласил: «Пролетарии всех стран, приспособляйтесь!». Нет никакого сомнения, что этому мудрому гласу внемлют не только социал-фашисты Германии, но и их собратья во Франции, начиная с открытых ренегатов и отрицателей революционного марксизма типа Монтаньона, Мока и Деа и до псевдомарксистов, превращающих марксизм в мелкобуржуазную идиллию вроде Компер-Мореля и Леона Блюма, либо отодвигающих пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата в «даль времен». Разница между ними только в оттенках, только в тактике затуманивания рабочего сознания, борьбы за «рабочую душу».

Сущность же одна и та же — предательство интересов рабочего класса и прочный союз с капитализмом.

Вот почему лицемерная комедия чествования памяти Маркса вызывает возмущенный протест революционного пролетариата Франции.

Французская компартия широко использовала великую годовщину для разоблачения социал-фашизма. В ряде статей и брошюр лучшие теоретические силы компартии заостряют в свете марксова учения важнейшие и актуальнейшие вопросы французского рабочего движения.

Теоретический орган партии «Cahiers du bolchevisme» выпустил к 50-летию со дня смерти Маркса специальный номер, а вслед за ним еще ряд номеров,

[1] Montagnon, Grandeur et servitudes, p. 167.
[2] Там же, стр. 168—169.
[3] Там же, стр. 168—169. Разрядка моя. — О. Э.

содержащих ценный материал о Марксе. Особенного внимания заслуживает статья т. Ферра: «Карл Маркс и французское рабочее движение после Коммуны» [1]). В этой статье, как и в статье «К. Marx et l'unitè d'action du proletariat» («Humanite» от 3/III—1933), Ферра заостряет марксистскую линию в тех актуальнейших вопросах (о едином фронте, о борьбе за частичные требования, аграрный вопрос), которые выдвинуты последним пленумом ЦК французской компартии и по которым идет непрерывный бой с социал-предателями всех мастей, как во времена Маркса и Энгельса с поссибилистами, бакунистами и др. Отмечая постоянную злободневность этих вопросов, заостренных еще Марксом и Энгельсом, т. Ферра подчеркивает необходимость возможно скорейшего издания во Франции всего, что написано Марксом и Энгельсом о французском рабочем движении и что наряду с лучшими страницами Ленина и Сталина будет указывать компартии Франции правильный путь в разрешении этих вопросов.

В статье «Карл Маркс и французское рабочее движение» т. Ферра ярко выявляет непосредственное участие Маркса и Энгельса в организации французской рабочей партии, в руководстве ею, в выпрямлении ее оппортунистических искривлений и борьбе с захлестывающими ее революционную сущность мелкобуржуазными течениями. Остановимся кратко на содержании этой статьи. Тов Ферра отмечает, что особенно усиленное внимание уделяют Маркс и Энгельс французскому рабочему движению в период 1880—82 гг. Большие трудности приходилось им преодолевать в этой работе, особенно в деле создания хотя бы небольших руководящих кадров. Лишь в начале 80-х годов им удается создать во Франции руководящее ядро в лице Жюля Гэда и Поля Лафарга. Первые шаги марксизма во Франции наталкиваются на особенное противодействие и шовинистические предубеждения мелкобуржуазной «социалистической» интеллигенции. В письме к Ф. Больте от 23/II 1871 г. Маркс определяет этот период как непрерывную борьбу Генерального совета I интернационала против разных социалистических и полусоциалистических сект. Такими сектами являлись во Франции прудонисты, бланкисты, анархисты бакунинского толка и федерации Юры, с которыми Маркс и Энгельс вели неустанную борьбу. Особенно усиливаются эти течения в период разгрома и упадка рабочего движения после падения Коммуны и I интернационала.

Маркс отмечает возникновение в этот период в различных крупных центрах профессиональных союзов и предвидит их роль переходного этапа к свободному рабочему движению, когда оно станет возможным, что и осуществляется в конце 70-х годов. Марсельский конгресс 1873 г. становится отправным пунктом настоящего марксистского движения во Франции с группой гэдистов во главе.

Маркс оказал огромное влияние на Гэда, бывшего бакуниста, и на Поля Лафарга, на которого он оказывает постоянное воздействие уже с 1865 г. Гэду он диктует знаменитую программу-минимум французской партии. Энгельс характеризует эту программу как «редкий шедевр, дающий в немногих ясных и точных словах убедительнейшую аргументацию для масс».

Программа эта мастерски сочетает борьбу за самые злободневные экономические и политические требования французских рабочих, с борьбой за конечную цель — коммунизм. Она является лучшим образцом национальной программы, несмотря на некоторые уступки Гэду вроде допущения его вставки о «минимальной зарплате, установленной законом». В письме Зорге от 5 ноября 1880 г. Маркс дает следующую оценку этой программы: «Это громадный шаг, выводящий французских рабочих из области туманной фразеологии на реальную почву».

Маркс и Энгельс оказывали французскому движению также и практическую помощь своими указаниями и руководством. Они учили увязывать политические вопросы с повседневной борьбой и требованиями рабочих. В этом отношении

---

[1]) André Ferrat, Karl Marx et le mouvement ouvier français apres la Commune, «Cahiers du bolchevisme», 14 mars, 1933.

особенно характерен «Вопросник», посланный Марксом Бенуа Малону, который представляет исчерпывающую (100 вопросов) анкету для самого детального изучения условий жизни и труда рабочих.

Вожди мирового коммунизма принимали активное и руководящее участие в борьбе молодого марксистского течения против обстрела его справа (оппортунистами-поссибилистами) и слева всякими анархистами и анархиствующими. Это долго затушевывалось вождями II интернационала. Так например Бернштейн, получив от Энгельса серию писем, в которых наряду с критикой некоторых тактических ошибок Гэда и Лафарга подчеркивается необходимость ожесточенной борьбы против оппортунизма Брусса и Малона, опубликовал в 1900 г. в «Mouvement Socialiste» лишь те отрывки, в которых отмечаются второстепенные ошибки Гэда и Лафарга, систематически замалчивая острую критику реформизма в лице Брусса и Малона, которых Энгельс называет «парой дураков из «Пролетария», пронизанных мелкобуржуазным шовинизмом, на примере которых он показывает тесную связь между анархизмом и реформизмом.

В конце 1881 г. Маркс и Энгельс считали еще преждевременным раскол молодой партии ввиду того, что внутрипартийная борьба об'единила бы и укрепила значительные еще в партии оппортунистические элементы группы Брусса и Малона, которые без этой полемики раздирались в спорах друг с другом. Однако, когда предостережения Маркса и Энгельса не обуздали «детской болезни левизны» Гэда и Лафарга, которая повела к преждевременному заострению борьбы, они оба ограничились лишь тем, что отечески пожурили их за тактические ошибки, в то же время целиком одобряя их принципиальную линию.

Маркс в письме к Энгельсу от 15 января 1882 г. говорит по этому поводу: «Наши сторонники, несмотря на все предостережения, основательно влопались в Париже (Serves Lafargue and Guesde right [1]). Так как они, однако, имеют в своих руках два журнала, то они, несмотря на это, могут при известной ловкости удержать за собой поле сражения» [2]).

Защищая целиком позицию гэдистов против поссибилистов, Маркс и Энгельс в то же время горячо полемизируют с Бернштейном по поводу его благосклонного отношения к поссибилистам Малону и Бруссу.

В оценке окончательного раскола партии на С.-Этьенском конгрессе 1882 г. Маркс и Энгельс ярче всего выявляют свою концепцию единства рабочего движения, которое ни в коем случае не должно итти за счет оппортунистических уступок в принципиальной линии, что является основным принципом ленинизма и программы Коминтерна.

В письме к Бебелю от 28 октября 1882 г. Энгельс пишет по этому поводу следующее: «Во Франции произошел давно ожидаемый раскол. Сотрудничество Гэда и Лафарга с Малоном и Бруссом было необходимо в момент организации партии, но ни у меня, ни у Маркса не было иллюзий относительно продолжительности этого сотрудничества. Расхождения принципиальны: нужно ли пролетариату вести классовую борьбу против буржуазии или можно в качестве оппортунистов (на «социалистическом» языке «поссибилистов») отказываться от классового характера движения и от программы всякий раз, когда это может дать голоса сочувствующих (partisans). Малон и Брусс за последнее решение. Они пожертвовали классовым характером, пролетарским характером движения и сделали раскол неизбежным. Тем лучше. Развитие пролетариата везде сопровождается внутренней борьбой, и Франция, где рабочая партия создается впервые, не является исключением. Единство — прекрасная вещь, если оно возможно, но есть другие, еще более важные вещи...» [3]).

---

[1]) Поделом Лафаргу и Гэду.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XXIV, стр. 542.

[3]) Цитировано по статье A. Ferrat, K. Marx et l'unité d'action du proletariat, «Humanite», 3/III 1933.

В то же время Энгельс пишет Бернштейну: «...Неизбежное произошло; непримиримые элементы раскололись. И это хорошо... Очевидно, каждая рабочая партия большой страны может развиваться лишь посредством внутренней борьбы, как это происходит по диалектическим законам эволюции».

Но вместе с тем Маркс и Энгельс подчеркивают необходимость временных соглашений на определенной платформе и для определенной цели между партией революционного пролетариата и другими рабочими и даже мелкобуржуазными партиями.

Напомним, что Маркс в письме к Бракке по поводу Готской программы резко критикует беспринципное слияние эйзенахцев с лассальянцами, расценивая его как недопустимый оппортунизм и указывая вместо него путь соглашения для совместных действий против общего врага.

Эта тактика единого фронта для совместных действий и в то же время резкая критика беспринципного слияния с оппортунистами являются лучшим подтверждением правильности ленинской линии в этом вопросе, линии Коммунистического интернационала и наиболее резким разоблачением французских социал-фашистов, как и социал-предателей всех стран, вступающих в тесный союз с буржуазией и фашистами и отвергающих единый фронт с коммунистами.

Укажем еще на критику Энгельсом уже после смерти Маркса аграрной программы французской рабочей партии [1]), в которой он как бы предвидит уже скатывание гэдизма к оппортунизму. «По такой наклонной плоскости приятно и легко катиться» — говорит он. Особенно осуждает он следующий пункт Нантской программы: «Непременная обязанность рабочей партии — сохранять земельную собственность за землевладельцами, самолично обрабатывающими свою землю».

«Ваша попытка охранять собственность мелкого крестьянина не является охраной его свободы, а наоборот, специальной формой его порабощения» — говорит он. «Она стремится продлить то положение, в котором он не может ни жить, ни умереть» [2]).

Против их утверждения, что роль социализма, мол, не в том, чтобы отделять собственность от труда, а в том, чтобы, наоборот, об'единить в одних руках эти 2 фактора всякого производства, Энгельс возражает: «Роль социализма вообще не в этом; наоборот, она состоит в том, чтобы передать орудия производства коллективному производителю».

Эти слова необходимо почаще вспоминать всем нашим критикам коллективизации сельского хозяйства, авторам правооппортунистических теорий «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства», «равновесия» и др.

Тов. Ферра, разоблачая в своих статьях предательство социал-фашистских теоретиков и вождей II интернационала, замалчивающих революционную тактику Маркса, дает действительную историю интернационального рабочего движения во Франции и показывает огромную роль вождей коммунизма — Маркса и Энгельса в деле организации этого движения, историю их беспощадной борьбы с различными влияниями оппортунизма и анархо-синдикализма во французском социализме. Партийная борьба Маркса и Энгельса за единство революционного фронта на основе принципов научного коммунизма и революционной интернациональной тактики является образцом для той борьбы, которую ведет сейчас III коммунистический интернационал, а в частности братская компартия Франции с врагом коммунизма — современным социал-фашизмом. Широкое ознакомление революционных рабочих Франции с историей борьбы Маркса за организацию подлинной партии коммунистов во Франции должно содействовать скорейшему разоблачению империалистической буржуазной сути современного социал-фашизма, разоблачению единого реакционного фронта социал-фашистов с фашизмом и всеми силами контрреволюции.

---

[1]) «Mouvement Socialiste», 1900, p. 391.
[2]) Там же.

Этому реакционному фронту революционный пролетариат противопоставляет свой боевой интернациональный фронт борьбы за программу и тактику коммунизма, изложенную Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» и развитую дальше на основе богатого опыта борьбы в новейшую эпоху в программе III Коммунистического интернационала.

В передовой статье редакция журнала «C. d. B.» особенно сильно заостряет вопрос на необходимости беспощадной борьбы с идеологией социал-фашизма и на задаче овладения теорией и тактикой большевизма, высоко несущего знамя Маркса.

Автор передовой правильно призывает революционных рабочих Франции брать в качестве примера борьбы за коммунизм ленинскую партию большевиков, «которая научилась побеждать в борьбе экономической и политической, потому что она никогда не пренебрегала борьбой теоретической, потому что она всегда применяла оружие марксистской теории в своей борьбе против реформистов-меньшевиков, так же как и против извращений «левых».

В связи с 50-летием со дня смерти Маркса редакция ставит перед всеми партийными организациями задачу «использовать эту кампанию и сделать 1933 г. годом Маркса». «Во всей стране должны быть организованы элементарные коммунистические школы, курсы, конференции, марксистские кружки. Необходимо широкое распространение произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Особенно необходимо довести до каждого рабочего «Коммунистический манифест» (популярное изд. в 50 сант., выпущено издательским бюро)». Пропаганда марксизма-ленинизма должна быть тесно связана с повседневной работой. Особое внимание должно быть уделено теоретическому органу партии «Cahier du bolchevism», который все больше проникает в массы (за последний год удвоилось количество подписчиков).

Эти задачи уже в значительной мере проводятся в жизнь. За последние годы заметно изживается и преодолевается обычная инертность и беззаботность наших французских товарищей в области теоретической учебы. Быстро развивается «Рабочий университет», организуется ряд партийных школ и курсов. Особенно же в последнее время распространяются популярные издания издательского бюро, из которых следует особо отметить «Марксистско-ленинскую б-ку», серию важнейших произведений Маркса, Энгельса и Ленина. Вышедшие до сих пор выпуски этой библиотечки представляют собой очень удачные маленькие тематические сборники, в которых дается хорошо подобранный, сжатый и доступный материал. Они являются ценным вкладом в марксистско-ленинскую массовую литературу, заостряя перед массовым читателем важнейшие вопросы марксистско-ленинского учения.

Надо надеяться, что эта работа все больше будет развиваться и что годовщина смерти Маркса явится отправным пунктом для углубленного изучения произведений Маркса и Энгельса партийным активом и для широкого распространения их важнейших произведений в рабочих массах.

Идеологической критике современного социал-фашизма посвящена большая статья т. Констана, основные моменты которой мы с достаточной полнотой изложили в этом обзоре.

«Маркс—наш!—заканчивает свою статью т. Констан.—Одни мы, коммунисты, следуем учению и указаниям Маркса! Советский пролетариат под руководством большевистской партии проводит его в жизнь на шестой части земного шара. Мы — единственные наследники Маркса. Коммунистический интернационал—единственный Интернационал Маркса, продолжателями которого явились Ленин и Сталин».

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

14 апреля 1933 г.
г. Стратфорд-на-Авоне (Англия)

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ПЗМ»

Москва

Дорогие товарищи!

№ 9—10 «ПЗМ» за 1932 г. только что дошел до меня, и я хочу высказать свое мнение о короткой статье Л. Дунаевского относительно Первого международного конгресса по психологии религии. Десять лет тому назад я, будучи мелкобуржуазным рабочим, утратившим религию и ощупью двигавшимся к коммунизму, подпал под сильное влияние этого отдела буржуазной мысли и даже и сейчас я еще не закончил свои счеты с ним.

Почему антирелигиозники СССР неглижируют «психологию религии»? В течение 15 лет советский пролетариат вел победоносную борьбу против религии как опиума для народа. Для того, чтобы с успехом вести эту борьбу, издавались в изобилии книги, памфлеты, газеты и журналы, и оружие науки и диалектического материализма с все возрастающим умением использовалось для уничтожения влияния религии на умы народа. Была проделана превосходная работа и имел место ряд весьма важных дискуссий по вопросам о происхождении и развитии религиозных верований, о возникновении христианства, по вопросам истории религии, по вопросам о классовой эксплоататорской роли религии на протяжении столетий, по вопросам о формах и методах антирелигиозной работы. Эта работа имеет огромную ценность для воинствующих атеистов всего мира. Антирелигиозные активисты в капиталистических странах должны без всякого промедления усвоить все, что есть наилучшего в этой работе, и все важнейшие результаты антирелигиозной дискуссии в СССР. Но наиболее тонкое и рафинированное идеологическое оружие, употребляемое нашим классовым врагом в целях борьбы против роста пролетарского атеизма, заключается в так называемой «психологии религии».

В достаточной ли мере понимают этот факт писатели и исследовательские работники Союза воинствующих безбожников СССР? Достаточно ли знают наиболее осведомленные кадры советского СВБ, что в Англии и в САСШ «автономия религиозного опыта» служит быть может более распространенным аргументом в руках духовенства и вообще верующей публики, чем защита чудес или теоретическое доказательство существования бога?

Тридцать лет тому назад «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джемса (Нью-Йорк, 1902 г.) явилось как настоящая «манна небесная» для христианских проповедников после «тревожного» влияния Брадлафа и Ингерсолла, Гексли и Геккеля, и тысячи проповедей базировались на этой книге Джемса. В настоящее время «психология религии» составляет важную часть того, что читается всеми образованными представителями духовенства. Только на прошлой неделе (6 апреля 1933 г.) следующее об'явление появилось на столбцах «Христианского мира», широко распространённого нонконформистского еженедельника, издающегося в Лондоне:

«Прикладная психология и ее отношение к пасторской работе». Шесть лекций и дискуссий для духовенства и нонконформистских священников по понедельникам в 5 час. 30 м. пополудни в Институте медицинской психологии, Лондон, Площадь Торрингтона, 6.

8 мая: «Современное состояние психологии». Лектор—д-р Хадфильд. Председатель—каноник Гренстед.

15 мая: «Идеалы и нормы». Лектор—д-р Леонард Броун. Председатель—епископ Чичестерский.

22 мая: «Ненормальности характера». Лектор—д-р Эдуард Беннет. Председатель—профессор Уэйтерхаус.

29 мая: «Проблемы сексуальной жизни». Лектор—д-р Рис. Председатель—каноник Барри.

12 июня: «Молодежь и социальные неурядицы». Лектор—д-р Грэхэм Хоу. Председатель—епископ Кройдонский.

19 июня: «Лечение душ». Лектор—д-р Хадфильд. Председатель—д-р Герберт Грэй.

Плата за вход на весь курс лекций 10 шиллингов 6 пенсов.

Отдельные лекции—2 шиллинга 6 пенсов. Билеты могут быть получены заранее у почетного секретаря лекций в институте.

Буржуазные свободомыслящие безнадежно упустили задачу борьбы с этим видом религиозной пропаганды. Вот почему я горячо приветствую вышеназванную статью в «ПЗМ». Советские антирелигиозники должны заняться действительно серьезным и систематическим изучением этого аспекта религиозной идеологии и должны вскрыть его пустоту и отсутствие в нем научного содержания.

Расширяйте и углубляйте теоретический базис антирелигиозной работы!

Вовлекайте психологов и психиатров СССР в ряды Союза воинствующих безбожников!

Марксистско-ленинская психология и психиатрия станут могущественнейшим и непобедимым оружием против опиума народа.

С коммунистическим приветом

Р. В. Б—н.

Редакционная коллегия журнала „ПЗМ"

В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман, А. А. Максимов, М. Б. Митин, М. Н. Покровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин

Уполномоченный Главлита № В—56189. Набор сдан 27/V—33 г. Подписан к печати 16—21/VI—33 г. Зак. № 167. Изд. № 167. Тираж 35.000

Типография газеты „Правда". Москва, ул. им. Горького, 48.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1933** ГОД

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ **15-й ГОД ИЗДАНИЯ**

ВЫХОДИТ 3 РАЗА В МЕСЯЦ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»— орган Исполкома Коминтерна —освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** привлекает в 1933 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секции Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый **ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ,** желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, **ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 год:

на 1 мес.— 1 руб. 20 коп.
на 3 мес.— 3 руб. 60 коп.
на 6 мес.— 7 руб. 20 коп.
на 12 мес.—14 руб. 40 коп.

Цена отдельного номера 40 коп.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при партячейках

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

„КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

Руководящий журнал в области культпропработы партии.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

В задачи журнала входит освещение всех вопросов теории и практики культурного строительства и партийной пропаганды.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

Журнал содержит:

1) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных областях социалистического строительства, в частности и в особенности в области культурного строительства; статьи по вопросам революционного движения в странах капитализма, а также по вопросам внутрипартийной жизни;

2) специальные материалы (руководящие статьи, освещение практики работы, обобщение опыта и т. д.), систематически помещаемые по вопросам:

а) марксистско-ленинское воспитание;

б) строительство высшей коммунистической сельскохозяйственной школы;

в) постановка техпропаганды на фабриках и заводах, а также агротехпропаганды;

г) культурно-массовая работа в городе и деревне.

В журнале освещаются также вопросы строительства школы (низшей, средней и высшей), а также вопросы политики партии в области науки и литературы.

Кроме того в журнале помещаются материалы для докладчиков и пропагандистов по пропаганде и раз'яснению решений партийных с'ездов, конференций, пленумов Центрального комитета и пленумов ИККИ, а также постановления ЦК и материалы с'ездов, совещаний по вопросам культпропработы.

Журналом ведется также переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

Журнал рассчитан на культпропработников парторганизаций краевых, областных, районных и на культпропработников низовых парторганизаций в городе и деревне; на пропагандистов, на руководящих работников, преподавателей и студентов высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, на работников в области народного просвещения.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 г.

на 1 мес.— 60 коп.
на 3 мес.—1 р. 80 »
на 6 мес.—3 р. 60 »
на 12 мес.—7 р. 20 »

Цена отдельного номера 60 коп.

Цена 3 руб.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1933** ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

12-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевиствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма; отдел теоретической экономии теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отделы переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1933 ГОД:

на 1 год — 18 руб.
на ½ года — 9 руб.
на 2 мес. — 3 руб.
цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами Союзпечати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.